

Б. Г. Алиев
М.-С. К. Умаханов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ
ДАГЕСТАНА
XVII — нач. XIX в.

ДАГЕСТАН в XVI - первой половине XVII вв. Масштаб 1:2000000

ДАГЕСТАН (вторая половина XVII - начало XIX вв.)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**Б. Г. Алиев
М. - С. К. Умаханов**

**Историческая география
Дагестана
XVII — нач. XIX в.
(Книга I)**

Махачкала 1999

ББК 63.5
А 130
У 90

Редакционная коллегия

А. И. Османов (ответ. редактор), М. М. Гусаев, А. Р. Шихсаидов

Рецензенты:

М. Р. Гасанов — доктор исторических наук, профессор.

Г. А. Гаджиев — доктор исторических наук.

Б. Г. Алиев, М.-С. К. Умаханов

Историческая география Дагестана XVII — нач. XIX в.

Монография является первым исследованием, посвященным исторической географии Дагестана XVII — нач. XIX в. В ней дается общая историко-географическая характеристика Дагестана в целом и историческая география Северного и Среднего Дагестана. Это первая книга. Вторую книгу предполагается посвятить целиком исторической географии Южного Дагестана.

В настоящем издании читатель найдет сведения о физико-географическом положении, территории, границах, населении, его этническом составе, расселении, названиях и численности, основных населенных пунктах, краткой исторической географии хозяйства и историко-политической географии Дагестана в целом, а также феодальных владений и союзов сельских общин Северного и Среднего Дагестана.

Работа рассчитана на специалистов-историков, географов, этнографов, а также аспирантов, студентов и читателей, интересующихся историей дагестанских народов.

Рекомендована к изданию решением Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН от 16 мая 1997 г. № 7.

ISBN 5-297-00534-5

© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1999
© Издательство типографии
ДНЦ РАН, 1999

ВЫПИСКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

от 15 мая 1998 г. № 84

«О плане дополнительных мероприятий по противодействию политическому и религиозному экстремизму в республике».

... 16. Издать подготовленные Институтом истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН монографию «Историческая география Дагестана ...»...

Отв. Ахмедов Б. Г.,
Османов А. И.,
Гусаев М. М.

Авторы книги выражают искреннюю благодарность Председателю Президиума Дагестанского научного центра Российской Академии наук, члену-корреспонденту РАН И. К. Камилову за содействие изданию данного труда.

Авторы книги:

Алиев Багомед Гадаевич — ведущий научный сотрудник Института ИАЭ ДНЦ РАН, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Дагестан.

Умаханов Магомед-Салам Курбанович — ведущий научный сотрудник Института ИАЭ ДНЦ РАН, доктор исторических наук, профессор.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новая работа ученых Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, докторов исторических наук Алиева Б. Г. и Умаханова М.-С. К., многие годы занимающихся проблемами истории феодальных владений и союзов сельских общин, взаимоотношений народов Дагестана, посвящена теме, которая до последних лет оставалась вне поля зрения исследователей. Объяснялось это тем, что раньше в выяснении многих аспектов исторической географии не было особой практической необходимости, поскольку вопросы территориальных границ между союзными, федеративными, республиканскими, автономными, краевыми, областными и районными национальными и территориально-административными образованиями редко возникали, а если и возникали, то решались вышестоящими органами директивным путем.

Обращение к теме исторической географии чисто из научных интересов не всегда поощрялось официальными органами. Делалось это как будто из добрых побуждений, чтобы ненароком не задеть национальные чувства и самолюбие того или иного народа. В результате накапливались нерешенные проблемы, которые со всей силой проявили себя в послеперестроечное время, после распада СССР, приобретения самостоятельности бывшими союзными республиками и образования новых государств, в том числе и на границах с Дагестаном.

Предпринятые в последнее время шаги по установлению южных государственных границ России, раньше обозначенных лишь на карте, а в реальной жизни носивших как бы условный характер, побудили государственные органы обратиться к истории вопроса. Да и национальные движения, выражая интересы своих народов, столкнувшись после установления границ с ранее неиз-

вестными ограничениями в поездках к соседям и оказавшимся в ближайшем зарубежье родственникам, требовали решения этих вопросов, руководствуясь историческим опытом добрососедских отношений.

Идеи суверенизации, всколыхнувшие многие регионы, пробудили повышенное внимание к собственно историческим границам, особенно у той части жителей республики, которые открыто заявили о своих устремлениях к полной самостоятельности и суверенитету. В этой обстановке появились заявления отдельных политиков, публикации околонучных дилетантов, рассчитанные на расширительное толкование исторической территории проживания своих народов и с территориальными претензиями к соседям.

В свете сказанного становится очевидной научная и общественно-политическая значимость исследований, посвященных проблемам исторической географии Дагестана и в целом Кавказа. Подобные исследования снимут многие вопросы, которые чаще возникают по незнанию или под влиянием пропаганды, ведущейся недальновидными политиками как будто в защиту интересов своего народа, но фактически оборачивающейся противопоставлением народов. Научные издания на эту тему будут способствовать выяснению истины, укреплению дружественных, братских отношений, сложившихся между всеми кавказскими народами издревле.

В данной книге основное внимание уделено проблемам исторической географии Северного и Среднего (Центрального) Дагестана в период с XVII до начала XIX в. Читатель может почерпнуть для себя сведения о феодальных владениях и союзах сельских общин Дагестана, их территориях, границах, этническом составе, основных занятиях населения, городах, торговых путях и центрах, политических событиях того времени. Лучшему восприятию работы помогут карты, приведенные в работе, именной, этнический и географический указатели.

Следующую книгу предполагается посвятить исторической географии Южного Дагестана.

Несомненно, монографическое исследование Алиева Б. Г. и Умаханова М.-С. К., основанное на большом фактическом материале и написанное доступным языком, привлечет внимание не только специалистов-историков, географов, но и учителей школ, преподавателей колледжей, общественно-политических деятелей, широкого круга читателей, интересующихся историей.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Что такое историческая география, что это за понятие? К какой области науки относится историческая география? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо прежде всего выяснить, что изучает историческая география, какие вопросы охватывает она. Еще в XVIII в. известный государственный деятель и историк, основоположник русской исторической географии В. Н. Татищев (1683—1750) писал в своем «Предложении о сочинении истории и географии российской»: «Гистории ж всякие хотя действия и времена от слов имеют нам ясны представить, но где, в каком положении или расстоянии, что учинялось, какие природные препятствия к способности тем действиям были, таже, где который народ прежде жил и ныне живет, как древние города ныне именуются и куды перенесены, оное география и сочиненные ландкарты нам изъясняют; и тако, история, или деесказания и летописи, без землеописания (география) совершенно удовольствия к знанию нам подать не могут»¹.

Это первое в отечественной историографии мнение о предмете исторической географии, содержащее перечень вопросов, на которые история без географии не может дать исчерпывающего ответа.

Дальнейшие исследования по исторической географии вносили свои коррективы и дополнения, охватывая все более широкий круг вопросов, относящихся к ней. И это естественно, ибо историческая география, заложенная В. Н. Татищевым, получает дальнейшее развитие в последующие периоды, в особенности во второй половине XIX — начале XX в., когда она начала формироваться как отрасль исторической науки. Наиболее крупными представителями ее были в то время Е. Е. Замысловский, Н. П. Барсов, К. А. Неволин, Н. И. Надеждин, А. Д. Градовский, М. М. Бого-

¹ Попов Н. А. Татищев и его время. Приложения. М., 1861. С. 664.

славский, П. П. Смирнов, Ю. В. Готье, а затем С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, С. М. Середонин, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов и др.

М. К. Любавский к задачам исторической географии относил определение границ, установление местонахождения центров поселений и территории расселения народов с учетом развития их материальной культуры¹. По мнению С. М. Середонина, главным содержанием исторической географии является «определение территории, занятой тем или иным народом»².

В целом в отечественной историографии и в географических работах XVIII—XIX вв. историко-географические проблемы сводились к локализации мест исторических событий, населенных пунктов и других географических объектов, к рассмотрению политико-административного деления, внешних и внутренних границ, изучению географии населения (размещение, происхождение), отсутствовало определение предмета и метода исторической географии.

Представители отечественной исторической географии советского периода, как А. Н. Насонов, В. К. Яцунский, М. Н. Тихомиров, И. А. Голубцов, А. И. Копанев, Л. Г. Бескровный, Л. А. Гольденберг и др. расширили проблематику исторической географии, наметили три основных ее направления: 1) изучение историко-этнической проблемы; 2) историческая география населения эпохи феодализма и капитализма; 3) историческая география поселений и городов.

Каждое из перечисленных направлений охватывает массу вопросов, но все вместе взятые дают понятие исторической географии как одной из отраслей исторической науки. По словам В. К. Яцунского, историческая география — отрасль исторических знаний, изучающая географию исторического прошлого человека. Она распадается на историческую физическую географию, историческую географию населения, историческую географию хозяйства или историческую экономическую географию и историческую политическую географию, т. е. географию внешних и внутренних границ, размещения городов и крепостей, а также исторических событий, т. е. путей военных походов, карто-схем сражений, географию народного движения³. Еще ранее, определяя задачи исторической географии, В. К. Яцунский писал, что они заключаются прежде

¹ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1902. С. 25.

² Середонин С. М. Историческая география. Пг., 1916. С. 1.

³ Советская историческая энциклопедия. М.: Изд. «Сов. энциклопедия», 1965. Т. 6. С. 514.

всего в «локализации на карте географических названий прошлого». Историк-географ должен «определить места, где жили древние народности, местоположение древних городов, мест сражений и других пунктов, связанных с историческими событиями: Wo es eigentlich gewesen? (Где это, собственно, было?...»¹.

Расшифровывая и характеризуя каждое положение, углубляя и шире изучая их, возможно более конкретно показать их приоритетность, значимость в раскрытии исторической географии изучаемого объекта в целом. Поэтому считаем необходимым после таких общих характеристик известных и принятых в отечественной историографии вопросов и задач исторической географии остановиться на наиболее ее важных моментах.

Прежде всего историко-географическое изучение любого объекта необходимо начинать с его локализации и характеристики территории, на которой он расположен, поскольку по своим физико-географическим условиям территории не только различных государств, но даже их частей отличаются друг от друга. Вслед за определением изучаемой территории необходимо дать ее физико-географическую характеристику. Объясняется это важной ролью, которую играет географическая среда в историческом развитии общества. В статье «Опыт исторической географии русского мира» Н. И. Надеждин писал: «Первой страницей истории должна быть географическая ландкарта не только как вспомогательное средство, чтобы знать, где это случилось, но как богатый архив самих документов, источников»². Отмечая важность для развития общества физико-географических условий, Л. А. Гольденберг писал: «Изучение физико-географических и историко-географических показателей всей совокупности природных и антропогенных объектов является непременным условием обоснования наиболее точного датирования»³.

Общеизвестно влияние физико-географических факторов на исторические процессы. Известно также, что практически в масштабах исторических эпох физико-географические факторы не подвергались особым изменениям, не менялись кардинально, в особенности в древности и в средневековье, когда люди еще мало вмешивались и влияли на природу. Но вместе с тем значение физико-географических факторов для условий существования людей

¹ Яцунский В. Предмет и задачи исторической географии // Историк-марксист М., 1941. № 5. С. 5—6.

² Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22.

³ Гольденберг Л. А. К вопросу о картографическом источниковедении // Историческая география России XII—XX вв. М.: Наука, 1975. С. 224.

менялось с ростом производственно-технических возможностей человеческого общества. «Роль одной и той же географической среды на различных этапах развития одной и той же страны может быть различной, — писал В. К. Яцунский. — Географические условия, следовательно, в развитии общества оказываются исторической категорией». Поэтому не учитывать их в историко-географических исследованиях нельзя.

Некоторые ученые (к примеру, В. О. Ключевский¹) даже считают географическую среду решающим фактором исторического развития. Безусловно, невозможно отрицать влияние географического фактора не только на формы хозяйственной деятельности, но и на устройство поселений, жилища, на одежду и даже на психологию человека. Природно-географические условия обуславливают и особенности исторического развития в целом. Особенно ощутимо воздействие природно-географических условий в горных районах.

Как известно, Дагестан является страной, территория которой по географическим особенностям делится на две части, сильно отличающиеся друг от друга.

Большая часть Дагестана (53 процента площади) — это горы. А «горный ландшафт, — по словам С. А. Маретиной, — принадлежит к числу тех видов географического окружения, воздействие которых на этносы является особенно ощутимым... Многие исторические и социальные процессы в условиях гор развиваются особым образом, отличным в ряде признаков от стержневого пути, характерного для большинства народов мира. Повсюду зависимость от природного окружения дает себя знать тем сильнее и непосредственнее, чем ниже уровень развития народа»². Эти слова, сказанные в отношении горных народов Индии, как нельзя лучше подходят и для Дагестана.

Важна и отмеченная ею неоднозначность роли гор в жизни народов, что горы, «с одной стороны, ограждают своих обитателей от внешних вторжений и посягательств, но одновременно изолируют их от регулярных контактов с более развитыми цивилизациями, что и служит одной из причин замедленного характера эволюции общественной жизни»³ у горских народов, у которых

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории // Соч. М.: Мысль, 1987. Т. 1. Ч. 1. Лекция III. С. 63—77; лекция IV. С. 78—89.

² Маретина С. А. Роль географического фактора в общественном развитии горных народов Индии // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ (по этнографическим данным): сб. науч. трудов. Л.: Наука, 1984. С. 199.

³ Там же. С. 202.

в силу историко-географических факторов «историческое развитие шло не по линии создания крупных региональных и политических объединений, а по линии локальной сегментации общества»¹. Словно о Дагестане сказано С. А. Маретиной, что на горные общества, «как правило, не распространялась власть правителей государственных образований, возникавших на равнине, а если эти территории и входили в состав таких образований, то господство последних над горными племенами могло быть только номинальным. И не столько потому, что завоевателям было невозможно туда проникнуть. При всей труднодоступности горных территорий их изоляция, как правило, не была абсолютной, и контакты с ними, хотя и не стабильные, эпизодические, в большинстве случаев существовали»².

Естественно, что без учета природно-географических условий невозможно понять особенности политических структур горцев, их этнического состава, социальной структуры населения и т. д.

Известно, что изучаемая территория ограничена определенными пределами. Поэтому вслед за установлением территории и ее природно-географических условий необходимо установить политические границы исследуемого объекта (государства, владения, союза, общества, населенного пункта), проследить изменения их в процессе исторического развития, в рамках того хронологического периода, отрезка времени, который определен для исследования. Если для изучения берется вся территория страны, то для полного, детального показа как внутренних, так и внешних границ, необходимо давать историко-географическую характеристику ее регионов, а внутри них — владений. Это дает возможность конкретно показать местоположение каждого села, общества, владения, размещение населения по территории, осветить ход важнейших исторических событий, происходивших на ней, дать перечень основных населенных пунктов с указанием их достопримечательностей, выделить интересные географические названия, указать их принадлежность к тому или иному языку, определить какой народ дал эти названия и, следовательно, заселял эту местность как в прошлом, так и в исследуемый период.

К исторической географии относятся и вопросы географии производства и хозяйственных связей. Их исследование тем более важно, что в условиях Дагестана с его различными природно-географическими условиями сложились различные хозяйственные зоны, специализировавшиеся в целом на определенной отрасли

¹ Там же.

² Там же.

хозяйства. При этом речь не идет о подробном изучении хозяйства, а имеется в виду лишь определение основных направлений экономической деятельности населения этих зон.

Следующий вопрос исторической географии — это историко-политический аспект, т. е. изучение форм политического устройства объекта исследования, установление и показ конкретных административных его границ, а также освещение основных политических событий, происходивших в регионе.

Каждый из перечисленных вопросов должен занимать в историко-географическом исследовании соответствующее его значению в раскрытии проблемы в целом место, так как основной задачей исторической географии является «изучение и описание географической стороны исторического процесса, которая должна дать ряд характеристик экономической и политической географии данной страны или территории на соответствующие моменты времени»¹.

В целом же, как это отмечает В. К. Яцунский, «основными элементами названных выше характеристик и описаний должны быть: 1) природный ландшафт данной эпохи, т. е. историческая физическая география; 2) население с точки зрения его народности, размещения и передвижения по территории, т. е. историческая география населения; 3) география производства и хозяйственных связей, т. е. историко-экономическая география; 4) география внешних и внутренних границ, а также внешних политических событий, т. е. историко-политическая география. Все эти элементы должны быть изучены не изолированно, а во взаимной связи и обусловленности»².

Таков основной круг вопросов, входящих в задачу историко-географа. Этими основополагающими принципами и руководствовались авторы при написании данного труда.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

¹ Яцунский В. К. Указ. соч. С. 21.

² Там же. С. 21—22.

instituteofhistory.ru

Глава I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. ЛИТЕРАТУРА.

В отечественной историографии вообще и в дагестановедении, в частности, нет специального труда по исторической географии как Дагестана в целом, так и отдельных его частей, хотя многие вопросы этой проблемы поднимались, изучались и изучаются в наши дни учеными-дагестановедами: историками, этнографами и географами при исследовании Дагестана в целом или отдельных его регионов, политических структур и конкретных вопросов истории, этнографии и географии Дагестана.

Прежде чем приступить к историографии проблемы, наметим основные ее периоды, в рамках которых были написаны и изданы те или иные работы, затрагивающие вопросы исторической географии Дагестана XVII—нач. XIX в. Это XVII—XVIII вв., XIX — нач. XX в., 1917 г. — 40-е годы XX в., 50-е годы, 60—90-е годы. Сразу же отметим, что работы XVII—нач. XIX в. являются для нас не столько собственно исследованиями в полном смысле этого слова, сколько источниками, написанными на основе сведений, собранных их авторами или на местах, или в результате встреч с местными жителями, а также на основе официальных документальных материалов. Поэтому здесь речь идет лишь об общей оценке вклада, который внесли в историографию изучаемой проблемы их авторы.

а) Вопросы исторической географии Дагестана в работах отечественных авторов

Можно сказать, что первым трудом по исторической географии Дагестана является работа И. Гербера, написанная в 1728 г.¹,

¹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 60—124.

где последовательно дается описание частей, владений и народов Дагестана, который он делит на Дагестан, Нижний Дагестан, Лезгистан и Тавлистан, а в составе их дает владения и общества. Кроме того, отдельно даются Кубачи, «Хайтаки» и «Карахайтаки», «курели», аварцы с указанием их территорий, границ, населения, хозяйства и т. д.

В первой трети XVIII в., но особенно в конце этого века, появляется ряд работ, в которых содержатся вопросы исторической географии Дагестана. С них «начинается период научного кавказоведения в противоположность предыдущему периоду, который можно назвать периодом накопления сырого материала и первичной его обработки»¹. По словам известного этнографа М. О. Косвена, это «было началом организованного и систематического изучения Кавказа и его народов», в том числе Дагестана, представленное «в особенности организованными русской Академией Наук экспедициями отдельных ученых, в частности, Гмелина и Гильденштедта»².

В нач. XIX в. была издана работа С. М. Броневского³, являющаяся наиболее полным и по содержанию, и по названию исследованием по исторической географии Кавказа в целом, и Дагестана в частности, основанном на литературных и архивных материалах, а также сведениях, собранных лично автором. В первой части работы имеется раздел «Северная сторона Кавказа», заключающий в себе также «Дагестан» и «Лезгистан». В первом из них освещены шамхальство Тарковское, союзы сельских общин Акуша-Дарго, Дженгутаевское владение, Кайтаг, Табасаран, Дербент, во втором — Аварское владение, Анди, Казикумух, союзы Самурской долины, Джаро-Белоканы, общества Западного Дагестана. Большой интерес представляют сведения о численности населения, которые С. Броневским собраны впервые.

Во второй части работы С. Броневского глава II посвящена Дагестану. В ней автор пишет о названии Дагестана, территории, границах, населении и его занятиях, истории, религии, правлении, воинских силах и характеризует феодальные владения и союзы сельских общин Дагестана.

В конце 20—50-х годов XIX в. появилось много работ по Кавказу. В них затронут и ряд вопросов исторической географии Да-

¹ Зевакин Е. О. Западный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII—XVIII вв. // КСИЭ, 1946. № 1. С. 84.

² Косвен М. О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // КЭС. М., 1955. № 1. С. 289.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2-х частях. М., 1823.

гестана. В 1834—1835 гг. была издана книга П. Зубова¹, который в конце 1829 г. среди 4 офицеров был назначен Паскевичем для описания отдельных местностей Кавказа. Работа, хотя и компилятивная, и содержит ряд недостатков, но, как писал М. О. Косвен, «имеет весьма широкий охват, не только тематический..., но и географический, включая и районы, о которых в ту эпоху имелись самые ограниченные сведения: внутренний Дагестан, Азербайджан...»².

О Дагестане говорится в 3-й части работы в разделе «Кавказские горы», где есть главы: Кумыки, Лезгистан и Дагестан. Для раскрытия нашей проблемы важны его сведения о территории, границах, географическом положении, реках, дорогах, составе владений и союзов, их населении, главных населенных пунктах, системе управления и т. д.

Ценность работы П. Зубова в том, что при ее составлении, как пишет сам автор, имел «собственные местные наблюдения и сведения» и пользовался «всеми источниками при помощи здравой политики».

Почти такой же круг вопросов содержится в работе О. Евецкого³, написанной по официальным документам и материалам работ С. М. Броневского, Ю. Клапрота и т. д. Она содержит краткие, но разносторонние сведения о Дагестане: его географии, провинциях, численности их жителей, «Лезгином» племени и его положении, управлении феодальными владениями и союзами сельских общин.

В 30-х годах XIX в. был издан и «наиболее крупный и серьезный» труд, содержащий историко-географические вопросы, под названием «Обозрение Российских владений за Кавказом...»⁴, выполненный коллективом чиновников Министерства финансов на основе официальных сведений. В первой части работы имеется «Карта Российских владений за Кавказом», составленная поручиком Колоколовым, где под общим названием «Лезгины» указаны феодальные владения, общества и народы Дагестана — всего 35 наименований. Даны в ней также реки, горы, села и указаны границы. В этой же части указано количество домов и жителей ряда владений Дагестана. В четвертой части имеется раздел «О некоторых народах в Дагестане, подвластных Российскому правительству и обложенных данью»,

¹ Зубов П. Картина Кавказского края. В 4-х частях. СПб., 1834—1835.

² Косвен М. О. Указ. соч. С. 306.

³ Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.

⁴ Обозрение Российских владений за Кавказом. В 4-х частях. СПб., 1836.

где даются территории, границы, состав, число жителей «дагестанских провинций», описание шамхальства, Кайтага, Самурского округа, Табасарана, Сюрга, приводится таблица народонаселения. В целом справедливо М. О. Косвен писал, что эта работа «для своего времени представляла капитальную, весьма обстоятельную, весьма добросовестно выполненную работу, дающую ценный, оригинальный, в значительной части новый материал»¹.

Работы 30-х годов XIX в. ближе других хронологически к исследуемой нами проблеме. Поэтому они анализируются здесь более подробно.

Многие работы, изданные и позже, имеют определенное отношение к изучаемой проблеме в рассматриваемых хронологических рамках. Считаю необходимым, хотя бы кратко, остановиться на основных вопросах исторической географии, которые затронуты в этих работах.

В 40-е годы были изданы работы Н. Данилевского² и А. А. Неверовского³. Работа Н. Данилевского содержит много нелепостей и ошибок, что и вызвало критику сразу же после ее издания⁴. Но она содержит описание отдельных владений Дагестана, земель и границ, перечень «главных из горских племен» (в их числе кумыки, аварцы и лезгины), дорог, гор, отдельных рек, Аграхани, занятий населения, языков и т. д. Эти сведения и были использованы нами.

В работе А. А. Неверовского «Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан...» к нашей теме имеют отношение географический очерк, сведения о политических структурах Дагестана, описание народонаселения, языков, религии, управления. Вторая же работа А. А. Неверовского «Краткий исторический взгляд...» — компилятивный очерк истории Дагестана с древних времен до 20-х годов XIX в.

И. Березин в 1849 и 1850 гг. издал книгу «Путешествие по Дагестану и Закавказью»⁵. Первая часть ее содержит описание Тарков, сведения о численности его жителей, ряда дорог, местностей.

¹ Косвен М. О. Указ. соч. С. 307.

² Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846.

³ Неверовский А. А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб., 1847; Его же. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.

⁴ Кавказ. 1848. № 14.

⁵ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2-е дополн. Казань, 1850. Ч. I—II.

Вторая часть работы содержит описание различных мест, владений и народов Дагестана, населения, языков, вероисповедания, управления, частей Дагестана, их границ и т. д. При этом нельзя не отметить пренебрежение автора к горцам и к их истории.

Ряд работ в 50-е годы и позже издал А. Берже¹. Им дается как общая характеристика Дагестана, так и его разных частей, владений и союзов сельских общин, приводятся сведения о территории, границах, пространстве, населении, его занятиях и управлении. В «Кратком обзоре горских племен на Кавказе» дается таблица населения под общим названием «Лезгинское племя». Отдельно освещаются «Нагорный Дагестан», «При-Каспийский край», «Тюркские племена», «Лезгинское племя (Дагестан)», характеризуются феодальные владения и общества Дагестана, языки их населения, дается краткая история, показаны территория, границы, состав политических структур.

Аналогичные, но более краткие историко-географические описания владений и народов Дагестана имеются и в других работах А. Берже².

Из работ 60-х г. XIX в. привлекают внимание труды А. В. Комарова³ — члена Русского географического общества, долго состоявшего на ответственной административной работе на Кавказе и собравшего много историко-географического и этнографического материала, в частности по Дагестану: ценные сведения о владениях и обществах Дагестана, происхождении названий, населении и его численности, занятиях. По ним в какой-то мере можно осветить многие вопросы изучаемой нами проблемы.

В 60-х годах был издан ряд работ по результатам путешествий по Дагестану их авторов. Это «Путевые заметки» видного грузинского историка и археолога П. И. Иосселиани⁴, «Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря» Б. А. Дорна⁵ и «Из путешествия по Дагестану» Н. И. Воронова⁶. В

¹ Берже А. При-Каспийский край // КК на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 275—339. Его же. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858. Тифлис. С. 267—312.

² Берже А. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1858 г. Тифлис, 1857; Его же. Краткий очерк путешествия по Дагестану // Кавказ. 1862. № 1—3; Его же. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879.

³ Комаров А. В. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. Тифлис, 1866; Его же. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Кн. 8. Тифлис, 1873. С. 1—49.

⁴ Иосселиани П. И. Путевые заметки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862.

⁵ Дорн Б. А. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря // ТВОИРАО. СПб., 1864. Т. VIII.

⁶ Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. Отд. VI. С. 1—36; Вып. 3. Отд. III. С. 1—40.

работе П. И. Иоселиани говорится о происхождении горцев, дается описание «Чар», ряда ущельев Джаро-Белоканского союза сельских общин, дагестанских сел, обществ и т. д. Б. А. Дорн пишет о Кубачи, Калакорейше, Маджалисе, еврейской общине последнего. В. И. Воронов проехал в 1867 г. вместе с начальником Кавказского горного управления из Кахетии через Западный Дагестан, был во многих обществах Дагестана и собрал много интересных сведений о дорогах, Дидо, Гидатле, Телетле, Гунибе, Чохе, Согратле, Кумухе, численности их населения, экономическом положении и т. д.

Нельзя не отметить и ряд работ, посвященных феодальным владениям Дагестана и изданных в «Сборнике сведений о кавказских горцах»¹; в них имеется краткая история шамхальства Тарковского, ханств Мехтулинского и Казикумухско-Кюринского: сведения о составе их и населении, владетелях и историко-политической географии.

Ряд интересных работ был издан в указанном «Сборнике» и в 70-е годы. Это статьи: А. Фон-Плотто², где дается география территории Джаро-Белокана, говорится о заселении и образовании здесь дагестанских обществ, их этническом составе; работа И. Линевица³, посвященная султанству Елисуйскому и освещающая такие вопросы, как: образование этого владения, его состав, территория, население. В ней показаны заселение Джаро-Белоканской территории, ее политическая структура, разделение сел по их зависимым отношениям к султану и т. д. В статье В. Вильера де Лиль-Адама⁴ имеется важный для нас топонимический материал, описание даргинских сел, их структуры, названия их частей. Статья Л. Загурского из 9-го выпуска «Сборника»⁵ содержит описание территории, рек, гор и ряда дагестанских сел. А в статье «Статистические сведения о населенных местах Западного Дагестана»⁶ из этого же выпуска говорится о числе жителей, дворов и экономическом быте населения Андийского и Аварского округов.

¹ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. С. 8—79; А. К. Комаров. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2. Отд. IV. С. 1—41; Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2. С. 1—16.

² Фон-Плотто А. И. Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. IV. Отд. I. С. 1—62.

³ Линевиц И. Бывшее Елисуйское султанство // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. Отд. I. С. 1—54.

⁴ Вильер де Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе (Путевые заметки // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8. Отд. 3. С. 1—17.

⁵ Загурский Л. Поездка Г. Беккера по Южному Дагестану // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. Отд. IV. С. 30—51.

⁶ Статистические сведения о населенных местах Западного Дагестана // ССКГ. Вып. 9. Отд. IV. С. 5—29.

Из работ последней трети XIX в. отметим прежде всего капитальный труд акад. Н. Дубровина¹. Книга I тома I посвящена Кавказу. В ней даются общие сведения о Дагестане, его география и гидрография. Отдельные главы посвящены ногайцам, дагестанским горцам, кумыкам, их географическому положению, названиям, численности, вероисповеданию, языкам, занятиям, управлению.

Но работа Н. Дубровина содержит и ряд неточностей. Так, население Даргинского округа он относит к аварскому племени, то же самое он говорит о союзе Сюрга и Кубачи. Он утверждал, что «...дагестанские горцы не могут определить положительной границы между племенами и обществами, и никто не знал с достоверностью, где кончаются владения одного общества и начинаются другого...»².

В изданном в 1871 г. в связи с приездом в Дагестан русского императора путеводителе по Дагестану³ даются география, краткое описание владений и союзов сельских общин Дагестана, количества хозяйств и населения, языков, объяснение названий ряда местностей.

В 1879 г. была издана книга А. А. Зиссермана⁴, содержащая описание ряда сел, языков, феодальных владений, сведения о фамилии феодалов Турловых, их положении и власти.

Русский географ Д. Н. Анучин, будучи в Дагестане в 1882 г., собрал интересный материал о различных селах и местностях, в которых он был сам, и издал его в виде отчета⁵. Автор привел географические сведения, дал описание ряда дагестанских языков, объяснил их происхождение, обратил внимание на вероисповедание различных народов в прошлом, а так же на вопросы историко-экономической и историко-политической географии, дал описание дорог.

В работе М. Владыкина⁶ дается краткий очерк Дагестана, владений, существовавших раньше, описание ряда сел.

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. Кавказ.

² Там же. С. 509.

³ Путеводитель по Дагестану / Составлен для проезда государя Императора от города Петровска чрез Гуниб до границы Терской области в 1871 г. Тифлис, 1871.

⁴ Зиссерман А. А. Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). СПб., 1879.

⁵ Анучин Д. Н. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // ИИРГО. Тифлис, 1884. Т. XX. Вып. 4.

⁶ Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Тифлис, 1885.

В работе Е. Маркова¹, посвященной общему очерку Кавказа, природе и истории, дано описание населения Дагестана, его ландшафта, рек, гор, объяснено название «лезгин», о котором автор пишет, что оно «чуждо самим дагестанцам», имея в виду цезов, кумыков.

В «Путеводителе по Кавказу», составленном Е. Вейденбаумом² по поручению ген.-адъют. князя Дондукова-Корсакова, дано описание Кумыкской низменности, Салатавии, Аварии, владений и обществ Южного Дагестана. В разделе «Очерк этнографии Кавказского края» говорится об этнической разноплеменности, языках, лингвистических группах, происхождении их названий. Отдельно даны даргинские союзы, тюрко-татарские племена, среди которых кумыки и ногайцы.

В работе П. П. Надеждина³ дается как общее описание географии «Дагестанского Кавказа», так и отдельно географических зон (низменности, Нагорного и Верхнего, Среднего и Южного Дагестана), что представляет большой интерес для раскрытия проблем нашего исследования.

Работа Н. Семенова, посвященная народам Северо-Восточного Кавказа⁴, содержит описание географии Кумыкской плоскости — территории, границ, основных сел, языка и этнического состава населения, кварталов ряда сел, связанных с расселением разных этнических групп, занятия населения, образа жизни, быта и культуры кумыков и ногайцев.

Большой круг вопросов освещен в труде В. Потто⁵. Первый том его посвящен периоду с древнейших времен до Ермолова. В нем подняты вопросы о Тюмени, «городе Тарки», походах русских войск в конце XVI — нач. XVII в. в Дагестан, Петровском походе, крепости Святой Крест и ее заселении, Аграхани, Кизляре. Во втором томе, посвященном ермоловскому времени, дается этимология термина «Дагестан», освещены его географическое положение, границы и части. В связи с военными событиями в том или ином владении дается их краткая история с указанием его населения, языка, сел, укреплений и т. д.

¹ Марков Е. Очерки Кавказа. Картины Кавказский жизни, природы и истории. СПб., 1887.

² Вейденбаум Е. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888.

³ Надеждин П. П. Опыт географии Кавказского края. Тула, 1891; Его же. Кавказский край. Природа и люди. Второе совершенно вновь обработанное и дополненное издание. Тула, 1895.

⁴ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

⁵ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. От древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887. Т. 1. Вып. I; Т. 2. Вып. 2. Ермоловское время. СПб., 1887. С. 181—353.

В работах М. Джанашвили, изданных в конце XIX в.¹, говорится о вероисповедании и языке населения Анцуха и Капучи, дается описание Дидоэтии, ее территории, границ и частей, экономических связей с Грузией.

Многие вопросы исторической географии Дагестана XVII — нач. XIX в. затронуты в работах Е. И. Козубского². Они касаются истории края, его территории, границ, частей, владений, обществ и их союзов, населения, его этнического состава, численности и количества хозяйств, языков, вероисповедания, занятий, управления и т. д.

В 1901 г. была издана работа П. Гидулянова³. И в ней затронуты вопросы исторической географии: владения и союзы, их территория и границы, население, расселение племенных групп и их происхождение, языки, историко-экономические аспекты и т. д.

Имеют отношение к исторической географии и работы К. Ф. Гана. В одной из них, посвященной путешествию в Кахетию и Дагестан⁴, дано описание Закаталы и султанства Елисуйского, освещено их возникновение, происхождение султанов, содержится описание их сел, а также сел Дагестана, его народов, языков, объяснена этимология названия «лакцы», дано описание отдельных рек. Более интересна и как исследование, и как хороший источник по исторической географии, другая работа К. Ф. Гана⁵, посвященная названиям городов, сел, местностей, рек, обществ, имеющих прямое отношение к теме нашего исследования.

Работы А. М. Дирра в основном посвящены названиям и языкам народов Дагестан. В частности, в работе «Современные на-

¹ Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII. Тифлис, 1897. С. 1—196; Его же. Известия грузинских летописей и историков о Херсонии, Гогены, Осетии, Хазарии, Дидоэтии и России // СМОМПК. Тифлис, 1899. Вып. XXVI.

² Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895; Его же. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. I; 1904. Вып. II; Его же. Очерки истории города Темир-Хан-Шура // Там же, С. 136—198; Его же. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906; Его же. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909.

³ Гидулянов П. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане // Этнографическое обозрение. 1901. № 1, С. 1—34; № 2. С. 50—92; № 3. С. 67—108.

⁴ Ган К. Ф. Путешествие в Кахетию и Дагестан (летом 1898 г.) // СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. 31. Отд. II. С. 49—96.

⁵ Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отд. I. С. 1—164.

звания кавказских племен» даются названия дагестанских народов¹.

Академик В. В. Бартольд посвятил ряд работ различным аспектам истории Дагестана², в которых затрагивает и историко-географические вопросы. Среди них: территория и границы Дагестана, происхождение названий Дагестан, Таулистан, Дербент, «Гумик», дагестанских народов (кайтаки, кумыки, кубачинцы), титулов феодальных владетелей «шамхал», «майсум» и «уцмий», расселение евреев в Дагестане, краткая политическая история.

Местная историография проблемы представлена работами А.-К. Бакиханова, Д.-М. Шихалиева, Хамзаева, Г.-Э. Алкадари, Г.-М. Амирова, Д. Бутаева, Б. Далгат, С. И. Габиева.

Начнем анализ их с работ А.-К. Бакиханова «Гюлистан — Ирам»³, написанной в 1841 г. на персидском языке и переведенной на русский язык в 1844 г. Первоначально сочинение А.-К. Бакиханова называлось «История Дагестана», затем оно было известно под разными названиями, но целиком издано было лишь в 1926 г. Акад. АН Аз. ССР З. М. Буниятов в 1991 г. издал работу по автографу А.-К. Бакиханова, хранящемуся в Институте рукописей АН Грузии. По насыщенности материала по истории Ширвана и Дагестана нет равных этой работе трудов, написанных в то время. В ней содержатся сведения о территории и частях Дагестана, его владениях, происхождении названий Башлы, Кумух, Кайтаг и др., жителей многих сел и языков дагестанских народов, данные по политической истории изучаемого периода, об образовании политических структур, о внутреннем и внешнеполитическом положении Дагестана в целом, а также владений и обществ и т. д.

Примерно в это же время в газете «Кавказ» была напечатана работа Д.-М. Шихалиева о кумыках⁴, где дается материал по исторической географии Засулакской Кумыкии: территория, этимология ряда населенных пунктов, история отдельных народов (гуены и тюмени), происхождение качкальков, ауховцев, кумыков, термина шамхал, кумыкских князей, расселение кумыков и основание аулов, частей (кварталов) Эндирея, Аксяя и Костека.

¹ Дирр А. М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. Отд. III. С. 1—38.

² Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. М.: Наука, 1963. Т. II. Ч. 1; Его же. К истории Дербента // Там же; Его же. Дагестан // Соч. М.: Наука, 1965. Т. III; Его же. К вопросу о происхождении кайтагов // Соч. М.: Наука, 1968. Т. V.

³ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991.

⁴ Рассказ кумыка о кумыках // Кавказ, 1848. № 39, 40, 44. Отдельной книгой издана С. Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993.

В статье Г.-М. Амирова (издана в 1873 г.)¹ имеются историко-географические сведения об урахинцах: их территории, землях, ряде сел, местностях, границах с соседними селами и т. д.

В конце XIX в. (1891 г.) была написана книга Г.-Э. Алкадари «Асари Дагестан», изданная на русском языке в 1929 г.² и переизданная в 1994 г. Она содержит конкретные сведения по исторической географии Дагестана: название «Дагестан», границы и части Дагестана, их состав, народы, магалы, количество сел, численность населения, языки, история образования Эндирейского владения Султан-Мута, политическая история. Это в целом история Дагестана, основанная на арабских, персидских и турецких источниках.

В работе С. И. Габиева «Лаки»³ освещена историческая география Лакии: географическое положение, ландшафт, расположение аулов, расширение территории владения, название «лаки» и страны «Лакрал-кану», политические события, начиная с переезда шамхалов в Тарки, правление халклавчи и ханов, период Надир-шаха и походов в Дагестан русских войск, описание Кумуха, география хозяйства.

В работах Д. Б. Бутаева⁴, написанных и изданных в конце XIX — нач. XX в., содержатся сведения по исторической географии Лакии и ряда других территорий Дагестана.

Из приведенного материала наглядно видно, что, хотя в отечественной историографии XVIII — нач. XX в. и не было специального исследования по исторической географии Дагестана XVII — нач. XIX в., многие авторы в своих работах, посвященных иным проблемам истории Дагестана, останавливались и на вопросах исторической географии. Их сведения и были широко использованы при написании данной работы.

Работы советских исследователей, в которых изучаются вопросы исторической географии, можно разделить на изданные до 40-х годов, в 50-е годы и 60—90-е годы. По тематике эти

¹ Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (Из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. Отд. 3. С. 1—77.

² Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан. (Исторические сведения о Дагестане) // Пер. и прим. А. Гасанова (Алкадари). Махачкала: Юпитер, 1994.

³ Габиев С. И. Лаки. Их прошлое и быт // СМОМПК. Тифлис, 1906.

⁴ Бутаев Д. Б. Казикумухский округ // Новое обозрение, 1890. № 2159; Его же. Казикумух // Новое обозрение, 1891. № 2756; Его же. Дорога из Кумуха в Гуниб через Чох // ИКОИРГО. 1915. Т. 23. № 3; Его же. Дагестан. Дагестанские народности, их языки, занятия, численность, местонахождение // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 8; Его же. «Лезгин», «Уздень» // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 74; Его же. Нагорный Дагестан // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26.

работы можно разделить: на исторические, географические и этнографические.

В первый период было издано несколько работ, затрагивающих интересующие нас вопросы. Хронологически первой была работа по географии Дагестана Б. Ф. Добрынина¹, где, кроме чисто географических вопросов, имеется и краткая историческая часть под названием «Исторические судьбы Дагестана», в которой говорится о народах Дагестана и их происхождении.

Работа Б. К. Маллачиханова «О прошлом Аварии»² содержит топонимический материал, объяснение терминов «авар», «ярус», «нуцал», «та-нуса».

В 1934 г. вышла работа, посвященная Джаро-Белокаанскому союзу³. В ней дается история образования союза, описание территории расселения аварцев и цахуров, этимология ряда народов и населенных пунктов, показаны политическое положение и роль, которую играло Джарское общество в Закавказье.

В 20—40-е годы ученые центральных научных учреждений Е. М. Шиллинг, Л. Б. Панек, К. Г. Данилина провели этнографические исследования андийцев, цезов, дидойцев, арчинцев, лакцев, агулов, цахуров, рутульцев, табасаранцев, даргинцев, кубачинцев, кайтагцев, в которых отмечены территория этих народов и их союзов, их расселение, названия и самоназвания. Материалы этих исследований, долгие годы хранившиеся в Рукописном фонде Института ИАЭ, были изданы в 1996 г.⁴ В 1949 г. Е. М. Шиллинг издал монографию, посвященную кубачинцам. В ней затронут ряд интересных вопросов по исторической географии Кубачи: названия и самоназвания кубачинцев, их происхождение, язык и распространность его в других селах, названия ряда урочищ и т. д. Интересна мысль автора «о значительно большей численности и территории в прошлом «народа ургбук...»⁵.

Последующий период характерен изданием ряда крупных работ по истории, географии и этнографии Дагестана, в которых изучается большой круг вопросов исторической географии. Это прежде всего работы Р. М. Магомедова и Х.-М. О. Хашаева, по-

¹ Добрынин Б. Ф. География Дагестанской С. С. Республики. Махачкала, 1926.

² Маллачиханов Б. О прошлом Аварии (к материалам истории Нагорного Дагестана). Махачкала, 1928.

³ Петрушевский И. П. Джаро-Белокаанские вольные общества в первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934.

⁴ Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996.

⁵ Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.: Л., 1949.

священные общественно-экономическому строю Дагестана. В монографии Р. М. Магомедова, изданной в 1957 г.¹, рассматриваются политические образования Дагестана, этнический состав их населения, военное устройство и другие аспекты. Практически эти же вопросы исторической географии с охватом всех регионов, политических структур и народов Дагестана даются в работах Р. М. Магомедова, изданных и в 60-е годы². В монографическом исследовании Х.-М. О. Хашаева большое место отведено описанию природных условий, территории и границ дагестанских владений, этнических групп, их расселения, численности, языков и других вопросов³.

В историко-этнографическом исследовании «Кумыки» С. Ш. Гаджиевой⁴ впервые компактно и подробно рассматриваются вопросы о территории, численности, расселении кумыков.

В работах этих исследователей много места уделено вопросам историко-экономической и историко-политической географии.

В 50—60-е годы было издано много работ как общегеографического характера, так и посвященных отдельным вопросам географии⁵. Содержащийся в них материал по территориям, границам, ландшафту отдельных частей Дагестана и их природно-географическим условиям использован нами.

Среди исторических работ 60-х годов в первую очередь необходимо отметить монографию Е. Н. Кушевой⁶, в которой содержатся интересные наблюдения по политической карте Дагестана начала XVII в., о его народах и т. д.

¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала, 1957.

² Магомедов Р. М. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961; Его же. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968.

³ Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

⁴ Гаджиева С. Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961.

⁵ Гюль К. К. Физическая география Дагестанской АССР / Под ред. М. А. Кашкина. Махачкала, 1957; Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микучи И. И., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР. Махачкала, 1958; Викторов А. Ф. и др. Дагестанская АССР: Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала, 1958; Гюль К. К., Власова С. Кисин И. М., Тергеров А. А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959; Они же. Природа Дагестана: Очерки. Махачкала, 1959; Гюль К. К. Реки Дагестанской АССР. Махачкала, 1961; Гиммельрейх В. А. География Дагестанской АССР: учебное пособие для VIII кл. дагестанской школы. Махачкала, 1963; Его же. География Дагестанской АССР. Махачкала, 1967.

⁶ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI — XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Много вопросов исторической географии Южного Дагестана освещает совместная работа Х. Х. Рамазанова и А. Р. Шихсаидова, посвященная истории Южного Дагестана¹: физико-географические условия, территория, границы владений, их состав, села и их кварталы, этнический состав и расселение народов лезгинской группы, их языки, занятия и политическое устройство.

В работе В. Г. Гаджиева² имеется глава о социально-экономическом и политическом строе Дагестана накануне его присоединения к России, где кратко говорится о его географическом положении, феодальных владениях и союзах сельских общин, этническом составе и численности населения.

1967 год явился годом подведения итогов историко-этнографических исследований по аварцам, даргинцам, народам Южного Дагестана. Это работы дагестанских этнографов С. Ш. Гаджиевой, М. О. Османова, А. Г. Пашаевой, М. М. Ихилова, А. И. Исламмагомедова, С. С. Агашириновой, М. А. Агларова, С. Х. Асиятилова³. В главах, посвященных историко-географическим вопросам изучаемых народов, описаны территория, природные условия, население, его расселение и языки, особенности различных природно-хозяйственных зон, география хозяйства, этногенез народов.

В 50—60-е годы были изданы две обобщающие работы по истории Дагестана⁴. В «Очерках истории Дагестана» содержатся краткие сведения о политическом устройстве и организации управления Дагестаном на различных этапах его исторического развития. В «Истории Дагестана», кроме характеристики владений и союзов сельских общин, дается этнический состав и количество населения, его расселение, территория, границы, языки, названия, самоназвания, историко-экономическая и историко-политическая география. Дан здесь и ряд карт.

В 70-е годы было издано много работ по истории и этнографии Дагестана, которые также освещают вопросы исторической гео-

графии изучаемого периода. В работе Г. Д. Даниялова¹ очерчены границы земель феодальных владений и союзов сельских общин. В 1971 и в 1975 гг. вышли две работы Р. М. Магомедова под одним названием «Дагестан»². В первом выпуске показаны этнические группы, говорится о происхождении названия «Лезгинистан», а во втором — есть параграф, посвященный названию «Дагестан».

В монографиях Б. Г. Алиева, Ш. М. Ахмедова, М.-С. К. Умаханова³ изучаются феодальные владения и союзы сельских общин, границы их территорий, население и этнический состав, воинские силы, хозяйство и политическая география.

В 1975 г. вышла монография А. Р. Шихсаидова⁴. Хотя она и посвящена X—XIV вв., но представляет интерес и для нашего исследования, так как в ней затрагиваются вопросы исторической географии, связанные с территорией, занимаемой в прошлом феодальными владениями и союзами сельских общин, их возникновением, локализацией и т. д.

Интересна небольшая по объему статья Л. И. Лаврова о Кавказской Тюмени⁵. В ней говорится о территории, границах, этническом составе населения этого владения и его расселении, столице, политической истории, прекращении существования Тюмени как владения и расселении тюменцев среди кумыков.

Вопросам исторической географии Западного Дагестана посвящен ряд работ Д. М. Магомедова⁶. В них дается описание территории и границ дидойцев, их расселение, объяснено происхождение названия «Дидо», указаны его первоначальный состав и распад как крупного военно-политического союза, расположение сел, затронуты вопросы хозяйства.

Историко-географические сведения о территории, занимаемой

¹ Даниялов Г. Д. Классовая борьба в Дагестане во второй половине XIX — начале XX вв. Махачкала, 1970.

² Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. Вып. I; 1975. Вып. 2.

³ Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С. К. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970; Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Очерк социально-политической истории. Махачкала, 1972; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973.

⁴ Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XIV вв.: Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975.

⁵ Лавров Л. И. Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1975. С. 163—175.

⁶ Магомедов Д. М. Исторические сведения о дидойцах // ВИД (досов. период.). Махачкала, 1975. Вып. II. С. 95—110; Е го же. Занятия населения Дидо в XVIII — нач. XIX вв. // ВИД. Махачкала, 1975. Вып. III. С. 215—242.

¹ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. (Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в.). Махачкала, 1964.

² Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.

³ Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; Ихиллов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967; Асиятилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX — первая половина XX вв.). Махачкала, 1967.

⁴ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I; История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I; 1968. Т. 2.

Табасараном, его границах, природных условиях, особенностях различных частей, составе, количестве сел и населении содержит изданная в 1978 г. работа М. Р. Гасанова¹.

Из исторических работ, изданных в этот период, особо хочется отметить монографию В. Г. Гаджиева, посвященную историографическому анализу сочинения И. Гербера². Это наиболее крупная работа, охватившая большой круг вопросов исторической географии Дагестана как исследуемого, так и других периодов. Автор подробно изучает все регионы и политические структуры Дагестана, показывает их расположение, территорию, границы, этимологию названий, население, его этнический состав и численность, основные населенные пункты, их местонахождение и происхождение названий.

Из этнографических работ этого периода укажем «Лакцы» А. Г. Булатовой³, коллективный труд «Агулы»⁴, монографию С. С. Агашириновой, посвященную лезгинам⁵, и работы Н. Г. Волковой⁶. Первые из них затрагивают те же вопросы исторической географии по лакцам, агулам и лезгинам, которые освещены по другим народам Дагестана в указанных выше этнографических работах дагестанских ученых.

Работы же Н. Г. Волковой посвящены этнонимам, племенным названиям и этническому составу населения Северного Кавказа. В первой из них даются название и самоназвание «Дидо» и дидойцы, содержатся сведения о караногайцах, этнических группах и составе, названиях других народов Дагестана. Во второй книге интерес для нас представляет вопрос о русском населении на Северном Кавказе, в особенности в Чечне.

В 80-е годы был издан ряд работ, освещающих вопросы исторической географии. В первую очередь привлекает внимание монография С. Ш. Гаджиевой «Одежда народов Дагестана. XIX — начало XX в.»⁷. В ней содержится интересный материал по

¹ Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII — нач. XIX вв. Махачкала, 1978.

² Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.

³ Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971.

⁴ Агулы. Махачкала, 1975.

⁵ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX — нач. XX в. М.: Наука, 1978.

⁶ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973; Е е же. Этнический состав населения Северного Кавказа. М.: Наука, 1974.

⁷ Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана. XIX — начало XX в. М., 1981.

составу даргинских и аваро-андо-цезских союзов сельских общин как самостоятельных, так и находившихся в составе феодальных владений. Среди работ 80-х годов укажем и статью М. А. Агларова, в которой он останавливается на вопросах территории союзов сельских общин горного Дагестана, аулов, владений, способах обозначения и охраны границ, решения территориальных споров¹.

В монографии Д. С. Васильева по истории низовьев Терека² интерес представляет материал о русских переселенцах и их поселениях, об истории образования Кизляра, казачьей и крестьянской колонизации низовьев Терека в XVIII — первой половине XIX в., о русских крепостях на Северном Кавказе, их населении, этническом составе и расселении, названиях частей и кварталов Кизляра.

В 1988 г. вышли в свет монографии М. А. Агларова³ и Я. З. Ахмадова⁴, а также коллективный обобщающий труд по истории народов Северного Кавказа⁵. В книге М. А. Агларова выделен специальный раздел «Вопросы расселения и исторической демографии», в котором территория рассматривается как географическая категория, как владение и жизненное пространство. Историко-экономическая география при этом проявляется при изучении хозяйства как экономической основы общины; в ней даются также историко-политическая география, структура власти и характеризуются формы самоуправления, структура общины, правители и т. д.

В монографии Я. З. Ахмадова основное внимание уделено вопросам историко-политической географии Северного Кавказа XVI—XVII вв., в связи с чем дано описание различных политических структур Дагестана, территорий ряда из них, ставится вопрос о роли чеченцев в политической жизни региона. В работе дана политическая карта Северного Кавказа.

В первом томе «Истории народов Северного Кавказа» в раз-

¹ Агларов М. А. Территории сельских обществ и их союзов Горного Дагестана в XV—XIX вв. (Способы обозначения границ, право на владение, иммунитет) // Союзы сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX в. Махачкала, 1981, С. 83—99.

² Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. (Досоветский период). Махачкала, 1986.

³ Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М.: Наука, 1988.

⁴ Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI — XVII вв. Грозный, 1988.

⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988; История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. М.: Наука, 1988.

деле III главы XI имеется параграф «Этническая карта Северного Кавказа в XVI—XVII вв.», где показано расселение ногайцев, тюменцев, аккинцев, цахур. В разделе, посвященном XVIII в., в параграфе «Территория и население» также указаны дагестанские народы, говорится о переселении на Северный Кавказ русских, украинцев, армян, грузин и др. народов, о городах Дагестана Кизляр, Дербент, Тарки, Эндирей, Кумух, Хунзах и др. Во втором томе «Истории» в главе II, в параграфе I, посвященном населению Северного Кавказа первой половины XIX в., говорится о территории, расселении и численности народов. Дана здесь и карта.

В 90-е годы были изданы работы Т. М. Айтберова¹, Р. Г. Маршаева и Б. Бутаева², А. А. Адилсултанова³, М. Р. Гасанова⁴, Р. М. Магомедова и А. Р. Магомедова⁵. Работа Т. М. Айтберова «Древний Хунзах и хунзахцы» содержит ряд интересных материалов по исторической географии Хунзаха и Аварского ханства — территории, границах, расселении населения, количестве дворов Хунзаха, местных географических названиях, политической структуре. В работе Р. Маршаева и Б. Бутаева описаны кратко территория и границы лакцев, их расселение, название, вопросы исторической географии шамхальства Казикумухского, внешнеполитическая деятельность Чолак-Сурхая и расширение территории Казикумухского ханства, вопросы хозяйства и историко-политической географии.

А. А. Адилсултанов излагает свою тенденциозную, не подкрепленную фактическими данными, версию о принадлежности в XVI—XVIII вв. Терско-Сулакского междуречья аккинцам. Автор пишет также о территории и населении среднего и нижнего течения Аксая, его расселении и останавливается на вопросах географии хозяйства.

«Очерки истории Табасарана» М. Р. Гасанова представляют новое расширенное и дополненное издание его работы «Из истории Табасарана XVIII—нач. XIX вв.», опубликованной им в 1978 г. Помимо имеющих в вышеназванной его работе вопросов, в «Очерках...» много нового и интересного материала о составе и названиях союзов сельских общин, происхождении названия Табасаран. Представляет интерес приложенная в конце работы карта Табасарана XVIII — нач. XIX в.

¹ Айтберов Т. М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990.

² Маршаев Р. Г., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991.

³ Адилсултанов А. А. Акки и аккинцы в XVI—XVIII веках. Грозный, 1992.

⁴ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.

⁵ Магомедов Р. М., Магомедов А. Р. История Дагестана. Махачкала, 1994.

В «Истории Дагестана» Р. М. и А. Р. Магомедовых освещаются вопросы о феодальных владениях и союзах сельских общин Дагестана в различные века, численности и составе населения, основных населенных пунктах, о названии Дагестан, историко-экономических и политических аспектах.

В 90-е годы издан ряд историко-этнографических работ по различным народам Дагестана. Это прежде всего монография С. Ш. Гаджиевой о терекеменцах¹, где исследуются название и самоназвание терекеменцев, их территория и расселение, села их проживания, история формирования терекеменцев, переселение их части на Терско-Сулакскую низменность, показан процесс этнического развития терекеменцев, охарактеризован их язык. В 1990 г. в издательстве «Наука» вышла крупная монография М.-З. О. Османова, посвященная формам традиционного скотоводства народов Дагестана². В ней интерес для нашей темы представляют вопросы, связанные как с природными и историческими условиями развития скотоводства, так и сами формы скотоводства, как одной из ведущих отраслей хозяйства горцев.

В 1992 г. вышла работа Б. М. Алимовой о табасаранцах³, а в следующем году — совместная работа ее и Д. М. Магомедова «Ботлихцы»⁴ и работа М. М. Гусейнова «Бацада»⁵, в 1995 г. М. К. Мусаевой «Хваршины. XIX—начало XX в.»⁶. В 1995 г. были изданы и две работы по союзам сельских общин, написанные на основе кандидатских диссертаций. Это «Цудахария» А. Г. Мансуровой⁷ и «Салатавия» Ш. М. Мансурова⁸.

Интересные сведения по ряду вопросов данного исследования содержит и труд В. Г. Гаджиева о разгроме Надир-шаха в Дагестане⁹. Каждая из этих работ имеет сведения о территории,

¹ Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекеменцы XIX—нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. М., 1990.

² Османов М.-З. О. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX — начале XX в. М., 1990.

³ Алимова Б. М. Табасаранцы. XIX — нач. XX вв.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1992.

⁴ Алимова Б. М., Магомедов Д. М. Ботлихцы. XIX — нач. XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993.

⁵ Гусейнов М. М. Бацада: Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1993.

⁶ Мусаева М. К. Хваршины. XIX — начало XX в. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1995.

⁷ Мансурова А. Г. Цудахария. (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII — первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.

⁸ Мансуров Ш. М. Салатавия. (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII — первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.

⁹ Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996.

границах, населении, названиях и самоназваниях, расселении, количестве жителей и населенных пунктах, историко-экономической и историко-политической географии изучаемых народов Дагестана.

Большой интерес для нашего исследования представляет монография М. О. Османова «Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана»¹, изданная в 1996 г. Глава II этой работы целиком посвящена природно-географическим условиям Дагестана, а в главе III освещается географическая среда. Имеют отношение к нашей теме и вопросы, связанные с основными отраслями хозяйства (земледелие и скотоводство), а также домашними промыслами и торговлей.

Историко-географические вопросы поднимаются во многих работах членов дагестанского филиала географического общества. Как правило, это тезисы докладов конференций, посвященных итогам географических исследований в Дагестане². Суммируя и обобщая их, отметим, что в них изучаются вопросы, связанные с ландшафтом, природно-географическими особенностями различных регионов, территорией и границами владений и обществ Дагестана, с локализацией того или иного народа, даются местные географические названия (топонимика), названия сел, владений и народов, тухумов, сведения о дорогах и торговых путях, затрагивается география этнических групп народов Дагестана и их языков и т. д.

б) Труды на иностранных языках

Вопросы исторической географии поднимались и в работах, изданных на иностранных (немецком, английском и французском) языках в XVII—XIX вв.³. В них практически поднимаются те же

¹ Османов М. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1996.

² Тезисы докладов конференции, посвященной итогам географических исследований в Дагестане. Махачкала, 1985; октябрь, 1986; 1989; 1992. Вып. XX; 1993. Вып. XXI; Труды географического общества Дагестана. Махачкала, 1995. Вып. XXIII.

³ Hanway D. A historical account of the British trade over the Caspian Sea. London, 1762. VI. 2; Ellis G. Memoir of a map of the countries comprehended between the Black Sea and the Caspian, with an account of the Caucasian nations and vocabularies of their languages. London: Edwards, 1788; Wahl G. Altes und neues Vorder und Mittel — Asien, oder pragmatisch-geographische, physische und statistische Schilderung und Geschichte der Persischen Reichs. Leipzig, 1795; Reineggs I. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha: Spg., 1796—1797; Bieberstein M. Beschreibung der Länder zwischen den Flüssen Terek und Kur am Caspischen Meere. Frankfurt a. M., 1800; Rommell C.

вопросы, на которых останавливались и отечественные авторы, и ряд из них носит компилятивный характер. Но каждая из них имеет что-то и свое особенное. Поэтому необходимо, хотя бы кратко, остановиться на наиболее интересных из них. Но прежде следует отметить, что во многих случаях сведения этих работ, не говоря уже о трудах, изданных в более раннее время, анализ которых будет дан при характеристике источников, являются источниками по исторической географии Дагестана. Отметим также, что отдельные извлечения из ряда работ авторов в XIX в. были изданы в различных периодических изданиях, как «Северный архив», «Библиотека для чтения», «Журнал Министерства народного просвещения», «Сын отечества» и др.

Наибольший интерес среди иностранных изданий представляют работы И. Эллиса, М. Биберштейна, Я. Потоцкого, Ю. Клапрота, К. Коха, Ф. Боденштедта, Р. Эркерта.

Работа И. Эллиса, написанная, по его словам, на основе трудов предшественников (И. А. Гильденштедта, Я. Рейнеггса, Палласа и др.), в 1809 г. была издана в переводе Ф. Шишкевича¹. По

Die Völker des Caucasus nach den Berichten der Reisebeschreiber. Nebst einem Anhang zur Geschichte der Caucasus. Weimar, 1809; Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle und Berlin, 1814; **еро же.** Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere. Berlin, 1814; **еро же.** Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. Weimar, 1814; **еро же.** Tableau historique géographique, ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. Paris: Leipzig, 1827; Die Lesgier ein Kaukasus Volk // Neue Allgemeine Geographische und Statistische Ephemeriden. Bd. 15. Weimar, 1825. S. 238—240; **Gamba G.** Voyage dans la Russie meridionale et particulièrement dans les provinces situees au-de la du Caucase, fait depuis 1820 jausq'en 1824; Deuxieme edition. Paris, 1826; **Potocki I.** Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Histoire primitive des peuples qui ont habite anterieurement ces contrees. Nouveau periple du Pont-Euxin. Par le comte Jean Potocki. Ouvrages publies et accompagnes de notes et de tables par M. Klaproth. Paris, 1829 (имеется рус. пер. 1850 г.); **Eichwald E.** Reise auf dem Caspischen Meere und in den Caucasus. Unternommen in den Jahren 1825—1826. Stuttgart: Tübingen, 1834. Bd. I; **Koch K.** Peise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Stuttgart und Tübingen, 1843; **еро же.** Peise in Grusien, am Kaspischen Meere und in Kaukasus. Weimar, 1847; **Bodenstädt (F).** Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Frankfurt a. M., 1845; **Cunynghame A.** Travels in the Eastern Caucasus, on the Caspian and Black seas, especially in Daghestan, and on the frontiers of Persia and Turkey, during the summer of 1871. London, 1872; **Erkert R.** Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887.

¹ Историкогеографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие подробные описания живущих в оных народах, достопамятности древнего и нынешнего трех земель местоописания. С приложением двух географических карт / Пер. с франц. СПб., 1810.

теме нашего исследования в работе имеются сведения по вопросам местонахождения «лестгов или лезгинов», происхождению этого названия и ряда народов Дагестана, их расселению, численности, взаимоотношениям, языкам и т. д.

Маршал Биберштейн — ботаник, сопровождавший в качестве естествоиспытателя в Персидском походе гр. В. Зубова в 1796 г. и назначенный в 1797 г. инспектором шелководства на Кавказе, в течение двух лет объездил Кавказ. В своем труде он дает общее топографическое описание прикаспийских областей до Куры, их историю, географию, освещает хозяйство, население, политический строй.

Я. С. Потоцкий, будучи почетным членом Российской Академии наук, в 1797 г. совершил путешествие по Кавказу. Хотя он был в Дагестане только в Кубачи, в его описании поездки по Кавказу содержатся сведения и об андийцах и аварцах, их численности. Интересно его сообщение, что на кубачинском языке говорят еще в восьми селах.

Много вопросов исторической географии Дагестана затронуто в трудах Ю. Клапрота — знаменитого ориенталиста, посланного Санктпетербургской Академией наук на Кавказ для исторических и географических исследований. Практически все его работы насыщены сведениями о дагестанских народах, их численности, языках, селах, владениях, союзах и обществах. Особо следует отметить его труд «Историческая, географическая и политическая карта Кавказа и провинций, находящихся между Россией и Персией» (Париж: Лейпциг, 1827), где говорится о географическом положении Дагестана, о значении терминов «лезгины» и «лезги», о дагестанских племенах, их происхождении, военной организации, дается описание владений и обществ (кантоны), занятий населения. В то же время, как и другие исследователи того времени, Ю. Клапрот слишком подчеркивал дикость и жестокость дагестанцев, их варварство. В целом, кроме собранного им лично материала, в его работах использованы труды предшественников — И. Гербера, И. А. Гильденштедта и др.

Во втором томе описания путешествия по Кавказу в нач. 20-х годов XIX в. Г. Гамба дает сведения о Цахуре, территории от него до Дербента, Дербенте, Берикее, Тарках, дорогах.

Выдающийся естествоиспытатель, проф. Э. И. Эйхвальд в 1825 г. был в Тарках и Дербенте и в своей работе, изданной в Штуттгарте в 1834 г., дал описание Тарков и его населения, писал о кумыках и шамхале, Дербенте и его населении, Кубачах и татах.

Во второй части работы известного немецкого писателя и переводчика Ф. Боленштедта «Кавказ и его обитатели» дается гео-

графическое описание Дагестана и его народов, обществ и владений, занятий населения.

Сведения по истории и географии, языкам народов Дагестана, различным населенным пунктам содержатся в большом труде Р. Эркерта «Кавказ и его народы» (Лейпциг, 1878. 385 с.). Глава XII «Дагестан и его народности (лезгинцы)» целиком посвящена народам Дагестана и содержит материал по происхождению названий и терминов лезгин, Зирехгеран, Кубачи, Дарго, других дагестанских народов и т. д.

Таков обзор имеющейся литературы, краткая характеристика работ, в которых затронуты вопросы исторической географии Дагестана XVII—нач. XIX в. Приведенные работы в целом говорят об их многочисленности, но в то же время об отсутствии специального исследования по проблеме исторической географии Дагестана вообще и конкретно по XVII—XIX вв. Они также показывают, что во многих работах отечественных и зарубежных авторов дооктябрьского периода ряд вопросов исторической географии изучался довольно широко и полно, в то время как в других сведения о них фрагментарны, поверхностны. Еще одна особенность анализируемых работ — однотипность поднятых в них историко-географических вопросов, зависимость многих из них от работ, изданных ранее, что делает их менее значимыми по сравнению с исследованиями, основанными на собранном их авторами фактическом материале.

Что касается работ советского периода, следует отметить, что это в основном исследования дагестанских ученых — историков, этнографов и географов, которые в своих трудах опираются не только на архивные источники и собранный на местах топонимический, лингвистический, фольклорный, историко-этнографический материалы, но и на труды отечественных и зарубежных авторов XVII—XX вв.

2. ИСТОЧНИКИ

а) Архивный материал и публикации

Прежде всего, отметим, что источники по изучаемой проблеме разнообразны. Наиболее надежными, достоверными из них являются архивные источники XVII—XIX вв. Это в первую очередь письменные свидетельства участников военных походов и научных экспедиций, военных деятелей и чиновников русской администрации в Дагестане и на Кавказе в целом. Характер этих работ весьма разнообразен. Это научные работы, основанные на официаль-

ных сведениях, документах и материалах, собранных их авторами на местах или от местных жителей, различные записки и записи о дагестанских народах, их феодальных владениях и союзах сельских общин, дневники, обзоры, описания различных событий, происходивших в Дагестане, рапорты, донесения, приказы, справки, воспоминания, предписания, отношения, письма, хранящиеся в центральных и местных архивах России и ряда стран СНГ.

В архивохранилищах содержатся материалы о политических структурах Дагестана, их территории, границах, населении и его этническом составе, сведения о селах, политических деятелях, воинских силах, междоусобицах, взаимоотношениях феодальных владений и союзов сельских общин, о вопросах историко-экономической и историко-политической географии. Особый интерес представляют документы, исходящие от российского военного командования на Кавказе в целом и в Дагестане в частности, а также от местных феодальных владетелей, отражающие местные термины, географические названия, часто искаженные в других источниках.

Больше всего таких источников сосредоточено в Российском Государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фондах Военно-ученого архива (ВУА), 52, 205, 410, 416 и 482. Много материалов по исторической географии сосредоточено в Архиве внешней политики России (АВПР) Министерства иностранных дел, в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (РИАСПб) и Центральном Государственном историческом архиве (ЦГИА) и Институте Рукописей АН Грузии.

Разнообразный документальный материал по исторической географии Дагестана хранится в Центральном Государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД), особенно в фондах 2, 21, 33, 73, 80, 90, 105, 126, 147, 150, где сосредоточены основные сведения о феодальных владениях и союзах сельских общин Дагестана, о владетелях и их взаимоотношениях, внешней политике, территориальных спорах, о селах, этническом составе и количестве населения, по историко-экономической и историко-политической географии.

Часть материала из названных выше архивов опубликована в различных сборниках, подготовленных отечественными исследователями. Наиболее крупной публикацией являются «Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею» (АКАК)¹, где сосредоточены документы из архива Главного управления на-

¹ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. В 12-ти томах. Тифлис, 1866—1904.

местника Кавказа. Среди них и сведения по исторической географии Дагестана XVIII—XIX вв. В каждом томе имеются документы по феодальным владениям, обществам, народам и Дагестану в целом. В них содержатся сведения о политических структурах, их местонахождении, территории, населенных пунктах, жителях и их количестве, воинских силах, дорогах, укреплениях, взаимоотношениях, отношении к политике России в Дагестане, основных занятиях, административно-территориальном устройстве и т. д.

Большой фактический материал по исторической географии содержит трехтомный труд П. Г. Буткова¹. Это сведения о феодальных владениях и союзах сельских общин Дагестана, их территории, границах, составе, владельцах и народах, различных вопросах историко-политической географии, историко-географических названиях. Это огромный и бесценный материал по исторической географии Дагестана, собранный П. Г. Бутковым во время службы его на Кавказе в 1791 — 1803 гг. Как пишет Р. М. Магомедов, «Его объемистый труд выгодно отличается от работ его современников, писавших о Кавказе, большой добросовестностью и подлинно научным стремлением к объективности»².

Много сведений по исторической географии Дагестана конца XVI — нач. XVII в. содержится в публикации материалов из Главного архива Министерства иностранных дел, осуществленной в 1889 г. С. А. Белокуровым³. Это сведения о феодальных владетелях, их землях и селах («кабаках»), воинских силах, укреплениях, дорогах, русских крепостях на Северном Кавказе, походах русских войск в Дагестан.

В советские годы было продолжено издание архивных материалов из фондов ЦГАДА, ЦГВИА, ЦГИА Грузии, ЦГА РД. В 1940 г. был издан сборник архивных материалов⁴, который содержит в основном материал фонда Военно-ученого архива ЦГВИА и фонда Азиатского департамента МИД, находящихся в ЦАВП. В сборнике публикуется масса материалов, также содержащих сведения о феодальных владениях и союзах сельских общин, их составе, местоположении, населении, населенных пунктах, воинских силах, занятиях населения, управлении, владетелях.

¹ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Т. I—III.

² Магомедов Р. М. Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1975. Вып. II. С. 143.

³ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. I: 1578 — 1614.

⁴ Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая пол. XIX в.) / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. 1.

В 50—60-е годы было издано несколько публикаций документов. Среди них наибольший интерес представляет сборник архивных материалов, изданный под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева¹ и содержащий массу сведений по исторической географии Дагестана с начала XVIII и до 40 годов XIX в.: о территории Дагестана, политических единицах, их расположении, границах, численности и этническом составе населения, количестве воинских сил, населенных пунктах, путях сообщения, хозяйстве, административно-политической структуре. Эти сведения собраны участниками различных посольств, комиссий, военными деятелями и гражданскими лицами, бывшими на Кавказе и в Дагестане, и поэтому являются для нас ценнейшими источниками.

В 1958 г. вышел сборник архивных материалов, подготовленный Р. Г. Маршаевым², и являющийся как бы продолжением публикации С. А. Белокурова. Он содержит практически те же сведения по исторической географии Дагестана, но XVII — первой четверти XVIII в. Здесь имеются и другие конкретные историко-географические сведения: о первоначальном местожительстве Султан-Мута, о влиянии уцмий и его взаимоотношениях с кумыкскими владельцами, населении и воинских силах отдельных владельцев, о зависимости ауховцев от шамхальства.

Отдельные сведения по исторической географии Дагестана содержат документы публикации, посвященной движению горцев Дагестана и Чечни³, и сборника архивных материалов, изданного Х.-М. О. Хашаевым в 1965 г.⁴ Они касаются как историко-политической географии феодальных владений и союзов сельских общин, так и внутреннего административно-территориального устройства, этнического состава населения, воинских сил, историко-экономической географии.

В сборнике архивных материалов, изданном Х.-М. О. Хашаевым в 1969 г.⁵, содержатся сведения о владениях шамхала, мехтулинского хана, уцмий Кайтага, Султан-Мута и т. д. Интересен материал о местных топонимических названиях.

Продолжением публикации Р. Г. Маршаева явился сборник

¹ История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. / Под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1958.

² Русско-дагестанские отношения XVII — перв. четверти XVIII вв.: Док. и матер. / Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

³ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-е годы XIX в.: Сб. док. / Сост. В. Г. Гаджиев и Х. Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.

⁴ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв.: Архив. матер. / Сост. и предис. Х.-М. Хашаева. М.: Наука, 1965.

⁵ Феодальные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в.: Архив. мат. / Сост. предис. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1969.

архивных материалов по русско-дагестанским отношениям, изданный отделом истории Дагестана досоветского периода ИИЯЛ Даг. ФАН СССР в 1988 г.¹ Он также содержит перечисленные в публикации 1958 г. сведения по исторической географии Дагестана, но хронологически относящиеся к XVIII — нач. XIX в. Много сведений в сборнике о владениях Дагестана и их отношениях с Россией и Персией, политике Сурхай-хана, уцмий и др. владельцев. Интересны сведения о переселении качкальковцев в Эндирей, терекменцев из уцмийства Кайтагского в Засулакскую Кумьжию, феодальных владениях и подвластных им народах, об их расселении и занимаемой территории, разделе ряда владений между владельцами, данные о количестве населения.

б) Кавказоведческие работы путешественников, участников научных экспедиций, военных и гражданских чиновников на Кавказе и в Дагестане

Выше нами отмечалось, что источниками являются и различные кавказоведческие работы, авторами которых были путешественники, участники различных посольств и военных походов, ученые — члены научных экспедиций, чиновники русской администрации на Кавказе и в Дагестане, т. е. люди, которые собирали материал для своих работ непосредственно на местах и сами были свидетелями описываемых и происходивших в Дагестане событий. В их работах содержится огромный ценный и разнообразный материал по различным вопросам исследуемой нами проблемы. Можно было бы проанализировать каждую из этих работ отдельно. Но в этом нет особой необходимости, так как извлечения почти из всех кавказоведческих сочинений XVII—XVIII вв. русских и западно-европейских авторов, которые были на Кавказе и в Дагестане, в частности, включены в издание, подготовленное проф. В. Г. Гаджиевым², которое в данном случае мы рассматриваем как публикацию источников, содержащую разнообразный материал по теме нашего исследования. Именно поэтому считаем возможным ограничиться общей оценкой этого издания как ценной публикации. Но прежде чем указать, какие вопросы исторической географии имеются в целом в ней, отметим, что они содержатся

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII — нач. XIX в.: Сб. док. / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988.

² Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII — XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

в сочинениях Ф. Котова¹, Я. Г. Текандера², А. Суханова³, А. Олеария⁴, Я. Стрейса⁵, К. Брейна⁶, И. Гербера⁷, Я. А. Марковича⁸, Дж. Белла⁹, И. А. Гильденштедта¹⁰, С. Г. Гмелина¹¹, Я. Рейнеггса¹², относящихся к XVII—XVIII вв. В публикации помещены и работы более раннего периода, но о них мы не говорим, хотя в нашем исследовании они могут быть использованы как источники, подтверждающие те или иные сведения XVII—XVIII вв.

Конечно, не все работы равнозначны: в одних из них больше материала по исторической географии, и они более полны конкретными сведениями, другие содержат меньше материала, и описания в них несут либо общий характер, либо поверхностный, а часто авторы их ограничиваются простым указанием или упоминанием того или иного факта, населенного пункта, владельца.

Среди сведений по исторической географии XVII—XVIII вв. наиболее важны для нашего исследования известия, находящиеся в работах Ф. Котова, А. Олеария, К. Брейна, И.-Г. Гербера, И. А. Гильденштедта, С. Гмелина, Я. Рейнеггса, касающиеся как Дагестана в целом, так и отдельных политических структур: южные и северные границы Дагестана, поверхность территорий и вла-

¹ Котов Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию / Под ред. А. А. Кузнецова М., 1958.

² Tectander I. G. Itur. Persium. Alterburg in Meissen 1609 (см. рус. перев. Какаш и Текандер. Путешествие в Персию через Московию. 1602—1608 гг. М., 1896. О Дагестане. С. 39—42.

³ Суханов А. «Проскиатарий Арсения Суханова» // Православный Палестинский сборник. 1889. Т. VII.

⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

⁵ Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.

⁶ См.: Дагестан в известиях... С. 145—158.

⁷ Основная работа по Кавказу И. Гербера в сборнике «Дагестан в известиях...» не публикуется. Публикуемый здесь «Суммарный экстракт» не содержит сведений по теме нашего исследования.

⁸ Маркович Я. А. Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717—1767). Киев, 1893—1895.

⁹ Белл Дж. Велевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т. III.

¹⁰ Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на Академика Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 гг. СПб., 1809.

¹¹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. III.

¹² Дагестан в известиях... С. 149—288. Текст работы Я. Рейнеггса публикуется в «Дагестан в известиях...» по рукописи из Государ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Нем. изд. работы Я. Рейнеггса: Reineggs I. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha und Spd., 1796; Theil I; Hildesheim und Spd., 1796. Theil 2.

дений, их границы и расстояние между ними, данные о населенных пунктах, этническом составе, занятиях и количестве населения, языках, названиях «Дагестан», «Кумыки», «Тавлинцы», «лезгини», дорогах, взаимоотношениях владельцев.

Конечно, они содержат и ряд неточных утверждений, как например, у Олеария, который, идя по маршруту с юга на север, писал, что Кайтаг расположен к северу от Бойнака или, что «крепость Сахур» лежит за Тарками. Справедливости ради отметим, что наибольшее число наиболее полных сведений по исторической географии имеется в работах Я. Рейнеггса. Как известно, о Рейнеггсе существуют разные мнения: одни исследователи (В. В. Бартольд, М. О. Косвен) считали его труд ценным источником, другие (например, Е. Г. Вейденбаум) отрицательно относились к нему. По предположению Е. М. Шиллинга, «репутации Рейнеггса повредил не совсем исправный список, с которого было сделано издание»¹. Для нас труд Я. Рейнеггса — ценный источник.

Здесь мы не коснулись основного труда И. Гербера, так как он достаточно проанализирован В. Г. Гаджиевым². Все же отметим, что — это самый первый труд, где сосредоточены разнообразные сведения почти по всем владениям и союзам сельских общин Дагестана. И справедливо пишет Д. М. Лебедев, что «характер изложения, широта отдельных явлений социальной жизни, исторический аспект — все это выделяет сочинение Гербера и делает его настоящим историко-географическим и этнографическим исследованием, более ценным и научным, чем допетровские описания Кавказа»³.

Для раскрытия поставленной перед нашей работой проблемы важное значение имеют и сведения, содержащиеся в труде А. Р. Шихсаидова, Т. М. Айтберова и Г. М.-Р. Оразаева⁴. В нем опубликован ряд сочинений местных авторов, имеющих отношение к теме нашего исследования, хотя многие сведения относятся к более раннему периоду, чем изучаемому нами. Это «Ахты-наме», «История Абу-Муслима», «Тарих Дагестан», «История Маза», «История Каракайтага», «История Ирхана», «История Герейхана», «Тарихи Эндирей», «Тарихи Кызларкала», содержащие большой материал по истории, этнографии, географии и т. д.

¹ Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 219.

² Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера. «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся».. М., 1979.

³ Лебедев Д. М. География в России Петровского времени М.: Л., Изд. АН СССР. 1950. С. 165.

⁴ Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

Полноценными источниками для XVII — нач. XIX в. являются также работы восточных авторов. Таков труд Э. Челеби¹. Это выдающийся турецкий географ, историк и путешественник, дважды посетил Дагестан и оставил весьма интересный материал по исторической географии Дагестана, помещенный во 2-м и 3-м выпусках его многотомного сочинения. Это сведения, собранные им в 1641—42 и в 1666 гг. Даже один перечень глав и параграфов его работы говорит о многогранности собранных им сведений по исторической географии Дагестана: «О Кумыкистане и землях в пределах владений Дагестанского султана», «О крепостях и городах, через которые мы проезжали, на востоке и западе Дагестанской земли», «Собственно Дагестанская земля», «Остановка на берегу реки Ярыксу», «Остановка на берегу реки Джамансу», «Стоянка на берегу реки Акташ», «Описание устройства и минаретов города Эндери», «Прекрасная крепость Койсу», «О Хайдаке — прекрасном древнем городе и большой стране...», «Прекрасная, благоустроенная крепость Кюбечли», «Стоянка деревня Судакер», «Прекрасная страна, город Карабудакхан», «...деревня Пирбай». В 3-м выпуске сочинения Э. Челеби имеется ряд сведений о Кайтаге, Дербенте, Табасаране, Цахуре, о южных границах Дагестана. Трудно переоценить значение сведений, содержащихся в этих частях работы, настолько они интересны и ценны для нашего исследования.

Важные историко-географические сведения содержит и работа участника похода Петра I Ф. И. Соймонова²: о ландшафте, реках (Сулак, Аграхань), горах, населенных пунктах (Дербент, Терки, Тюмень и др.), об историко-политической географии.

В работе Б. Вахушти по географии Грузии³ имеются сведения о территории, границах, составе населения, языках, управлении, о связях Дагестана с Грузией.

Географические, административно-политические и исторические сведения о Дагестане содержатся в выписках немецкого врача, находившегося на русской службе с 1731 г., И. Я. Лерха. Он дважды был в Дагестане (1732—35 и 1744—48 гг.). Многие сведения им были получены во время первого пребывания в Дагестане от находившегося на русской службе тогда на Кавказе майора И. Вольфа. Основные его историко-географические сведения сос-

редоточены в описании второго путешествия И. Я. Лерха¹. Сам он писал об этом так: «Я сообщу еще краткое описание о лежащих при Каспийском море от Гирана до Астрахани областях, так как они в 1730 г. находились под Российской властью, и как г. майор Вольф... сообщил мне о них в 1734 г. в Сулаке»². Это сведения о «Хазу-кумыках», «Куралинцах» и «Куряги», Дербенте, Табасаране, Засулакской Кумыкии, акушинцах, «тавлинцах», «хайтаках» и «кара-хайтаках», ряде населенных пунктов (Аксай, Эндирей, Тарки, Бойнак, Утемыш, Кубачи, кр. Святого Креста), ногайцах, шамхале.

Большой интерес, как источник, представляют «Записки» А. П. Ермолова³, содержащие массу сведений по началу XIX в. о феодальных владениях и союзах сельских общин, дагестанских народах, их количестве, многих селениях, военно-политических событиях, происходивших в Дагестане.

К этому же времени относятся и «Записки» Н. Н. Муравьева-Карского, руководившего строительством крепости Бурной. В них имеются ценные сведения о политических структурах, селах, народах, языках, составе шамхальства⁴.

в) Карты как историко-географический материал

Надежным и одним из важнейших источников по исторической географии являются физико-географические, историко-географические, общегеографические и тематические карты. Такие карты имеются и по исследуемому периоду. Они хранятся в различных архивохранилищах страны, а некоторые из них опубликованы в ряде работ, анализ которых дан выше. В РГАДА в ф. 192. Оп. 1. имеется целый раздел под названием «Карты Кавказа». Много карт находится в ф. ВУА РГВИА, в частности в д. 6747 — карта с указанием всех обществ Аварии; д. 2808 — карта с указанием движения войск В. Зубова в 1796 г.; д. 1539 — «Атлас о зависимости при Каспийском море провинций и крепостей, построенных Петром I»; в д. 6749 имеется карта «части Анкратля и Дидо» и карта части Дагестана с указанием различных обществ;

¹ Лерх И. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию в 1746 до 1747 гг. / Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791, месяц август. Ч. LXII.

² Там же.

³ Ермолов А. П. Записки (с приложениями). М., Ч. II. 1816—1827.

⁴ Муравьев-Карский Н. Н. Записки. 1822—1823 гг. // Русский архив. М., 1888. № 7. С. 313—352.

¹ Челеби Э. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2; М., 1983. Вып. 3.

² Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1793.

³ Вахушти Б. География Грузии / Введ., перев. и примеч. М. Г. Джанашвили. Тифлис, 1904.

в д. 2812 — воинская карта, представляющая часть Дагестана с указанием маршрута царских войск в начале 1796 г. к Дербенту; в д. 1538 — карта с описанием похода Петра I «к лежащим при Каспийском море Персидским провинциям»; здесь же ряд карт Каспийского моря с указанием обществ «Токуз пара», «Ахтя», «Алти-пара», Кайтага с выделением «Каратураш», «Машилис» и «Кубеша». Карта, составленная И. Гербером, имеется в Санкт-Петербургском отделении Архива Российской Академии наук. К сожалению, многие из перечисленных карт остались недоступными исследователям.

Из карт, имеющих в изданных трудах, укажем: Карта Вахушти в «Атласе Грузии», где отмечены «княжества» Шамхал, Авария, Леки, Табасаран, Казикумухи, а также Сулак, кр. Св. Креста, Тарки и т. д. Карта Кавказа с указанием Дагестана имеется в немецком издании работы И. А. Гильденштедта; карты имеются и в работе Ю. Клапрота «Путешествие по Кавказу и в Грузию»; в труде «Обозрение Российских владений за Кавказом» (Ч. I); в работе А. А. Неверовского; в Кавказском календаре на 1857 г. и на 1859 г.; в работе Р. Эркерта и т. д.

Значение карт, как одного из видов историко-географических источников, очевидно. Как пишет Л. А. Гольденберг, «богатство содержания той или иной карты зависит от количества условных географических обозначений, при помощи которых показывается местоположение, очертания, качественные и количественные характеристики объектов (дороги, границы, гидрографическая сеть, почвенно-растительный покров, населенные пункты, экономические объекты и т. д.). Чем больше условных знаков, тем больше явлений и объектов изображено на карте»¹. Обычно на географических картах указываются горы, реки, населенные пункты, по которым проходят границы различных владений и обществ, локализуются географические названия прошлого и других историко-географических объектов, «вследствие чего карта становится как бы синтезом предшествующих ей историко-географических работ»².

На политических картах отмечаются политические структуры, локализуются места исторических событий, фиксируются границы политических образований и их административное деление, население народов, места расположения и пути передвижения войск,

¹ Гольденберг Л. А. К вопросу о картографическом источниковедении. С. 226.

² Левандовский А. П. Яцунский В. К. «Историческая география. История возникновения и развития в XIV—XVIII вв.» Академия наук СССР. Институт истории. М.: Изд-во АН СССР. 1995. 328 с. // ВИ. 1956. № 6. С. 173.

маршруты военных походов, торговые пути и т. д. Исторические карты или атласы раскрывают процессы общественной жизни страны (например, карты, характеризующие административное устройство страны различных периодов ее истории, карты военно-исторические; карты историко-экономические). По мысли Л. А. Гольденберга, «практическое использование карт и планов в самых разнообразных областях делает их особенно ценным источником для регионального и тематического изучения размещенных в конкретном пространстве явлений и объектов народного хозяйства, военного дела, государственного управления и т. д.»¹. Значение карт, как историко-географических источников, особенно велико при определении так называемых «этнических» территорий в прошлом, при установлении названий, анализе географических терминов и иноязычных названий, а также нанесении названий на карты

г) Адаты, топонимический и историко-этнографический материал — как важнейший источник по исторической географии

Значение адатов, законодательных актов для историко-географических исследований заключается в том, что по ним представляется возможность определить границы и изменения территорий политических структур, а также их территориально-административного устройства.

Большое значение имеют также топонимический, лингвистический, фольклорный, эпиграфический материалы. Следует отметить особую роль топонимического материала (названия местностей, населенных пунктов, рек, гор, дорог, площадей и т. д.). Географические названия, по мнению Н. И. Надеждина, являются важным историческим источником. Он указывает, что для историка важно не столько значение названия, сколько определение, к какому языку оно принадлежит. Определяя, например, к какому языку принадлежат названия, можно выяснить, какая народность дала эти названия, и так определить древнее население изучаемой страны². Он разработал вопрос о значении топонимики как историко-географического источника. В. К. Яцунский также отмечал, что «топонимика устанавливает не только...этимологическую структуру (географических названий—авт.) и их значение..., но также и их принадлежность к тому или иному языку. В резуль-

¹ Гольденберг Л. А. Указ соч. С. 217.

² Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22.

тате оказывается возможным на основании анализа географических названий какой-либо местности определить, какой народ дал эти названия и, следовательно, заселял эту местность в прошлом»¹.

Важное место среди источников по исследуемой нами проблеме занимает историко-этнографический материал. Это исторические предания о селах, переселениях жителей одного селения в другое, местах расположения старых сел, их разрушении и остатках, частях и кварталах, их заселенности различными тухумами и другими родственными группами, населении, территориальных спорах и изменении границ и т. д. Нередко изменения государственных границ, образование или упразднение старого административно-территориального деления, создание или ликвидация населенных пунктов, переименование административно-территориальных единиц, городов, сел и др. не всегда отражаются в письменных источниках. В таких случаях существенную помощь ученым оказывает историко-этнографический материал. И не без основания известные ученые отмечали большое значение исторических преданий и вообще историко-этнографического материала в исследовании различных проблем истории, в особенности феодального периода. Как справедливо писал известный ученый А. Кауфман, «сами документы очень часто только тогда становятся понятными, когда мы их интерпретируем при помощи исторического предания»². Особенно это касается тех периодов, по которым мало или недостаточно письменных источников. «Устная история, — писал акад. Е. М. Жуков, — имеет особое значение для народов, не имеющих своей письменности. Данные об историческом прошлом этих народов часто сохраняются в устных преданиях, переходящих из поколения в поколение»³. Причем, историко-этнографический материал в условиях малочисленности, а порою отсутствия исторически конкретных письменных источников по ряду вопросов проблемы имеет решающее значение.

В ряде случаев историко-этнографический материал имеет даже преимущество перед письменными источниками. Отмечая это, проф. Р. М. Магомедов пишет: «Устные источники во многих случаях сохраняют конкретные, своеобразные формы и черты местных социальных и экономических отношений, правовых норм и т. п. В основном в устных источниках отражены наиболее характерные черты особенностей в культурной и бытовой сфере..., являющихся

¹ Яцунский В. К. Указ. соч. С. 12.

² Кауфман А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1904. С. 54.

³ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М.: Наука, 1980. С. 224.

драгоценным материалом для исторической этнографии и позволяющих реконструировать, порой, весьма древние общественные формы и отношения»¹. Поэтому и используется в нашей работе полевой историко-этнографический материал, собранный не только лично нами, но и другими учеными. В этом плане следует отметить, что огромный полевой материал издан Р. М. Магомедовым², который, без сомнения, представляет для нас большой интерес.

При этом необходимо особо подчеркнуть, что очень важны метод и этика сбора историко-этнографического материала, чтобы было зафиксировано то, что действительно имело место в жизни, отражало объективно сложившиеся реалии, чтобы под видом историко-этнографического материала читателям не преподносились фальсифицированные, надуманные кем-либо «предания» или их версии, «гипотезы» или «теории». Речь идет о необходимости критического подхода к сбору и использованию историко-этнографического материала, который в целом носит вспомогательный характер, служит дополнением к архивным и письменным источникам.

3. Цели и задачи исследования

Как видно из изложенного выше, исследуемая нами проблема, затрагивалась во многих работах отечественных и зарубежных авторов. Однако она не стала предметом специального изучения. По этой проблеме нет ни одной цельной работы, в которой бы прослеживалась историческая география Дагестана XVII — нач. XIX в. Анализ же имеющихся материалов, данный нами выше, говорит о том, что изучение проблемы связано с осмыслением довольно многообразной кавказоведческой литературы и разнотипных источников. Эта литература, с одной стороны, создает научно-теоретический фон, с другой, выявляет как изученные, так и неизученные аспекты исторической географии Дагестана XVII — нач. XIX в. В то же время жизнь показывает необходимость создания целостной картины исторической географии Дагестана.

Основополагающими принципами при разработке темы нами признаются законы органического единства истории научного по-

¹ Магомедов Р. М. По аулам Дагестана: Выписки из полевых дневников. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. С. 10.

² Магомедов Р. М. Указ. соч. См. также: Вып. II. Махачкала: Дагучпедгиз, 1979; Его же. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. Вып. II.

знания Дагестана с общекавказскими факторами исторической географии.

Исходя из всего сказанного, мы определили задачи своей работы — в рамках выбранного для исследования хронологического периода (XVII — нач. XIX в.), опираясь на имеющиеся источники и разработки по историко-географической тематике, изучить такие аспекты исторической географии Дагестана, как: а) общая историко-географическая характеристика Дагестана; б) историческая география Северного Дагестана; в) историческая география Среднего (Центрального) Дагестана; г) историческая география Южного Дагестана.

Разумеется, не все поднимаемые в работе вопросы могут быть раскрыты с достаточной полнотой, что объясняется состоянием источниковой базы по ним. Поэтому мы не претендуем на исчерпывающее их освещение. Думается, что последующие изыскания позволят более полное их осветить. Тем не менее, мы сочтем свою задачу выполненной, если своей работой нам удалось, если даже и не решить полностью все поставленные проблемы, но хотя бы привлечь внимание исследователей к основным источникам и аспектам проблемы исторической географии Дагестана и в какой-то мере направить научные изыскания на надлежащий путь ее решения.

В данной работе освещается история изучения вопроса, дается характеристика источников, ставятся общие проблемы исторической географии, раскрываются основные вопросы исторической географии Северного и Среднего (Центрального) Дагестана. Книга вторая будет посвящена исторической географии Южного Дагестана.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Глава II

ОБЩАЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДАГЕСТАНА XVII — нач. XIX в.

1. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ТЕРРИТОРИЯ И ГРАНИЦЫ ДАГЕСТАНА. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ, ЭТНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЛЕНИЕ

Дагестан в историко-географическом и общеполитическом понятии — это один из регионов Кавказа, расположенный на стыке между Северным Кавказом и Закавказьем. Большую часть территории его занимают северо-восточные склоны Большого Кавказа и юго-восток Прикаспийской низменности.

Дагестан по общему виду поверхности относится к числу самых гористых областей земного шара. Он является страной «исключительного разнообразия рельефа. Высокие горные системы с отдельными вершинами, поднимающимися выше 4000 м и увенчанными шапками вечных снегов и льдов, сменяются обширными плоскими низменностями, опускающимися ниже уровня океана»¹.

По характеру рельефа Дагестан делится на низменную и горную части. В свою очередь, горная часть (зона) Дагестана подразделяется на три части: высокогорную, горную (или внутреннюю) и предгорную. Подробное описание всех этих частей Дагестана с их характерными особенностями дано как в физико-географических описаниях авторов XVII—XIX вв., так и советских ученых². Поэтому нет надобности останавливаться в данной работе на подробной физико-географической характеристике всех частей Дагестана. Но в то же время общая краткая характеристика их необходима,

¹ Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959. С. 22.

² Там же; Алкадарский А. География ДАССР. Махачкала, 1929; Гюль К. К. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1957; Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР: Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала, 1958; Гюль К. К., Кисин И. М., Тертеров А. А. Природа Дагестана: Очерки. Махачкала, 1959; Гиммельрейх В. А. География Дагестанской АССР. Учебное пособие для VIII класса дагестанской школы. Махачкала, 1963.

так как с ознакомления с естественно-географическими особенностями ландшафта, ландкарты, собственно, и начинается изучение исторической географии любой страны или ее народа, отдельных областей или районов.

Начнем с характеристики низменной части Дагестана, которая в целом представляет из себя наклонную равнину и охватывает две части соответственно той территории, которая входила в XVII — нач. XIX в. в состав Дагестана: 1) Терско-Сулакскую низменность, охватывающую поймы и дельты рек Сулак и Терек и 2) Приморскую низменность — территорию Дагестана южнее нынешней Махачкалы до дельты Самура. Терско-Сулакская низменность делится на две части: северная ее часть — междуречье Терека и Сулака — исторически известна как Кумыкская плоскость или Засулакская Кумыкия, а к югу от Сулака до нынешней столицы Дагестана — г. Махачкалы — Присулакская низменность. Поверхность Терско-Сулакской низменности расчленена сравнительно глубокими речными долинами рек Аксая, Ярыксу и Акташа. Закрывающие с севера и с юга Кумыкскую плоскость реки Терек и Сулак принадлежат к крупнейшим речным системам Северного Кавказа. Кумыкская плоскость — это идеальная равнина, площадью 380000 десятин, границами которой с севера выступает южный рукав дельты Терека, так называемый Новый Терек, с востока — западный берег Аграханского залива, с юга — река Сулак и подошва нижних отрогов Андийского хребта, известных под названием Салатавских и Ауховских гор; с запада — сначала река Аксай, затем черта, отделяющая земли чеченских селений Энгель-юрт и Азамат-юрт от земель кумыкских селений, и далее река Терек¹.

Почва на всем пространстве Кумыкской равнины, за исключением полосы вдоль морского берега, в большинстве случаев однородно-суглинистая. Климат здесь теплый, благоприятный для ведения сельского хозяйства.

Приморская низменность тянется узкой полосой вдоль берега моря на протяжении 100 км к югу от Махачкалы до устья Самура. От Терско-Сулакской низменности она отделяется предгорными хребтами и их отрогами, подступающими у Махачкалы к самому морю. К югу от Махачкалы низменность значительно расширяется и достигает в ширь 10 км. Но затем в двух местах (у мыса Буйнак и около Дербента) предгорья подходят близко к морю и низменность суживается до 2—3 км. Но между этими двумя точками го-

¹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.: Тип. А. Хомского. 1895. С. 225.

ры отступают, образуя Терекемейскую низменность шириной до 15 км. Южнее Дербента низменность снова расширяется и переходит в долину Самура, ширина которой доходит до 25 км от моря.

Прикаспийская низменность, в особенности район Дербента, также благоприятна для ведения многоотраслевого сельского хозяйства.

Горный Дагестан занимает восточную часть северных склонов Кавказа. Рельеф его отличается чрезвычайной расчлененностью и разнообразием. Поэтому он и разделен на три зоны. Первая из них предгорная зона тянется дугобразной полосой к северо-западу и юго-западу от Прикаспийской низменности на протяжении около 200 км, шириной от 2 до 5 км. Средняя высота предгорий 500—700 м над уровнем моря. По строению поверхности предгорную зону принято делить на 3 части: северную, центральную и юго-восточную. Центральная часть, протяженностью в 130 км, от долины Сулака до Уллучая, характеризуется более расчлененным рельефом. Здесь имеются хребты и поднятия с ровными платообразными поверхностями высотой 600—800 м над уровнем моря (совр. Буйнакское, Дженгутайское, Сергокалинское и др.).

Предгорная зона отделяется от области внутреннего Дагестана высокой стеной передовых известняковых хребтов: Андийского, Салатау, Гимринского, Лес, Кара-сырт и др. Наибольшая высота этих хребтов от 2000 до 3000 м. Внутренний горный Дагестан представляет из себя замкнутое со всех сторон горными хребтами пространство шириной 50—60 км и длиной 230 км и охватывает западную, центральную и южную части Дагестана. Наиболее крупные каньоны: Засулакский каньон, Салтинское ущелье в долине Кара-Койсу, каньон на р. Тобот, пересекающий Хунзахское плато, Карадахское ущелье. Особенно интересен Сулакский каньон, являющийся уникальным явлением природы. Каньон имеет длину 41 км и состоит из трех каньонов: главный, образовавшийся при слиянии Аварского и Андийского Койсу (длина 18 км; Чиркейский и Миатлинский. Наибольшие котловины: Ботлихская, Гимринская, Гергебильская, Ирганайская, Хиндахская, достигающие 4—8 км в поперечнике. Характерной особенностью внутреннего Дагестана является наличие высоких (2000—3000 м) плато (Хунзахское, Гунибское, Аракан-тау, Кегерское, Шунудаг и др.).

Высокогорная (альпийская) область отделяется от внутреннего Дагестана мощными массивами Бокового хребта. Эта часть Дагестана расположена на северных склонах Главного Кавказского хребта, на Боковом хребте и на входящих в него вытянутых к северу и северо-востоку нескольких горных массивах. В целом вы-

сокогорная область Дагестана на северо-западе имеет ширину около 50 км, на юго-востоке суживается до 30 км. И для нее характерна сильная расчлененность рельефа. В пределах Дагестана Главный Кавказский хребет протягивается на расстояние более 300 км от г. Нацидрис-цвери на северо-западе до вершин Базар-дюзи на юге. Средняя высота Водораздельного хребта на границе с Грузией составляет 2800—3000 м. По мере движения на восток высота хребтов увеличивается и достигает наибольшей высоты у г. Базар-дюзи (4466 м) — наивысшей точки Дагестана. Горы Главного Кавказского хребта в пределах Дагестана от Нацидрис-цвери (3098 м) до Кодорского перевала носят названия Тушинских гор, от Кодорского до Салаватского перевала — Сулажо-Самурских, а далее к востоку до г. Бабадаг — Ахтыкусарских.

Наиболее крупные поднятия Бокового хребта — это Пирикетельская цепь с вершинами Диклос-мта и Гаку (3500—4200 м) и Богосский массив, являющийся водоразделом Андийского и Аварского Койсу. Богосский хребет поднимается до 3800—4150 м и имеет длину до 60 км. К югу от Богоса расположен хребет Нукатль, разделяющий бассейны Аварского Койсу и Кара-Койсу и имеющий длину 40 км. Наивысшие точки хребта Джаладур-бетер (3862 м) и Шишка (3681 м). Дюльтыдагский хребет тянется с северо-запада на юго-восток на 40 км и является водораздельным узлом, от которого расходятся истоки Кара-Койсу и Казикумухское Койсу.

В высокогорном Дагестане между Водораздельным и Боковым хребтами расположены замкнутые котловины или горные долины, высота поверхности которых достигает 1200—1800 м. Крупнейшие из них Дидойская, Бежтинская и Ункратлинская котловины. Среди юго-восточной части гор расположена Самурская долина, ширина которой в нижнем течении Самура достигает 7 км. Это одна из плодороднейших долин Дагестана.

Через гребень Главного Кавказского хребта в Грузию и Азербайджан издавна вели вьючные тропы через перевалы: Кодорский (2365 м), Мачкил-Россо (2865 м), Мхол-Россо (2962 м), Гумилевский (2892 м), Цудурский (2822 м), Салаватский (2852 м), Гдымский (2925 м) и др. Наиболее низкими и удобными являются Мушакский (2155 м) и Диндигагский (2318 м) перевалы.

Описание географического положения и рельефа Дагестана помогает нам определить его внешние и внутренние границы, а также установить конкретную территорию проживания на ней того или иного народа. Здесь мы укажем только общие границы, а подробности о границах будут приведены при освещении отдельных частей Дагестана.

Конкретных сведений по XVII в. о границах Дагестана не много и они затрагивают не все его стороны и части. Наиболее ранние сведения о границах Дагестана имеются у немецкого ученого А. Олеария, который, возвращаясь из Персии сухим путем, был в Дагестане и дал интересные сведения по ряду вопросов истории Дагестана. Среди них сведения о северных границах Дагестана. В своем описании путешествия А. Олеарий пишет, что, перейдя реку Аксай 17 мая 1637 г., они «проехали 7 миль через ровную сухую степь, откуда уже более не видны Кавказские горы, исчезнувшие в направлении к СЗ»¹. Далее он указывает, что поздно вечером они «прибыли к реке Быстрой... Эта река — одна из главнейших... В северной своей части, приблизительно в 5-ти милях от каспийского побережья, она отделяет от себя два рукава, из которых один теперь получил название Тименки, а раньше назывался, как и теперь его зовут, Тер(е)ком. Он дал городу, мимо которого течет, наименование Терки. Ширины он в 30 локтей. Другой рукав — севернее него — той же величины и именуется Кизляром...»².

Главное из сведений А. Олеария то, что он отмечает: «Река Быстрая отделяет пределы дагестанских и черкасских татар»³. Ясно, что речь здесь идет вообще о Тереке (река Быстрая). Но если обратить внимание на следующее указание А. Олеария, что «Поэтому, когда тарковские возницы нас сюда доставили, они опять ушли»⁴, становится ясно, что их доставили до правого берега Терека, где и кончалась дагестанская земля. Именно правый рукав Терека, известный тогда под названием Тюмень (Тименка по А. Олеарию), был северной границей дагестанской территории. На левом же берегу Терека в районе г. Терки тогда находилось образовавшееся при содействии Русского государства Кабардинское княжество Сунчалевичей Черкасских⁵.

Сведения А. Олеария о северных границах Дагестана нашли подтверждение и в сообщении турецкого путешественника Эвлия Челеби. Называя Малую Кабарду Таустаном, он пишет, что эта огромная страна. «Один край ее, на севере простирается до Московской земли. Другой край ее, на востоке, граничит со страной дагестанского падишаха»⁶. Сведения Челеби интересны не только

¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 512.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука. 1988. С. 297.

⁶ Челеби Э. Книга путешествия. М.: Наука, 1979. Вып. 2. С. 92.

тем, что указывают на северные границы шамхальства тарковско-го того времени, но и Дагестана вообще, ибо северные границы шамхальства — это северные границы Дагестана в целом, которые, как видно из приведенных сведений, действительно в XVII в. и еще ранее «простирались с севера на юг — от Кабарды и р. Терек»¹.

Источники XVIII — начала XIX в. подтверждают приведенные сведения о северных границах Дагестана и дополняют их существенными подробностями, а также указывают на его южные и западные границы. Так, из сведений голландского художника и путешественника К. Брейна, собранных им в начале XVIII в. «со вторых рук», мы узнаем, что Дербент «лежит на северо-западе Изии и царства Персидского, на границах Грузии и Курии, между Каспийским морем и горой Кавказ, где находится узкий проход»². И далее «Здесь граница Дагестана, небольшой части Грузии и Курии, лежащей при Каспийском море и простирающейся почти 40 миль»³.

О северных границах Дагестана, смежных с Нижней Кабардой, можно судить и по сообщению И. Гербера, писавшего, что она расположена «Под черкасских гор, или под Вышнею (Верхнею — авт.) Кабардою, между оных гор и реки Терки и Сунж до Таулинцких гор»⁴. Другой военный деятель Я. А. Маркович также в 20-е годы XVIII в. указывал, что северная граница Дагестана доходила до Кабарды. Он писал, что, когда он был у генерала Кропотова, полковник «фон-Лукей сказывал, что от Кабарды до Дербене и за Дербен горские жители называются такгистанци, теж самие и тавлинцы...»⁵.

Из авторов XVIII в., бывших на Северном Кавказе, более полно границы Дагестана даны у акад. И. А. Гильденштедта. Он писал, что «Сия провинция по своему положению, граничит к югу с Грузиею и Персидскими независимыми землями, к западу смежна она с Осетинцами и Кистами, к северу с Кистами и Татарами и простирается к востоку частью до Каспийского моря, частью до

Персидских независимых земель, лежащих по берегу онаго»¹. В целом границы Дагестана с другими землями и народами здесь указаны правильно, если не считать, что граница с Грузией на самом деле проходила к юго-западу, а к югу — с Азербайджаном.

О границах Дагестана, доходивших на севере до Терека и на юге до Самура, писали и другие авторы конца XVIII — нач. XIX в. Так, описывая Засулакскую Кумыкию, А. И. Ахвердов писал, что «границы андреевцев» и аксаевских владетелей доходили на севере до Терека². О южных же границах он писал: «Уезд города Дербента со стороны Персии кончится у реки... Самур, а от Дербента разстоением в сорока верстах», и что «по течению сей реки Самура по правому берегу начнется граница владения города Кубы»³. Примерно тогда же С. Броневский указал, что северная граница засулакских кумыков река Терек, а на юге Дербентское ханство и Казикумухское владение граничили по реке Самур с Кубинским ханством⁴. Р. Ф. Розен писал в 1830 г., что засулакские кумыки располагались «от берегов Каспийского моря между реками Койсу и Тереком до жилищ качкальков»⁵. В своем «Описании Кубинской провинции» Ф. А. Шнитников также писал, что она «определяется к северу от Кюринского ханства (Казикумукского владения) рекою Самуром»⁶.

Наиболее полное определение северной границы Дагестана дал А. М. Буцковский, писавший о засулакских кумыках. «Прежнее владение, — писал он в 1812 г., — под общим названием Аксаевских кумыков простиралось от Каспийского моря до реки Гуй-дюрмеза, впадающей в правый берег Сунджи в 15 верстах выше устья сей; к северу имело границею реку Терек, начиная от устья Сунджи до Каспийского моря, к югу же Дагестан и Лезгистан»⁷.

Не останавливаясь далее на сведениях других авторов, так как в своем большинстве они не имеют особых расхождений с приведенными выше данными о границах Дагестана с севера, востока и запада, проанализируем сведения о южных границах.

¹ История народов Северного Кавказа... С. 292.

² См.: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XVII — XVIII вв. / Состав., введ., вступ. статья к текстам и примеч. проф. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1992. С. 149.

³ Там же.

⁴ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 65.

⁵ Дагестан в известиях... С. 191.

¹ Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия Г-на Академика И. А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб., 1809. С. 115—116.

² Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 214.

³ Там же. С. 220.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 187, 377.

⁵ Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 287.

⁶ Шнитников Ф. А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. // ИГЭД. С. 329.

⁷ Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 239.

Многие авторы южные границы Дагестана проводят по реке Самур. Однако все зависит от того, какая территория имеется в виду под Дагестаном. По мнению приведенных авторов, территория южного Дагестана ограничивалась Дербентским ханством и на юго-западе находились союзы сельских общин Самурской долины и Кюринское ханство. По мнению других авторов, Дагестан не ограничивался на юге указанными землями, а имел продолжением Кубинское ханство. Так, И. Гербер, как и союзы Самурской долины, Кюра, Табасаран, Акуша-Дарго, Казы-Кумух, Кубу относит к Лезгистану и называет народ ее «лезги, лезгинцы, также и кумыки»¹.

Нашел такой состав Дагестана отражение и на картах, изданных в разное время. Так, на картах, помещенных в книге П. И. Ковалевского «Кавказ до присоединения Грузии», изданной в 1915 г., Дагестан охватывает территорию с севера от Терека на юг до Бакинского ханства, т. е. в составе Дагестана дано и Кубинское ханство — на юго-востоке от Кюринского ханства. Сведения карт относятся к 70-м годам XVIII — нач. XIX в.²

Созвучно с этими данными и утверждение М. К. Ковалевского и И. Ф. Бларамберга, писавших, что «...под именем Дагестана разумеется обширное и весьма неопределенное пространство, заключающееся между правым берегом Койсу (здесь не берется в расчет Засулакская Кумыкия — авт.), берегом Каспийского моря до владения Куры и восточную покатостью Главного Кавказского хребта»³. Аналогичная мысль заключена и в утверждениях известных ученых А.-К. Бакиханова и Г.-Э. Алкадари. Первый из них писал: «Положение Дагестана от устья реки Дарваг до Терека можно обозначить 42° и 44° с. ш. и 63° и 66° в. д. Дагестан ограничен на востоке Каспийским морем, на севере рекой Терек, на западе — кабардинскими и осетинскими землями, на юго-западе Грузней и на юго-востоке — Ширваном»⁴. Практически то же самое пишет и Г.-Э. Алкадари, но с указанием на древность этих границ и тех изменений, которые произошли позже. «Первоначальные границы Дагестана, — отмечал он, — с востока Хазарское море, с севера река Терек, с запада Осетия и Кабарда и с юга Грузия и Ширван»⁵. Далее, говоря о времени после при-

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 107.

² Ковалевский П. И. Кавказ до присоединения Грузии. СПб., 1915. С. 24, 56, 129, 144.

³ Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 306.

⁴ Бакиханов А.-К. Гюлистан-и-Ирам. Баку: Элм, 1991. С. 12.

⁵ Алкадари Г.-Э. Асари-Дагестан: Исторические сведения о Дагестане. Махачкала: Юпитер, 1994. С. 11.

соединения Кавказа к России и произведенных здесь административно-территориальных изменениях, он писал: «Но из этой территории Джарский округ (Джаро-Белоканский союз — авт.) выделен в Тифлисскую губернию, а Кубинский уезд в Бакинскую губернию. Остальная территория обращена в одну губернию, известную под именем Дагестанской...»¹. Эта «Дагестанская губерния», урезанная в результате отнесения Засулакской Кумыки в состав Терской области и других изменений, и была известна у дореволюционных авторов как Дагестан. Но эти изменения границ Дагестана произошли позже изучаемого нами периода и были связаны с колониальной политикой России в Дагестане и на Кавказе в целом после присоединения их к Российской империи. Интересно здесь мысль Г.-Э. Алкадари о принадлежности к Дагестану Джаро-Белоканского союза и Кубинского ханства, отторнутых от него в XIX в. в результате административно-территориальных мероприятий России.

Что же касается «государственных» или «внешних» границ Дагестана в целом, то они в XVII — нач. XIX в. были известны, устойчивы, прочны, так как каждая территориально-политическая структура, расположенная на окраинах Дагестана — севере, западе, юге — знала свои границы, свою территорию и охраняла их от внешних посягательств. Цельность Дагестана, не взирая на то, что какие-то его части или политические структуры считались в составе соперничавших за господство над ним государств — Персии, Турции или России, сохранялась на всем протяжении изучаемого периода. Поэтому границы от этого не менялись и они в общих чертах, как свидетельствуют приведенные выше сведения и мнения различных отечественных и зарубежных авторов, многие из которых собирали сведения непосредственно сами, будучи в Дагестане, проходили на севере по реке Терек и по нижнему течению его притока Сунжа, где еще в середине XVII в. находились кабардинские поселения². На севере менялись не дагестанские границы, менялись народы, которые проживали у северной границы Дагестана. С заселением равнины между Тереком и Сунжей чеченцами и ингушами, которые сначала платили дань князьям Малой Кабарды, а потом — к концу XVIII в., перестав платить дань, стали самостоятельными³, естественно, северная и северо-

¹ Там же.

² Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв. М.: Наука, 1957. Т. I. С. 311.

³ История Кабардино-Балкарии с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1967. Т. I. С. 181—182.

западная граница Дагестана стала смежной с чеченцами и ингушами.

Не вызывает спора и западная и юго-западная границы, если не обращать внимание на существование различных мнений по Джаро-Белоканскому союзу, жители которого были выходцами из Дагестана — родственными дагестанцам, почему источники называют их «алазанскими лезгинами», т. е. алазанскими дагестанцами.

Более подробно какие части Дагестана, какие территориально-политические структуры граничили конкретно с теми или иными государствами, обществами и народами будет сказано при изучении исторической географии каждой из частей Дагестана. Здесь же мы ограничимся констатацией, что между указанными границами и находилась территория Дагестана, различные части которой, как и расположенные на них политические структуры, исторически были связаны между собой в экономическом, политическом и в культурном отношении, что и придавало Дагестану единство и силу. Отсюда и общее, единое название данной территории — Дагестан, жителями которой считали себя все народы, заселяющие его с XIV—XV вв. и в особенности в изучаемое нами время, когда все политические структуры, все этнические группы были вовлечены в бурные политические события, касавшиеся по сути дела каждого из них в отдельности и страны в целом.

Наш горный край — Дагестан¹, под чем больше всего он был известен, имеет свое объяснение, что отмечено и авторами изучаемого периода. Но вместе с тем он имел и другие названия. Московский купец Ф. Котов, посетивший в 1623 г. Персию и на обратном пути побывавший в Дагестане, писал, что «между Тарками и Дербентом живут лезгины, у них свой князь, которого называют усминским»², т. е. лезгинами он называет жителей Кайтага, в то время как жителей Тарков называет кумыками. А. Олеарий писал о Дагестане и дагестанцах в 30-х годах XVII в.: «Это — татары; персы зовут их лезги(нами), а сами они зовут себя «дагестан-татар», т. е. горными татарами. «Даг» на их языке и по-турецки означает гору»³.

Следующее сообщение о названиях Дагестана, представляющее интерес по изучаемому периоду, содержит работа И. Герберера. Он делил Дагестан на собственно Дагестан, где перечислены Шубгах

¹ Бартольд В. В. писал, что «это название даже лицами дагестанского происхождения всегда произносится «Дагустан». См.: Бартольд В. В. Дагестан // Соч. М.: Наука, 1965. Т. III. С. 408.

² См. Дагестан в известиях... С. 65.

³ Олеарий А. Указ. соч. С. 494.

шамхал, Утямиш, Кубеша и Буйнак, Дагестан Нижний (Алтипара, Рутул, «Ахти», «Мискенджа», «Докуспара», «Ханалук», Джак, Будук, Алык, Криз, Капут). Хайдаки даны им отдельно, не причислены никуда. Далее идет Лезгистан (Акуша, «Хаси-кумуки», Табасаран, «Курали», «Курги», Куба, Гулахан, Джари) и в конце отдельно от всех — Таулистан и Авари¹. К. Брейн и Д. Белл употребляют только название Дагестан. Последний писал, что земли «между моря и гор Черкеския» вообще именуется Дагестаном². Зато в 70-е годы XVIII в. акад. И. А. Гильденштедт название Дагестан вообще не употребляет, называя его Лезгистаном³.

Авторы и более позднего периода употребляли то название Дагестан, то Лезгистан. Не останавливаясь на анализе этих мнений, хотелось бы привести здесь мысль С. Броневского относительно всех трех названий: Дагестан, Лезгистан и Тавлистан. «Писавшие о Дагестане, — отмечал С. Броневский, — разделяют его произвольно: Гербер на Верхний и Нижний; Гильденштедт соединяет Дагестан и Лезгистан: иные разделяют Дагестан на Северный и Южный, включая в последнюю часть и Ханство Кубинское, как значит на карте Российской Империи, изданной в 1804 году... Мы будем держаться разделения Г. Барона Маршал-Биберштейна, помещенного в описании его Западного берега Каспийского моря, с малыми отменами: ибо сие разделение более всего согласуется с новейшими сведениями, приобретенными во время последних походов войск Российских в Дагестан и Ширван»⁴.

Далее С. Броневский, касаясь этимологии указанных названий, пишет: «Название Дагестан происходит от Персидского языка. Даг, на Персидском, равно как и Тав или Тау на Татарском языке значит гора. Персияне к сему представляют слово истан⁵, значащее землю, область, владение; следовательно Дагестан и Тавлистан, имеют одинаковое значение: гористая земля. Горские народы, и наипаче Татары, употребляют между собою название Тавли-Тавлис, из чего Россияне составили Тавлинцы, относительно к тем народам, которые обитают на высочайшем кряже гор; следовательно употребленное Гербером произвольное разделение

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 74—113.

² Белл Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские страны; а именно: Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Т. 3. С. 168.

³ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 115 и далее.

⁴ Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 292.

⁵ По мнению Бартольда В. В. это «название — как будто единственное языковое явление такого рода (гора) с персидским окончанием, образующим название мест) — появилось, по-видимому, только в X/XVI в. — См.: Бартольд В. В. Указ. соч. С. 408.

на Тавлистан, с равномерным основанием, принадлежащее к Дагестанцам и Лезгинцам и всем почти Горским народам, есть излишнее и затмевающее точность географических названий»¹. С. Броневский не относит к Дагестану его Северную часть. Под названием «Область Аксаевских Кумыков» и «Кумыки или Кумухи Аксаевские» они вместе с черкесами, М. и Б. Кабардой, Брагунским владением, кистами, ингушами, карабулаками, чеченцами перечислены в составе «Северной стороны Кавказа»². К Дагестану С. Броневский относит: шамхальство Тарковское, Акуша-Дарго, Дженгутай, уцмийство Кайтагское, Табасаран и Дербентское ханство; к Лезгистану: «владение Аварское, Анди и проч.», «Казыкумух», союзы Самурской долины, Джаро-Белоканский союз, «заречные общества: Дидо, Унзо и пр.»³.

И все же название Лезгистан в изучаемый период было более употребительным для обозначения территории, населенной почти всеми дагестанскими народами⁴. Как отмечает проф. Р. М. Магомедов, «Такое понимание Лезгинистана сохранилось и в XVIII—XIX веках в официальной переписке и в трудах многих историков, географов и этнографов, писавших в Кавказе»⁵. Говоря о возникновении этого названия и распространении его на всех дагестанцев, Р. М. Магомедов обращается к античным «лезги» или «лупени» и легам, которые, по его мнению, «могли на определенном этапе выступить в Восточном Дагестане в качестве господствующей силы» и к тому же «в силу своего географического положения очень рано соприкоснулись с окружающим их внешним миром»⁶. И далее, говоря о процессе распространения этих названий на Дагестан в целом, он пишет: «Вначале у соседних народов Закавказья название дагестанского племени леги (по-грузински «леки») прочно и надолго закрепляется только за группой родственных племен Южного Дагестана, а затем оно распространяется почти на всю

¹ Броневский С. Указ. соч. С. 292—293.

² Там же. С. 39, 187—204.

³ Там же. Ч. I. С. 58—59.

⁴ Евецкий О. Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835; Зубов П. Картина Кавказского края. СПб., 1835. Ч. 3; Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846; Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848; Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 год. Тифлис, 1857; Его же. Материалы для описания Нагорного Дагестана // КК на 1859 год. Тифлис, 1858; Зубков Д. О народонаселении за Кавказом // Русский вестник. Май-июнь. 1842. № 5—6; Глиноецкий. Поездка в Дагестан: из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 г. // Военный сборник. СПб., 1862. Т. XXIII и др.

⁵ Магомедов Р. М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала, 1971. С. 35.

⁶ Там же. С. 38.

его территорию. Таким путем и закрепляется за Дагестаном название Лезгинистан»¹. Но и термин «Дагестан» продолжал существовать и в XVII—XVIII вв.

К сожалению, мы не располагаем цифровыми данными по изучаемому периоду о протяженности всей территории Дагестана с севера на юг и ширине ее с востока на запад. Но в то же время имеются отдельные сведения о частях Дагестана. Так, по сведениям С. М. Броневского, собственно Дагестан от реки Койсу вдоль по западному берегу Каспийского моря до реки Самур имел в длину 200 верст, а в ширину — «от берега морского к горам и в самые горы 50—80 верст». При этом имеется в виду только территория, граничащая «с севера с Кумыками, с Запада с Аварами и Казы-Кумыками неопределенною чертою: к Полудни с Ханством Кубинским от коего отделяется рекою Самуром; к Востоку с Каспийским морем»².

Другой русский автор XIX в. П. Зубов определяет Дагестан как страну, занимающую западный берег Каспийского моря от устья реки Койсу до устья Самура и отрезанную «от Северного Лезгистана, Аварии и Казыкумуков хребтом Кохмадагских гор, одним из главнейших отрогов Кавказа. Посему, — писал он, — страна именованная Дагестаном. Лежит между 41°38' и 48°30' широты и между 46°30' и 66°2' долготы, образуя узкую и длинную полосу земли, сходствующую с параллелограммом, коего самая большая длина от с. Зегура на р. Самур, до устья р. Койсу — 200 верст, а самая большая ширина, от устья р. Гурьеня до той точки, где граница Табасарани примыкает к Кохмадагскому хребту — 75 верст. Посему все пространство земли, занимаемой Дагестаном, приблизительно до 15.000 квадр. верст»³.

П. Зубов, определяя территорию и пространство Лезгистана, писал, что «Земли, обитаемая Лезгинами, граничат к Востоку с Дагестанскими владениями, от коих отделяются хребтом гор, носящих название: Кохмадаг; к Северовостоку сопредельны Табасаранцам, по реке Гурьен, и Дербентскому округу, от коего отделены сухою чертою; к Юговостоку р. Самур и горами отделены от Кубинской провинции; к Югу и Востоку смежны с провинцией Шекинской, а к Северозападу граничат с Кахетней, по р. Алазане от М. Хорбала до впадения оной в Куру; к Западу отделены небольшим отрогом гор от Пшавохевсуретии, а рекою Аксаем от земель Чеченских»⁴. Далее, определяя границы с кумыками, он

¹ Там же. С. 39.

² Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 293.

³ Зубов П. Указ. соч. Ч. 3, С. 221—222.

⁴ Там же. Ч. 3. С. 187—188.

указывает: «...на Севере прямая черта, которую можно провести с Запада на Восток верст на 6 южнее покатостей Качалыковского хребта гор, и упирающаяся в реку Койсу, верст 10 ниже кр. Внезапной, отделяет Лезгистан от Кумыков»¹. Кончая описание Лезгистана, П. Зубов в конце говорит о конфигурации этой территории и ее пространстве. «Фигура земли, — писал он, — весьма неправильный четырехугольник. Самая большая широта от пограничной точки Дербентского округа на реке Самуре до местечка Хербала полагается с небольшим 215 верст, а самая большая длина от пограничной точки Шекинского Ханства по р. Куре, до того места по р. Койсу, где примыкает вышеупомянутая пограничная линия от Кумыков — 240 верст. Посему, всего пространства, занимаемого Лезгистаном, можно полагать около 20.000 квадратных верст»².

Как видно из этого, данные о Дагестане С. Броневского и П. Зубова сходны. Кроме того, из них видно, что территория Лезгистана была больше, чем территория Дагестана на 5.000 кв. верст. Если же взять обе территории, то получается, что до Северного Дагестана (Засулакской Кумыкии) Дагестан в целом имел территорию в длину 450 верст и в ширину приблизительно до 240 верст (от 50 до 240 верст в разных местах).

Если исходить из современной территории Дагестана, имеющей самой южной точкой вершину Рацана (4020 м) на Главном Кавказском хребте, крайнюю северную — сел. Мусса-Мечеть на р. Куме, западную — в 60 км к западу от Терекли-Мектеба и восточную — устье реки Самур, получается наибольшая протяженность в меридиальном направлении — 405 км, а в широтном — 213 км³. Без учета Терско-Кумской низменности, т. е. территории, заключенной между Тереком и Кумой, получится приблизительно территория Дагестана в целом изучаемого нами периода.

Перечисленное деление Дагестана — это не политическое и не этническое, а чисто территориальное. Но в то же время кумыки, как тюрки, отделены от «дагестанцев» и «лезгин», хотя шамхальство Тарковское, населенное также кумыками, дается в составе «Дагестана». И это все своего рода искусственное деление Дагестана в целом. Но помимо этого территориального деления на Дагестан, Лезгистан и Тавлистан, а также приведенного в начале работы деления Дагестана по рельефу на низменный и горный с соответствующими подразделениями их, существует и чисто геогра-

фическое деление Дагестана на северный, средний и южный. «Дагестан, — писал И. Березин, — обыкновенно разделяют на северный, средний и южный, полагая гранью между первым и вторым реку Аварское Койсу и южную границу Шамхальских владений, а между вторым и последним реку Самур, но это разделение искусственное»¹. Особенностью такого разделения Дагестана является то, что практически все три части имеют в своем составе все рельефные зоны и их части, т. е. в каждой из них имеется и низменность, и предгорье, и горная (внутригорная) и высокогорная зоны. Как писал И. Березин, «Природа не положила никаких явных разграничений между тремя частями Дагестана: как северный, так и южный пользуются тремя климатами: жарким в ущельях, умеренным в долинах и холодным на вершинах гор»². В то же время эти части Дагестана были схожи своей полиэтничностью, на что также обратил внимание И. Березин. Как указывал он далее, «Между обитателями трех Дагестанов также нельзя указать различия, которым можно было бы разграничить страну: как в северном, так и в среднем и южном Дагестане живут разнообразные племена, туземные и пришельцы, завоеватели и побежденные, между ними рассеяно племя персское и остатки племени арабского. Единственное природное отличие Дагестана, я вижу только в гористости северного Дагестана, в котором находится по-видимому горный узел, пускающий свои концы по всему Дагестану: подвигаясь к югу, горы разбегаются одна от другой на некоторые расстояния и как будто понижаются, так что в Южном конце Дагестана гористость совершенно исчезает на Апшеронском полуострове. Вместо раздробленных горных хребтов увеличивается масса плодородной земли, и в этом отношении северный Дагестан далеко уступает южному, а средний как будто оправдывает свое название»³.

Констатируя такое трехчастное деление Дагестана, И. Березин считал его неправильным. «Правильнее, Дагестан должен быть разделен на восточный и западный или приморский и верхний, — писал он, — первый тянется неширокою полосой по берегу Каспийского моря и своим характером во всех отношениях отличается от верхнего, идущего в глубину гор»⁴. Но это уже не поперечное деление, а чисто географическое, продольное, связанное с характером или особенностями рельефа. Это условное деле-

¹ Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд., дополн. Казань, 1850. Ч. II. С. 83.

² Там же. С. 83—84.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же.

¹ Там же. С. 188.

² Там же. С. 188—189.

³ Гюль К., Власова С., Кисин И., Тертеров А. Указ. соч. С. 6.

ние, и поэтому невозможно установить строгие, точные границы между частями Дагестана. Границами между ними являлись границы территориально-политических структур, которые входили в каждую из этих частей.

Под Северным Дагестаном в основном имеется в виду территория Засулакской Кумыкии, где в начале изучаемого периода находилось владение Султан-Мута, разделившееся при его потомках на три княжества или владения: Эндирейское, Аксаевское и Костековское и занимавшее территорию между Тереком и Сулаком.

Средний Дагестан — это территория, начинающаяся с правого берега реки Сулак протянувшаяся на юг до северных границ Дербентского владения, Табасарана, Агула, Рутула и Цахура. С востока, начиная с берега Каспийского моря, Средний Дагестан доходит до пограничной полосы Дагестана с Чечней и Грузией, а к юго-западу — также до территории Грузии, от которой отделяется Главным Кавказским хребтом.

На территории Среднего Дагестана находились шамхальство Казикумухское (затем Тарковское), Мехтулинское, Казикумухское и Аварское ханства, Кайтагское уцмийство, союзы сельских общин даргинцев и аварцев. Это наиболее значительная часть Дагестана.

Территория Южного Дагестана¹ простиралась от южных границ Кайтага, Казикумухского ханства и Антль-Ратля до южных границ Дербентского владения, кюринских и самурских магалов, с востока от побережья Каспийского моря до западных и юго-западных границ Цахурского султанства и Джаро-Белоканского союза. На этой территории располагались Дербентское владение, майсумство и кадийство Табасарана, Цахурское султанство, кюринские магалы, союзы Самурской долины и Джаро-Белоканский союз.

Нельзя сказать, что схожее деление, с включением тех или иных территориально-политических структур в состав той или иной части Дагестана не проводилось раньше. Но авторы, проводившие такое деление, не брали в учет Засулакскую Кумыкию. И, естественно, имея в виду под Дагестаном только территорию между реками Сулак на севере и Самур — на юге, они делили ее на Северную и Южную. Поэтому с некоторыми расхождениями состава территориально-политических структур частей Дагестана Северный Дагестан по их понятию включал территорию, под которой мы разумеем Средний Дагестан.

«Северный Дагестан, — писал в 1796 г. Д. И. Тихонов, —

¹ Вопрос о границах территории, входившей в Южный Дагестан, будет рассмотрен более подробно в следующей — второй книге данной работы, посвященной проблемам исторической географии Южного Дагестана.

граничит с севера с владениями аксайских и андреевских князей и кумыков; от востока омывает берега Каспийское море; от юга по натуре разделяется Табасаранскими горами по реку Дарбах; от запада хребтом ... гор с народами: казыкумыками, акушинцами и салатавцами. Простирается же в длину на 150, а в ширину на 65 верст, которой разделился на три главные владения» — это шамхальство Тарковское, владение Али-Султана дженгутайского и уцмийство Кайтагское¹. В нашем же исследовании — это Средний Дагестан.

В начале 30-х годов XIX в. М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг, понимая под Дагестаном территорию между Сулаком и Самуром, писали, что «Пределы Северного Дагестана простираются от правого берега реки Койсу, вдоль по западному берегу Каспийского моря на 200 верст, до левого побережья реки Самура» и, исходя из этих границ, определили политическое разделение этого «Северного Дагестана», включив в его состав: «I. Владение шамхала тарковского; II. Владение Мехтулинское; III. Общество Акушинское; IV. Округ Каракайдакский; V. Общество Кубечинское; VI. Округ Дербентский; VII. Округ Табасаранский. Сверх всего сюда же принадлежат: общество Койсубулинское и Аварское ханство»². Здесь уже смешиваются Средний и Южный Дагестан.

Еще ранее указанных авторов Ф. Ф. Симонович писал о Южном Дагестане, что природа разделяет его «хребтом Табасаранских гор на две равные половины к полдню и к северу». «Южная половина, — указывал он, — заключает в себе часть Табасарана и провинцию Кубу, Хамутаю казыкумыцкому принадлежащую, Рутульское, Ахтинское, Кубинское и Дербентское владения. Она окружается к северу Табасаранским хребтом, к западу Кавказскими снеговыми горами, к полдню отраслью Бермецких гор, вышедшею от Курт Булака и отделяющею караван-сарай Эшме Дагестан от Ширвана, а к востоку омывается Каспийским морем. Пропорциональное сей половины протяжение в длину, от севера к югу, 140, а в ширину, от запада к востоку, 80 верст и составляет площадь 11200 верст квадратных»³.

Позже, деля Дагестан в зависимости от рельефа — «как по самой природе местности, так и по населению» на две части — нагорный или внутренний и Прикаспийский или Прибрежный, «по

¹ Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 125.

² Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 306.

³ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 138.

самому берегу Каспийского моря широкою полосой» раскинувшийся. В Потто, в свою очередь, последний делит на три части: Северный, Средний и Южный. «Последний, — пишет он о Прибрежной части, — состоит из целого ряда независимых друг от друга владений: Шамхальство и Мехтула: составляют Северный Дагестан; Даргинский союз, Казыкумыкское ханство, уцмийство Каракайтагское и майсумство Табасаранское — образуют Средний, а ханство Кюринское и Кубинская провинция, вместе с городами Дербентом и Баку, известны под именем Дагестана Южного»¹. К Нагорному Дагестану он относит «донисторическое аварское племя», называвшее само себя «общим именем маарулал», а соседям известное то под именем тавлинцев», то — «на юге, по ту сторону гор, в Грузии — лезгин»².

2. НАСЕЛЕНИЕ, ЕГО ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ, РАССЕЛЕНИЕ, НАЗВАНИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ

Сразу отметим, что границы географических частей Дагестана в целом не совпадают с его этно-территориальными границами. На территории Северного Дагестана основную часть населения составляли тюркоязычные народы: кумыки, ногайцы, терекменцы. Среди них проживало большое количество аварцев (Салатавия), аккинцев, чеченцев, русских, евреев, грузин и армян. В Среднем Дагестане проживали кумыки, аварцы и народы аваро-андо-дидойской языковой группы (андийцы, ботлихцы, годоберинцы, чамалалы, багулалы, каратинцы, ахвахцы, тиндалы, цезы или дидойцы, генухцы), арчибцы (лезг. группы языков), даргинцы (акушинцы, цудахарцы, мугинцы, мекегинцы, усишинцы, сюргинцы, урахинцы, муйринцы, кайтагцы, кубачинцы), лакцы и небольшое количество других этнических групп (напр., евреев и армян, живших в шамхальстве Тарковском и Кайтагском уцмийстве). По сведениям Д. И. Тихонова в Маджалисе в конце XVIII в. было до 200 домов евреев³, живших компактно в квартале «Жугвукьвот». И. Гербер называл их «жиды, у хайтаков живущие»⁴. В целом Средний Дагестан являлся наиболее пестрой в этническом плане частью Дагестана.

В Южном Дагестане основную часть населения составляли

¹ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1888. Т. 2. Ермоловское время. Вып. II. С. 182.

² Там же. С. 183—184.

³ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 131.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 117.

лезгины и народы лезгинской языковой группы (табасаранцы, рутульцы, цахуры и агулы). Здесь проживали также азербайджанцы, армяне, евреи, персы, турки и арабы (в основном в городе Дербенте и его владении). В 70-е годы XVII в. Я. Стрейс писал, что в городе Дербенте евреев было «немного»¹. Через 100 лет акад. С. Г. Гмелин отмечал, что «В Дербентской крепости, которая самую малую часть города составляет, в находящихся подле замка строениях живут по большей части армяне...»². По его же свидетельству из 4000 семей Дербента армянских было 100 семей³. В конце XVIII в., по сведениям Ф. Ф. Симоновича, в Дербенте было около 90 домов армян⁴. Примерно столько же домов (93) дает в тот же период П. Г. Бутков⁵. По сведениям же Ф. Н. Ртищева, в 1813 г. в Дербенте осталось 28 домов армян, в которых было 56 душ мужского пола, еврейских домов было 59 со 166 душами мужского пола⁶. Но больше евреев и азербайджанцев жило в ряде селений Дербентского владения. Как отмечал в 1728 г. И. Гербер, евреи имели «разные деревни близ Дербента»⁷.

Много евреев и азербайджанцев проживало и в Табасаране, где они составляли отдельные села (Марага, Дарваг, Арак, Цацак, Ерсин, Зиль, Хели-Пенджи, Екраг и Хели). И не без основания, будучи в Дербенте в 30-е годы XVII в., А. Олеарий писал, что в Табасаране «теперь много-много живет иудеев»⁸. Многочисленность этнических групп в Нижнем Табасаране дала основание ряду авторов в прошлом даже писать, что табасаранцы не знают или плохо знают свой язык, а больше говорят на смешанном языке. «Как ни странно покажется это, — отмечал Е. И. Козубский, — едва ли в целом свете найдется народ, который бы менее знал свой язык, чем табасаранцы. На нем говорят они, как бы на языке чужом и плохо выученном»⁹.

Интересно сообщение И. Гербера насчет арабов, который отмечал, что они «не имеют постоянных мест, или жилищ», «не имеют ни деревень, ни домов, а живут в кибитках, с которыми с

¹ Стрейс Я. Три путешествия. М.: Соцгиз, 1935. С. 236.

² Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. 3. С. 18.

³ Там же. С. 19.

⁴ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 143.

⁵ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 202.

⁶ Ртищев Ф. Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 249.

⁷ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 117.

⁸ Олеарий А. Указ. соч. С. 488.

⁹ Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902. Вып. I. С. 44.

места на место переезжают»¹. Он говорил не конкретно об арабах, живших в Дербентском владении, а вообще о тех, «которые живут в выше писанных (т. е. разных владениях Закавказья и Южного Дагестана — авт.) провинциях и уездах разсыпно»². Но подтверждение тому, что И. Гербер имел в виду и арабов, живших в Дагестане, мы находим у Ю. Клапрота, который писал, что в Нижней части Дагестана, кроме кумыков и туркоманов (те-рекемейцев), «живут также арабы и евреи, которые часто изменяют местонахождение своих деревень»³. Видимо, позже они осели и смешались с другими этническими группами.

В исследуемый период наиболее многочисленным народом в Дагестане были аварцы. Само название их «маарулал» (маГарулал) происходит от «меэр» — гора, горцы. Сами они не называют себя аварцами. Как писал Е. И. Козубский, даже в нач. XX в. «название «аварец» чуждо народу, известному под этим именем»⁴. Но как же произошло, что этноним «авар» закрепился за народом, которому не принадлежит он? По этому поводу высказаны различные мнения. Больше всего распространено было мнение, что этот тюркоязычный термин «авара», «аваралы», значит «беспокойство, расстройство, бедствие, отсюда авар — в смысле празднующегося, бродяги, сварливого»⁵, — который из этого языка перешел к кумыкам и татарам⁶. Считается, что от последних название «авар» перешло к даргинцам, от которых его переняли и русские»⁷. По мнению П. К. Услара, это чуждое самим аварцам название относилось «исключительно к Хунзаху»⁸. Этим можно «объяснить и то, что это название сами аварцы знали только в смысле политическом, для обозначения жителя бывшего Аварского ханства, но никак не в этническом»⁹. Другие аваро-язычные этнические группы называли себя по обществам. Так,

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 118.

² Там же.

³ Клапрот Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций, находящихся между Россией и Персией. Париж: Лейпциг, 1827 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. С. 16. (Перев. с фр. З. Кидаловой).

⁴ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 42.

⁵ Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. 8. С. 6; Козубский Е. И. Указ. соч. С. 42.

⁶ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание III. Аварский язык. Тифлис, 1889. С. 7.

⁷ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963. С. 133.

⁸ Услар П. К. Указ. соч. С. 4—5.

⁹ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 42.

андийцы называют сами себя куаннав, ахвахцы — ахуахи, багулалы — куан, дидойцы — цези, капучинцы — капучиас суко, ботлихцы — буихаги (от буихе — место жительства их), годоберинцы — гибдиги, каратинцы — кипги, чамалалы — чама-ига, тиндальцы — идараи гекиа, хваршинцы — кедаес гикра и т. д.¹. Аварцев в целом даргинцы называют къарахъан (кГарахъан — ед. ч.), къарахъуны (кГарахъуны — мн. ч.); лакцы называют их — яруса; кумыки — тавлу (горцы) и т. д. По мнению Б. Малачиханова, в лакском названии «яруса» основа «яр» — «скала» древнетюркская. Тюркские слова «ава» (равнина) и «яр» (скала), слившиеся воедино, по-видимому, участвуют в словообразовании «овар» и «авар»². В научном мире эта версия не нашла поддержки. Несостоятельность ее показана в одной из работ В. Г. Гаджиева³.

Будучи самым многочисленным народом Дагестана, аварцы занимали и большую территорию в среднем, северном, западном и юго-западном Дагестане. Крайним пределом расселения аварцев на севере было селение Чир-Юрт⁴, к югу Алазанская низменность за Главным Кавказским хребтом. Наибольшая ширина территории расселения аварцев доходила до 70 верст (80 км), длина между указанными пунктами равнялась 160 верстам (более 200 км).

Вторая по численности народность — даргинцы — занимали территорию предгорной и горной зоны Центрального Дагестана. Как и другие народы Дагестана, в прошлом даргинцы были известны под терминами «дагестанцы», «лезгины», «горцы», «тавлинцы», а также под общим названием «акушинцы». Объединительный термин «даргинцы», возникший от названия «Дарго», стал применяться только с присоединением Дагестана к России, хотя оно было известно еще в XII в⁵. Дореволюционные авторы высказывали мысль, что название «Дарго» возникло от даргинского слова «дарг» — внутренность, в противоположность внешнему, иноязычному»⁶. Поддержано это мнение и рядом ученых-

¹ Дири А. М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. С. 19—22.

² Малачиханов Б. О прошлом Аварии. Махачкала, 1929. С. 12.

³ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 163.

⁴ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 142; История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 306.

⁵ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова и А. Л. Монгайт. М., 1971. С. 49.

⁶ Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. С. 326; Козубский Е. И. Указ. соч. С. 43.

дагестановедов¹. Но иные авторы придерживаются другого мнения, выводя это название целого народа из тюркоязычного слова даруга или даргуа — пристав или надсмотрщик, якобы поставленный над даргинцами². Существует также мнение, что термины «даргинец», «даргинские племена» не являлись этническим наименованием, а были «географическим или политико-административным»³.

Не будем подробно останавливаться на этом вопросе, так как он до сих пор является нерешенным до конца и требующим специального исследования, хотя в ряде работ дагестанских ученых он и затрагивается и даже существуют специальные разработки, посвященные изучению термина «Дарго» и названия народа «даргинцы»⁴. Отметим лишь, что мнение об отсутствии в прошлом у даргинцев общего этнического названия⁵ не имеет под собой почвы, как не совсем верно выводить и название народа из тюркского слова даргуа, хотя в основном даргинцы называли себя по названию главного (центрального) селения как-то: ахъушан, усан, мухІан, микІхІан, хІурхъан, урхъухъан, гІярбукІан, губдалан, цІудхъуран и т. д. И на самом деле соседним народам даргинцы больше были известны по их главным селам или, как пишет М. О. Османов, «по их внутриэтническим или полиэтническим подразделениям — акъуширичу (лакск.), акъушашуй (агул.), цІадехІ (аварск.) и т. д.»⁶ Но в то же время кумыки называли даргинцев «даргилар», «что у русских обратилось в даргинцев»⁷.

Крайним пределом расселения даргинцев как ныне, так и в XVII — нач. XIX в., было на севере сел. Кадар, а на юге — сел. Чирах. Сложен вопрос о численности даргинцев. Сделавший много для выяснения этого вопроса М. О. Османов отмечает, что по разным данным получаются разные цифры численности даргин-

¹ См.: Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 67—68; Османов М.-З. Расселение и численность даргинцев в XVIII—XIX вв. // ДЭС. Махачкала, 1974. Вып. I. С. 153—154.

² Ган К. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. С. 46; Сатыбалов А. А. Социально-политические термины тюркоязычных документов эпохи феодализма в некоторых языках Северо-Восточного Кавказа // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 5. С. 180—191.

³ Дирр А. М. Указ. соч. С. 115.

⁴ Алиев Б. Г. К вопросу о происхождении названия «Дарго» и «даргинцы» // Гьалмагъдеш (Дружба) — дарг. яз. Махачкала, 1968. № 1.

⁵ Воронов Н. В. Состав населения Дагестанской области // СССК. Тифлис, 1875. VIII. С. 6; Дирр А. М. Указ. соч. С. 13, 15, 16.

⁶ Османов М.-З. Указ. соч. С. 150.

⁷ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 43.

цев. По его мнению «численность даргинцев в самом конце XVI в. находится в пределах 50—60 тысяч человек»¹. Затем по сведениям И. А. Гильденштедта он вывел цифру 52.200, отмечая при этом влияние на сокращение населения нашествий иноземных завоевателей, и особенно Надир-шаха, в связи с чем «некоторый естественный прирост населения, имевший место в XVII в., должен был быть сведен на нет войнами и нашествиями XVIII в.»². Исходя из сведений Я. Рейнегса, он выводит цифру 116.000 человек в 29000 дымах и считает ее значительно преувеличенной (примерно чуть ли не в 2 раза)³. И, наконец, последняя цифра, имеющая отношение к изучаемому нами периоду, — это среднее количество даргинцев, выведенное им, исходя из данных Ю. Клапрота, М. Ковалевского и И. Бларамберга — 33750 дворов, с населением примерно 135000 человек⁴. По данным конца XIX — нач. XX в. даргинцев было до 130 тыс.⁵

Соседями аварцев и даргинцев были лакцы, которые также были расселены в Центральном Дагестане, от восточного склона Турчи-Дага, где граничили с Аварией, до пределов Дюльти-Дага, т. е. занимали долину Казикумухского Койсу (по-лакски Къун-Нех, т. е. Большая река)⁶. Лакцы называют сами себя «лакъ», а свою страну — Лакрал кІану («Страна лаков»)⁷. Соседние народы называют их по-разному: часть аварцев называет лаков гъумек, а другая часть — тумал, арчинцы — гъаманиб; дидойцы — гъумек, ботлихцы — гъумаканди; даргинцы — вулугуни, вулучуни, булеккуне, вулеко. Как пишет А. В. Комаров, «Последние три названия, очевидно, происходят от слова «лак»⁸. «Это предположение, — отмечает В. Г. Гаджиев, — согласуется с исследованиями советских лингвистов, которые считают, что в несомненной связи с лакским «лак» (Лакк) — «лакцы» находится даргинское «вулугуни», «бу-лечч-уни» (цудахарский диалект)⁹, а правильное «булеччу» или «булукне».

Происхождение термина «лак» и названия народа «лакцы» привлекали внимание многих исследователей. Вопрос этот подробно ис-

¹ Османов М.-З. Указ. соч. С. 164.

² Там же. С. 165.

³ Там же. С. 166.

⁴ Там же. С. 168.

⁵ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 43.

⁶ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 147.

⁷ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 43; Габиев С. Г. Лаки. Их прошлое и быт // СМОМПК. Тифлис, 1906. Вып. 36. С. 5; Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 147.

⁸ Комаров А. В. Народонаселение... С. 14; Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 148.

⁹ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 148.

следован В. Г. Гаджиевым¹. Поэтому, отсылая интересующегося этим вопросом читателя к его работе, укажем, что немало интересных сведений и мнений по этому вопросу содержат и труды А. В. Комарова, П. К. Услара, М. Алиханова-Аварского, В. В. Бартольда, С. И. Габиева, Д. Б. Бутаева, В. И. Абаева, Р. Г. Маршаева, Л. И. Лаврова, А. Г. Булатовой, И. Х. Абдуллаева, К. Ш. Микаилова², объяснявших термин «лак» с разных точек зрения, анализ которых и дан в цитируемой работе В. Г. Гаджиева.

Происхождение второго названия лаков — «казикумыки» или «казикумухи», в какой форме встречается оно часто в работах изучаемого периода, связано с названием главного селения лакцев Кумух, получившего почетное прозвище «газы» — «воюющие за веру» за то, что кумухцы первыми приняли ислам и стали его распространять. «Из соединения прозвища и названия места составилось название племени» «казикумухцы» или «казикумухи», которое было заимствовано русскими от кумыков³.

На основе анализа сведений XVIII и XIX вв. В. Г. Гаджиев пришел к выводу, что «численность лакского населения колеблется от 32,5 тыс. до 47 тыс. человек, причем в течение почти одного столетия она уменьшается чуть ли не на 15 тыс. человек». Объяснение этому он видит в том, что «казикумухские ханы в XVIII в. вели бесконечные войны, в результате которых здесь не только не происходил естественный прирост, а все более и более сокращалась численность населения. Имея все это в виду, можно предполагать, что в начале XVIII в. она доходила до 45—47 тыс. человек»⁴. По сведениям же конца XIX — нач. XX в. лакцев было около 50 тыс. человек⁵.

Лезгины и народы лезгинской языковой группы занимали Южный Дагестан, расселившись своими селами: собственно лезгины

¹ Там же. С. 147—150.

² Комаров А. В. Указ. соч.; Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Лакский язык. Тифлис, 1890; Тарихи-Дербент-Наме / Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. Примечания. С. 76; Бартольд В. В. Дагестан // Соч. М.: Наука, 1965. Т. 3. С. 410; Габиев С. И. Указ. соч.; Бутаев Д. Б. О толковании терминов «лезгин» и «уздень» // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 74; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949; Его же. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.: Наука, 1973. Т. 2. С. 19—20; Маршаев Р., Бутаев В. История лакцев. Махачкала, 1991; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв. М.: Наука, 1966. Ч. 1. С. 17—18; Абдуллаев И. Х., Микаилов К. Ш. К истории дагестанских этнонимов лезг и лак // Этнография племен. М.: Наука, 1971. С. 13—31.

³ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 43.

⁴ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 150.

⁵ Козубский Е. И. Указ. соч. С. 44.

по р. Самур, занимая равнинный, предгорный и нагорный Южный Дагестан; табасаранцы — юго-западнее даргинцев, также в горной и предгорной частях Южного Дагестана, непосредственно примыкая к южной части Прикаспийской низменности; рутульцы — в средней части долины Самура; цахурцы — в верховьях Самура; агулы — в верховьях Чирахского и Курахского ущельев.

Выше при характеристике названия Дагестан уже отмечалось, что в качестве названия страны средневековые авторы применяли слово Лезгистан, а народы его обозначали термином «лезгины». Это два тождественных названия. Одно из них закрепилось за народом, известном больше под названием «кюринцы». «Всю восточную часть Дагестана, — отмечал А. В. Комаров, — занимает особое многочисленное племя, известное под названием «кюра...»¹ П. К. Услар, изучая лезгинский язык, названный им кюринским, также отмечал, что название кюринцев было общим для всех лезгинов, откуда бы они не были родом. «... Название кюринцы, — писал он, — присваивают себе в исключительную собственность», подчеркивая в то же время, что происхождение названия лезгин «не имеет корней в языке, и сами кюринцы полагают, что принято оно ими только потому, что так называли их соседи турки. С другой стороны, ни один из горских народов не называет кюринцев лезгинами»². Аварцы называют их ахты-курал, даргинцы — кававхье, ахталу, лакцы — ахты-курал, табасаранцы — непосредственные их соседи — кюралли³. «Даже накануне революции, — как отмечает Р. М. Магомедов, — лезгин не всегда называл себя лезгином, а говорил, что он курушец; другие называли себя кюринцами. Ахтынцы называли себя «ахцахарами»⁴. Но следует отметить, что этими названиями лезгины называли себя лишь внутри Дагестана. Из сказанного следует, что название кюринцев не было общезначимым термином, названием всех лезгин. Оно становится им потом. Как писал А. М. Дирр, «вероятно, что название одного племени, а именно кюринского, было постепенно распространено на других»⁵.

Но когда же, как и почему кюринцы стали называться лезгинами, когда это название стало названием этническим, относящимся только к одной народности Дагестана? Выше нами уже было отмечено, как общедагестанское название Лезгистан «стало

¹ Комаров А. В. Указ. соч. С. 20.

² Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. XI. Кюринский язык. Тифлис, 1896. С. 7.

³ Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 187.

⁴ Магомедов Р. М. Дагестан... С. 40.

⁵ Дирр А. М. Указ. соч. С. 11.

узким южнодагестанским термином, включающим в себя уже конкретное этническое понятие». По мнению Р. М. Магомедова, «определенную роль в этом сыграли русские путешественники и послы, бывшие в разное время на Кавказе. Поскольку русские познакомились с южнодагестанцами раньше, чем с другими дагестанскими народами (после кумыков), то они и закрепили за южнодагестанцами название лезгин»¹.

Но имеется и другое мнение, согласно которому название лезгин, лезгины происходит от государственного образования средневековья Лакз — «страна Лакз» — по Баладзори², граничащей с Дербентом и Маскатом — по сведениям автора XII века Якута³. И далее его же сведения о том, что «между ними (Лакз) и Баб ал-аббабом» находится «страна Табасаран-шах⁴ указывает именно на местонахождение этой страны на территории лезгинской этнической группы. Но в то же время по Масуди можно понять, что под лекзами были известны и другие народы Дагестана, что выходит из его слов: «Эти независимые лекзы, называемые Дудания, считают, что они происходят от Дудана...»⁵.

Не будем вникать в сущность и останавливаться на подробностях лингвистических изысканий исследователей по происхождению названия лезгин. Укажем лишь на то, что одни авторы пишут (например, М. Алиханов-Аварский), что «грузинское леки, классическое леги, арабское лакзы, персидское лазги, турецкое лезги и русские лезгины происходят от термина лакз»⁶. А. М. Дирр говорил о сходстве слова лезгин (лазк) с грузинским леки, лекеби⁷. Д. Б. Бутаев производил этноним лезгин от лакского слова «лакьсса — высокий»⁸. В. Ф. Минорский также считал, что термин «лакз» «состоит из *лак/лаг* («человек» на местных языках) плюс иранский суффикс -з, показывающий происхождение»⁹. Но, как пишет далее В. Ф. Минорский, хотя русские и употребляли слово *лезг-ин* «ко всем жителям Дагестана, но в местном употреблении и у арабских географов этот термин применяется только

¹ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 40.

² Баладзори. Книга завоевания стран / Пер. с араб. П. К. Жузе. Баку, 1927.

С. 16.

³ См.: СМОМПК. Тифлис, 1905. Вып. 29. С. 17.

⁴ Там же.

⁵ См.: Франц. текст Масуди в статье Ад. Берже. Краткий обзор... С. 34—35.

⁶ Тарих. Дербент-наме. Примечание. С. 76.

⁷ Дирр А. М. Указ. соч. С. 11.

⁸ Бутаев Д. Б. Указ. раб. С. 1—2.

⁹ Минорский В. Ф. Указ. соч. Примечание. С. 112.

к племенам Южного Дагестана...»¹. О сопоставимости имени лакцев и самоназвания лезгин — «лезги» писал и Л. И. Лавров².

Из перечисленного, как нам кажется, все же выходит, что термин лезгин («леги», «леки», «лекзы», «лакзы», «лезги» и т. д.) сначала был названием народов Южного Дагестана, хотя и данным арабами, который затем был распространен на другие этнические группы. Существовало в то же время и название кюринцы, что, очевидно, было связано с названием «местности», по терминологии В. Ф. Минорского, К. р. к., отождествляемой им с Курахом³, и, естественно, с носителем этого же названия — одной из этнографических групп лезгин. Со временем в результате расширения сведений о народах Дагестана, более близкого знакомства с ними, название лезгин осталось только за собственно лезгинами, историческими носителями этого названия. Другие же народы Дагестана стали называться своими этническими терминами, о которых говорилось выше.

Что касается смысла или значения термина «лезгин», то вряд ли верно связывать его с термином «лаг» в разном его звучании у разных народов и означаящим «раб»⁴. Неверно и существовавшее ранее мнение П. К. Услара, что термин лезги происходит от арабского лазик, означающего не чистый потому, что они (лезгины) долго противостояли исламу⁵, так как известно, что народы Южного Дагестана раньше приняли ислам, чем другие дагестанские народы. Нам думается, что более осторожен и прав А. М. Дирр, который писал: «Что собственно обозначает слово лезги нам неизвестно: ему приписывали значение «житель гор», «разбойник», но без всякого основания»⁶.

Как бы то ни было, в изучаемое время название лезгин для одной из самых крупных этнических групп Южного Дагестана, как и для других дагестанских народов, было наиболее распространенным названием. Название же кюринцы, будучи названием одной из этнических групп, подобно названию «акушинцы», которое распространилось на всех даргинцев, с чем мы сталкиваемся во многих источниках, было распространено на весь лезгинский народ. Как писал П. К. Услар, «ни язык в целостности своей не на-

¹ Там же.

² Лавров Л. И. Указ. соч. Ч. 1. С. 180.

³ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 112.

⁴ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. С. 19—20.

⁵ Дирр А. М. Указ. соч. С. 11.

⁶ Там же.

зывается кюринским, ни жители, на нем говорящие, не носят общего названия кюринцев». Кюринцы — это условное название и П. К. Услар пишет, что он взял название местности Куре, лежащей южнее Табасаранского майсумства вплоть до Самура, жители которой называют себя курегу, мн. ч. курегуџер и свой язык куреачал. Название местности распространилось на целую лингвистическую группу¹. А. М. Дирр, говоря, что у них есть свое название, пишет: «Впрочем, существует общее название, которым называют себя все кюринцы, откуда бы они ни были родом, а именно: лезгі, мн. лезгіар, лезгі ар кюринский язык». «Происхождение этого названия, — продолжает А. М. Дирр, — не имеет корней в языке, и сами кюринцы полагают, что принято оно ими только потому, что «так прозвали их соседи тюрки»². Здесь же он пишет (в дополнение к тому, что нами приведено выше), что лезгины у цахурцев называются куралі, мн. ч. куралер, у рутульцев — јірк, у агульцев јаркжаршуј, у арчинцев — куралікіштуу (от курал-куре)³.

Из других народов Южного Дагестана относительно большим были табасаранцы, расселившиеся своими селами в изучаемое время, начиная «близ города Дербента» к северу до кайтаков и каракайтаков, от которых были отделены рекой Дарбах, к западу до Казыкумухского владения, которое отделялось рекой Агул, и к югу «до куролей» (лезгин), от которых были отделены «вострыми горами»⁴.

Довольно основательно о происхождении табасаранцев, их этническом названии, существующих по данному вопросу мнениях говорится в работе М. Р. Гасанова⁵. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на данном вопросе. Но для полноты исторической географии населения Южного Дагестана, учитывая, что табасаранцы были в этом регионе вторым по численности народом лезгинской языковой группы, считаем необходимым хотя бы вкратце остановиться на указанных вопросах.

Табасаранцы сами себя называют «табасанарар» (табасараны), цахуры называют их «табасаранна», рутульцы — «табасарандашура», агулы — «табасараншуй»⁶ (или у-хан-ар), лезгины —

¹ Там же. С. 14—15.

² Там же. С. 15.

³ Там же.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 104.

⁵ Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 26—46.

⁶ Дирр А. М. Указ. соч. С. 17; Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1973. С. 47; Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. М., 1978. С. 7.

кџабгъан, кайтаки — шилан¹. Раннесредневековые армянские авторы называли табасаранцев таваспары (тавас — парк)². По предположению Ю. М. Десятчикова «племя сатархов на Северо-Восточном Кавказе (Дагестане) соответствует известным древнеармянским историкам таваспарам»³.

Но откуда же произошло название Табасаран, что оно означает и с чем связано? По этому вопросу имеются различные мнения. П. К. Услар считал: «Впрочем, некоторые туземные ученые полагают, что Табасаран есть измененный Табаристан, как некогда называли край, потому что Нуширван поселил в нем весьма много табаристанцев. Быть может, это и справедливо потому, что и теперь еще в крае находится много селений, жители которых говорят по-татски, т. е. на одном из иранских наречий»⁴. И, естественно, далее он писал, что «название это не есть горское, кавказское; всего вероятнее ему можно приписать иранское происхождение». При этом он отмечал, что «при помощи иранского языка оно остается необъяснимым»⁵. Но другие авторы связывали это с иными народами. Так, Г. Казембек писал, что туземные этимологи объясняют термин «табасаран» через «топорообразные головы», или через топороносцы, «потому что Нуширван так назвал людей, которым поручил охранять Дербент»⁶. Аналогичного мнения придерживался и известный востоковед В. Ф. Минорский. «Табар-саран — головы топорком, — писал он, — по-видимому, иранская этимология названия нынешних табасаранов. Не исключена и здесь связь имени с гарнизоном тапуров Табаристана (Мазандарана)»⁷.

Другие ученые связывают или объясняют значение термина «табасаран» с иными персидскими, арабскими и др. словами. Так, по мнению Т. Тагиева Табасаран (перс. форма Тебес-арран) переводится с персидского как летние поля (равнины)⁸. Исходя из этого, М. Р. Гасанов полагает, «что в более ранние времена в Табасаран входили и равнинные земли»⁹. Существуют данные, согласно которым название «табасаран» происходит от имени прави-

¹ Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 42.

² Лазарев Я. О гуннах Дагестана // Кавказ, 1859. № 38. Цит. по: Дирр А. М. Грамматический очерк табасаранского языка // СМОМПК. Тифлис, 1905. Вып. 35. Отд. III. С. V.

³ Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 137—138.

⁴ Услар П. К. Указ. соч. С. 42.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 125.

⁸ Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 44.

⁹ Там же. С. 45.

теля Табасарана Табран Сабрана, который был начальником и Дербентского гарнизона¹. Перенесение имени феодала или династии на народ является распространенной формой этнонимов эпохи феодализма², и поэтому, безусловно, приведенный факт представляет интерес как один из вариантов объяснения названия табасаран. Вообще, надо отметить, что исследователи больше всего связывают происхождение термина «табасаран» с иранским языком и объясняют это вторжениями в Дагестан ираноязычного населения³. Продолжая примеры по этому мнению, отметим, что, как писал П. Петухов, «табасаран» с восточных языков переводится «красивые, приятные для глаза высоты»⁴. По мнению же отдельных местных арабистов, название «Табасаран» с арабского переводится, как чистосердечные, что связывается с тем, что «будто жители Табасарана мусульманскую религию приняли без сопротивления, что противоречит исторической действительности»⁵.

Как бы подводя черту под всеми существующими мнениями, сделав сопоставление и анализ всех данных, исходя из достижений археологии, лингвистики, антропологии и этнографии, М. Р. Гасанов считает, что «Наиболее верным кажется следующее объяснение» термина или названия Табасаран и народа табасаранцы: «Табасаран» состоит из двух частей: Таб — вершина, холм и саран — страна, т. е. холмистая страна. По названию страны и жители называются табасараны»⁶.

Оставшиеся три народа лезгинской языковой группы — рутульцы, цахуры и агулы на много меньше по численности, чем лезгины и табасаранцы. Они также относятся к балкано-кавказской расе большой европеоидной расы и говорят на языках лезгинской подгруппы северокавказской семьи⁷.

Рутульцы занимали территорию по руслу Самура, Кара-Самура и верхнему течению Ахтычая. Это юго-западная окраина Дагестана, примыкающая к Азербайджану. Название рутульцы произошло от названия сел. Рутул, известного у местных жите-

лей как Мыхад. Второе самоназвание их — мых абдыр¹. По мнению Г. Х. Ибрагимова, рутулы имели и другое название — агъахъар (так называли их цахуры)². Исследователям, видимо, предстоит еще выяснить причины существования у одного народа трех названий.

Цахуры находились выше рутулов, занимая бассейн Самура, в его верховьях. Это юго-западная окраина Дагестана, также примыкающая к Азербайджану, известная как «Горный магал», находящийся между рутулами, лакцами, аварцами и азербайджанцами. По сведениям Е. Шиллинга, самоназвание цахуров цахигали³, А. И. Исламмагомедова — цахи⁴, Г. Х. Ибрагимова — йихъбы⁵. По мнению З. А. Никольской, в древнеармянских и древнегрузинских источниках цахуры выступают под именем «цахайки»⁶.

Агулы находились в центральной части Южного Дагестана, занимая четыре глубоких ущелья: Агуддере, Кушандере, Курахдере и Хпюкдере. Это юго-западная часть Дагестана, расположенная между табасаранцами, даргинцами, рутульцами и лезгинами. В целом по названию и самоназванию агулов у ученых нет расхождений⁷. Но наиболее полные сведения по этому вопросу дает исследователь агульского языка Н. Д. Сулейманов, который пишет: «Самоназвание агульцев — **агъулар (агъул шуй, «агулец»)**, так же их называют лезгины. У табасаранцев агульцы — кошанцы, известны, как **рукъшнар**. Лакцы называют агульцев **агъалкъушайми...** Этноним образован от названия двух основных ущелий **Агъул-дере** и **Кушан-дере**, где сосредоточена основная масса агульцев. Наряду с ними в наше время у табасаранцев и лакцев получают распространение этнонимы **агъулар** и **агъул/агъал**. Цахурцы агулов называют — **хывынбы**. Помимо общего самоназвания **агъулар** имеются локально ограниченные **кIеренер** — «керенцы» и **кушанар** — «кошанцы». По А. Дирру словом **кIерен** обозначается «дистрикт, обнимающий Рычу и несколько других деревень...»⁸.

¹ Тарихи. Дербент-наме. Тифлис, 1898. С. 33—34.

² Чеснов Я. В. Название народа: откуда оно // СЭ. 1973. № 6. С. 114.

³ Погребова М. Н. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху // СА. 1977. № 2; Она же. Закавказье и его связи с передней Азией в скифское время. М., 1984.

⁴ Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 45.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Народы мира: историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 41, 389, 498.

¹ Там же. С. 389.

² Ибрагимов Г. Х. Рутульский язык. М.: Наука, 1978. С. 7.

³ Шиллинг Е. Цахуры // Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала, 1996. С. 49.

⁴ Исламмагомедов А. И. Поселения и жилища цахуров в XIX—XX вв. // ДЭС. Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 69.

⁵ Ибрагимов Г. Х. Цахурский язык. М.: Наука, 1990. С. 3.

⁶ Никольская З. А. Цахуры // Народы Дагестана. М., 1955. С. 218.

⁷ Шиллинг Е. Агулы // Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Указ. соч. С. 52; Ка-лоев Б. А. Агулы // Народы Дагестана. С. 204; Сулейманов Н. Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала, 1993. С. 7.

⁸ Сулейманов Н. Д. Указ. соч. С. 7.

Из наиболее крупных народов Дагестана изучаемого периода, как и ранее и позже, остались кумыки, отнесенные дореволюционными авторами к «монгольской расе» или татарскому племени». Расселены были они в Северном Дагестане (Засулакская Кумыкия), составляя здесь три княжества — Эндирейское, Аксаевское и Костековское; в Среднем Дагестане они составляли основное население шамхальства Тарковского, Буйнакского, Карабудакхентского, Баматулинского, Эрпелинского бийликов, Утемышского султанства. Проживали они отдельными селами или в совместных с даргинцами селами в Кайтагском уцмийстве и с аварцами в Мехтулинском ханстве.

Этноним кумык («къумукъ») тесно связан с этногенезом кумыков. Что же касается последнего вопроса, то на этот счет существуют разные мнения. Распространенной теорией является миграционная, согласно которой кумыки — остатки переселившихся в разное время в Прикаспийский Дагестан тюрко-язычных племен. По мнению одних авторов кумыки — остатки или потомки хазар¹, другие авторы связывают происхождение кумыков с кипчаками², третьи, придерживаясь также миграционной теории, отмечают у кумыков значительную монголоидную примесь³. Но основная масса ученых, занимавшихся этногенезом кумыков, считает их местным населением⁴. Вместе с тем в последнее время опять появились миграционные теории — отдельные авторы ищут

¹ Klaproth I. Geographisch — historische Beschreibung des Ostlichen Kaukasus zwischen dem Flusse Terek, Aragwi, Kur und den Kaspischen Meere. Weimar, 1814. S. 24—25; Vamberi H. Das Turkenvolk in seinem ethnologischen und ethnographischen Beschreibung. Leipzig, 1885. S. 558—560.

² Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 19; Комаров А. В. Народонаселение... С. 22.

³ Пантюхов И. И. О кумыках. Антропологический очерк // ЗКОРГО. Тифлис, 1896. Вып. XVIII; Свидерский П. Ф. Материалы для антропологии Кавказа. Кумыки (Диссертация). СПб., 1898; Erkert R. Der Kaukasus und seine Völker. Kilmken. Leipzig, 1887.

⁴ Лобанов-Ростовский М. Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ. Тифлис, 1846. № 37—38; Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993; Дубровин Н. Ежегодный очевидец. Кумыки и ногайцы // Терские ведомости 1888. № 4; Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895; Миклашевская Н. Н. Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана // КСИЭ. М., 1953. Вып. XIX; Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Дагестане // Труды Института этнографии. Нов. серия. М., 1956; Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958; Магомедов Р. М. Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии // УЗ ДГУ. Махачкала, 1960; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М. 1961; Федоров Я. А. К вопросу об этногенезе кумыков // Научные доклады Высшей школы. Исторические науки. М., 1959. № 1; Федоров-Гусейнов Г. С. История происхождения кумыков. Махачкала, 1996.

предков кумыков среди шумеров, киммерийцев, скифов и др.¹ или же, как и указанные выше авторы, в половцах-кипчаках, от которых якобы произошли казаки и кумыки².

Большинство исследователей, занимающихся этногенезом кумыков, ищет связь этнонима «кумык» с кипчакскими племенными названиями, в частности с названием «кимаки»³. Б. А. Алборов выводит этот этноним из тюркского слова «кум» (песок, песчаная пустыня). Третье мнение высказано Я. А. Федоровым. Если еще в начале XX в. В. В. Бартольд, говоря о связи названия «гумик» с названием аула Кумух, писал о неясности вопроса «носят ли тюрки—кумыки северной части... Дагестана только случайно то же название, что эта лезгинская народность»⁴, то по мнению Я. А. Федорова этноним «кумык» или «гумик-кумух» — это коренной дагестанский топоним, связанный с наименованием лакского селения Кумух, являвшегося в средневековые столетия столицей лакских и кумыкских шамхалов⁵. Аналогичного мнения придерживался и В. Ф. Минорский, который писал: «Возможно, что имя кумык то же, что и горское гумик // кумух, ввиду того, что правители этих тюрков (по происхождению кипчаков), носившие титул шамхал, вышли из Гази-Кумуха»⁶. В недавно вышедшей работе, посвященной происхождению кумыков, Г. С. Федоров-Гусейнов также разделяет эту точку зрения и пишет: «Действительно, этноним кумыки надо искать в самом Дагестане»⁷. В целом, как и С. Ш. Гаджиева, писавшая, что «есть все основания считать кумыков аборигенами Дагестана и относить их к числу его коренных народностей, не отрицая в то же время участие в процессе формирования кумыков и пришлых тюркоязычных племен»⁸, Г. С. Федоров-Гусейнов считает, что «основу этногенеза кумыков составляет местное население, занимавшее предгорные и равнинные районы Дагестана с первобытно-общинного строя», что «в образовании кумыкского народа главная роль принадлежит местным племенам, относящимся к каспийскому и кавказскому антропологическому типу»⁹.

¹ Кадыраджиев К. С. Загадки кумыкской и тюркской истории от Эгейского до Каспийского морей. Махачкала, 1992.

² Аджиев М. Мы из рода половецкого. Рыбинск, 1992.

³ Бакиханов А.-К. Указ. соч.; Токарев С. А. Указ. соч.; Гаджиева С. Ш. Указ. соч.; Тамай А. И. Кумук-гуз // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 2331.

⁴ Бартольд В. В. Дагестан // Соч. М.: Наука, 1965. Т. III. С. 410.

⁵ Федоров Я. А. Указ. соч. С. 104—116.

⁶ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 131. Примеч. 66.

⁷ Федоров-Гусейнов. Г. С. Указ. соч. С. 139.

⁸ Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 45.

⁹ Федоров-Гусейнов Г. С. Указ. соч. С. 139.

У других народов Дагестана кумыки не называются этим термином. Они известны им как «жители равнины», и в каждом из названий, данном тем или иным народом кумыкам, отражен именно этот смысл. Так, даргинцы называют их «диркьаланты», аварцы — «лъарагIал» (тлярогал), лакцы — «арнисса» и т. д.

После такого перечня этнических групп, их краткой характеристики, выяснения занимаемой ими территории — размещения, самоназваний и названий, даваемых им другими этническими группами, их сущности и значения, остается подчеркнуть, что пестрый этнический состав населения Дагестана в целом и его частей, являвшихся также полиэтническими, отмечен всеми авторами, писавшими о Дагестане XVII — нач. XIX в. Эти мнения, основанные на имевших место конкретных исторических фактах, в основном приняты всеми исследователями.

Вместе с тем существуют и разного рода мнения и вымыслы, ставящие под сомнение конкретные исторические факты о заселении той или иной территории определенной этнической группой, времени расселения их на территории Дагестана. В первую очередь, это относится к исследователям, пытающимся доказать на сомнительных данных древность расселения чеченцев, в частности аккинцев на территории Северного Дагестана. Не вдаваясь в подробности этого вопроса, так как он более детально будет рассмотрен в следующей главе, приведем лишь высказывания и мнения ряда дореволюционных отечественных авторов, основанные на сведениях, собранных ими в период их пребывания на Кавказе или со слов местных информаторов.

Подполковник А. М. Буцковский, в 1810 г. командированный на Кавказскую линию для описания Кавказской губернии, где он и собирал материал о народах Северного Кавказа, писал, что территория засулакских кумыков раньше доходила «от Каспийского моря до реки Гуйдюрмеза», а к северу — до реки Терек, «начиная от устья Сунджи до Каспийского моря... Но при выходе из гор на понижье Сунджи и Терека чеченцов часть сих последних была выведена аксаевскими владельцами и поселена на их землях у подножия Черных гор между Сунджею и Аксай-рекою, на известных условиях, под названием качкальков, что значит: шесть деревень. Сии качкальки, размножившись приходом многих новых чеченцов, хотя и ныне аксаевцами почитаемы за их подвластных, но, пользуясь послаблением сих владельцев, вышли из всякого послушания, овладев всем участком между реками Гуйдюрмезом и левым берегом Аксай, так что оной ныне уже в области Чеченской причислить должно»¹. Ранее А. М. Буцковского комен-

¹ Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 239.

дант кизлярской крепости А. И. Ахвердов также писал, что шесть чеченских селений по правому берегу Терека были поселены на своей территории аксаевскими владельцами¹.

Обратимся к сведениям Н. Дубровина, который писал: «По народному преданию, богатая плоскость, простирающаяся от реки Сунжи до северного склона Дагестанских гор, лет двести тому назад (значит, еще во второй половине XVII в. — авт.), представляла вид дремучего непроходимого леса, рыскали одни дикие звери... Пространство это было дико и необитаемо...»

Не так давно старики-туземцы рассказывали, что чеченский народ вышел из Ичкеринских гор, века два с четвертью тому назад, и занял сначала долины, орошаемые рр. Сунжею, Шавдоном и Аргуном, а потом, мало по малу, занял и всю плоскость Большой и Малой Чечни...»

Кабардинцы, кумыки и ногайцы узнали об их переселении, стали нападать на переселенцев — чеченцев и последние, не будучи в состоянии противостоят им, «добровольно подчинились своим соседям», — качкальковцы и мичиковцы — кумыкам, урус-мартановцы — кабардинцам, которым и платили дань².

Известен документ, в котором говорится, что еще в 1811 г. чеченцы просили русские власти позволения заселить пустопорожные земли между Аксаем и Сунжей, принадлежавшие аксаевским владельцам³. Это в целом является показателем позднего расселения чеченцев в северной части Дагестана.

Переходя к вопросу о численности населения в изучаемый период, приходится констатировать, что мы не располагаем конкретными сведениями ранее конца XVIII — нач. XIX в. Наиболее ценны для нас сведения, собранные по народонаселению С. Броневским, которые касаются владений и обществ, данных в его работе в обобщенном виде. Даже для своего времени он отмечает трудности сбора таких сведений. «Нигде в Кавказе, — отмечал он, — не сделано доселе ни точного изчисления дворов, ни переписи душ. Мы старались собрать сии сведения из разных изустных и письменных известий, и сличая оныя с правдоподобием, представляем здесь приблизительную таблицу населения Кавказского края»⁴. По сведениям С. Броневского, число дворов в Дагестане, куда им причислены шамхальство Тарковское, Акуша-Дарго,

¹ Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 226.

² Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 369—371.

³ АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. С. 905.

⁴ Броневский С. Указ. соч. Ч. 1. С. 57.

Дженгутай, уцмийство Кайтагское, Табасаран и Дербентское владение, составляло 84 тыс. В Лезгистане же (владение Аварское, Анди и др. союзы сельских общин, Казикумухское ханство, союзы сельских общин Самурской долины, Джаро-Белооканский союз и «заречные общества: Дидо, Унзо и пр.») было 63 тыс. дворов¹. Общее количество дворов в «Дагестане» и «Лезгистане», т. е. в Дагестане в целом без Кумыкской равнины или Засулакокой Кумыкии равнялось 147 тыс. Если в среднем в одном хозяйстве считать до 4 человек, то общее количество населения без засулакских кумыков составляло 588 тыс. человек.

Если к этой цифре прибавить и жителей Засулакской Кумыкии, о которых сведения дает А. М. Буцковский: кумыков — 4435 дворов, салатавских аварцев — 2410 дворов, ауховцев — 1100 дворов, чеченцев — 312 дворов и ногайцев — 1100 дворов², то общее число дворов Дагестана в начале XIX в. составляло 156357, а число населения исходя из тех же расчетов по 4 человека в семье — 625428 человек.

В целом данные цифры могут вызвать сомнение в их правдоподобности, так как в более позднее время и даже в 40-х годах XIX в. мы имеем гораздо меньшее число населения. Так, согласно сведениям А. Неверовского за 1843 г., в феодальных владениях Дагестана было всего 115 тыс. человек, а в союзах сельских общин — 240 тыс.³, общее же число — 355 тыс. человек. Но это без населения Засулакской Кумыкии. По данным Ф. Боденштедта, «общая численность населения всех лезгинских племен» составляла 400 тыс. человек⁴. Согласно данным А. Берже за 1842 и отчасти 1852 гг., в Дагестане также без Засулакской Кумыкии и Закавказского округа (Джаро-Белооканского союза и Елисуйского султанства) было 397.761 человек⁵. По сведениям Е. И. Козубского, в 1860 г. в Дагестане опять-таки без Засулакской Кумыкии, числилось 566.594 жителя, а если отнять из этой цифры жителей Закавказского округа — 513.265 человек; на 1 января 1895 г. — всего в Дагестане без Засулакокой Кумыкии числилось 611.880 человек⁶.

¹ Там же. С. 58—59.

² Буцковский А. М. Указ. соч. С. 245.

³ Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. С. 20.

⁴ Bodensstädt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Berlin, 1855. S. 332.

⁵ Берже А. Краткий обзор... С. 271.

⁶ Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура. 1895. С. 50.

Такое расхождение количества населения Дагестана не должно нас смущать, так как на народонаселение, на его устойчивость и рост влияли различные факторы: войны, эпидемии, природные катастрофы и т. д. И в данном случае нельзя не согласиться с И. Н. Березиным, писавшим в 40-е годы XIX в., что «население Дагестана в прошлое время было гораздо значительнее...» Одну из причин уменьшения населения он видел в войнах, в связи с чем указывал: «Ныне продолжительные войны обезлюдили страну, так что с удивлением сравниваешь число в описаниях Броневского и Неверовского: не мог же первый так преувеличивать дагестанскую силу, не мог же и последний без всякого основания представлять ее столь ничтожной»¹.

Большое влияние на уменьшение народонаселения в изучаемое время оказывали походы в Дагестан персидских шахов и русских царей. Известно, что только в одном сражении у сел. Усиша союза Акуша-Дарго в 1611/12 г. объединенных сил верхнедаргинцев с кызылбашами было убито 4400 человек². Трудно посчитать, сколько жителей потерял Дагестан в период Прикаспийского похода Петра I в 1722 г., когда только в результате столкновения с царскими войсками Утемышское владение потеряло до 1000 человек убитыми³, а в ходе карательной экспедиции русских войск во главе с ген. Кропотковым в 1725 г. были разграблены и сожжены десятки дагестанских сел, жители которых поддерживали антирусское выступление шамхала Адиль-Гирея. По словам П. Г. Буткова, Кропотов «дал им много сражений и разорил Уцмийскую, Тарковскую и Ирпелинскую и многие другие деревни»⁴.

Большие людские потери Дагестан понес и в период войны с персидским шахом Надиром, совершившим с 1734 г. вплоть до его смерти в 1747 г. десятки общедагестанского и местного (на отдельные владения и общества) масштаба походов в разные части Дагестана. Сколько потерял Дагестан жителей в период бесконечных походов феодальных владетелей в закавказские страны, или участвуя в феодальных распрях на стороне того или иного владельца? Известно, что только в конце апреля 1786 г. аварский Умма-хан «потерял в разных действиях в Грузии и Имеретии убитыми и умершими до 2600 человек⁵, в 1787 г. объединенные силы

¹ Березин И. Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 87.

² Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1966.

³ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 25, 34.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Там же. Ч. 2. С. 189.

шушинского Ибрагим-Хана и дженгутайского Али-Султана в сражении с войсками Фатали-хана кубино-дербентского и шамхала тарковского потеряли «на месте 1300 человек» и плененными 2400 человек¹. В следующем году, обманутых Фатали-ханом и беспомощных в условиях жестокой зимней стужи, выгнанных с квартир по его приказу, по дороге домой умерло до 500 акушинцев²; в 1800 г. в сражении при р. Иоры аварский владетель Умма-хан потерял убитыми более 1500 человек³. Думается достаточно приведенных примеров, чтобы убедиться в пагубном влиянии войн и феодалных междоусобиц на прирост населения Дагестана.

Большим тормозом роста населения были различные болезни, эпидемии чумы, холеры, оспы и т. д., а также природные катастрофы — землетрясения, обвалы, наводнения и т. д. Сохранилось много записей об эпидемиях и землетрясениях по изучаемому периоду. Из них отметим лишь те, в которых указаны жертвы стихийных бедствий. Во время землетрясения, которое «пало на область Дагестана в 1078/1667—68 году»⁴, были разрушены многие села Южного Дагестана, в том числе Цахур, Мишлеш⁵ и др. В одном Мишлеше погибло 110 человек⁶. В 1098/1686—87 гг. чума распространилась во всем Дагестане. Согласно записей в «Дербент-наме» из Матенадерана только из «местечка Хукал (ныне квартал Кумуха—авт.)» «было вынесено... более пятисот носилок»⁷. В одной надписи из сел. Мишлеш сказано, что во время чумы в 1163/1749—50 г. умерло 450 человек⁸. Много людей умерло в Гидатле во время чумы 1184/1770—71 г.⁹. В сел. Караюре, согласно преданию, лет 300 тому назад была страшная чума, которая унесла много жизней. Из 900 домов в ауле осталось 60¹⁰. Согласно надписи на стене калакорейшской мечети «Умерли жители Кала-Корейша от чумы, так что осталось сорок домов из ста пятидесяти»¹¹.

¹ Там же. С. 274.

² Там же.

³ Там же. С. 458.

⁴ Айтберов Т. М. Памятные записи из сборника № 2646 // Письменные памятники Дагестана XVIII—XIX вв. Махачкала, 1989. С. 137.

⁵ Шихсаидов А. Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1961. Т. 9. С. 153.

⁶ Шихсаидов А. Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969. С. 106.

⁷ Там же. С. 108.

⁸ Там же. С. 110.

⁹ Там же. Шихсаидов А. Р., Айтберов Т. М. Из дагестанских памятных записей // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980. С. 121.

¹⁰ Шихсаидов А. Р. Надписи... С. 108.

¹¹ Там же. С. 111.

Приведенные выше факты — это мизерная часть жертв, понесенных народами Дагестана в результате землетрясений и эпидемий чумы. В целом же в результате стихийных бедствий и эпидемий в XVII—нач. XIX в. погибли сотни и тысячи человек. Все это, естественно, отрицательно влияло на рост численности населения Дагестана.

У нас нет сведений XVII—нач. XIX в. по народонаселению всех государственно-политических образований и этнических групп Дагестана. Имеются лишь сведения по отдельным народам, некоторым политическим структурам и значительным населенным пунктам. Из этих сведений мы имеем возможность узнать о количестве народонаселения ряда населенных пунктов, об их территориально-географическом положении, расстоянии друг от друга и значении в социально-политической и экономической жизни общества, этнической группы и Дагестана в целом.

Так, Ф. Котов о расположении кумыкских сел в начале 20-х годов XVII в. писал: «От Сунжи день хода до Малого Аксая степью и камышом. От Малого Аксая до Большого Аксая полдня хода... От Большого Аксая до реки Койсы день или полтора пути... От Койсы день пути до Тарков... В Тарках живут кумыки, они подчиняются шаху... Тарки стоят под горою, в версте от моря. В горах над Тарками живут также кумыки, которые имеют своего князя и никому другому не подчиняются. От Тарков до шахского города Дербента три дня вьючного пути ровным местом между горами и морем»¹. Интересно сообщение Ф. Котова о Калакорейше, названном им каменной крепостью, и о том, что кайтаги «живут далеко в горах, никому не подчиняясь»². Действительно Калакорейш был настоящей крепостью, образованной внешними стенами жилых домов, плотно примыкающих друг к другу и, таким образом, образующих цельную стену. По свидетельству Ф. Котова, Дербент представлял из себя «укрепленный белокаменный город, только малонаселенный. Один конец города уходит в гору, другой доходит до моря. Длина города больше трех верст, а ширина саженой триста; город перегорожен поперек каменными стенами в двух местах, так что получаются три города»³.

Я. Г. Тектандер немногим ранее Ф. Котова также отмечал, что Тарки «находится на расстоянии приблизительно одной... немецкой мили от Каспийского моря и двух дней пути от Дербента» и называл его городом⁴. А. Олеарий Тарки называет главным городом

¹ См.: Дагестан в известиях... С. 65.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 69.

в Дагестане, который «лежит в высокой местности, на склоне и между гор, среди обрывистых скал»¹, он «лишен стен и лежит совершенно открыто; в нем до тысячи домов»². По свидетельству А. Олеария, и Дербент являлся тогда небольшим городом, который тянулся «своими постройками в длину с З. к В. на полмили, а в ширину с С. к (Ю) от одних ворот до других всего на 450 шагов»³. Говоря о стратегическом значении города, А. Олеарий отмечает, что он «замыкает путь, идущий между морем и непроходимыми горами, и является здесь как бы ключом и железными воротами персидского царства»⁴. Говоря о населении и заселенности разных частей города, он свидетельствовал, что средняя часть города была заселена персами, а нижняя часть длиной в 2000 шагов была «совершенно лишена домов» и раньше была заселена греками, отчего носила название «Шахер-Юнан» — «город греков»⁵. Это же писал и Я. Стрейс⁶.

Большой интерес представляет сообщение А. Олеария о столице Кайтага, князь которого Осмин «Рустам имел свой двор в местечке того же наименования»⁷, т. е. в Усемикенте. Он же пишет, что в ущелье находились и другие «красивые деревни»⁸.

Весьма ценные сведения о населении и населенных пунктах Дагестана середины XVII в. имеются у турецкого ученого и путешественника Э. Челеби, которые не всегда воспринимаются как верные, нуждаются в критическом подходе, так как в них такие завышенные цифры, какие не встречаются ни у одного автора, писавшего в XVII — нач. XIX в. Так, он пишет, что после того как они вступили «в границу исламского Дагестанского падишахства» и прошли «по берегу реки Терек на восток» за семь часов пути миновали в этом крае несколько сотен благоустроенных поселений⁹. Правда, аналогичное утверждение относительно Южного Дагестана имеется и у голландского художника К. Брейна. Проплыв мимо Дербента на юго-восток вдоль берега, по его словам, они «видели на берегу множество деревень»¹⁰. Возможно, что действительно раньше в Дагестане было гораздо больше сел, чем в XVIII—XIX в.

1 Олеарий А. Указ. соч. С. 498.

2 Там же.

3 Там же. С. 485—486.

4 Там же. С. 486.

5 Там же.

6 Стрейс Я. Указ. соч. С. 234—235.

7 Олеарий А. Указ. соч. С. 495.

8 Там же.

9 Челеби Э. Указ. соч. Вып. 2. С. 105.

10 Дагестан в известиях... 149.

Многие из них не сохранились даже до XVIII в. Но по сведениям Э. Челеби можно судить о некоторых населенных пунктах, существовавших вплоть до XVIII в., и в частности о какой-то резиденции шамхала под названием Шехрибоне-Сарай, находившейся к востоку от Демир-Капу или «вблизи Демир-Капу; на расстоянии одного перехода»¹.

В конце XVIII в. Ф. Ф. Симонович писал о бывшей древней крепости у большой дороги, обведенной «высоким валом и рвом, обросшим уже большим лесом» и находившейся в Уллусском магале Дербентского владения². Не идет ли речь об одном и том же населенном пункте? Еще до Ф. Ф. Симоновича А. И. Лопухин говорил об одном городке из сырого кирпича, находящемся при реке Самуре для защиты от «куралей и лязгинцов»³. Он также свидетельствовал о нахождении одной деревни, «недоезжая до Дербента агач по конец одной горы»⁴. Интересно сообщение А. И. Лопухина о «деревне Шериф», которая, по его словам, находилась где-то недалеко от речки «Артабугам». Когда они, перейдя эту речку, шли по территории Кайтага, в этой деревне находился сам уцмий. Пройдя мимо деревни в версте, они затем дошли до речки «Башбугам» (Большой Бугам)⁵. «Деревня Шериф» находилась между этими двумя речками, но трудно сказать, о каком именно селении идет речь.

Не менее интересно сообщение о деревне Канабир, находящейся на речке Канабир, «недоезжая по Тарков агача* за полтара»⁶. Упоминается это селение и позже. Участник похода Петра I в Прикаспий и комендант крепости Св. Креста с 1725 по 1732 г. Д. Ф. Еропкин в «Реестре горским владельцам» в 1732 г., перечисляя дагестанские деревни с юга на север, за Карабудахкентом дает «деревню Канабур», а впереди Карабудахкента — Буйнак и Губден. За Канабуrom идут «Хейли» (Гели), «Атлы» (Атлы-Буюн), «Дурели» (Доргели), «Поромейт» (Параул) и т. д. Он пишет, что Канабуrom «владеет Элдар Саимурзов, расстоянием от крепости [Св. Креста] на пример 160 верст, ... поселена в горе»⁷. Значит, Канабур находился где-то между селениями Карабудахкент и Гели. Как видно из источника, в нем находился один из

1 Челеби Э. Указ. соч. Вып. 2. С. 121.

2 Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 143.

3 Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 8.

4 Там же. С. 9.

5 Там же. С. 31.

* Агач — мера длины, равная одной миле.

6 Там же. С. 38, 57.

7 Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам. 1732. // ИГЭД. С. 121.

удельных владетелей, очевидно, из шамхальского дома, как это было и в соседних деревнях. Это центр местного феодала. Очевидно, это же селение имеется в виду под неразборчивым населенным пунктом «Каннат-мим» в работе Я. Рейнеггса, перечислявшего его после «Амир-гау-кента», лежащего на горе «Эллаборикент», и отмечавшего, что оно простиралось «в немалом разстоянии во внутренности гор» и содержало «в себе 700 семей»¹. Если этот населенный пункт располагался, как указывается выше, где-то в районе между Карабудахкентом и Гели, то по отношению к Альбуригенту он действительно находился «в немалом разстоянии во внутренности гор», так как указанное место между Карабудахкентом и Гели — это уже предгорный Дагестан.

Сопоставление сведений разных периодов показывает рост населения, числа населенных пунктов или жителей в них в различное время. В этом плане большой интерес представляют сведения о Буйнаке. А. И. Лопухин в 1718 г. писал, что «Жила в нем [всего] дворов с 30 и строение бездельное, все развалилось... только есть повыше сего строения, где Муртузалей сам живет, зделан малинькой городок»². Уже через менее чем 10 лет, как отмечал Я. А. Маркович, в Буйнаке, хотя оно оставалось «ни барзо великое» и было «подобное Ирпиям», «жилля» (дворов—авт.) было «на 100, а хоч болше мало» (т. е. более—авт.)³. По сведениям 80-х годов XVIII в. Я. Рейнеггса, в Буйнаке было 600 дворов⁴. В конце же XVIII в. количество дворов здесь возросло до 650 или 950⁵.

Весьма устойчивы или однозначны цифры о числе хозяйств (дворов) и населении Дербента и Тарков. Почти все сведения подчеркивают, что эти города являлись главными в Дагестане весь изучаемый период. И главное, многие авторы, побывавшие в Тарках и собиравшие по ним сведения, подчеркивают многолюдность Тарков, где было до 1500 дворов с населением до 10 тыс. человек⁶. Но отдельные авторы приводят иные цифры. Так, Я. Рейнеггс писал, что в Тарках было 1080 дворов, тогда как в «Гуморкале»

(Кумторкале) их было 2000, в Карабудахкенте—3000¹. И. А. Гильденштедт полагал, что в Тарках было 1200 дворов². Количество дворов Дербента, по сведениям XVIII — нач. XIX в., колебалось от 2000 до 2200³, если не считать сведения Я. Рейнеггса, писавшего, что здесь «1200 худо построенных домов»⁴, и А. П. Тормасова, писавшего, что в крепости Дербент и в предместьях всего 790 семейств и 4740 жителей⁵. А по Ф. Н. Ртищеву в Дербенте было 1522 дома и 4175 душ мужского пола⁶.

Как крупные населенные пункты Дагестана даются в источниках Эндирей, Костек, Аксай, Кубачи и т. д. Э. Челеби называет Эндирей «новой столицей» и «градом старинным и обширным»⁷, а в 20-е годы XVIII в. И. Гербер — «великой деревней»⁸. По словам Э. Челеби, этот «город» был «расположен посреди обширной степи, на берегу реки Койсу... Здесь тысяча крытых землей домов с садами и виноградниками»⁹. Он с восхищением отмечал, что «Этот город древний, средоточие мудрых, источник совершенств, обитель поэтов и умиротворенных...» и что все население знает много языков разных народов и разговаривает «[на этих языках]»¹⁰. К. Брейн в начале XVIII в. отмечал, что главный город в Дагестане «Тарку, затем Андрей»¹¹, а Я. Рейнеггс, указывая на древность Эндирея («за 1200 лет оной город был известен под именем Бальк»), называет его и «знатным городом», состоящим из 3000 дворов, в то время как в Аксае было 1200, а в Костеке—800 дворов¹². В 1804 г. в Эндирее было «до тысячи семей», в Аксае — «семей до пяти сот», а в Костеке — всего «семей до трех сот»¹³. По сведениям А. М. Буцковского от 1812 г. в Эндирее было до 1500 домов, в Аксае — домов 800, в Костеке — 650 дворов¹⁴. В 1830 г. во всех трех засулакских кумыжских владениях было всего

¹ См.: Дагестан в известиях... С. 271.

² Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 107.

³ Серебров А. Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 176; Ахвердов А. И. Указ. соч. С. 219 и др.

⁴ См.: Дагестан в известиях... С. 280.

⁵ Тормасов А. П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С. 237.

⁶ Ртищев Ф. Н. Сведения о Дагестане. 1813 г. // ИГЭД. С. 249.

⁷ Челеби Э. Указ. соч. Вып. 2. С. 113.

⁸ Гербер И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 69.

⁹ Челеби Э. Указ. соч. С. 114—115.

¹⁰ Там же. С. 115.

¹¹ См.: Дагестан в известиях... С. 149.

¹² Там же. С. 253—255.

¹³ Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 213—214.

¹⁴ Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 241—242.

¹ См.: Дагестан в известиях... С. 271.

² Лопухин А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 38, 57.

³ См.: Дагестан в известиях... С. 182.

⁴ Дагестан в известиях... С. 274.

⁵ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 129.

⁶ Лопухин А. И. Указ. соч. С. 57; Тихонов Д. И. Указ. соч. С. 129; Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 200; *Неизвестный автор*. Описание Дагестана. Конец 20-х или начало 30-х годов // ИГЭД. С. 279; Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 307.

до 6 тыс. жителей¹. Эта цифра нам представляется слишком заниженной, поскольку дворов в этих селлах по Я. Рейнеггу было до 5000, А. И. Ахвердову — 1800 семей, а у А. М. Буцковского — 2950 домов. Если даже взять среднее между этими тремя цифрами (с условием завышения их), то получается 3250 дворов, в которых, по логике вещей, должно было проживать по крайней мере более 12 тыс. человек. Крупными населенными пунктами предгорного и горного Дагестана, по сведениям Я. Рейнегга, были Кумух, имевший «дворов не более 400», «Куптенн» (Губден) с 3000 семействами, Кубачи («особенная великая деревня» — по словам Я. А. Марковича²), где проживало 1200 семей³. В 70-е годы XVIII в. в Анди было около 800, в Акуша — до 1000, Цудахаре — до 2000 семей⁴. В 20-е годы XIX в. в Хунзахе было 700; Анди — 1500 дворов⁵.

Наиболее крупными селами Южного Дагестана были сел. Ахты, Мискинджи, Кара-Кюре, Рутул и т. д. По данным конца XVIII в. в сел. Ахты было 600 дворов, в Мискинджи — 250⁶, а по сведениям 1811 г. ахтынцы, мискинджинцы и каракуринцы составляли 8100 семей и 48600 жителей обоего пола⁷. В 1835 г. в Мискинджи было 350 хозяйств, а в Ахты — 800 семейств⁸.

Имеющиеся сведения о дагестанских феодальных владениях и союзах сельских общин в основном относятся ко второй половине XVIII — нач. XIX в. По XVII в. источники практически ничего не сообщают о народонаселении в них. Имеются сведения по XVII и началу XVIII в. лишь по Кайтагу, где, согласно русским источникам первой половины XVII в., было 40—60 тыс.⁹, по Эвлия Челеби — 20—50 тыс.¹⁰, а в первой четверти XVIII в. — 25000 человек¹¹. Я. Рейнегг в 80-е годы XVIII в. насчитал в трех из пяти уездов Кайтага 10000 дворов или семей¹², что составляло более 40 тыс. человек. По его же сведениям число табасаранского наро-

да не превышало 12000 семей¹, что составляло примерно 50 тыс. человек. По Д. И. Тихонову в конце XVIII в. Кайтаг состоял из 13 «округ» с 80 селами². Но эти данные требуют критической оценки, так как ряд сел дается им то в одной округе, то в другой, а в составе уцмийства перечислены союзы Сюрга и Каба-Дарго с их селами.

По сведениям Д. И. Тихонова от 1796 г. шамхальство Тарковское состояло из 24 сел, имевших 2950 (в другом списке 2050) домов³. В то же время в Дербенте было до 2180 домов, в 6 селениях владения — 265 домов и в 15 селлах Улусского магала 780 домов, всего во владении 3225 домов⁴, во владении казыккумухского Сурхай-хана II было до 150 деревень с 30000 жителей мужского пола⁵, в майсумстве Табасаранском — до 70 деревень и 21000 жителей мужского пола, во владении кадия Табасаранского 20 деревень и 15 деревень в федерации союзов сельских общин Девек Елеми с 5000 жителей мужского пола. Всего в Табасаране, по данным Ф. Ф. Симоновича, было 32000 жителей мужского пола, «по обыкновенному же народному исчислению» — 40000 человек⁶.

По данным другого участника Персидского похода 1796 г. И. Т. Дренякина, шамхал имел своих 6000 дворов и 18000 душ, «да акушинцов 30000 дворов и 90000 душ»; Али-Султан дженгутайский — 3750 дворов и 11250 душ, уцмий каракайтатский «с кочушцами» — 25000 дворов и 75000 душ; в Кубинско-Дербентском ханстве было 10650 дворов и 31950 душ; хан казыккумухский имел 15666 дворов и 46998 душ; майсум табасаранский — 7000 дворов и 21000 душ; кадий табасаранский — 10666 дворов и 31998 душ; Умма-хан аварский — примерно 30000 дворов и 90000 душ⁷.

П. Г. Бутков, также участвовавший в Персидском походе 1796 г., писал, что акушинцы имели до 30000 дворов и до 98000 душ; уцмий каракайтатский — до 25000 дворов и до 75000 душ; кадий табасаранский — до 18 деревень и до 6000 душ; майсум табасаранский — до 40 деревень и до 24000 душ; в Дербентском владении 9300 душ; в Дженгутаевском владении — 10 деревень и до 21000 душ; в Аварском ханстве — до 100 деревень и до 90000 душ; в Казыкумухском ханстве — до 300 деревень и до 150000

¹ Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 287.

² См.: Дагестан в известиях... С. 188.

³ Там же. С. 274, 275, 278.

⁴ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 129—131.

⁵ Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 270, 274.

⁶ Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 150.

⁷ Тормасов А. П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 237.

⁸ Краббе К. К. Замечания о Докуспаре, Ахтах и Рутуле. 1835 г. // ИГЭД. С. 335.

⁹ Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в.: Арх. матер. / Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 123, 125.

¹⁰ Челеби Э. Выдержки из «Путешествия» // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 16, 82.

¹¹ Дагестан в известиях... С. 186.

¹² Там же. С. 277.

¹ Там же. С. 279.

² Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 131—133.

³ Там же. С. 129.

⁴ Симонович Ф. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 143.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же. С. 153—154.

⁷ Дренякин И. Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. Таблица.

душ¹. В самом начале XIX в. А. И. Ахвердов подтверждает обширность владений Казикумухского ханства и наличие в Аварском ханстве более 100 деревень². Интересно, что в 70-е годы XVIII в., по данным И. А. Гильденштедта, в Аварии было всего 43 селения с 1500 семействами³. Но в то же время в 30-е годы XIX в., как писал Р. Ф. Розен, «народонаселение ханства собственно Аварского едва» достигало «до 5000 семейств»⁴, а по свидетельству А. П. Щербачева всех деревень в ханстве было «не более 80, семейств — менее 10000»⁵. Что касается Казикумухского ханства, то народонаселение его уже в 1811 г. насчитывало 108000 человек, составлявших 18000 семейств⁶.

О народонаселении Засулакской Кумыкии писал и А. М. Буцковский. По его сведениям здесь было 9357 дворов кумыков, салатавских аварцев, ауховцев, чеченцев и ногайцев⁷.

Густонаселенными были в изучаемое время и территории союзов сельских общин. Достаточно привести сведения Я. Рейнегса об обществах Акуша-Дарго, чтобы убедиться в этом. По его данным «народ, называемый Акуша», состоял из «7000 семей», а «поколение Гибушуме (Гапшима—авт.)» состояло «из 800 куреней» (хозяйств)⁸. Выше мы приводили сведения А. П. Тормасова о том, что три союза Самурской долины в нач. XIX в. имели 8100 семейств с 48600 жителей⁹. По сведениям А. М. Буцковского, примерно тогда же Салатавский союз имел 2410 дворов¹⁰, что соответствует примерно 10 тыс. жителей, что подтверждается и сведениями Р. Ф. Розена, писавшего, что в 30-х годах XIX в. здесь проживало только мужского населения до 5000 душ¹¹. По его же сведениям в Гумбете было до 6000 душ мужского пола, в Ансалта — до 4000 душ мужского пола, в Калалале — до 5000 человек, в Анди — около 3000 душ мужского пола¹². На фоне приниженных в целом цифр числа населения аварских союзов сельских общин (например, в Гидатле всего 400 семейств, в Мукратле — около 200

семейств и т. д.) густонаселенными выглядят, по сведениям И. А. Гильденштедта, Карах — 1100 семейств и Анцух — около 1500 семейств¹. По сведениям М. А. Коцебу в союзах северо-западного и Западного Дагестана, живущие «за хребтом... на реке Самуре народы» имели дворов: тебели — 2000, ташли — 1000, джурмуты — 500, кесерухи — 700, калали — 300, мишлиши — 400, кусури — 400, цахури — 6000². В союзах сельских общин Табасарана («в магалах, признающих себя независимыми») в 1831 г. было до 2323 семейств³, а в 10 деревнях общества Рутул в 1835 г. «семейств примерно до 1600»⁴.

В целом указанные сведения и по феодальным владениям, и по союзам сельских общин говорят о многолюдности их, наличии многих населенных пунктов, активном использовании территории, повсеместном расселении жителей, наличии многих сел, население которых превышало 1000 человек. Не случайно И. Гербер писал о шамхальстве — «уезд великой, состоит при городе и столицы шамхальской Тарху во многих добрых и великих деревнях, которые часть на нижней земле (на плоскости —авт.) недалеко от моря, часть на горах и между горами лежат»; о Кайтаге — «Уезд немалой и хорошей... состоит во многих хороших и великих деревнях, между которыми знатнейшая именем Башло»; об Акуша-Дарго — «Уезд состоит во многих деревнях»; об Аварском ханстве — «Аварской уезд велик и состоит во многих между горами лежащими деревнями»; о Цунта — «Уезд состоит во многих скудных (бедных—авт.) деревнях»⁵.

Все сказанное является подтверждением в целом достоверности выведенных нами данных о количестве населения Дагестана в изучаемый период.

3. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

В проблему исторической географии, как отмечалось уже, входят также историко-экономическая география и историко-политическая география. Историко-экономическая география — это география хозяйственной деятельности, размещения отраслей хозяйства, история хозяйственных связей и их центров и т. д. Историко-

¹ Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

² Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 225.

³ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 119—120.

⁴ Розен Р. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 291.

⁵ Щербачев А. П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 297.

⁶ Тормасов А. П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 237.

⁷ Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 245.

⁸ См.: Дагестан в известиях... С. 274.

⁹ Тормасов А. П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 237.

¹⁰ Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 245.

¹¹ Розен Р. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 288.

¹² Там же. С. 290—291.

¹ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 120—122.

² Коцебу М. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 261.

³ Ковалевский М. К., Благрамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 312.

⁴ Краббе К. К. Указ. соч. // ИГЭД. С. 335.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 71, 83, 101, 113.

политическая география предполагает изучение места и времени прохождения политических событий — где и когда они происходили, на какой территории, в каких государственных образованиях, в каких населенных пунктах, когда и с какими государственно-политическими деятелями и другими личностями они были связаны.

Эти оба вопроса в исследованиях дагестанских ученых — историков и этнографов как обобщающего характера, так и посвященных отдельным народам, регионам или территориально-политическим структурам и разным этническим группам, изучены достаточно широко, полно и хорошо, по всем периодам истории Дагестана. Поэтому считаем возможным не останавливаться на них подробно в данной вводной (общего характера) главе, а только отметить то основное, что характерно было в этих вопросах в XVII — нач. XIX в. При изучении исторической географии каждой из частей Дагестана вопросы историко-экономической и историко-политической географии будут освещены подробно с охватом как в целом этих частей, так и государственно-политических образований, находившихся на них.

Основной тенденцией экономического положения Дагестана в XVII — нач. XIX в. являлось дальнейшее развитие всех отраслей хозяйства. При этом шло укрепление и усиление хозяйственно-экономической специализации в зависимости от естественно-географических зон, т. е. одни отрасли хозяйства получали ведущее развитие в одних зонах, другие отрасли — в других зонах. Это, в свою очередь, приводило к дальнейшему усилению взаимозависимости жителей различных хозяйственно-экономических зон друг от друга и в конечном итоге создавало основу для формирования единства и целостности хозяйственно-экономической жизни всего Дагестана.

Как и в предыдущие периоды, экономическая жизнь Дагестана зиждилась на земледелии и скотоводстве, являвшихся основными занятиями населения, хотя степень развития их в разных регионах, разных природно-географических зонах была неодинакова. Хозяйственная деятельность находилась в прямой зависимости от географической среды. Этим была предопределена большая развитость земледелия в одних регионах, в других — скотоводства, в третьих — садоводства, в четвертых — сочетание их. Сложившееся еще в предыдущий период зональное разделение труда и хозяйственной деятельности, как следствие различных географических условий, в изучаемое время получает дальнейшее развитие — происходит дальнейшее размежевание между отдельными местными центрами производства и складывание географического разделения труда

уже не только между крупными зонами, но и внутри них¹. Плоскость и нижнее предгорье все больше специализировались на производстве зерна, а верхнее предгорье и горная часть — на «товарной продукции животноводства», т. е. для этой части характерным становится скотоводческо-земледельческое хозяйство; к концу XVIII в. происходит и интенсификация приречного садоводства. К концу XVII в. процесс зональной специализации завершается и дальнейшее хозяйственное развитие происходит на базе уже почти полностью сложившегося разделения труда². Вместе с тем, разделение хозяйственной деятельности населения на естественно-исторические зоны продолжалось и на протяжении последних столетий, вплоть до XIX в.³, о чем свидетельствуют и авторы этого периода.

Так, И. Гербер писал, что в горах много уездов, которые «...не все равны и по ситуации земля разная в оных имеется, того ради обитатели неравной промысел имеют, некоторые питаются скотоводством, некоторые имеют пашни, виноградные и другие сады, а иные мало хлеба имеют»⁴. В целом естественно-климатические условия, а также историко-политические факторы предопределили зональную специализацию хозяйства в Дагестане, обусловили решающее значение в экономике земледелия или животноводства. Наиболее развито было земледелие в плоскостной зоне, охватывающей Прикаспийскую равнину и территорию Северного Дагестана (Засулакская Кумыкия) и нижнее предгорье. Природно-климатические условия этих зон были более благоприятны для развития пахотного земледелия и разведения крупного рогатого скота.

На наиболее обширной территории, каковой была горная зона, пригодными для земледелия были долины больших и малых рек и многие склоны гор. Характерной особенностью этой зоны было наличие культурных террас.

Внутри нагорной зоны выделилась горно-долинная зона. Это долины Самура, Ахтычая, Чирахчая, Андийского Койсу и Аварского Койсу. Это место интенсивного садоводства.

Высокогорная зона — это продолжение горного Дагестана, переходящее на западе в пояс более высоких гор. Климат этой зоны холодный и влажный. Участков земли, пригодной для земледелия, здесь мало, но зато много прекрасных альпийских пастбищ.

¹ История Дагестана. Т. 1. С. 233; Османов М. О. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1970. Т. 20. С. 295.

² История Дагестана. Т. 1. С. 233.

³ Османов М. О. Указ. соч. С. 295.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 112.

способствовавших широкому ведению овцеводческого хозяйства.

Именно такое зональное развитие той или иной отрасли хозяйства было характерно в изучаемое время, на что было обращено внимание как в источниках¹, так и в исследованиях дагестанских историков и этнографов². Недостающие или отсутствующие у себя товары жители одних зон приобретали у жителей тех зон, где их производили в относительном избытке и специально для обмена (продажи) на те товары, которые не производились ими. Специализируясь на производстве тех или иных товаров или продукции, жители всех природно-географических зон в результате тесных контактов обеспечивали себя всем необходимым.

Специализация наблюдалась и в производстве ремесленных и домашних изделий. И она целиком была предопределена основными видами хозяйства — земледелием и животноводством, ибо именно эти отрасли деятельности поставляли сырье для ремесла и домашней промышленности.

Зональная специализация хозяйственно-экономической деятельности была самой действенной основой и стимулом торгово-экономических связей как внутри зон, так и между ними. В результате во всех природно-хозяйственных зонах возникли свои торговые центры, куда съезжались не только их жители, но и жители соседних зон. В то же время в Дагестане выделяются и торгово-экономические центры общедагестанского масштаба, куда привозили свои товары жители почти всех природно-хозяйственных зон. Такими известными торгово-экономическими центрами были Дербент, Эндирей, Кумух, Анди, Цудахар, Ахты и т. д., выступавшие в то же время и как центры тех зон Дагестана, куда они относились как этно-политические центры.

Экономика Дагестана в изучаемое время достигла определенных успехов, получили дальнейшее развитие как основные отрас-

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч.; Гильденштедт И. А. Указ. соч.; Броневский С. М.; Указ. соч.; Симонович Ф. Ф. Указ. соч.; Тихонов Д. И. Указ. соч.; Бутков П. Г. Материалы..., его же. Выдержки...; Ахвердов А. И. Указ. соч.; Розен Р. Ф. Указ. соч.; Буцковский А. М. Указ. соч. и т. д.

² Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала, 1957; Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959; Его же. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964; История Дагестана, 1967. Т. 1; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч.; Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; Асиятилов С. Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX — первая пол. XX вв.). Махачкала, 1967; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX — начало XX в. М., 1978 и др.

ли — земледелие и скотоводство, так и ремесленное и домашнее производство и торговля.

Более развита была экономика на плоскости и нижнем предгорье, где природно-климатические условия и географическое расположение были более благоприятны для развития земледелия, полеводства вообще, содержания скота и развития торгово-экономических связей с другими народами и странами. Здесь была плодородная земля, имелись пастбища для зимнего содержания скота, проходил торговый путь, связывающий Дагестан с Закавказьем, странами Ближнего и Среднего Востока, с Северным Кавказом и Россией. Все это, естественно, способствовало большей развитости экономики этой зоны Дагестана по сравнению с горной и в особенности высокогорной зонами, где малоземелье, суровые климатические условия сдерживали развитие полеводства. Бедна была эта часть Дагестана в целом и сенокосными угодьями, что не позволяло заготавливать на зиму необходимое количество кормов для скота. Но плоскость не располагала летними пастбищами, горная зона — зимними. Этими причинами объяснялось развитие отгонного животноводства в Дагестане.

В целом недостаточно была развита торговля, особенно в местах, удаленных от оживленных торговых путей и крупных рынков. Сильна еще была натуральность хозяйства. Развитию торговли мешала феодальная раздробленность и феодальные раздоры, существование в основном товаро-обменных связей, отсутствие своих единых денежных знаков, наличие большого числа различных единиц измерения и т. д.

Отрицательно повлияли в изучаемое время на развитие экономики Дагестана и разрушительные походы в Дагестан иноземных завоевателей, в особенности шаха Аббаса I, российских войск в начале XVII в., в начале XVIII в. (в 1722 и 1725 гг.) и в начале XIX в. во главе с отличавшимся особой жестокостью А. Ермоловым. Крайне отрицательно сказалась на экономике Дагестана длительная и кровавая борьба с нашествиями полчищ Надир-шаха, которая унесла немало работоспособного населения, привела к разорению и ограблению многих сел, угону скота, уничтожению в целом производительных сил.

Что касается основной тенденции политического развития Дагестана в целом, то она характеризуется в изучаемый период продолжением и активизацией всей политической жизни основных территориально-политических структур, усилением их взаимоотношений, политических связей друг с другом, взаимопомощи, участия при решении различных вопросов и в то же время — существованием политических разногласий между феодальными владельцами, а от-

сюда и различного рода политических противостояний и междоусобиц. Вместе с тем, Дагестан в целом представлял единый, как в экономическом, так и в политическом отношении организм, ставший возможным вследствие осознания его народами общности исторических судеб. Это единство было закреплено общностью интересов, необходимостью сохранения самостоятельности и независимости от внешних врагов, угроза со стороны которых еще более спланивала народы Дагестана в целом. Исследуемый период полон примерами, когда завоевательная политика и конкретные военные акции таких держав, как Турция, Персия и Россия приводили жителей различных этно-политических структур Дагестана к единым действиям, к объединению их усилий и возможностей для отпора посягательствам всех иноземных завоевателей.

Достаточно вспомнить такие события, как совместные действия дагестанских народов против царских войск в конце XVI — начале XVII в. Когда в 1594 г. царским войскам, к которым присоединились кабардинские отряды и некоторые мурзы Больших Ногаев, удалось укрепиться на берегах Койсу, построить там крепость, захватить Эндирей и Тарки, «сыновья Чубан — шамхала, собрав ополчение из черкесов, кумыков и дагестанцев, воспрепятствовали» строительству близ Тарков русской крепости¹. «Этот поход царских войск... вызвал подъем освободительной борьбы в Дагестане. Именно поэтому сыновьям Чубан-шамхала легко удалось собрать ополчение со всего Дагестана и вытеснить войска Хворостинина из Тарков, изгнать их из пределов шамхальства, нанеся им большой урон»². Потери царских войск составили до 3 тыс. стрельцов³. Весной 1604 г. в Дагестан было направлено Борисом Годуновым около 10 тыс. стрельцов под командованием воевод И. М. Бутурлина и О. Т. Плещеева. Ими были построены три крепости. И на этот раз завоевательная политика царских войск вызвала в Дагестане подъем освободительной войны. Как писал В. Потто, к Таркам стали стягиваться вооруженные отряды горцев со всего Дагестана⁴. Объединенные силы шамхала, крым-шамхала, даргинцев, эндирейского владетеля и аварского хана блокировали Тарки, затем, позволив стрельцам выйти из Тарков, атаковали их и уничтожили из них более 7 тыс. человек, среди которых были

¹ Бакиханов А.-К. А. Указ. соч. С. 110.

² Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 128.

³ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1898. Вып. 1 (1518—1613). С. CV; Потто В. Кавказская война... С. 10.

⁴ Потто В. Кавказ до Петра. СПб., 1896. С. 3.

и Бутурлин с сыном¹. При этом мы не согласны с бытующим мнением, что в разгроме царских войск основную роль сыграла помощь Турции². Такая постановка вопроса, на наш взгляд, однобока, преувеличивая роль небольшого турецкого отряда, прибывшего в Тарки, по существу, сводит на нет роль местных сил, их успехи в борьбе за независимость от царского самодержавия, пытавшегося силой оружия утвердиться в Северном Дагестане; более того, она приписывает иноземным силам успехи горцев в освободительной борьбе с царскими войсками, выставляя турок в роли чуть ли не освободителей, защитников горцев³.

Мы акцентировали внимание на этих событиях лишь потому, что это был первый факт в изучаемый период, когда горцы «всех земель», т. е. дагестанские народы выступили совместно, единой силой за свою свободу и независимость.

Результатом этих совместных действий народов Дагестана явились, во-первых, провал попытки России утвердиться в Дагестане силой оружия; во-вторых, изменение тактики борьбы России за влияние в Дагестане — отказавшись от военных акций, она стала на путь привлечения дагестанских владетелей на свою сторону различного рода торгово-экономическими привилегиями⁴. Следует отметить, что эта политика России нашла большой отклик среди владетелей Дагестана, привела к установлению между ними и Россией тесных торгово-экономических связей. Более того, политика мирного проникновения, проводившаяся московским правительством в Дагестане, привела к тому, что в XVII в., когда иранские шахи стали выступать с претензиями на Дагестан, его владетели стали обращаться за помощью к Русскому государству, которое, будучи заинтересованным в усилении своих позиций в Дагестане, с одобрением встречало подобные обращения дагестанских владетелей⁵.

Интересные факты солидарности и взаимопомощи дагестанцев отмечены в период борьбы с персидскими завоевателями. Согласно одной арабской надписи от 1021 г. х. (1612—1613 г.), объе-

¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. CX; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. IV. Т. 8. С. 374; Лавров Л. И. Тарки до XVIII века // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. IV. С. 18—20.

² Белокуров С. А. Указ. соч.; Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Т. 2; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; История Дагестана. М., 1967. Т. 1.

³ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 134.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 136.

диненные силы Акуша-Дарго и Сюрга разбили войска ставленника шаха Аббаса I Юсуп-хана ширванского, уничтожив до 2 тыс. человек¹. Решив отомстить за это поражение даргинцам, Аббас I направил в Акуша-Дарго большие силы в результате чего объединенные ополчения даргинцев потерпели поражение. В происшедшем в 1020 г. х. (1611—1612 г.) в сел. Усиша сражении даргинцы потеряли 4400 человек убитыми². Надо полагать, что вместе с верхнедаргинцами и сюргинцами в этом сражении участвовали и жители других даргинских обществ, а возможно и другие народы Дагестана. Этим можно объяснить и походы персидских войск Аббаса I в другие общества³.

Солидарность и поддержку в борьбе с персидскими шахами проявили народы Дагестана и в последующие годы и периоды. Не останавливаясь на всех примерах, имевших место в XVII в., укажем лишь антишахское выступление дагестанцев в 1659—1660 гг., в котором приняло участие более 30 тыс. человек. Согласно сведениям М. Казвини, в лагере дагестанцев находились Сурхай-шамхал, Казаналп эндирейский, кайтагский Улуг, «военачальники, прочие знатные и народ». Участие в нем как крупных и мелких феодалов, военачальников, так и рядовых общинников («народ») Дагестана дает право говорить «о всеобщем характере этого восстания»⁴.

Из совместных действий дагестанцев в XVIII в. следует отметить выступления против гарнизона крепости Святого Креста в 1725 г. на стороне шамхала тарковского Адиль-Гирея кумыков, ногайцев, даргинцев «и других Лезгов (т. е. дагестанцев — авт.), власть шамхала над собою признающих» и подданных России, «по возмущении его России изменивших». Всего в осаде крепости участвовало 30 тыс. дагестанцев⁵. Наиболее яркими примерами историко-политической общности, отсюда и совместных действий народов Дагестана за независимость являются годы их борьбы с войсками персидского шаха Надира, когда они в течение более 10 лет выступали против них то в одном владении, то в другом, на плоскости, в предгорье и в горном Дагестане, громя как отдельные отряды завоевателей, возглавляемых военачальниками шаха, так и войска во главе с самим Надиром.

¹ Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории); Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. С. 7.

² Там же. С. 7—8.

³ Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960. С. 5.

⁴ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 193.

⁵ Бутков П. Г. Материалы... С. 80—81.

Известны в изучаемое время и многочисленные совместные походы в Закавказье «Лезгин и прочих дагестанцев», а также выступления против завоевательной политики России в конце XVIII — нач. XIX в., переросшие в антифеодальную и антиколониальную борьбу горцев в 20—50-х гг. XIX в.

Подводя итог общей историко-географической характеристике Дагестана XVII — нач. XIX вв., можно отметить ряд характерных особенностей по вопросам, которые нашли отражение в приведенном выше материале. Прежде всего они касаются географического положения территории, границ и территориально-политического деления Дагестана. Будучи одной из наиболее гористой частью земли, Дагестан по характеру рельефа делится на две основные части — горную и низменную. В то же время в географическом отношении Дагестан принято делить на три поперечные части: северный, средний и южный, имеющие в своем составе все рельефные зоны и их части. Каждая из указанных трех частей состояла из различных территориально-политических структур, т. е. феодальных владений и союзов сельских общин. Сходство каждой из этих трех частей заключалось не только в наличии в их составе различных политических структур, но и в их полиэтничности — в них находились как компактные этнически однородные территориально-политические структуры, так и компактные или разбросанные по общинам этнические группы. Каждая этническая группа имела свое самоназвание и названия, которые давали им другие этнические группы Дагестана. Порою, последние не совпадали с самоназваниями и, передаваясь в искаженном виде, превращались в названия народов, под которыми они стали известны и русским.

Наличие многочисленных моно- и полиэтничных территориально-политических структур, многочисленных этнических групп на территории, известной под названием Дагестан (или Лезгистан), формировало их в историко-территориальную и историко-политическую общность (откуда и общность их политических интересов), способствовало тесным экономическим связям и культурным взаимоотношениям между ними. Отсюда цельность и взаимосвязанность историко-экономической и историко-политической географии. Первая из них характеризовалась дальнейшим развитием всех отраслей хозяйственной деятельности населения, укреплением и расширением старых и появлением новых хозяйственно-экономических и торгово-ремесленных центров, дальнейшим расширением в целом экономических и торговых связей как внутри Дагестана, так и последнего с другими странами Кавказа, Ближнего Востока и в особенности с Россией, все более распространявшей свое экономическое и политическое влияние в Дагестане. Что

касается историко-политической географии, то она в изучаемое время характеризовалась дальнейшим усилением политической активности различных территориально-политических структур, в особенности наиболее крупных и известных феодальных владений (Казикумухское, Аварское и Дербентское ханства, шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, Табасаранское майсумство) и союзов сельских общин (в особенности Акуша-Дарго). Весь изучаемый период полон многочисленными примерами активной политики, проводимой этими политическими структурами как внутри Дагестана, так и за его пределами.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

Глава III

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА

Понятие «Северный Дагестан» — условное. В разные исторические периоды оно могло быть трактуемо несколько иначе, чем в наше время. Это зависело в большей степени от административно-политического разделения страны, от распространения власти дагестанских феодальных правителей на ту или иную область Северного Кавказа. На картах разных времен издания северные границы Дагестана указываются разные. Здесь интересны границы «Северного Дагестана», указанные в одной из последних работ географов, в частности в «Географии Дагестана», в которой сказано, что «Северный Дагестан включает в себя три северных административных района республики и город Кизляр», что Терско-Сулакский регион состоит «из четырех районов равнинной и предгорной зоны»¹. Современные северные границы Дагестана, если исходить из политической карты («Дагестанская АССР»//ГУГК, 1987 г.) охватывают значительно более широкий регион, чем нами освещается, включая и Ногайский, Тарумовский и Кизлярский районы. Они имели тесные экономические и политические связи с Засулакским Дагестаном в XVI—XVII вв. Ногайцы, кочевавшие в этой зоне тогда, разбивали свои кочевья и на землях эндирейских, аксаевских и тарковских владетелей, которым платили подати за это, в определенной степени зависели от них. Это подтверждается имеющимися источниками². Но говорить о том, что нынешняя территория этих районов (Ногайского, Тарумовского и Кизлярского) полностью входила в XVI—XVII вв. в состав Северного Дагестана, составляла его часть, нет больших оснований. Поэтому их ис-

¹ Пашаев К. И. О проблеме регионализации школьного курса «География Дагестана» // Тез. докл. конф. по итогам географ. иссл. в Дагестане. Махачкала, 1994. Вып. XXII. С. 109.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 61—64.

торико-географическому описанию не уделено здесь особого внимания.

Необходимо подчеркнуть, что в данной работе речь идет конкретно об устойчиво входившей в состав Дагестана еще в XVI—XVII вв. в историко-географическом и политическом плане территории, заключенной между реками Терек с севера и Сулак (Койсу) — с юга. Ее историко-географическая, а также историко-экономическая общность четко прослеживается по источникам XVI—XVIII вв. По ним же прослеживаются и экономические, политические и иные контакты этой части Дагестана с другими его частями, в особенности с шамхальством Тарковским.

Эта дагестанская территория привлекала и по сегодняшний день продолжает привлекать внимание правителей соседних народов и областей Северного Кавказа. В последние годы отдельными авторами делаются попытки обосновать принадлежность Терско-Сулакского междуречья с раннего средневековья чеченцам-аккинцам. Особенно отличается в этом плане А. Адилсултанов¹. Здесь приведем лишь резюме этого автора, пишущего, видимо, не без умысла обострения межэтнических отношений на Северо-Восточном Кавказе или не понимая негативных последствий таких утверждений: «Таким образом, Терско-Сулакское междуречье, на землях которого располагалась Аьккха (Акки) к XVI веку, состояло из двух крупных обществ: Пачалкъя-Аьккха (или Аьккха) и Пхьарчхошка-Аьккха (или Ширча-Аьккха). Междуречье было довольно густо заселено представителями аккинского населения, выдвинувшимися в число передовых северокавказских обществ к середине XVI века. Естественно этого не могло произойти без относительно развитого уровня экономических и социальных отношений внутри Акки в рассматриваемое время, т. е. в XVI—XVII вв.»². Автор даже не упомянул о других жителях этого региона. Следовательно, решение вопросов исторической географии Терско-Сулакского междуречья ныне приобрело особую актуальность.

Здесь предусматривается освещение четырех основных аспектов исторической географии этого региона Дагестана. Во-первых, дается его краткая историко-географическая характеристика; во-вторых, прослеживается историческая география формирования этнического состава и расселения его населения; в-третьих, рас-

крывается историческая география хозяйственной деятельности жителей изучаемого региона, освещается его экономика в историко-географическом аспекте; в четвертых, большое внимание уделяется вопросам исторической политической географии (география внешних и внутренних границ, размещение основных населенных пунктов, городов, крепостей; основные торговые центры, описание торговых путей, мест сражений, народных движений).

Чтобы сделать работу максимально понятной, в ней анализ исторических источников дан в целом в хронологической последовательности, т. е. по векам, как это имело место в жизни. При этом ни один известный исторический факт нами не упускается сознательно. Максимальная объективность подачи и интерпретации фактического материала, содержащегося в исторических источниках рассматриваемого времени, должна нас гарантировать от поспешных, малоубедительных выводов.

1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СЕВЕРНОМ ДАГЕСТАНЕ

Как отмечено уже в предыдущей главе, существует достаточно много работ, в которых довольно подробно освещена в географическом плане территория Северного Дагестана. Здесь мы не станем повторяться, а лишь отметим отдельные детали.

Общее описание территории между р. Терек и р. Сулак содержит коллективный географический труд ряда авторов. По их наблюдениям, «Терско-Сулакская низменность охватывает поймы и дельты рек Терека и Сулака, слегка повышается к западу и юго-западу и плавно опускается к Каспийскому морю. Терско-Сулакская низменность представляет собой почти идеальную равнину с небольшими малозаметными для глаз поднятиями-наносами рек, преимущественно Сулака и Терека»¹.

Терско-Сулакское междуречье является составной частью Прикаспийской низменности, которая «тянется от реки Кумы до предгорий Дагестана, отличается крайним однообразием и представляет собой почти совершенно плоскую равнину, значительная

¹ Адилсултанов А. А. Акки и аккинцы в XVI—XVIII веках. Грозный, 1992. С. 12—18.

² Там же. С. 17—18.

¹ Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала, 1958. С. 11—12.

часть которой лежит ниже уровня океана, постепенно опускаясь к берегу Каспийского моря (—28 м. абс. высоты)»¹.

Стекающие с гор реки широко разливаются по этой низменности, образуя множество меняющих свои русла рукавов и вместе с тем откладывая свои наносы в отдельных районах². Наиболее мощные наносы откладывает Терек, рукава которого избороздили довольно значительную часть суши³. Сравнительно глубокие долины рек Аксай, Ярыксу, Ямансу, Акташ также свидетельствуют о разрушительной силе их во время паводков.

Климат большей части Приморской низменности и восточной Терско-Сулакской низменности определяется как климат сухих степей и полупустынь. Морское побережье низменности, особенно остров Чечень, Аграханский полуостров, а также значительная часть Ногайской степи в связи с господством подвижных дюнных песков и барханов напоминает типичные пустыни⁴. Осадки приходятся в основном на июнь-сентябрь⁵.

Почвы этой зоны многообразны — от каштановых почв сухих степей и бурых почв полупустынь до азональных аллювиальных почв речных долин и дельт⁶. На низменностях же Северного Дагестана «широко распространены различные виды лугово-степных и луговых почв, образовавшихся на аллювиальных отложениях, а также лугово-болотные и пойменные почвы»⁷, которые дают хорошие урожаи при тщательной их обработке.

По наблюдениям специалистов климатические условия Терско-Сулакской равнины, несмотря на недостаток влаги, благоприятны для сельского хозяйства⁸, чем и занимались кумыки, заселявшие эту зону Дагестана.

В целом условия для хозяйственно-экономической деятельности в этой зоне Дагестана были довольно хорошими. Животный и растительный мир был разнообразен и богат. Важную роль играли при этом пойменные леса, в которых росли дуб, граб, ясень, груша, ольха, белолестка, липа, клен, боярышник, кизыл, лещина, лох, бересклет, мушмула, ива, калина, дикий виноград, ежевика, хмель⁹.

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 70.

⁷ Там же. С. 71.

⁸ Там же. С. 196—197.

⁹ Там же. С. 81.

Терско-Сулакское междуречье в исторической литературе известно и под названием Кумыкской плоскости. Под таким названием оно было описано еще в XIX в. Н. Семеновым. Он писал, что «Кумыцкою плоскостью называется равнина, в северо-восточном углу Кавказского перешейка, у подошвы Андийского хребта. Границами этой равнины служат: с севера южный рукав дельты Терека, с востока — западный берег Аграханского залива, с юга — река Сулак и подошва южных отрогов Андийского хребта, известных под именем Салатавских и Ауховских гор, и с запада — сначала река Аксай, потом черта, отделяющая земли чеченских селений Энгель-юрта и Азамат-юрта от земель кумыцких селений, и далее река Терек. Величина равнины в направлении с севера к югу — от 45 до 60 верст и в направлении с востока к западу — от 60 до 70 верст. Равнина имеет склон с юго-запада к северо-востоку и в этом направлении по ней протекают реки: Аксай, Яман-су, Ярык-су и Акташ»¹. В пору дождей и таяния снегов, весной и осенью реки эти, переполненные водою, с бешеной стремительностью проносятся почти через всю равнину, там и тут затопляя обширные низменности и частью достигают моря (Аграханский залив), частью разливаются в прибрежной степи, образуя в ней непроходимые болота. В остальное время года реки эти до того маловодны, что едва достигают среднего пояса равнины, и в эту пору нижняя ее часть превращается в сухую бесплодную степь.

Климат равнины теплый, благоприятный для культурных растений среднего и даже южного пояса, но не отличается ровностью и постоянством².

Еще сто лет тому назад отмечены были разные зональные естественно-географические пояса в этом регионе. Из них верхний пояс, «начинающийся у подошвы Ауховских и Салатавских гор, по плодородию представляет собою одно из прекрасных мест на Северном Кавказе. Почва здесь черноземная и вода в изобилии». Много садов в этой зоне и лесов, богатых фруктами.

В среднем поясе «... теплее, но вода в нем распределяется весьма неравномерно: местами она захватывает огромные площади, местами совершенно отсутствует. В этом поясе хлебные растения, в особенности чалтык дают роскошный урожай, но садов здесь мало, а лесов совсем нет.»¹

¹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб.: Тип. А. Хомского, 1895. С. 225.

² Там же. С. 226.

³ Там же.

Что же касается последнего пояса, протянувшегося по берегам Аграханского залива, то «культивировка его представляет невероятные трудности. Почва... состоит из песчаника, перемешанного с морским илом..., стоячие болота... с целыми камышовыми лесами, способствующими лишь развитию саранчи, разных болотных птиц, зверей и насекомых»¹.

В целом же и в наше время территория междуречья Терека и Сулака характеризуется сухостельным и полупустынным (северо-восточнее рукава Терека-Новый Терек) климатом.

На орошаемых землях территории между Терекон и Сулаком «в основном распространены луговые, лугово-каштановые суглинистые, тяжелосуглинистые и глинистые почвы. Причем, тяжелые почвогруппы занимают порядка 50% площади земель и являются более склонными к засолению. Относительная площадь орошаемых земель со средней степенью засоления и выше составляет около 30%»². Все это требовало проведения оросительных работ по снижению засоленности почвы или же для борьбы с засухой, нередко случавшейся в данном регионе. В целом же наличие большого количества рек: Терек с рукавами, Старый Терек, Новый Терек, Таловка, Средняя Прорва и Аликазган; Сулак с рукавами, Малый Сулак, Акташ с притоком Ярык-су, Аксай с притоком Яман-су; Шура-озень, уровень которых бывает высок во время таяния снегов (февраль-май), а также в сезон дождей в горах (май-июнь)³ позволяет орошать значительную площадь пахотной земли и получать хорошие урожаи в этой зоне практически всех сельскохозяйственных культур.

Сопоставление этих разновременных данных об одной территории свидетельствует об их в целом схожести, идентичности. Какие-либо ландшафтные особые изменения, происшедшие в результате природных явлений или деятельности человека, на этой территории в исследуемый период не зафиксированы в источниках. Единственное, можно сказать, изменение произошло в сер. XVIII в. в устье р. Терека. И это изменение значительно повлияло на положение жителей низовьев Терека. По свидетельству И. А. Гильденштедта, «самый северный рукав Терека — Борозда

выше Кизляра уклоняется от Бороздинской станицы. В июле-августе талая вода поднимает уровень Терека до 8—10 футов выше обычного, вызывая разливы. Борозда впадает в Бекетей, т. е. в нижний рукав Терека».

Бороздою «татары и россияне называют канал: таков был и сей рукав и служил для напоения полей; но как заметили, что он слишком сильно взял туда стремление, то его запрудили, и он оставался в таком положении до тех пор, пока генерал Потапов для окружения Кизляра водою и защищения оного от нападения угрожающих ему кубанцев в 1768 г. приказал срыть плотину». Это было причиной того, что река взяла направление, которое никак невозможно было переменить. Стремление воды в Борозду засорило старое русло до того, что в 1772 году ниоткуда Кизляр не наполнялся водой, что заставило за городом провести из Борозды в Терек канал», который из-за высоты его русла затоплял правый берег до Кизляра. С того времени Борозда составляла главный проток, который, «уклоняясь вправо на двадцать верст от Кизляра, соединяется опять в шести верстах ниже города»⁴.

Еще при Петре I была сделана попытка направить воды Сулака в Аграханский залив, чтобы можно было организовать водою доставку всего необходимого из Аграханского залива для построенной на берегу Сулака крепости Святой Крест². Однако это мероприятие не увенчалось успехом, а плотина, видимо, была унесена следующего года лаводком.

В целом же исследуемый регион по своим естественно-географическим условиям позволял заниматься практически всеми отраслями сельского хозяйства — земледелием, животноводством, садоводством, рыбной ловлей. Большую ценность представляли и зимние пастбища этой зоны Дагестана. Этот регион был довольно рано заселен человеком, освоен и в XVI—XVIII вв. здесь проживало разноэтничное население, в формировании которого участвовали в первую очередь местные дагестанские и северо-кавказские народы, ногайцы, русские, так или иначе (самочинно или в результате организованных правительством России переселений) оседавшие в низовьях Терека и т. д.

¹ Там же. С. 227.

² Кондаков И. М. Природные условия междуречья Терека и Сулака применительно к орошению сельскохозяйственных культур // Тез. докл. по итогам географ. исслед. в Дагестане. Махачкала, 1994. С. 39—40.

³ Рыжкова Н. Г., Алахвердиев Ф. Д. Экологические особенности гидрографии Терско-Сулакской низменности // Тез. докл. по итогам географ. исслед. в Дагестане. Махачкала. 1994. С. 37.

⁴ Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия Г-на Академика... через Россию по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. С. 4.

² Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана: Арх. мат. М., 1958. С. 63-65.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА

Этот вопрос по сути дела не разработан в нашей историографии. Между тем история формирования этнического состава населения или этнической карты любого региона страны всегда привлекала внимание исследователей, а также общественно-политических деятелей, роль которых возросла после распада СССР и актуализации и политизации проблемы межэтнических отношений.

Еще в самом начале XV в. бывший архиепископ персидского города Султанийи Иоан де Галонифонтибус в своей «Книге познания мира» писал и о народах Дагестана. Он отмечал, что здесь, т. е. в Дагестане «живут также грузины, сарацины, даргинцы и лезгины. Между этой местностью и горами обитают две народности: встречаются лакцы и даргинцы... На равнине и у подножия гор проживают различные народности и каждая имеет собственный язык»¹. Перечислены этим автором «кыпчаки..., кумыки и авары...»². Имея в виду Дагестан, Галонифонтибус пишет, что «В этой стране много христиан, а именно: греки, разные армяне, зики, готы, таты, воляки, русские, черкесы, леки, йассы, аланы, авары, казыкумухи, и почти все они говорят на татарском языке»³. Как видим, в перечне народов региона не упомянуты чеченцы или аккинцы.

Нет сомнения, что к концу XVI — началу XVII в. население исследуемой зоны в большинстве своем состояло из кумыков. Именно их А. Олеарий называл татарами, то «тарковскими»⁴, то дагестанскими⁵, а также «кумуками»⁶ (т. е. кумыками).

Более конкретно этническая принадлежность жителей рассматриваемого региона прослеживается по русским архивным документам конца XVI — начала XVII в., опубликованным еще С. А. Белокуровым в 1889 г. В частности, можно сослаться на отписку терских воевод к царю о том, что в Терский город «нагайские и кумыкские люди не приезжают», а ездят «нагаи в Кумыки

торговати, а кумыки в Нагаи»¹. Еще более конкретен был в этом вопросе посетивший Дагестан в середине XVII в. турецкий географ-путешественник Эвлия Челеби. Он писал о «племени кумык», владевшем крепостью Эндирей, о кумыкском народе², заселявшем территорию до самого Каспийского моря, описал целый ряд собственно кумыкских сел и т. д.

Сообщение Эвлия Челеби о проживавших в зоне расположения села Эндирей народах в какой-то мере позволяет судить и о собственно полиэтничном составе населения Северного Дагестана. Он пишет, что «и все население знает языки персов, грузин, черкесов, кумыков, калмыков, кайтаков, моголов, боголов, хешдеков, русов, московитов, лезгин, кахтание, кипчаков, чагатайцев и разных прочих народов»³.

Этот регион Дагестана в XVI—XVII вв. стал объектом пристального внимания России, Крыма, Турции, Ирана. Политика этих государств оказала существенное влияние на формирование этнического состава населения региона.

Интенсивно стало расти здесь русское население. Этому способствовало бегство многих феодально-зависимых категорий населения из центральных областей России на национальные окраины, в частности на Терек. Беглые крестьяне российских губерний превращались в вольных поселенцев, становились казаками, вступали в тесные экономические и политические связи с местным горским населением. Это пришлое население вступало в родственные связи с горцами, поскольку казакам себе жен приходилось похищать, умыкать у местных народов.

Процесс оседания русских на Тереке в исторической литературе освещен достаточно подробно и хорошо⁴. Но основные моменты его все же необходимо проследить.

Как отмечается в «Истории народов Северного Кавказа», первые русские крепости на Северном Кавказе были построены в начале второй половины XVI в. по просьбе наиболее дальновидных северокавказских владетелей, остро нуждавшихся в близком

¹ Иоан де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа. 1404 г. Баку: «Элм», 1980. С. 25.

² Там же. С. 13.

³ Там же. С. 15.

⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Пер. А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 498—499.

⁵ Там же. С. 494.

⁶ Там же. С. 498.

¹ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 78.

² Эвлия Челеби. Книга путешествия. М.: Наука, 1979. Вып. 2. С. 114.

³ Там же. С. 115.

⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 328—331; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. С. 66—98; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М.: Наука, 1963. С. 39—87, 291—323; Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI—XVII вв. Грозный, 1988. С. 8—60; Чеченская республика (население, экономика, история). Грозный, 1995. С. 20—25.

и постоянном присутствии русских «воинских» служилых людей (с «вогненным боем»). В свою очередь, русское правительство ставило эти крепости в надежде превратить их в опорные пункты своего влияния, поскольку, не имея их, трудно было оказывать необходимую и своевременную помощь северокавказским союзникам России»¹.

Отметим также, что основание первого русского городка в Кабарде относится к 1563 году, но ничего другого о месте этого городка неизвестно. Конкретны сведения о месте возведения второго городка в 1567 году «на реке Тереке усть Сююнчи реки» или Сунжи — против устья р. Сунжи на другой стороне Терека, т. е. вблизи рубежа, отделявшего Кабардинскую землю от Кумыцкой»². В 1571 г. этот городок был оставлен русскими по требованию султана Турции и его вассала крымского хана, опасавшихся усиления влияния России на Северном Кавказе. По просьбе своих кабардинских родственников Иван IV в 1578 г. вновь возвел Терский городок³.

Окончательно Терский городок решено было поставить в устье Терека. Для этого в 1588 г. были направлены на Терек Мих. Ив. Бурцев и Келарь Протасьев. Этот новый город на реке Тереке по утверждению еще С. Белокурова первое время назывался и «Теркою», и «Терским городом», и «Тюменским новым городом», и «Тюменским острогом на Тереке (в последних двух случаях по протоке Терека Тюменке, близ которой стоял город)», а старый город на Тереке теперь стал известен под названиями «Сунши», «Суншина городища», «Сунши городища»⁴.

Терский городок у устья Терека оказался живучим, превратился в опорную базу царизма на Северном Кавказе, укрепился разросся, оброс кварталами — слободами из местных народов. Такова была Черкасская слобода, основанная кабардинскими князьями Куденеком Камбулатовым и Сунчалеем Янглычевым, покинувшими Кабарду из-за усабиц и ставшими служить царю в Терском городке вместе со своими узденями. К 1645 г. в этой слободе проживало уже 175 дворов черкас, окочан, тезиков и татар — закладчиков Муцала. Татар в 1640 г. в Терском городке насчитывалось 43 двора и 7 кибиток⁵. И занимались они в основном земледелием и рыбной ловлей. Рядом с Черкасской слободой

¹ История народов Северного Кавказа ... М., 1988. С. 330.

² Белокуров С. А. Указ, соч. С. LXXXV.

³ Там же. С. LXXXVI.

⁴ Там же. С. XCVII.

⁵ Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв. М., 1957. Т. 1. С. 196—197.

образовались Новокрещенская слобода, населенная принявшими христианство беглыми из северокавказских народностей, а также слободы Татарская и Окоцкая, возникшие в конце XVI — начале XVII в. в связи с бегством из Окох от притеснений кумыцких мурз окочан, которые получали окладное жалование и широко использовались терскими воеводами в сношениях с северокавказскими народами¹.

Далее мы еще вернемся к проблеме окочан-ауховцев. Здесь же считаем необходимым привести заслуживающее пристального внимания мнение Я. З. Ахмадова о том, что «именно с 1578 г. русское присутствие на Северном Кавказе приобрело постоянный характер. Городовые казаки Терского городка после сношения крепости были оставлены на Северном Кавказе. Их взял под свое покровительство вайнахский владетель Ших-мурза Окуцкий», который с 1578 по 1588 гг. являлся чуть ли не единственной опорой царя на Северном Кавказе².

В создавшихся в конце XVI в. на Северо-Восточном Кавказе условиях, по мнению Я. З. Ахмадова, Россия не могла открыто вмешиваться в северокавказские дела, поэтому пророссийская деятельность Ших-мурзы Окоцкого приобретала особую значимость, поскольку этот владетель опирался почти на 1000 воинов (500 казаков и 500 «слуг своих») ³.

Однако эти цифровые данные почерпнуты собственно из грамоты Ших-мурзы Окоцкого на имя царя. Здесь заметно, что Я. З. Ахмадов упустил из виду момент преувеличения Ших-мурзой своих заслуг перед царем, рассчитывая на то, что царь плохо знает обстановку на Северном Кавказе и поверит всему, что он напишет.

Ших-мурза же писал, в частности, следующее: «Великому князю Ших-мирза челом бьет. Холоп есми твой; для тебя яз в Железных воротах много нужи терпел есми и саблю есми за тебя доводил. Толи наша вина: 500 человек было казаков и яз Ших-мирза в головах тебе служачи, Индили словоет город и с тем 7 городов взяли есмя... Да есть городок, а от нас до него с полднища, и к нам оне не приложаца. И ты бы с послом моим вместе прислал рать свою. А ныне у меня слуг моих 500 человек. А велишь где итти на свою службу — яз с теми своими слугами готов. А и за нас будет на Терку город понадобитца — и яз стану и запас ва-

¹ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 293.

² Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 38—39.

³ Там же. С. 39.

зять»¹. Ших-мурза пишет далее, что он терским «воеводам мед и вино, 10 овец и куры и ячменю возыл. Да я ж шевкалова сына Алкаса и с людьми его к шерти привел на том, что ему тебе, государю служить и твоим государевым именем слыд и турскому и крымскому не приставати...», что провожал царских посллов Родиона и Петра при их возвращении из Грузии «до Тюменского до нового города... здорово»².

Если у Шиха-мурзы Окоцкого и было 500 слуг, как он пишет, неясно какие 7 городов он брал ими для царя. Почему-то в грамоте ни один из этих городов не назван. Правда, назван «Индили», но что это за город неясно, то ли это Эндирей, то ли другой город. Но Эндирей в 1588—1589 гг. ни Ших-мурза Окоцкий, ни терские воеводы не брали. Следовательно, сведения Ших-мурзы заслуживают более критического анализа. Что же касается сообщения Ших-мурзы, что он «саблю... доводил» и «в Железных воротах много терпел» — это нам кажется голословным утверждением, поскольку подтверждения о его походе на Дербент или вообще о каких-либо походах русских войск или казаков, с которыми вместе Ших-мурза Окоцкий мог совершить поход на Дербент или Железные ворота, нет ни в одном известном документе.

Кстати, терские воеводы еще тогда сами писали царю по этому поводу, что не сохранилось никаких документов о таких заслугах Ших-мурзы. Они в 1589 г. писали царю, что и «шевкалов сын» Алкас-мирза, которого якобы Ших-мурза Окоцкий приводил к шерти, в Терском городе не бывал, а жил «в Шевкалах у брата»³, а не у Шиха-мурзы.

Не вызывает сомнений лишь факт участия Ших-мурзы Окоцкого в сношениях русских с Аварским князем и в сопровождении царских посллов в Грузию⁴.

Строительство Терского городка в устье Терека по сути дела положило начало регулярному пребыванию в рассматриваемом регионе русского населения в лице вольных поселенцев — казаков, а также в лице поселенных правительством по правому берегу Терека и в самом Терском городке казаков, стрельцов, чиновников и торговцев. Однако нельзя утверждать, что русских в Терках было много, поскольку уже в 1614 г. терский воевода доносил царю, что «на Тереке... твоих, государь, ратных людей мало, и те все бедны, наги и босы и голодны, в твоей государевой казне на Тереке денежной казны и хлебных запасов нету и пороху мало,

а свинца и нету, потому что на Терек денежной казны и хлебных запасов и пороху и свинцу в присылке не бывало 10-й год»¹.

Определенное количество русских стрельцов осело и в построенном в 1594 г. Койсинском остроге, но в 1604—1605 г. этот острог был снесен, а казаки и стрельцы из него ушли в Терский город.

Однако Эвлия Челеби писал, что крепость Койсу «с давних времен» принадлежала шамхал-шахам и в крепости имеются эмир и кадий, что под властью ее хана находятся три тысячи солдат, что «в крепости имеется комендант и охрана, состоящая из трехсот ясаулов»².

Формирование русского населения в рассматриваемой зоне продолжалось. Особенно заметным был прилив русского населения во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. Этому способствовали широкие связи Терской крепости как с местными народами³, так и собственно с Россией. Еще Эвлия Челеби отмечал, что «московский флот идет в Каспийское море по реке Волге, а оттуда на кораблях они проходят в Дагестан до Терской крепости и множества деревень...»⁴. Он же писал, что «все московские купцы сходят здесь, (т. е. в Терской крепости — авт.) с кораблей и направляются в Дагестан, Грузию и Иран», что крепость эта «неотделима от страны Дагестан», что «внутри крепости имеется в общей сложности девять тысяч принадлежащих несчастным (христианам) каменных строений, тесных, крытых досками, без садов и огородов», семьдесят церквей, три тысячи лавок, десять небольших постоянных дворов, что два капитана управляют этой крепостью»⁵.

По сведениям Эвлия Челеби, Терский городок имел также «порт и пристань», ее «капитаны распоряжаются внушительным войском из десяти тысяч солдат»⁶.

Безусловно, цифровые данные Э. Челеби несколько сомнительны в целом, поскольку в одном городке довольно тесно было бы 70 церквям и трем тысячам лавок. Но его другие данные в целом заслуживают учета.

По сведениям Е. Н. Кушевой, в 1669—1670 гг. Терский город был построен на новом месте, расширен и укреплен под руководством английского полковника Томаса Бейли, а в 1689 г. он

¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 64.

² Там же. С. 64—65.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 81, 243; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 48—49.

¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 542.

² Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 2. С. 116.

³ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 297—299.

⁴ Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 2. С. 109.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Там же. С. 128.

подвергся пожару, после которого были построены сосновый кремль и земляная крепость с башнями и валами четырехсаженной высоты. По царским указам в крепости полагалось быть 3—4 приказам стрельцов (1,5—2 тыс. чел., в наличии бывало меньше); во второй половине XVII в. по временам в прибавку к ним посылались стрельцы из Астрахани и солдатские полки. Но в Терском городе проживало не только военнотруженное население; там жили временно или постоянно русские торговые люди, обслуживавшие рыбные промыслы, приходившие с моря бусы и стружки. В 1689 г. в Терках находилось 39 пушек¹.

В 1705 г. (3 сент.) в Терках произошло сильное землетрясение, напугавшее его жителей². В 1708 г. город был подвергнут нападению «кубанцев» и крымских татар, сожжен и ограблен³. Город пришлось перенести ниже по главному рукаву Терека (р. Быстрая) примерно в 7 верстах от залива Аграханского. Город после этого начал хиреть из-за плохих климатических условий и сырости. К началу 20-х годов XVIII в. население Терского городка резко сократилось. Поэтому Петр I и принял решение о создании взамен него новой крепости в Северном Дагестане.

Крепость была заложена «в 20 верстах от устья Сулака и в 67 верстах от устья Аграхани, в том самом месте, где Койсу делится на два рукава: южный — Сулак и северный — Аграхань, в 200 (очевидно это опечатка — авт.) верстах от крепости Терки»⁴.

В октябре 1724 г. в соответствии с указом Петра I Терский город был упразднен, а все его жители и остатки гарнизона, в том числе жившие в нем терские городовые казаки, были переведены в крепость Святой Крест, как и жившие при Терках представители нерусских народностей. К крепости Святого Креста перенесли свои становища и обитавшие в окрестностях Терков ногайцы, состоявшие в подданстве России. Тогда же Петр I переселил сюда с Дона 1000 семей «сказочных» (т. е. настоящих семейных и внесенных в списки, а не наборных) казаков. Это были первые казаки, прибывшие на Кавказ с семьями.

Они поселялись несколькими городками по Аграхани и вверх от нее по Сулаку, образовав так называемое Аграханское казачье войско. Петр I хотел также переселить на Сулак гребенских казаков, но эта попытка вызвала с их стороны такое острое недо-

вольство, что царскому правительству пришлось отказаться от своего намерения¹. Терки полностью не ликвидировались. Здесь создавался редут на 150—200 человек гарнизона с 12 пушками и одной мортирой. Он должен был охранять сухопутную дорогу в Дагестан. Через каждые три месяца из Святого Креста в Терки полагалось посылать роту солдат для смены.

Ценно для нашей работы наблюдение Д. С. Васильева о том, что у крепости Святой Крест поселилось 450 армянских и грузинских семей, построивших дома и лавки «на собственный кошт».

Отдельной слободой у крепости Святой Крест селились кабардинцы князя Черкасского общим числом до 300 семейств².

И.-Г. Гербер отмечал в 1728 г. по поводу строительства крепости Святой Крест, что Петр I ввиду неудобного расположения Терской крепости решил ее «раззорить» и соорудить новую крепость, что «на другой год начали главную крепость строить, которая ныне в окончание приведена. К тому же река Сулак близ крепости запружена, и чрез того вода принуждена в одну реку Аграхань течь, в которой до того воды мало было, и ныне из Астрахани до крепости средними судами в верх»³ плывут. По его же словам, «по реке Аграхани» построена была для прикрытия пристававших «тамо судов малая крепость, или ретранжамент»⁴.

Но С. Броневокий отмечал, что «государь велел запрудить реку Сулак, другой рукав Койсы, дабы обращением воды в один желоб Аграхань сделать его глубже и удобнее для входа судов. Сие предприятие не произвело ожидаемой пользы»⁵.

В районе крепости Святой Крест откочевали и ногайцы. Поселились здесь и армяне⁶.

По мнению В. Г. Гаджиева, сооружение крепости Святой Крест в 40 км от резиденции шамхала тарковского вызвало недовольство шамхала Адиль-Гирея, который, собрав значительные силы, двинулся на Сулак. Одолеть русских Адиль-Гирею не удалось. Он вынужден был отступить и укрыться в горах⁷. Потом он с раскаянием явился в российский лагерь, но был арестован и отослан

¹ Васильев Д. С. Указ. соч. С. 79.

² Там же; Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 118—119; Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 65; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 77.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 64.

⁴ Там же.

⁵ Броневокий С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. I. С. 77.

⁶ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 78.

⁷ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера. «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся». М.: Наука, 1979. С. 71.

¹ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 292.

² Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 44.

³ Там же. С. 46.

⁴ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I. С. 33.

в Архангельск¹. Поражение Адиль-Гирея объяснялось тем, что в районе крепости Святой Крест были сосредоточены 11529 человек царских войск, в том числе 1860 пехотинцев, 2249 драгун и иррегулярные войска².

Крепость Святого Креста играла не только важную военную роль, но и роль военно-политического и административного центра, поскольку в ней содержались аманаты северокавказских владетелей, велись переговоры с местными владетелями. Эти функции крепость выполняла до ухода из нее русских войск, которые были по договору с Ираном в 1735 г. переведены на левый берег Терека, где была создана Кизлярская крепость³.

Как писал еще П. Г. Бутков, основание Кизлярской крепости «положил в начале 1735 года генерал-аншеф В. Я. Левашев при левом или северном рукаве Терека (на левом берегу), впадающем своим устьем в Каспийское море, который называется Кизляр», по которому и дано было название собственно крепости, отстоявшей «в 60 верстах от моря»⁴.

У П. Г. Буткова же содержится ценное в плане нашего исследования наблюдение, суть которого в том, что «тогда южный рукав Терека или настоящий Терек не был так мелок, как ныне, и по оному до фельшанца (т. е. до крепости—авт.), построенного в 1728 году, доставляемы были по морю из Астрахани запасы для сухопутного перевоза в Кизляр; уже в 1769 году Терек прорыл себе другую дорогу в тыл Кизляра по древней загаченной старице, которая называется Бороздою, и Кизляр сделался на острове, а настоящий Терек или южный рукав оного почти пересох»⁵.

По сути дела Кизляр менял три раза свое местонахождение в соответствии с замыслами инженеров. Но все же крепость была возведена и 27 октября 1735 г. все военнослужители из крепости Святого Креста были переведены в Кизляр. При Кизлярской крепости были поселены тогда же «казаки Терского Кизлярского войска, «охочены», новокрещены, грузины, армяне с получением на семью для поправления по 10 руб.; также терские и казанские татары».

Гарнизон Кизляра вначале был совсем незначителен, поскольку из тысячи человек, составляющих Терское войско с 1722 г., после «свирипствовавшей при крепости Святого Креста» эпидемии

оставалась где-то десятая часть. Мало оставалось также местных «охочен и новокрещен». В силу сложившихся обстоятельств генерал Левашев 5 авг. 1735 г. утвердил штаты Терского кизлярского войска: 2 майора, 3 ротмистра, 14 дворянских служилых детей, 2 есаула, 2 сотника, 2 хорунжих, 2 писаря, 100 рядовых терских казаков, 24 новокрещенов, 18 «охочен» — итого всего 169 человек¹. Командование ими было поручено полковнику князю Эльмурзе Бековичу Черкасскому с определением в помощь ему российского штаб-офицера. Назначение этого войска виделось правительству не в несении военной службы, а в посылке их «по делам военным и дипломатическим в разные места, к горским владельцам: в Тарку, Крым, на Кубань и к калмыцким владельцам, так как те казаки с языками сих стран знакомы» были².

Царское правительство уделяло серьезное внимание заселению этого края своими подданными. Поэтому к поселению в Кизляре принимались «владельцы и уздени с холопами из Кабарды и из других мест Кавказа с принятием ими христианского закона или без того»³.

В Кизляр были переведены армяне и грузины, которые добровольно служили россиянам в Гиляне, потом были переведены в крепость Святой Крест, а после ее сношения их также перевели в Кизляр. 112 человек их было принято на российскую службу под руководством их генерал-майора Лазаря Христофорова. Они поселялись «при Кизляре с получением земли под пашню, жалования против астраханских гарнизонных полков и денежного пособия на поселение»⁴.

Поселилось при Кизляре и до 60 дворов персидских купцов или тезиков⁵; к ним присоединились и казанские татары, служившие переводчиками-толмачами. В окрестности Кизляра были переведены и кочевые ногайцы, бывшие при крепости Святого Креста. Из Святого Креста были переведены на Терек и поселены выше Кизляра по левому берегу Терека в станицах Бороздинской, Дубовской и Каргалинской 452 семьи бывших при крепости Святого Креста с 1724 г. донских казаков с назначением им жалованья⁶.

В Кизляр, становившийся не только российской военной крепостью, но и административно-политическим и торговым центром

¹ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 82.

² Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера... С. 71.

³ Там же. С. 74.

⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 153.

⁵ Там же. С. 153—154.

¹ Там же. С. 154—155.

² Там же. С. 155.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же. С. 155.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 156.

на Северном Кавказе, были переведены и все заложники или аманаты горцев, содержащиеся в Дербенте и крепости Святого Креста. Это были аманаты от уцмий кайтагского, владельцев Дженгутая, Буйнака и Тарков. Однако часть их была отпущена в 1736 г. В Кизляре оставались аманаты от аксаевских владельцев 1, эндирейских—4, чеченских—2, от Малой Кабарды—4, от Большой Кабарды—11 человек. Для аманатов был построен особый двор; им были созданы условия для изучения «русской и татарской» грамоты, языков¹.

Показателем многонационального характера сформировавшегося в рассматриваемом регионе, в частности в зоне Кизляра, населения могут служить приведенные П. Г. Бутковым сведения о жителях Кизляра от 1798 г. Армян в Кизляре тогда насчитывалось 1373 муж. и 1406 жен., «охочен» — 456 муж. и 477 жен., «тезиков» — 301 муж. и 353 жен.; грузин — 396 муж. и 409 жен.; казанских татар—58 муж., 70 жен.; ясырей всех иностранцев—57 чел.; русских купцов и мещан—72 муж., 36 женщин².

В перечне же 1792 г. цифры даны без указания половозрастного деления. Но они показывают преобладание кавказского элемента среди гражданского населения Кизляра. Эти цифровые данные содержат, видимо, сведения только о мужчинах. По этим сведениям в Кизляре армян было 1225 чел., «охочен»—572, «тезиков»—371, грузин—452, казанских татар—51, русских купцов и мещан—72, греков и католиков—10, черкесских узденей и холопов—17, русских разночинцев и малороссиян—150 человек. Их духовные интересы обслуживали один «русский монастырь», 4 «русские церкви», две армянские церкви и 6 мечетей³.

Ногайцев у Кизляра кочевало в 1735 г. 13 аулов, составлявших 420 котлов; более 300 кибиток ногайцев оставалось под властью тарковских, эндирейских и аксаевских правителей⁴.

К началу XIX в. число ногайцев в Терско-Сулакском междуречье значительно возросло. В этом регионе к 1812 г. эндиреевских и костековских ногайцев насчитывалось 600 кибиток, а аксаевских—500⁵, что в общей сложности составляло 1100 кибиток. Ногайцы контактировали с другими народами Дагестана, особенно с кумыками, и играли важную роль в экономике региона.

Ногайцы Аграханского побережья занимали прилегающую

к заливу приморскую низменность, границами которой на севере служили караногайские степи и земли, принадлежавшие кизлярско-гребенским казакам, на юге — земли таркинских ногайцев и кумыкских сел, а на западе — земли кумыкских же селений. Их насчитывалось — аксаевских и костековских ногайцев — 1300 семейств (3200 мужчин и 2984 женщин). Жили они в большинстве своем в конце XVIII в. в национальных кибитках (950 семейств) или в домах, напоминающих, по словам Н. Семенова, жалкое подобие кумыкских саклей¹.

Количество ногайцев в Кизлярской зоне в XVIII в. постепенно росло за счет откочевавших на восток с Кубани семейств. В марте 1784 г. в Кизлярские степи откочевало 76 семей ногайцев из Ейского укрепления. Оттуда же вскоре в зону Кизляра перекочевало еще 57 семей, а в мае месяце того же года еще более 200 ногайцев². Переселяло ногайцев в зону Кизляра и правительство³. Ногайцы играли важную торгово-экономическую роль в жизни Кизляра⁴. Что касается собственно русского населения в крае, оно постепенно росло в течение XVIII в. за счет естественного прироста, за счет переселенцев и оседавших здесь после службы военных, а также собственно за счет воинских контингентов, разных чинов и чиновников, оседавших навсегда в Кизляре или в притеречных станицах.

В 1754 г. в Кизлярской крепости находился двухбатальонный Тенгинский пехотный полк и в Терском кизлярском войске состояло 210 чел., в Терском семейном войске—452 чел., в Гребенском войске—500 человек⁵. Число русских войск в Кизляре было увеличено во время нашествия войск иранского шаха Надира на Дагестан в 1734—1744 гг., поскольку Россия опасалась его провокаций на Северном Кавказе. Так, в 1743 г. в Кизляр с 3-хтысячным войском прибыл генерал-лейтенант А. И. Тараканов. Из России к Кизляру непрерывно подвигались и другие полки. Сюда же были двинуты и калмыки во главе с наместником Калмыцкого ханства Дундук-Дашой. Зимой 1743 г. в целях предотвращения

¹ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 157.

² Там же. С. 156.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 180—181.

⁵ Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 245.

¹ Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 365.

² Оразмамбетова З. А. Расселение ногайцев в XV—XVIII вв. // Историко-географические аспекты развития Ногайской орды: Сборник статей. Махачкала, 1993. С. 128.

³ Там же. С. 129.

⁴ Иноземцева Е. И. Роль Кизляра в развитии торговых связей ногайцев с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII в. // Историко-географические аспекты развития Ногайской орды. С. 104—107.

⁵ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 508.

ния нападения шахских войск на Эндирей и Костек сюда было двинуто 2-тысячное войско под командою полковника Шиллинга¹.

И. А. Гильденштедт оставил подробное описание Кизляра 70-х годов XVIII в. По его сведениям «город и крепость Кизляр лежит 9 верстами ниже Бороздинской на левом берегу Терека... Кизляр стоит на низком глинистом и болотистом берегу. Город делится на 4 части.

А. Крепость — «лежит на левом берегу Терека, почти при истоке Кизлярки...публичные здания и гарнизонные казармы.

В. Солдатская слобода при Тереке, несколько сот шагов выше крепости.

С. Город собственно так называемый. Он лежит на левом берегу между истоками Кизлярки и старого Терека, разделяется на 8 кварталов:

1. Армянский квартал, Армянская слобода, Арментир (татары зовут).

2. Грузинский квартал, Грузинская слобода, а по-татарски — Курце-аул.

3. Квартал новокрещенов или проселитов, по-татарски — Кристиаул. Он состоит из ногайских и кумыкских татар, также и черкасов, которые в прежние времена приняли христианство. Они живут на казацком окладе.

4. Квартал терских казаков... Имя сие получили от прежних Терков.

5. Окочирский квартал. Жители кумыкской деревни Окочир, перешед в Кизляр, в нем поселились. Ныне населяют его кумыки и ногайцы, сохранившие магометанский закон.

6. Черкеской квартал или Чергес-аул... бывшие подданные князя Бековича.

7. Квартал казанских татар или Казанте-аул... перешли из Казани, упражняются в земледелии и состоят в подушном окладе.

8. Квартал Дезик-аул. В нем живут персиане...»².

Важно замечание И. Гильденштедта о том, что селения, находящиеся при Тереке к северу, «состоят из русских казаков, а те, кои лежат на юг, из татар и других народов татарского происхождения»³.

В начале XIX в. в Кизляре жило уже около 4000 армян мужского и женского полов, в 1782 г. в нем жило грузин 1551 чел.⁴

¹ Там же. С. 513.

² Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 19—22.

³ Там же. С. 27.

⁴ Васильев Д. С. Указ. соч. С. 85.

В 1820 г. в Кизляре проживало 291 чел. чеченцев¹. В целом же в Кизляре в первой четверти XIX в. проживало около 15 тысяч человек (без войск и пришлых). И здесь нужно согласиться с мнением Д. С. Васильева о том, что «в этническом отношении Кизляр, пожалуй, был самым многонациональным. Здесь жили русские, армяне, грузины, народности Дагестана, кабардинцы, чеченцы, ингуши, черкесы, осетины, тезики, азербайджанцы, татары, ногайцы, персы, таты и другие. Можно даже сказать, что не было ни одного кавказского народа, представители которого в том или ином качестве не проживали бы в Кизляре»².

Нет сомнения, что основное население рассматриваемого региона в конце XVI—XVII вв. составляли кумыки, формирование которых как этноса происходило и на данной территории Дагестана. Именно кумыки составляли главное население основных населенных пунктов этого региона, ставших уделом основателя Эндирейского ханства или княжества Султан-Махмуда в конце XVI—начале XVII в. Речь идет о селениях Эндирей, Аксай, Костек, Казинюрт и т. д. Еще Е. Н. Кушева подчеркивала, что, когда «в конце XVI—начале XVII в. в Северном Дагестане образовалось сильное Эндерейское владение в соседстве с восточными чеченскими племенами, эти племена попали в зависимость от Эндери», согласно преданию чеченцы платили подати кумыкскому князю Султан-Муту³.

И здесь важно подчеркнуть мнение Я. З. Ахмадова о том, что нельзя исключить участие чеченцев в борьбе Султан-Махмуда с братьями за свой удел. Он пишет, что «большое количество источников подтверждает наличие значительного количества чеченцев в княжестве Салтан-Магмута и их активное участие в политических событиях», что «чеченская часть территории княжества Салтан-Магмута постоянно служила ему опорой в борьбе с шамхалами и другими соседними феодалами»⁴.

Но здесь привлекает внимание своеобразное истолкование приведенных фактов. Если даже Султан-Махмуд и обращался за поддержкой к соседним чеченским обществам (кстати, конкретно не названным Я. З. Ахмадовым), вряд ли это дает основание характеризовать владение Султан-Махмуда как «кумыкско-чеченское» или как «кумыкско-чеченское княжество»⁵. Ни один известный источник

¹ Там же. С. 86.

² Там же. С. 88.

³ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 84.

⁴ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 36—37.

⁵ Там же. С. 49, 52.

не ставит вопрос в таком разрезе. Не случайно же еще в 1963 г. Е. Н. Кушева писала, что «южнее нижнего течения Терека в конце XVI — начале XVII в. образовалось кумыкское Эндерейское ханство»¹. Она же писала о том, что часть аккинцев-ауховцев проживала «вблизи от крайнего северо-западного кумыкского владения (подчеркнуто нами—авт.) Эндери..., где в конце XVI и первой половине XVII в. княжил сильный кумыкский (подчеркнуто нами — авт.) владелец Султан-Махмуд...»². В объективности ей трудно отказать. Когда речь идет о Султан-Махмуде, чеченцы в источниках вообще не упоминаются.

Обычно принято при этнической характеристике какого-либо государства или общества через дефис в силу проживания в них двух или более этносов иметь в виду их пропорциональное равенство. В данном случае автор явно преувеличивает роль чеченцев в судьбе Султан-Махмуда эндирейского в XVI—XVII вв. Вряд ли в русских документах под «горскими людьми» скрываются только чеченцы. Скорее всего «горские люди» — это горцы Дагестана, которых документы называют непосредственно за «шавкальскими» людьми или за «кумыцкими людьми». На наш взгляд, именно это подтверждается приведенными и Ахмадовым выдержками из русских архивных документов³.

На формирование этнической карты Северного Дагестана в XVII в. определенное влияние оказало и бегство в 50-х годах XVIII в. из уцмийства Кайтагского терекемейцев и горских евреев, поселившихся в Засулакской Кумыкии. П. Г. Бутков писал, что в 1752 г. от уцмий кайтагского Амир Гамзы бежали «терекемейцы и жида и приняты эндерейскими владельцами» и что уцмий жаловался об этом российскому правительству, что, «хотя от оного советовано было отпустить, однако эндерейцы по некоторым претензиям на усмия имели основания тех людей при себе удерживать, и к отдаче принуждены не были»⁴.

За их удержание уцмий задержал у себя ни в чем не повинного академика С. Гмелина, требуя от царского правительства оказать воздействие на кумыкских владельцев, чтобы они вернули бежавших из его владения «некоторых жидов и терекемейских татар» или уплатили ему 30 тысяч рублей в качестве компенсации⁵. С. Гмелин скончался в плену у уцмий, а против последнего

в 1775 г. был направлен ген. де-Медем с войсками¹. Согласно имеющимся данным, из уцмийства бежали 200 дворов терекемейцев и 80 дворов евреев².

В данном случае нас интересует в этом вопросе факт поселения беглых терекемейцев (иначе их называли падарами³) и евреев в Засулакской Кумыкии, тем самым обогатив этнический состав ее населения. Они были поселены в Темирауле, Чонтауле и в одном квартале Эндирея и занимались торговлей, постепенно ассимилировались кумыками⁴.

По данным С. Ш. Гаджиевой, в начале XIX в. в Засулакской Кумыкии терекемейцы принадлежали четырем княжеским родам: Казаналиповым, Айдемировым, Темировым и Алишевым, а в 1867 г. в Кумыкском округе (без села Чонтаул) всего насчитывалось 1257 терекемейцев⁵.

Видимо, нельзя упускать из виду и обитавших в Северном Дагестане в XVI—XVII вв. также гуэнов и тюменцев, имевших даже свое Тюменское ханство или княжество. Согласно преданиям, тюменцы своей первоначальной родиной считали место на правой стороне Сулака между селениями Темир-кую и Кумторкала⁶. Память о тюменцах, которые с упрочением русских казаков в низовьях Терека, вынуждены были уйти в Эндирей, Аксай и так далее, сохранилась в названиях отдельных кварталов указанных сел. Тюмень-аул существует в Эндирее. Квартал с таким же названием существует в Аксае, а отдельные группы тюменцев разбросаны по всей Кумыкской равнине.

В селе Эндирей существует и квартал Гуэн-аул. По сведениям Н. Семенова, «гуэны или гуэнцы также многочисленны и также имеющие своих представителей во многих селениях плоскости, в свою очередь, считают себя аборигенами страны, не оспаривая, впрочем, старшинства поселения у тюменцев»⁷.

Существует зафиксированное еще в 1895 г. Н. Семеновым пре-

¹ Там же. С. 15—16; История народов Северного Кавказа ... С. 446.

² Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 296, 305; Умаханов М.-С. К. Побег — как одна из форм антифеодальной борьбы в Дагестане (XVII—XVIII вв.) // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1983. С. 38—39.

³ Подробно историю дагестанских терекемейцев или падар см. Гаджиева С. Ш. Дагестанские терекемейцы. XIX — начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990. С. 10—24.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же.

⁶ Семенов Н. Указ. соч. С. 237.

⁷ Там же.

¹ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 93.

² Там же. С. 69.

³ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 51—59.

⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 225.

⁵ Там же. Ч. II. С. 14—15.

дание об убийстве когда-то в прошлом гуэнцами тюменских князей. Это было сделано так скрытно, что тюменцы долго никак не могли раскрыть убийц. В одном из совместных пиров гуэнский певец в порыве певческого вдохновения случайно вставил в свою импровизацию несколько стихов, которыми выдал секрет своего народа по этому вопросу. После этого разгорелась вражда. Тогда под видом примирения тюменцы пригласили на пир видных гуэнцев, напоили их до полного опьянения, что те под слова «якши-юл» свалились пьяными. Тюменцы, остававшиеся трезвыми, перебили пьяных гуэнцев и благополучно вернулись к себе. Гуэнцы же после этого никогда не пьют на «якши-юл»¹

Почти в центре Кумыкской низменности расположен аул Баташ-юрт. По сведениям Н. Семенова, это село было основано выходцами из Кабарды и глава этого села конца XIX в. Тохтабий Баташев знал, что его фамилия происходит от кабардинского рода Тамбиевых и находился в тесных связях с потомками этого рода². В этом селе поселились и кумыки³.

Имеются сведения и о том, что в «последней четверти XVI в. часть кабардинцев, принявших участие в междоусобной борьбе на стороне эндереевского владетеля Султан-Мута, расселилась в Засулакской Кумыкии»⁴. Проживало в этой части Дагестана и незначительное количество чеченцев-аккинцев и т. д. Вопрос о времени появления чеченцев-аккинцев здесь, их количестве, ареале заселенной ими территории из чисто научного, как это было до недавнего времени, теперь стал приобретать политический характер. Разные политические силы его истолковывают по-своему, нередко искажая факты. Поэтому он особо нами и рассматривается.

Отметим, что в последние годы высказываются мнения о пребывании вайнахов, к которым относятся чеченцы, аккинцы и ингуши, еще в III—I тысячелетиях до н. э. на территории нынешнего их компактного проживания и даже на значительно ее превосходящей, в частности в Терско-Сулакском междуречье. Во избежание недоразумений и кривотолков сразу же подчеркнем, что мы не дискутируем по вопросу их пребывания или проживания с древнейших времен в горной части нынешней Чеченской Республики

¹ Там же. С. 238.

² Там же. С. 240.

³ История народов Северного Кавказа ... С. 301.

⁴ Там же.

Ичкерия. У нас расхождения с вайнахскими авторами в основном по вопросу о времени появления и ареале расселения чеченцев-аккинцев или ауховцев в Терско-Сулакском междуречье и их политической роли в жизни этого региона. При этом нами движет искреннее желание положить конец всем кривотолкам и спекуляциям вокруг «аккинского» вопроса, осветив на основе достоверных исторических фактов, данных архивных и документальных источников главные аспекты этой проблемы.

Довольно много высказываний по этому вопросу было сделано на научной конференции, состоявшейся в Шатое в 1992 г., материалы которой изданы в Махачкале в 1996 г. Анализ этих высказываний и мнений свидетельствует о наличии самых противоречивых теорий генезиса, расселения и роли нахских народов в истории северокавказского региона. Часть этих теорий высказана археологами, основываясь на материалах археологических раскопок в северокавказском регионе, в том числе в Чечне, Ингушетии и северо-восточной части Дагестана, на сходстве обнаруживаемых при этом памятников материальной культуры. Некоторые ученые свои взгляды базируют на лингвистических данных. Отдельные исследователи выводят вайнахов на Северный Кавказ из Сирии, Турции, определяя путь их перемещения на север через Армению, Азербайджан и Грузию. Ряд авторов говорит об автохтонности вайнахов, о формировании их, как этноса, на современной территории их обитания, в частности на равнинных притеречных районах еще в эпоху бронзы. Это интересные версии, но они противоречивы, небесспорны.

На наш взгляд, многие исследователи мало знакомы с имеющимися историческими и архивными данными, свидетельствующими о сравнительно позднем появлении чеченцев и особенно аккинцев на северокавказской равнине.

Так, В. И. Марковин пишет, что к эпохе поздней бронзы «завершается сложнейший период в истории народов Северного Кавказа. Тот период, когда в основном определяются этнические черты дагестанцев, вайнахов и абхазо-адыгов»¹ и что «вполне ясно, что вайнахи, близкие по культуре и строю языка дагестанским народам, имеют право называться аборигенным населением. Им нет нужды искать своих предков в Египте, Индии и в других далеких и близких странах»².

Мы также далеки от мысли, что вайнахам надо искать своих предков где-то в других странах. В конце концов это их право.

¹ Марковин В. И. Археологический аспект в изучении этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С. 9.

² Там же. С. 10.

Интересно в плане нашего исследования мнение В. И. Козенковой, считающей, что «материальная культура и этническое содержание археологической культуры могут не совпадать. Материальная культура может соответствовать, но может быть более широкой, или наоборот более узкой по наполнению понятия, чем понятие этнос»¹. Поэтому небезосновательно она предостерегает об опасности говорить «о прямой и прямолинейной связи культуры чеченцев и ингушей с той, что была» в Аргуно-сунженском регионе «более 3000 лет тому назад», хотя нельзя и игнорировать очевидно точки соприкосновения².

Особого внимания заслуживает статья дагестанских исследователей М. Г. Гаджиева и А. Г. Магомедова. По наблюдениям М. Г. Гаджиева, согласно археологическим данным, «в эпоху неолита и энеолита (VI—IV тыс. до н. э.) сформировалась северо-восточно-кавказская этнокультурная общность, сохранявшаяся еще в эпоху ранней бронзы (четвертая четверть IV тыс. до н. э. — конец 3-ей четверти III тыс. до н. э.). Во второй половине III тыс. до н. э. в культурно-историческом развитии Северо-Восточного Кавказа происходят коренные сдвиги (культурное переоформление региона, снижение темпов его культурного и исторического развития, признаки застоя и упадка), приведшие к распаду прежнего единства региона и сложению новых культур эпохи средней бронзы, имеющих некоторые черты преемственности с предшествующей культурой, но в целом обладающих яркими признаками иных культурных традиций. Одна из этих культур выделяется в горной зоне восточной Чечни и Дагестана (гинчинская) (подчеркнуто нами—авт.), другая в центральной части приморского Дагестана (великентская), третья — в районе среднего Сулака (присулакская) на стыке степей и гор. А в дальнейшем здесь возникла каякентско-харачойская культура, которая одинаково была распространена в Дагестане и юго-восточной Чечне и в которой выделяются несколько локальных вариантов...»³.

Авторы статьи подчеркивают и то, что «выделение Северо-Восточного Кавказа в качестве особого этнокультурного региона поддерживается данными нахско-дагестанских языков»⁴, в частности грамматическими классами.

¹ Козенкова В. И. Восточно-кобанские древности как проявление фенотипа в этногенезе вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. С. 13.

² Там же. С. 17.

³ Гаджиев М. Г., Магомедов А. Г. Об относительной хронологии этноязыковых процессов восточнокавказских народов по данным грамматических классов // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С. 45—46.

⁴ Там же. С. 46.

В целом верная концепция М. Г. Гаджиева и А. Г. Магомедова дала основание М. Х. Багаеву для утверждения, что «...на земельческой основе в Дагестане и Чечено-Ингушетии примерно в V—IV тыс. до н. э. складывается крупноэтнический массив, говоривший на нахо-дагестанских языках», что «В III тыс. до н. э. этот этнический массив распался» и что, «начиная с III тыс. до н. э. идет процесс сложения общенахского этнического массива...»¹. Он же пишет, что «...можно констатировать, что процесс формирования нахского этноса, как такового, начавшийся в III тыс. до н. э., завершился где-то в конце I тыс. до н. э. сложением нахского народа со своим языком, территорией в форме двух союзов племен /«ламан-нах» и «араран-нах»/, причем каждый из которых осознавал себя как «народ» — «нах»². Кстати, отметим, что цитируемый автор уже совершенно не упоминает о дагестанцах.

Отметим, что М. Х. Багаев не упустил случая подчеркнуть, что «При всем этом нахи, составляющие Дзурдзукетию и Аланию, всегда, видимо, осознавали себя как народы с одним общим языком, одной культурой, что и отразилось в этнониме «вайнах», как самоназвание»³.

Еще более смелы и далеко идут высказывания Я. С. Вагапова о том, что, «Если учитывать, что следы продвижения нахского этноса на север через территорию Азербайджана и Грузии нашли отражение в топонимии последних, то становится понятным и тот факт, что «самоназвание чеченцев нахчий нашло отражение в названии Нахчаван, и их иноназвание сасан обнаруживается в Закавказье и Иране»⁴, что «топонимика Кабардино-Балкария и Северной Осетии не оставляет сомнения в том, что и на этих территориях некогда обитало нахоязычное население»⁵. Заслуживает пристального внимания и утверждение о том, что «столь широкое распространение нахоязычных этнонимов в Сарматии и вокруг нее можно объяснить только тем, что в этом регионе ведущую роль играли нахские языки или близко родственные им другие языки»⁶,

¹ Багаев М. Х. Происхождение вайнахского народа // Проблемы происхождения нахских народов. С. 152.

² Там же. С. 154.

³ Там же.

⁴ Вагапов Я. С. Проблемы происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. С. 160. Здесь же отметим, что по М. Х. Багаеву этноним «чеченец» возник «искусственно в XIX в». (См. Указ. соч. С. 154.).

⁵ Там же. С. 162.

⁶ Там же. С. 172.

что «...в древности нахский этнос обитал не только в горах, но и на обширных просторах Предкавказья...»¹.

Не вызывает сомнения лишь мнение о том, что «факт родственной связи нахских народов с древними хурритским и урартским языками вместе со свидетельствами старинных чеченских исторических рукописей (тарихов, таптиров) о происхождении нахских народов с юга — с территории Армении, Турции, Сирии подсказывает необходимость изучения этого аспекта проблемы происхождения древней истории нахских племен»².

В принципе идея древности пребывания вайнахов на Северном Кавказе поддерживается и Х. М. Бакаевым, пишущим, что «Предки вайнахов заселили северокавказские равнины по крайней мере три тысячи лет назад и с тех пор лишь нашествия более многочисленных завоевателей заставляли их временно отступать в горы»³. Это интересная версия. Она удобна и для объяснения многих неясных страниц истории чеченцев и других народов Северного Кавказа, в частности Дагестана, которые при нашествиях иноземных полчищ отступали в горы, укрывались там, не всегда возвращаясь на свое место.

Эта идея проводится и в брошюре «Чеченская республика...», вышедшей в г. Грозном в 1995 г. В ней сказано, что «Я. Вагапов путем этимологического анализа этнонимов, топонимов и антропонимов доказал наличие в древности нахоязычного элемента на огромных просторах от Терека до Кубани, Дона и Волги», что «О наличии автохтонного кавказского населения по обоим берегам Терека в конце каменного и начале бронзового века свидетельствует видный археолог Е. И. Крупнов», что «в период Великого переселения народов, и особенно, в эпоху монгольского нашествия, чеченцам, как, впрочем, и другим кавказским горцам, не раз приходилось покидать предкавказские степи или подчиняться более сильным пришельцам»⁴. Кстати, здесь же высказана интересная мысль о том, что «вне всякого сомнения... пространства, лежавшие к северу от Терека и называемые чеченцами «Гарман аре» (т. е. необозримой степью) и получившие во второй половине XIX в. название Ногайские степи, во все времена входили в зону жизненных интересов чеченского народа»⁵.

Все же нам представляется несколько категоричным мнение

¹ Там же. С. 174.

² Там же. С. 158.

³ Бакаев Х. М. Расселение вайнахов в горах и на равнине: факты и домыслы // Проблемы происхождения нахских народов. С. 191.

⁴ Чеченская республика... С. 20.

⁵ Там же.

о том, что «утверждения некоторых ученых о том, что вайнахи освоили равнины Предкавказья лишь в XV—XVI веках новой эры, являются конъюнктурными домыслами, далекими от объективных данных»¹.

Нам кажется, что именно отсутствием объективности в оценке данных источников и страдают работы цитируемых выше авторов. В конечном итоге, согласно их взглядам, получается, что вайнахи (нахи, чеченцы) играли выдающуюся роль на огромной территории, охватывающей Сирию, Турцию, Закавказье (Армению, Азербайджан, Грузию), Кабардино-Балкарию, Осетию и степи Предкавказья еще с IV—III тыс. до н. э. Согласно мнению составителей брошюры «Чеченская республика», «оплотом чеченского бытия были, однако, не только южные склоны Главного Кавказского хребта, но и пространства, лежавшие далеко к северу от него», «проточеченцы играли крупную роль в огромном сарматском мире, простиравшемся от Крыма и Дона на Западе, Волги и Каспийского моря на Востоке, Главного Кавказского хребта на юге», что «древние чеченцы были насельниками Крыма», который они покинули в I—IV вв. н. э., по мнению Яна Потоцкого, посетившего Кавказ в 1797 г.²

При знакомстве со всеми приведенными выше высказываниями чеченских авторов об ареале расселения еще в глубокой древности вайнахов (чеченцев) напрашивается один вопрос — сколько же их было в столь давние времена, чтобы они могли играть такую заметную роль в истории народов Кавказа, Крыма, Волго-Донского междуречья и т. д., если по переписи в 1989 г. в стране было 958309 чеченцев и 237577 ингушей?³

Роль любого народа в истории определяется не только политической активностью и героизмом, но и его количеством.

Хотя бы в силу этого объективного фактора хотелось бы, чтобы чеченские, аккинские и другие исследователи более объективно освещали процесс исторического развития вайнахов в системе взаимоотношений с народами Кавказа, Малой Азии и т. д. Попытки исследователей оправдать или обосновать политические претензии государственных деятелей не совсем достоверными данными никогда не приносили пользу обществу, чреватые серьезными последствиями.

Это особенно становится очевидным в свете дискуссии, развер-

¹ Там же.

² Там же. С. 15.

³ Перепись населения СССР 1989 г. / Распределение населения по национальности и языку.

нувшейся вокруг так называемого «аккинского» вопроса, на котором в силу особой его политической значимости и актуальности в хронологических рамках нашего исследования специально акцентируется внимание.

При решении вопросов исторической географии Северного Дагестана неизбежно возникает вопрос о соседних собственно с дагестанцами народах Северного Кавказа. В первую очередь, о чеченцах, с которыми дагестанцы граничат и контактируют с исторически обозреваемой эпохи по сегодняшний день. Если в прошлом между дагестанцами и чеченцами не было особых политических проблем и взаимных территориальных претензий, то в наше время с распадом СССР и суверенизацией отдельных областей и народов, в том числе и чеченцев, возникли определенные недоразумения, мягко говоря, не совсем обоснованные территориальные притязания. При этом игнорируются все исторические источники, свидетельствующие о сроках позднего поселения чеченцев в плоскостной ее нынешней части. Чеченцы, особенно аккинцы, пытаются даже научно обосновать свои претензии на принадлежность им еще в XIII—XIV вв., не говоря о XVI—XVII вв., Терско-Сулакского междуречья, т. е. территории, известной в исторической литературе как Засулакская Кумыкия.

В одной из вышедших в последние годы работ прямо утверждается, что «Исторические факты неопровержимо свидетельствуют о том, что в период монгольского нашествия чеченцы, хотя и утратили политическую инициативу и ведущую роль на равнине, тем не менее продолжали жить в обжитых ими местах и поддерживали тесные связи с новыми населенными краями... Гудермесское городище свидетельствует, что вайнахи и во время монгольского владычества продолжали на плоскости свою полнокровную жизнь и интенсивную хозяйственную деятельность»¹. Далее утверждается что, «Как считают и другие ученые, еще в XIV веке чеченцы вновь активно заселяли берега Терека и Сунжи. Одновременно они начали освоение Терско-Сулакского междуречья, где издревле жили их соплеменники — аккинцы»².

Авторы этих утверждений игнорируют сведения и мнения даже собственно чеченских ученых более раннего периода, если они не подкрепляют претензии нынешних исследователей и политиков. В какой-то мере предана забвению статья «Чеченское племя», составленная «природным чеченцем»³ У. Лаудаевым. Эта довольно

¹ Чеченская республика... С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис. 1872. Вып. VI. С. I (примеч.)

объемистая статья содержит весьма ценную информацию о территории, занимаемой, как он пишет, чеченским племенем, происхождении его названия, его расселении и переселении на плоскость, принятии им ислама. Нельзя думать, что У. Лаудаев меньше любил свой народ и свою родину, чем нынешние исследователи. Он писал о том, что он видел, слышал и хорошо знал, фиксировал состояние или ситуацию, сложившуюся в этом регионе Северного Кавказа в начале 70-х годов XIX в., когда и написана его статья.

По сведениям У. Лаудаева, в состав чеченского племени входили общества бывших округов Ауховского, Ичкеринского, Аргунского, Чеченского и Назрановского, говорившие общим языком. Река Терек служила северной границей чеченской территории, а южной границей являлся Кавказский хребет¹. «Племя» это образовалось близ истоков р. Аргуна, откуда уже, нуждаясь в земле, стало расходиться по другим местам», заняло горы бывшего Назрановского округа и Чаберлой, впоследствии водворилось в Ичкерии и Аухе, а после ухода русских с плоскости Чечни за Терек заняло плоскость, закончив тем самым расселение свое. В основном чеченцы занимались скотоводством².

По сообщению Лаудаева, «кумыки называют чеченцев *мичикиши*, от слов *мичик* и *гиши*. Мичик — река в Большой Чечне по соседству с кумыками; река эта некогда составляла границу этих двух народов (подчеркнуто нами — авт.), а *гиши* значит по-кумыкски человек», а самоназвание их нахчой; ауховцы назывались Аккий, так как еще в период своего проживания в Аргунском округе составляли членов Аккинской фамилии». Обратим внимание на следующее сообщение Лаудаева: «Скудная почва земли, принадлежащая этому обществу, заставила половину этой фамилии переселиться в Аух, где кумыками и русскими переселенцы назывались *ауховцами*; сами же они для себя, как и от чеченцев, удержали название первобытной фамилии *Аккий*, т. е. выходцев из Акки»³. Интересно и то, что «ичкеринцы называются *нахчой-моххой*; название это наследственно перешло к ним от плоскостных чеченцев, вышедших из Ичкерии и уже получивших название нахчой, и означает: земля чеченцев или сырных». Не случайно Лаудаев отмечал, что ичкеринцы, «водворившись на плоскости, ...не считали ее своею собственностью, потому что она принадлежала русским»⁴. Лаудаев отмечает также, что «Ичкерия есть слово кумыкское; *ичи-ери* значит: земля внутри, т. е. среди гор», что «че-

¹ Там же.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же.

ченцы жили прежде в горах и только в начале прошлого столетия появились на плоскости» (подчеркнуто нами—авт.)¹, о чем нынешние авторы вовсе и слышать не хотят. Он приводит предания, согласно которым русские после избавления от татаро-монгольского ига проникли в Чечню, осели на плоскости, но со времени начала освоения Россией Ставрополя, не желая находиться по соседству с беспокойными соседями-чеченцами, они ушли за Терек, не оставляя в то же время «притязаний на оставшуюся землю», считая ее своей собственностью. По словам Лаудаева, «русские оставили Чечню разновременно; сперва ушли они из Малой Чечни, а потом уже стали по частям уходить и из Большой... Постепенно удаляясь от Черных гор, русские селились в сердце плоскости; таким образом они несколько времени жили в Качжалыке и Надсунженском хребте (гребень — отсюда гребенские казаки)...»².

Касаясь вопроса происхождения чеченского народа, У. Лаудаев писал, что «самое название *нахчой* имели первоначально только жители плоскости Чечни, т. е. название это проявилось в конце XVII столетия...»³. Он привел предание, говорящее о том, что «первобытные фамилии чеченского племени вышли из-за снеговых гор на северные их подножия, откуда стали уже разветвляться по другим местам», смешиваясь с другими местными народами⁴. Все-го же насчитывалось в древности 59 фамилий Чеченского племени, а в XIX в. их стало более ста⁵.

Весьма интересные сведения оставил У. Лаудаев об аккинцах, часть которых оказалась на территории Дагестана. Во избежание всяких кривотолков приведем выдержку из работы У. Лаудаева по этому поводу. Он писал, в частности, что: «Фамилии, образовавшие Чеченское племя и происшедшие из различных элементов, находились в неприязненных одна к другой отношениях; они взаимно грабили друг друга. Более других терпела Аккинская фамилия (Ажка). Вследствие этого половина этой фамилии уходит под покровительство аварского хана, в Аух, и получает название ауховцев; сами же для себя эти фамилии удержали название прародительской фамилии Аккий, т. е. выходцы из Акки. Чеченцы тоже называли их этим именем; когда же ауховцы приняли магометанство, а первобытная Аккинская фамилия оставалась еще в язычестве, то для религиозных отличий этой фамилии чеченцы называли пер-

1 Там же. С. 5.

2 Там же. С. 8.

3 Там же. С. 9.

4 Там же.

5 Там же. С. 11.

вобытную Аккинскую фамилию *керестан-аккий*, т. е. христианские аккинцы, в отличие от ауховцев, принявших ислам»¹.

Далее, по сведениям У. Лаудаева, «Ичкерия не была еще населена этим племенем; ею владели аварские ханы (подчеркнуто нами — авт.)... Обязавшись платить аварскому хану ясак (подать), они начали свое переселение; но как для хана составляло материальный интерес селить побольше людей на подать, то он различными льготами содействовал к сильнейшему переселению»². Аккинцев влекла плодородная земля Ичкерии. Их переселению в Ичkerию способствовали «бесконечные драки и раздоры, происходившие в при-аргунской земле»³.

Переселение шло такими быстрыми темпами, что «вскоре почувствовалось территориальное стеснение» переселенцев и начались среди них «драки и убийства». Чтобы положить конец этим недоразумениям, согласно преданию, аварский хан вынужден был «разделить землю на участки, назначив для каждой фамилии свою часть». По словам У. Лаудаева, еще в его время эти участки были населены теми же фамилиями, какими они заняты были впервые»⁴. Ясак (подать) они платили по согласованию с ханом, смотря по обстоятельствам. Обыкновенно платили от количества скота: от овец — 3%, от крупного рогатого скота — 1%. Сильные фамилии нередко уклонялись от уплаты подати хану⁵.

Пока русские оставались на плоскости, чеченцы, по словам У. Лаудаева, не переселялись на нее, но когда русские «переселились за Терек», то чеченцы быстро заняли плоскость, водворились на ней⁶. По сведениям У. Лаудаева, чеченцы начали селиться на плоскости с начала XVIII столетия⁷. Древнейшим аулом их на плоскости считается Чечень-аул, а в начале XIX в. значительнейшим аулом считался аул Алды, в котором насчитывалось 40 фамилий или родов⁸.

Завладев плоскостью, чеченцы, довольствуясь, как отмечал У. Лаудаев, «ограждением своей свободы от притязаний кумыков и кабардинцев, признавая их братьями по религии, все свои предпрятия обращают против русских»⁹.

1 Лаудаев У. Указ. соч. // ССКГ. Вып. VI. С. 11—12.

2 Там же. С. 12.

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же. С. 12—13.

6 Там же. С. 13.

7 Там же. С. 19.

8 Там же. С. 21.

9 Там же. С. 22.

Прослежены были У. Лаудаевым и взаимоотношения чеченцев с соседними народами. Он писал, что «состояние обществ чеченского племени в то время, т. е. в конце XVIII столетия было средующее. Ауховцы, бывшие под властью аварцев, освободились от них; малая их часть платила еще ясак кумыкам, и то более добровольно, подражая прочим жителям кумыкской плоскости, чем понуждаемая к этому силою князей»¹, а качкалыковцы «усилились и перестают давать кумыкам ясак; малочеченцы силою оружия сопротивляются кабардинцам и, отнимая их земли, отодвигаются на запад»².

Важно отметить, что для решения своих внутренних споров и прекращения межплеменных конфликтов, чеченцы нередко приглашали князей соседних народов. Ичкерийцы приглашали к себе мелардойских князей, происходивших из дома аварских ханов и княживших в Гумбете (по-чеченски Мелардой); жители Большой Чечни приглашали кумыкских князей, а Малой Чечни — кабардинских³. Упрочению связей чеченцев с дагестанцами способствовало то, что «магометанство приняли чеченцы от соседних дагестанских племен» и поэтому «исповедуют учение шафийитского толка». А приняв ислам, они согласились платить ясак шамхалу, называвшемуся валием Дагестана (наместник), хотя и не надолго⁴.

С основанием в 1818 г. русскими на Сунже крепости Грозной⁵ влияние их на чеченцев резко возросло.

Все это позволяет говорить о том, что чеченцы, в их числе и аккинцы, в исследуемый нами период все еще неполностью заселяли всю территорию нынешней Чечни, на плоскость стали переселяться не в XVI—XVII вв., а только с конца XVII столетия. Многое из сообщений У. Лаудаева позволяет сказать и об аккинцах, ныне оказавшихся в составе Республики Дагестан.

* * *

Особенно интересен во всех отношениях вопрос о времени появления чеченцев — аккинцев на территории Дагестана, их количестве и политической роли в Северном Дагестане.

Отметим сразу же, что чеченские (аккинские, в частности) исследователи последнего времени в этом вопросе имеют четко

¹ Там же.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Там же. С. 29.

определенную линию, цель которой заключается в обосновании ведущей политической роли чеченцев — аккинцев в Северном Дагестане в XVI—XVIII вв. и в какой-то мере обосновать современные претензии аккинцев на земли Терско-Сулакского междуречья, не считаясь ни с фактом позднего появления их в этом регионе, ни с их незначительной политической ролью, ни с их поселением в Аухе в конце XVI в. по разрешению аварских и эндейских (кумыкских) князей, от которых, как подтверждает огромное количество исторических источников, они в XVII—XVIII вв. зависели.

В этом отношении приоритет всецело принадлежит А. А. Адилсултанову. Он пишет, что «Первые письменные источники свидетельствуют об аккинцах (ауховцах) — обитателях Терско-Сулакского междуречья — с начала нашей эры. Так, известный древнеримский историк и государственный деятель Плиний Старший (Секунда) в 6-й книге «Естественной истории» в числе других северо-кавказских племен называет и «аккисов», твердо сопоставляемых исследователями с современными аккинцами»¹. При этом он ссылается на «Историю народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» на с. 84.

Однако в этом труде ничего не сказано о размещении «аккисов» — по мнению А. Адилсултанова — аккинцев упомянутыми авторами в Терско-Сулакском междуречье, а говорится лишь об упоминании этих аккисов в трудах Плиния и Птолемея. Для точности приведем выдержку из цитируемой «Истории...» «Плиний Старший и Клавдий Птоломей упоминают некоторые из племен кавказского высокогорья (подчеркнуто нами — авт), но лишь редкие из них могут быть сравнительно твердо локализованы и сопоставлены с конкретными из позднейших этнических групп Осетии и Чечено-Ингушетии («талы» — двалы, «аккисы — аккинцы, «соды» — садои и т. д.). По-прежнему использовался Дарьяльский проход — важная дорога через Центральный Кавказ... Где-то к северу от восточных отрогов Кавказа локализуются «гаргарен», название которых, возможно, относится к группе родственных племен вайнахско-дагестанского круга»². Как видно из этого, авторы «Истории...» ни словом не обмолвились о расположении «аккисов» или аккинцев на современной территории их обитания, т. е. в Терско-Сулакском междуречье, а говорят о кавказском высокогорье и использовании упомянутыми племенами Дарьяльского прохода, который даже не примыкает к Терско-Сулакскому междуречью.

¹ Адилсултанов А. А. Акки и аккинцы в XVI—XVIII веках. Грозный, 1992. С. 9.

² История народов Северного Кавказа... С. 84.

Не станем далее углубляться в хронологические дебри, а остановимся на вопросе размещения аккинцев (ауховцев) в XVI—XVIII вв. Рассмотрим взгляд на этот вопрос А. А. Адилсултанова, чтобы был ясен предмет разговора и дискуссии. По его мнению: 1) «к XVI—XVII вв. этнотерриториальное общество Аьккхи (Акки) получило... свое полное завершение. Процесс языковой, экономической, территориальной, культурной и политической консолидации привел к созданию и развитию своеобразного общества, помнящего о своем общевайнахском единстве в происхождении и в то же время осознающего свое самостоятельное этническое лицо»¹. Далее он пишет, что 2) положение «в предгорных и равнинных районах Терско-Сулакского междуречья после ухода войск Тимура с Кавказа благоприятствовало возвращению аккинцев из предгорий и горной зоны Акки и Ичкерии на плоскость, восстановлению и созданию новых населенных пунктов, воссозданию нормальной хозяйственной жизни в междуречье»². Как видно, Адилсултанов считает, что аккинцы в Терско-Сулакском междуречьи появились не в XVI—XVII вв., как об этом говорят исторические источники, а жили еще в раннем средневековье, были вытеснены в горы и обратно на равнину вернулись с уходом тимуровских войск в конце XIV в. с Кавказа.

Это интересная версия; но ее следовало бы подкрепить более вескими аргументами, а не полагаться только в основном «на данные из двух вариантов аккинской «исторической» рукописи, названной... условно «Рукопись Ибрагимова—Магомедова». Может быть, рукописи В. Ибрагимова из села Бони-юрт и М. Магомедова из села Ширча-юрт³ и содержат интересные сведения об аккинцах, но прежде чем на них сослаться, следовало дать им хотя бы самую краткую научную характеристику, отметив кто и когда их составил, на каких источниках они базируются, каковы цели их составления и т. д. Понятно, что для историка важны любые источники, но и источники бывают разные по своей достоверности, могут быть и надуманными в определенных целях. В данном случае практически ничего не сказано об этих рукописях. Серьезный исследователь в таком случае не может принимать на веру все, что Адилсултанов пишет, ссылаясь на эти источники — «рукописи», потому что существует масса свидетельств архивных источников XVI—XVII вв., достоверность которых не вызывает сомнений и данные которых идут вразрез с данными этих «рукописей» по

¹ Адилсултанов А. А. Указ. соч. С. 11—12.

² Там же. С. 12.

³ Там же.

вопросу о расселении чеченцев-аккинцев в Терско-Сулакском междуречьи.

3) По утверждению А. Адилсултанова «внутреннее разделение аккинцев на ...«пхьарчхой» и «Гачалкьой» «присходит... от раздельного проживания представителей этих обществ в Терско-Сулакском междуречье «до прихода русских» и периода уничтожения «Гачалкьоевского общества, приведшего к переселению большей части Гачалкьоевцев на земли пхьарчхоевцев (с середины XVIII в. до начала XIX в.). Земли, на которых проживали пхьарчхоевцы и Гачалкьоевцы, соответственно назывались Пхьарчхошка—Аьккха (или впоследствии Ширча—Аьккха, т. е. старая Акка) и Гачалкья—Аьккха (или просто Аьккха)»¹. Далее он пишет, что одна из групп аккинцев из общества Пхьарчхой, известная под названием «Шарой», освоила в течение XVI—XVII вв. плоскостные земли в низовьях Терека — по линии современных дагестанских селений Хамамат-юрт — Бабаюрт — Татаюрт — Шава и вплоть до р. Терек. В настоящее время от этой группы аккинцев почти никого не осталось. По свидетельству старожилов, они были поголовно уничтожены царскими войсками, а остатки шаройцев ассимилировались среди других аккинских тайпов и кумыкских фамилий. Каждая группа аккинцев имела свои так называемые опорные поселения, вокруг которых непременно появлялись многочисленные кутаны (Гота).

Пхьарчхоевская группа Шарой имела три таких поселения. Первое из них находилось в районе современного города Кизляра и называлось «Бухне». Оно неоднократно затоплялось паводковыми водами Терека»².

Вслед за этим А. Адилсултанов пишет, что, по мнению историка П. Г. Буткова, в 1728 г. в 5 верстах выше по Тереку от того места, где стояли развалины затопленного «бывшего Терского города», русские построили фельдшанец, ставший впоследствии основанием г. Кизляра³. Вполне вероятно, что именно здесь и находилось аккинское поселение Бухне⁴. У Буткова на указанной А. Адилсултановым странице 109 нет и намек на Кизляр или какое-либо поселение, ставшее основанием для этого города. Речь о событиях в низовье Терека в труде П. Г. Буткова идет на с. 76—77. Там сказано о возведении редута на более высоком месте на 150—200 человек взамен снесенной крепости Терки в 1724 г.

¹ Там же. С. 12.

² Там же. С. 13.

³ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 109.

⁴ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 13.

по приказу Петра I. Но, как пишет П. Г. Бутков, «место сего реду-та и бывшей крепости Терки скоро потоплено водою от прилива Каспийского моря; начавшей прибывать в 1715 г., вода была самая высокая 1742 года и потом постепенно опять упадать стала». Здесь заслуживает внимания сам факт фиксации подъема уровня Каспия в течение 1715—1742 гг., в силу чего собственно «в 5 верстах выше по Тереку от того редута, построен 1728 года фельдшанец, окруженный болотами с 1769 года, когда южный рукав Терека весь пошел в Борозду, в тыл Кизляру. Фельдшанец стоял при южном рукаве Терека, верстах в 6 от его устья, где суда приставали.

Таким образом, 1724 года основаны станицы или городки около крепости Святого Креста»¹.

Далее у П. Буткова говорится, что «В полуверсте от крепости, слобода Охочинская, населенная черкесами и другими горцами, оставшимися в магометанстве. Их при крепости Терки, в Икошской слободе, 1721 года, оставалось немного...»².

На наш взгляд, процитированная выдержка из работы П. Г. Буткова не дает оснований для предположения о том, что «вполне вероятно, что именно здесь находилось аккинское поселение Бухне»³.

5. По мнению А. Адилсултанова, «Второе спорное поселение группы Шарой локализуется в районе современного селения Шава Бабаюртовского района Дагестана; третье — недалеко от современного селения Бабаюрт — оно называется «Ээраш».

6. Он пишет, что «На землях к востоку и северо-востоку от современных дагестанских селений Куруш — Костек — Казьмаулу — Сулев-кент и до озера Акташского расселились аккинцы из пхьарчкоевской группы «Шебарлой», имеющие в настоящее время своих представителей среди аккинцев пхьарчкоевцев»⁴.

Далее А. Адилсултанов пишет, что «главным опорным поселением группы Шаберлой было «Шеберлой-Эвла» (или Кунтий-Эвла), располагавшееся на месте современного дагестанского селения «Костек», которое, по его мнению, основано русскими рыбаками во главе с главарем Костя. Почему-то рыбаки эти обязательно вступили в дружеские контакты с аккинцами из Шебарлой-Эвла, от которых их поселение и получило название Костийн-Отар (хутор Кости)... Оба поселения (Шебарлой-Эвла и Костийн-Отар) впоследствии слились в «Костек», которое вплоть до 1944 года де-

лилось на два основных квартала: Аьккхий—Эвла (Село аккинцев) и Глумкий—Эвла (Село кумыков)¹. Кумыки в Костийн-Отар, оказывается, прибывали из-за Сулака.

По мнению А. Алисултанова, село Чонтой (Чонтой — Эвла) также было аккинским, но с середины XVIII в. сюда стали переселяться из-за Сулака кумыки. Однако, за селом сохранилось старое название². Далее утверждается, что «равнинная часть междуречья Аксая и Сулака, близкая к предгорьям, была заселена представителями пхьарчкоевских тайпов, проживавших смешанно. Из наиболее крупных поселений, созданных аккинцами здесь в течение XVI—XVIII вв., можно назвать следующие: iандзле (в 10—12 км восточнее совр. сел. Бабаюрт), Йипне (совр. сел. Адиль-Отар), Салехь-Эвла (совр. сел. Сивух), Глазамне (совр. сел. Казьмаулу), Яркхе (совр. сел. Куруш), Йоккха-Бамт-Юрт (совр. сел. Баматюрт), Бота-Юрт (совр. сел. Батаюрт), Сал-Юрт (совр. сел. Кандаураул), Уцийн-Хьасте (совр. сел. Муцалаул), Накхане или Накке (совр. сел. Кокрек), Хасий-Эвла (совр. город Хасавюрт)» и др.³.

Далее в работе А. Адилсултанова речь идет о предгорной части междуречья от Сулака до Аксая, где располагались, по его утверждению, пхьарчкоевские поселения, имевшие также смешанный тайповый состав: «Алтмарза-Юрт (совр. сел. Ново-Чуртах), Ширдой-Гала (севернее совр. сел. Эндирей), Буьрсана (южнее сел. Эндирей, на левой стороне р. Акташ), Глазар-Гала (совр. сел. Ново-Кули), Боний-Эвла (совр. сел. Новолакское), Кешне или Кешана (совр. сел. Чапаево), Морхан-Берде (восточнее сел. Кешне), Ширча-Юрт (совр. сел. Калинин-Аул, Пхьарчхошка (совр. сел. Ленин-Аул), Мажгар или Марж (между сел. Кешне и Ширча-Юрт) и др.»⁴.

Высказано мнение и о территории проживания общества Пхьарчхой, ограничиваемой нижним течением Терека и западным побережьем Каспия, а также предгорьями Северного Дагестана и правобережьем р. Аксай и называемой Ширча-Аьккха (Старая Акка) или Пхьарчхошка-Аьккха (Акки общества Пхьарчхой)⁵.

Небезосновательны сетования А. Адилсултанова по вопросу трудности локализации аккинских поселений на территории общества Пачалкьа-Аьккха (или просто Аьккха), определяемой землями между правобережьем Терека, левобережьем р. Аксай,

¹ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 76—77.

² Там же. С. 77.

³ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 13.

⁴ Там же.

¹ Там же. С. 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 14—15.

⁵ Там же. С. 15.

Качкалыковским хребтом и правобережьем рек Мичик, Гуме и Сунжа. Пачалкбоевцы не сохранили в своей исторической памяти названия всех своих поселений¹.

По мнению цитируемого нами автора, «В среднем и нижнем течении реки Аксай и между Аксаем и правобережьем Терека (приблизительно вдоль по современной границе между Дагестаном и Чечней) до земель «Шарой-Мохк» проживали представители аккинцев-Пачалкбоевцев из тайпа Кхархой, называемые «Къоцой...», а основным опорным поселением этой части аккинцев» было «поселение «Къоцой-Эвла», располагавшееся между современными дагестанскими селениями Хамаматюрт и Адиль-Янгиюрт»; къоцоевцами были основаны также селения «Уцум-Эвла» (совр. сел. Уцми-юрт), «Уби-Хъажи-Отар» (совр. сел. Хамаматюрт), а также поселение на месте современного селения Адиль-Янгиюрт, название которого до настоящего времени не выяснено²; аккинские селения располагались также на территории современной железнодорожной ветки до Качкалыковского хребта³; на месте старого Аксая стояло аккинское поселение «Моха-Берде, а поселение с поздним тюркским названием Кошкельды носило аккинское название «Берза-Буьйре»⁴; в районе старого Герзеля стояло аккинское селение «Гезл-Эвла»; после сожжения в XVIII в. Пачалкба-Аьккха село было покинуто, но через некоторое время восстановлено пачалкбоевцами, которые все же ушли из этого села, где на их месте стали поселяться представители дагестанских народов, постепенно очеченившиеся⁵.

В целом же, по мнению А. Адилсултанова, Терско-Сулакское «междуречье было довольно густо заселено представителями аккинского населения, выдвинувшимися в число передовых северокавказских обществ в середине XVI века. Естественно, этого не могло произойти без относительно развитого уровня экономических и социальных отношений внутри Акки в рассматриваемое время, т. е. в XVI—XVII вв.»⁶. Не оставил без внимания он и остров Чечень, который якобы получил свое название согласно сообщению С. Г. Гмелина, «от живущих в горах (подчеркнуто нами — авт.) чеченцев, кои пристают к оному для ловления рыбы»⁷.

¹ Там же.

² Там же. С. 15—16.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же. С. 17—18.

⁷ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб.: Императ. АН, 1785. Ч. III., пол. I. С. 8.

Адилсултанов говорит о «близости» чеченцев к этому острову¹ и вообще к морю. Но он упустил из виду, что Гмелин писал, как подчеркнуто выше нами, о «живущих в горах» чеченцах, спускающихся с гор для ловли рыбы, а не о живущих на острове или вблизи моря.

Таким образом, Адилсултанов в Терско-Сулакском междуречьи не оставил клочка земли, на котором бы не поселил аккинцев, не оставил ни одного населенного пункта другим горским народам и даже кумыкам, главенствовавшее положение которых в рассматриваемом регионе и в указанных в хронологических рамках, как это явствует из источников, не подлежит сомнению. Это, отметим, признается и многими другими объективно писавшими авторами². И наконец, в обобщающем труде «История народов Северного Кавказа...» утверждается, что «приморская равнина между Тереком и речкой Орасай-Булак в XVII в., как и ранее, была населена кумыками», среди которых проживали также чеченцы (качкалыковцы)³.

По сути дела А. Адилсултановым в подтверждение своих утверждений не приведены никакие документальные данные не только XVI—XVIII вв., но даже более позднего времени. Сведения рукописей В. Ибрагимова и М. Магомедова под названием «Основа происхождения аккинцев» затмили ему все другие, более достоверные источники.

Для доказательства несостоятельности приведенных выше утверждений А. Адилсултанова в первую очередь надо сослаться на источник начала XIX в. (1812 г.) «Описание народов, обитающих в кавказских горах разных племен по правую и левую стороны Военно-Грузинской дороге...». В нем указаны как «собственно кумыкские» деревни с указанием количества дворов: Казийюрт (270 дворов), Костек (650 дв.), Темираул (150 дв.), Чунту (130 дв.), Янг Юрт (150 дв.), Ендери (1500 дв.), Мусал аул (150 дв.), Байрам-аул (250 дв.), Ботайюрт (80 дв.), Мамак юрт (40 дв.), Казак мурза (35 дв.), Бабайюрт (20 дв.), Муракай-юрт (90 дв.), Боташ (100 дв.) Муса Хаджи (20 дв.), Аксай (800 дворов).

Как «кумыкам принадлежащие» в этом документе указаны «лезгинские» села Чиркей, Зуббут, Иха и др., а также перечислены ауховские села: Акташ (200 дворов), Юрт (50 дв.), Ярухсу или Качалук (300 дв.), Кешен (200 дв.), Гилян (100 дв.), Зандак

¹ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 30.

² История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. 1. С. 208, 305.

³ История народов Северного Кавказа... С. 372.

(100 дв.), Чючели (40 дв.), Даттах (30 дворов)¹. В числе ауховских сел указан в этом источнике и аул Алмак, который существовал еще до появления в этой зоне ауховцев (аккинцев), оказывал упорное сопротивление войскам Тимура². Этот сюжет хорошо разработан Ш. М. Мансуровым³.

Перечислены в цитируемом выше документе и чеченские села: Хасса мекент (70 дв.), Балчи (60 дв.), Герзели (50 дв.), Дадаюрт (87 дв.), Умараджи (45 дворов)⁴, а также ногайцы эндиреевских, костековских и аксаевских кибиток.

Ценность этого опубликованного еще в 1958 г. архивного документа заключается в том, что он составлен рукой чиновника, которому все равно было кто и где жил, кому какое село принадлежало, и свое дело знал хорошо. Игнорирование этого документа при решении такого серьезного научного и важного, актуального политически вопроса чревато непредсказуемыми последствиями, просто грешно, если не сказать другое. Как видно из приведенного «Описания», все претензии Адилсултанова на принадлежность аккинцам поселений Терско-Сулакского междуречья в XVI—XVIII вв. виснут в воздухе, не имеют под собой реальной фактической основы.

Именно об этом свидетельствует то, что в цитируемом нами труде «Чеченская республика...» подчеркнута, что «в конце XVI в. после убийства влиятельного чеченского князя Ших-Мурзы Окуцкого (Аккинского) владения в Засулакской зоне вместе с подвластными ему кабардинцами и кумыками укрепился один из сыновей тарковского шамхала — Султан-Мут. Вскоре на западном берегу Сулака у выхода реки из Салатавских гор была заложена деревня Эндери, в которой совместно проживали кумыки, чеченцы и другие горцы. После смерти в 1634 г. Султан-Мута дети его жили еще в Эндери, но внуки и правнуки, разделившись, основали в XVII—XVIII вв. аулы Аксай, Костек и Казы-Юрт на Сулаке»⁵. Важно то, что в этой работе признается, что «это и были три главных поселения кумыков севернее реки Сулак»⁶. Отметим только, что «деревня Эндери» была основана не на р. Сулак, как

¹ Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 245; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М.: Наука, 1979. С. 270.

² Бакиханов А. Указ. соч. Баку, 1926. С. 64.

³ Мансуров Ш. М. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII — первой половине XIX в.). Махачкала, 1995. С. 18—19.

⁴ Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 245.

⁵ Чеченская республика... С. 17.

⁶ Там же.

это указано в цитируемой работе, а на берегу р. Акташ, где оно и поныне находится. Что касается смерти «Султан-Мута», он был жив еще в 1635 г. и даже ездил в Казикумух на провозглашение его сына Айдемира шамхалом¹.

Видимо, заслуживает особого внимания при решении вопроса этнического состава населения Эндирея XVII в. и то, что посетивший этот аул в 1666 г. турецкий путешественник-географ Эвлия Челеби не упомянул о чеченцах, хотя и перечислил языки обитавших в нем персов, грузин, черкесов, кумыков, калмыков, кайтаков, лезгин, кыпчаков, чагатайцев² и т. д. Не упомянул их и А. Олеарий, оставивший подробное описание всего, что он видел в пути при прохождении через Дагестан в 1636—1639 г. в Иран и обратно. На наш взгляд, здесь не нужно особых комментариев.

Не согласуются утверждения А. Адилсултанова и с наблюдениями других исследователей по топонимике не только Терско-Сулакского междуречья, но и даже территории, «традиционно населенной носителями аккинского диалекта чеченского языка (нынешние Новолакский (Ауховский) и часть Казбековского района)». Так, Р.-Г. А.-К. Гусейнов пишет, что «Установленным на сегодняшний день является лишь тюркское (кумыкское) происхождение местных гидронимов Ямсу (<кум. Яман-Сув — «плохая вода/река», Ахташ (<кум. Акташ — «белый камень»)³. Существует мнение о кумыкском происхождении названия одного из ауховских сел — Пачалкъа, которое восходит к кумыкскому наименованию крайней западной, населенной в прошлом кумыками, части Кумыкской равнины, входящей в настоящее время в состав Гудермесского района Чеченской республики — Кхачхалыкх»².

К ойконамам, имеющим непосредственно тюркское происхождение, отнесены: Алтмарза-Юьрт (кум. Алты-Мирза-Юьрт, русск. Алты-Мурза-Юрт, совр. Новочуртах) — кум. «Шести Мурз (Золотого Мурзы) селение»; Кешане/Кешне (кум. Кешен-Аух, русск. Кишень-Аух, совр. Чапаевское), < тюрк. кеш — «переходить, переправляться, переезжать, форсировать вброд реку, воду»; Ямсу (кум. Яман-Сув-аух, русск. Яман-Су, совр. Шушия — кум. Яман-Сув... Другие названия содержат тюркские по происхождению наименования местных тайпов (родов): Боной/Боний-Эвл (кум. Банай-

¹ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.: Док. и матер. / Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 135—136.

² Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. II. С. 115.

³ Гусейнов Г.-Р. А.-Р. Тюркизмы в топонимическом ландшафте Ауха // Тез. докл. конф. географ. исслед. в Дагестане. Махачкала, 1994. Вып. XXII. С. 87.

⁴ Там же. С. 87—88.

Аул, русск. Банай-Аул, совр. Новолакское), Боной-Юрт (кум. Банай-Юрт, русск. Банай-Юрт, совр. Ахар) <Беней/Боней—тюрк. Боян/Боян-дур (название племени); Билтой-Эвл (кум. Билитли-Аул, русск. Билт-Аул, совр. Тухчар) <Билтой—тюрк. бил/пил — «хребет, гребень, горы»; Пхьарчхошка (кум. Акташ-Аух, русск. Акташ-Аух, совр. Ленин-Аул) — Пхьарчхой — тюрк. барчы/барши (*<-парчы) — одно из наименований болгар-барсиллов, составляющих основное население Хазарского каганата (ср. Газар-Гала/кум. Кхазар-Кхала), совр. Новокули...». Некоторые села имеют «опосредованную и условную тюркскую мотивировку». Таковы: Мини-Атага (кум. Минай-Туггай, русск. Минай-Тугай, совр. Гамиях) <кум. собств. Минай/—> чеч. Мини/при чеч., акк. атага — «долина» <кум. акх тогай — «белая (речная, пойма (ср. ногай, тогай — «луг»); Шир/Ширча-Юрт (кум. Юрт-Аух, русск. Юрт-Аух, совр. Калинин-Аул), ср. тюрк. (кум.) эски—«старый», «старинный», аналогичное значение чеч., инг. шир, акк. шир/ширча...»¹.

Название «Аух», восходящее к наименованию одного из гунских племен Северного Кавказа аугар-авгар (VI в. н. э.), где первая часть связана с тюрк. ав—«охота», вторая — тюрк. аьр—«муж, мужчина» как, впрочем, и самоназвание аккинцев-ауховцев /арара/ аьккхий/<-* агл-/ , которое имеет своим источником тюркский корень со значением движения через горы с подъемом/восхождением и спуском/схождением»².

Важно подчеркнуть и вывод Г.-Р. А.-К. Гусейнова «о тюркском (кумыкском) характере топонимического ландшафта рассматриваемого региона»³.

Как отмечалось выше, А. Адилсултанов название города Хасавюрта выводит от аккинского Хасий-Эвла⁴. Но другие исследователи указывают на то, что основателем этого города «был главный кумыкский пристав Хасайхан Уцмиев, чье имя легло в основу этого ойконома»⁵.

Здесь особо интересно мнение С. Ш. Гаджиевой, писавшей еще в 1961 г. по этому вопросу, что «в 1846 г., в период военных действий в Дагестане, возникает укрепление Хасавюрт. Имеются све-

¹ Там же. С. 88.

² Там же. С. 88—89.

³ Там же. С. 89.

⁴ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 14.

⁵ Мугумова А. Л. «Татарский» язык в источниках краеведческого и исторического изучения топонимики северного Дагестана (по материалам М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого) // Тез. докл. конф. по итогам географ. исслед. в Дагестане. Махачкала, 1994. Вып. XXII. С. 92.

дения, что еще до образования укрепления это место являлось у кумыков одним из сторожевых пунктов и называлось Сувук-Пуршумук (холодная стоянка). Открытое со всех сторон, это место — действительно холодное и ветренное. По рассказам стариков, чабаны, перегонявшие скот на летние пастбища, делали здесь остановку на несколько дней: здесь не было комаров.

С началом военных действий в Дагестане это место приобрело большое военно-стратегическое значение, что вызвало необходимость в его укреплении. По приказу военной администрации из Эндирея и Костека было переселено по 100 семейств для основания на этом месте населенного пункта. По окончании строительства аула сюда переселился на постоянное жительство местный князь Хасав Хамзаев, почему и селение стало называться Хасавюрт»¹. По ее наблюдениям «основателями Хасавюрта были русские из крепости Внезапная, слобожане и кумыки из селений Костек и Эндирей»². На наш взгляд, этим все ясно сказано.

Но отметим, что народы Дагестана, Чечни и Ингушетии во многих селах проживали совместно, не были четко разграничены. «Совместными поселениями, где жили и трудились горцы Дагестана, чеченцы, ингуши, кабардинцы, в Дагестане были Баташ-юрт, Байрам-аул, Эндерей, Аксай и др... В свою очередь, дагестанские горцы проживали на территории Чечено-Ингушетии в селении Брагуны и др.»³. Однако это не значит, что все селения такого совместного проживания можно называть аккинскими, чеченскими или еще чьими-нибудь без учета их нахождения на так называемой этнической территории, их основателей и пропорционального соотношения их населения.

Для нашего исследования важно и описание границ территории, заселенной в конце XVIII — начале XIX в. чеченцами, в том числе и аккинцами. С. Броневский писал, что чеченцы «граничат к северу с селениями гребенских казаков, отделяемыми Терекон; к западу с Брагунским владением, с Малою Кабардою, с ингушами и карабулаками; к полудню (т. е. к югу—авт.) с снежным хребтом гор; к востоку с Андийским и Аварским владениями, входящими в Лезгистан, и с аксаевскими кумыками, от коих отделяются рекою Аксаем. Земли их по Тереку, заключенные между устьями Сунжи и северо-восточным изгибом Аксая, верст на тридцать расстояния, расширяются к высоким горам на Полдень, имея крайними пределами на востоке вершины Аксая и на западе вершины

¹ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 105.

² Там же.

³ История Дагестана. Т. I. С. 279.

реки Фартама. Левый берег Аксая не весь принадлежит чеченцам; нижняя часть сей реки, параллельно с Тереком текущая, находится во владении Аксаевских кумыков»¹.

Указание С. Броневского на то, что «земли чеченские гористы и пересекаемы множеством горных протоков и водороев (т. е. водопадов—авт.), образующих глубокие ложбины и тесные проходы, которые служат чеченцам вместо крепостей для охранения от внешнего неприятеля»², явно свидетельствует в пользу их расположения в горах, а не на Терско-Сулакской низменности.

Чеченцы, по сведениям С. Броневского, делились на мирных, независимых и горных.

Мирные чеченцы проживали по правому берегу Сунжи в 24 деревнях, среди которых выделялись Новый Чечень (в 40 верстах от устья Сунжи), Гаджиаул, Янгеинт, Джанги, Чабрило, Шабет. К ним же относились деревни Каш-Гельды, Курчи-Аул, Наурузаул, Нуим-берди, Ойсунгур, Истесу, «Алты-Качалык», т. е. 6 деревень, поселенные аксаевскими владетелями на своих землях «на известных уговорах», т. е. за плату податей, от чего качкалыковцы отказались, воспользовавшись ослаблением аксаевских князей к началу XIX в.³

Независимые чеченцы жили, «начиная от подошвы Черных гор на полдень, в самые горы до высокого Шиферного хребта, по рекам, впадающим в Аксай и в Сунжу, наипаче по реке Аргуне или Быстрой».

«Горные чеченцы» были расположены еще более к западу, на востоке их селения прилегали «к лезгинскому вольному обществу Анди», в 25 верстах от деревни сего имени. Всего у горных и независимых чеченцев было до 50 сел⁴.

Чеченцы не имели своих князей, по утверждению Броневского, и поэтому в управители приглашали из Дагестана, особенно из рода аварских ханов⁵. Насчитывалось чеченцев всего до 20.000 дворов и могли они выставить при необходимости до 15 тыс. вооруженных людей⁶.

Однако трудно согласиться с мнением С. Броневского, что чеченцы не имели своих князей, поскольку еще в конце XVI в. (в 1588—1589 г.) Москву посетило посольство, как его называют

русские документы, князя Ших-мурзы Окоцкого и князя Алкаса. Первого представлял его племянник Бойтав, а второго—посол Асланбек. Бойтав и доставил в Москву грамоту Ших-мурзы Окоцкого, в которой он сообщал царю, что «черкассы и Арысланбек со мною в недружбе, а для того оне со мною в недружбе, что яз тебе великому князю белому царю служу»¹.

Что касается собственно территории расселения чеченцев в исследуемый период в «Очерках истории Чечено-Ингушской АССР» (Грозный, 1967) справедливо пишется, что «В XVI—XVII вв. основная территория, занятая поселениями чеченцев и ингушей, находилась, как ранее, в горах, к востоку от верхнего течения реки Терека»², а «часть аккинцев в XVI веке уже находилась на большом расстоянии от своей высокогорной родины, так как переселилась на восток, заняв предгорья по реке Яман-су между реками Аксаем и Акташем»³. До этого же «ингушские поселения в бассейне реки Ассы граничили на востоке через горный хребет с чеченским обществом Акко, занимавшим верховья реки Геки, притока Сунжи»⁴.

В этом же труде далее приводится предание о причине выселения части аккинцев (окочан) на реку Яман-су, что было следствием их столкновений «с соседними фамилиями», заставившими их уйти «под покровительство аварского хана»⁵. Но, как отмечено в цитируемых «Очерках...», существовала и другая возможная причина ухода аккинцев на новое место — «это нужда в пастбищах», которые имелись в самом близком к ним сильном Эндирейском ханстве. И «во второй половине XVI в. аккинцы уже жили на реке Яман-су», а когда в 1588 г. был построен Терский городок, «туда ушло 160 аккинцев с женами и детьми из-за притеснений кумыкского феодала Ахмат-хана и образовали Окоцкую слободу у Терского городка», занялись земледелием, сеяли пшеницу⁶.

Согласно же «Росписи населения Терской слободы», составленной в 1640 г. сыном боярским П. Лукиным и подъячим Ф. Белковым, в Терском городке насчитывалось 29 дворов окочан, находившихся за Муцалом-мурзою Черкасским⁷. Но ни один чеченский

¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 64—65.

² Очерки истории Чечено-Ингушской АССР / Отв. ред. Н. А. Смирнов. Грозный: Чечено-Инг. книгоиздат., 1967. Т. I. С. 51.

³ Там же. С. 52.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Там же.

⁷ Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв. М., 1957. Т. I. С. 194—196.

¹ Броневский С. М. Указ. соч. Ч. II. С. 171—172.

² Там же. С. 172.

³ Там же. С. 175—176.

⁴ Там же. С. 178—179.

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Там же. С. 183.

двор при этом не был зафиксирован. 160 аккинцев вряд ли могли оказать существенное влияние на этническую ситуацию в этом регионе, так как они жили в Терках. Приведены в «Очерках...» и сведения из предания о том, что «легендарный предок чеченцев Тинавинь-Вис, сын Молкха платил дань князю Султан-Муту», что в 50-х годах XVII в. сын Султан-Мута Казаналп говорил о «бичигизах (мичкизах) как о людях ему послушных»¹.

В принципе эти же сведения можно подтвердить и данными из труда Е. Н. Кушевой, много сделавшей для объективного освещения истории народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев-аккинцев, которых, кстати, она относит в рамках XVI—XVII вв. к ингушам². Она писала, что «Описания XIX в. застают аккинцев разорванными территориально на две части. Одна — основная — занимает горные ущелья верховьев р. Гехи, притока Сунжи, гранича с запада через горный хребет — с ингушским горным обществом Цори, а с востока — с чеченскими племенами и дальними кистинами. Другая часть, известная также под названием Аух, ауховцы, отрезанная от первой всей территорией Чечни, живет в предгорьях между реками Аксаем и Акташем, по р. Ямансу, поблизости от крайнего северо-западного кумыкского владения Эндери («Андреевой деревни» русских источников), где в конце XVI—в первой половине XVII в. княжил сильный кумыкский владлец Султан-Махмуд, а затем его сын Айдемир»³. Ссылаясь на предания чеченцев, опубликованные У. Лаудаевым⁴, она пишет, что «часть аккинцев ушла в Аух под покровительство аварского хана из-за раздоров с соседними фамилиями» и что это произошло в 1550—1570-е годы, а с возникновением русских городков на Северном Кавказе «аккинцы-ауховцы, поселения которых были недалеки от Сунженского острога и Терского города, вступили в тесные сношения с русскими воеводами», что явствует из сведений русских документов XVI—XVII вв., в которых речь и идет о ближних, а не о горных аккинцах»⁵.

Подробную подборку сведений исторических источников об аккинцах содержит труд Н. Г. Волковой⁶, проделавшей огромную и, на наш взгляд, довольно плодотворную работу по изучению географии расселения племен и народов Северного Кавказа и их ис-

¹ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 58.

² Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 69 (примеч. 27.).

³ Там же.

⁴ Лаудаев У. Указ. соч. // ССКГ. Вып. VI. С. 11.

⁵ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 69—70.

⁶ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 210.

торического прошлого. По ее сведениям, часть «аккинцев, известная в исторической литературе прошлого столетия под именем ауховцев, обитала в Восточной Чечне по рекам Ямансу, Ярыксу, Акташ и Аксай. За исключением ауховцев, сведения об аккинцах и карабулаках в письменных источниках прошлого крайне скупы и не уходят глубже XVIII—XIX вв.»¹, а «имя аккинцы широко известно в источниках XVI—XVII вв. Названиями окочане, ококи, Акоцкая земля изобилуют русские документы этой эпохи»². В то же время «все известные в источниках того времени факты связаны лишь с восточной группой аккинцев, к XVI в. располагавшейся в двух днях пути (пешком) от Суншина городища», а в начале XVII столетия в русских источниках становится известным имя еще одной группы аккинцев, поселившихся под Терским городом и образовавших Окоцкую слободу»³.

Обратим внимание и на замечание Н. Г. Волковой, что «термин ококи применительно к жителям Окоцкой слободы уже в XVII в. обозначал не только аккинцев, но и отдельные группы чеченцев, в частности мичиковцев»⁴. В XVIII в. же «имя ококов в Терской крепости относилось, — по мнению Н. Г. Волковой, — не столько к вайнахам, сколько к другому горскому населению»⁵. При этом она ссылается на труд П. Г. Буткова, в котором сказано следующее: «В полуверсте от крепости, слобода Охочинская, населенная черкесами и другими горцами, оставшимися в магометанстве. Их при крепости Терки, в Икоцкой слободе, 1721 года, оставалось немного; но со времени похода Петра Великого в Дербент, когда явились к услугам его, из Большой Кабарды, рода Жанбулатова, фамилии Бекмурзиной, владлец Эльмурза Бекович, князь Черкасский, родной меньшей брат князя Александра Бековича Черкасского; а из Малой Кабарды, Таусултанова рода, Асламбек Кеметов, то в сей слободе находилось уже в 1727 году до 300 фамилий, которые состояли в команде онаго Эльмурзы Бековича, пожалованного Петром Великим в подполковники и оставшегося навсегда в службе российской»⁶.

Интересны и этнографические материалы об аккинцах, приведенные Н. Г. Волковой. В частности, она пишет, что «В качестве самостоятельного, хотя и родственного народа, вайнахи из своей среды выделяют аккинцев (аккхий). По мнению многих чеченцев

¹ Там же. С. 162.

² Там же. С. 163.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 164.

⁶ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 77.

(жителей по рекам Чанты-Аргун и Мартан), аккинцы — это нохий, хотя и имеют некоторые отличительные черты. Областью обитания горных аккинцев признается Аьккхи, Бавла, Ялхорой. С чеченцами сближают горных аккинцев также и ингуши, считающие аккинскими областями не только Ялхорой, но также Майсту и Малхисту...»¹.

Для нас более интересны ее сведения о восточных (равнинных) аккинцах, имевших непосредственное отношение к Дагестану. По ее сведениям, «плоскостные аккинцы в настоящее время (речь идет о начале 70-х годов—авт.) населяют шесть селений Дагестанской АССР и называют себя *аьккхи(й)* или *арара аьккхи(й)*, т. е. плоскостные аккинцы, тем самым отличая себя от *амлаьккхи(й)* — горных аккинцев»².

И не случайно «иногда чеченцы, не относя аккинцев к нохи, считают их постоянными и давними жителями этих гор»³.

Аккинцев не очень много; поэтому «соседнее вайнахам население различает в их среде лишь чеченцев и ингушей и в большинстве случаев не знает аккинцев, карабулаков и бацбийцев»⁴.

Согласно наблюдениям Н. Г. Волковой, западно-европейские источники до XVIII в. не содержат сведений о вайнахах. Только побывавший в Москве в 1664 г. амстердамский бургомистр Витзен указывал, что «в ленной зависимости от тарковского шамхала и кумыкского князя из Эндери находились дагестанские и чеченские владения»⁵. Имеются сведения о зависимости Качкалыковской деревни от Аксайской деревни⁶.

В этом плане интересны и сведения А. М. Буцковского от 1812 г. об ауховцах. Он писал, что «Аухи, так называются поселившиеся на землях кумыкских около вершин рек Агташа и Ярухсу карабулакские и частью чеченские выходцы, кои кумыкам дань платят баранами и в обязанности давать вспомогательных воинов... Означенные в таблице № XIII кумыкам принадлежащие чеченцы суть выходцы, недавно на сих местах поселившиеся, и смешаны с природными кумыками, князьям коих особенной дани не платят, кроме поставки вспомогательных воинов и на один день с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокосению; из числа оных однакож селения Хасамкент, Балчи и Герзелли и от сей повиннос-

¹ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. С. 172.

² Там же. С. 172.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 148—149.

⁶ Там же. С. 149—150.

ти уже отклоняются»¹. Как отмечалось уже, им же названы с указанием числа дворов селения ауховцев — Агташ, Юрт, Ярух-су или Качилук, Кешень, Гилян, Зандак, Чючели, Даттах, среди которых оказался и аварский аул Алмак². Названы А. М. Буцковским и аулы чеченцев — Хаса Мекент, Балчи, Герзели, Дада-юрт, Умараджи³.

Как отмечено в «Истории Дагестана», «правители Дагестана постоянно стремились к расширению границ своих владений. Особенно они старались распространить свое влияние на соседей-чеченцев и ингушей. В XVI в. кумыкские владетели подчинили своей власти ауховских чеченцев. А в начале XVII в. аварские ханы принудили к дани пограничные чеченские общества»⁴.

В историографическом плане большой интерес представляют при освещении дискутируемого здесь вопроса и выводы, к которым пришел еще в 1977 г. В. П. Кобычев⁵, приведший в то же время целый ряд преданий и легенд о происхождении и расселении чеченцев и ингушей, в том числе и аккинцев. Его выводы таковы: «В глубокой древности вайнахи обитали, по-видимому, по обе стороны Главного Кавказского хребта. Однако со временем отмечается постепенный отлив нахского этноса из Закавказья к северу. Последняя крупная миграционная волна в этом направлении имела место в конце раннего—начале позднего средневековья и была следствием усиления могущества грузинского феодального царства, стремившегося распространить свое политическое и культурное влияние на соседние горские племена»⁶. Далее он отмечает, что в результате этого явления «резко возросла численность населения в горах центральной части республики, в обществах Нашаха и Галай (район оз. Галанчѣж), где в XVI—XVII вв. произошел своеобразный демографический взрыв, вызвавший движение уже в широтном направлении: к востоку и западу», что привело в конечном итоге к распаду нахского этноса на три части — на бацби, ингушей и чеченцев⁷.

Восточные чеченцы, в частности аккинцы и появились в XVI—

¹ Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 243—244.

² Мансуров Ш. М. Салатавия. С. 26.

³ Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 245.

⁴ История Дагестана. Т. I. С. 280.

⁵ Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры: Этническая история и фольклор. М.: Наука. 1977. С. 165—184.

⁶ Там же. С. 183.

⁷ Там же. С. 184.

XVII вв. на землях, подвластных аварскому хану и кумыкским князьям.

В «Истории народов Северного Кавказа...» также обращено внимание затронутому нами вопросу. В ней утверждается, что становление феодальных отношений в XVI—XVII вв. происходило у северокавказских народов (в том числе и чеченцев) не совсем равномерно, что «более интенсивно этот процесс происходил в сельских общинах, расположенных по соседству с Дагестаном, Кабардой и Осетией, и особенно у аккинцев, переселившихся на равнину окочан и осевших близ Терского городка», что «аккинцы, поселившиеся в верховьях р. Яман-су, были зависимы от владельцев Засулакской Кумыкии», а «часть чеченцев по соседству с владениями аварских ханов была в их зависимости»¹. В ней же далее говорится, что «поселившиеся около р. Ямансу ауховцы первоначально зависели от шамхалов, но с выделением из шамхальства Эндерева княжества они попали под власть владельцев Засулакской Кумыкии»².

В плане данного исследования большой интерес представляют и сведения авторов «Истории народов Северного Кавказа...» о том, что «в трех кварталах одного из крупнейших аулов Северного Дагестана Аксае обосновались чеченцы»³. При этом нужно было указать, что в Аксае было 8 кварталов, чтобы яснее видно было соотношение этнических групп населения в нем. По переписи 1887 г. в Аксае проживали 6610 человек. Из них чеченцев было всего 23 человека⁴. Поэтому об их особой роли в Аксае вряд ли можно говорить.

В целом же в рассматриваемый нами период в Северном Дагестане, под которым мы условно рассматриваем Терско-Сулакское междуречье, проживали практически представители всех народов Северо-Восточного Кавказа. Было бы нелепо отрицать проживание чеченцев и в других населенных пунктах рассматриваемой территории. Но преувеличивать их количество в составе всего населения региона, отдавать им приоритет в хозяйственной и политической жизни нет достаточно убедительных данных и оснований, как бы и кому бы этого не хотелось.

Думается, что при решении вопроса формирования этнического состава населения Терско-Сулакского междуречья и, в частности,

¹ История народов Северного Кавказа... С. 288—289.

² Там же. С. 295.

³ Там же. С. 301.

⁴ Аксай (или Ташкичу). (По данным Цаллагова составлено инспектором народных училищ Терской обл. Митр. Мохиром // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16. Отд. I. С. 34.

территории, подвластной аксаевским владельцам, несомненный интерес представляет и предписание ген. Торماسова ген.-лейт. Мусину-Пушкину от 1 апреля 1811 г. В нем, в частности, сказано: «Есаул Чернов от 12 числа марта рапортует мне, что многие чеченцы хотят присоединиться к качкалыкским народам, желающим быть в подданстве России, к чему единственно препятствует неимение для хлебопашества земли; аксаевские владельцы, у коих находится довольно пустопорожной земли у Терека, налагают на них большие подати, и без того и дать оной не хотят. А как на сей самой земле производятся частые хищничества, аксаевские же владельцы за хищничества не отвечают, то чеченцы просят о позволении им пользоваться тою пустопорожною землею от р. Аксае до р. Сунжи, противу селений Гребенского войска с тем обязательством, чтобы не впускать в дачи тех хищников»¹.

Ген. Тормасов предписал Мусину-Пушкину добиваться, чтобы аксаевские и брагунские владельцы, самовольно захватившие эти земли, добровольно уступили их чеченцам, которые стали переселяться с гор на плоскость (здесь и далее подчеркнуто нами — авт.) и в то же время — позаботиться «о вознаграждении за землю аксаевских владельцев»². В этом документе указано также, что «...от Сунжи до Аксае качкалыкцами, каковое заселение продолжится на 150 верст...»³ (подчерк. нами—авт.).

Все это дает основание говорить с достаточной долей вероятности о том, что основная масса чеченцев даже в начале XIX в. проживала по Тереку и Сунже, а также по Аргуну⁴. Точное число их неизвестно. По данным историков, чеченцы, поселенные на Тереке, составляли «образованнейшую часть всей Чечни», управлялись князьями⁵, «другой род мирных чеченцев заселяет плоскости по обеим сторонам реки Сунжи и многих других вытекающих рек из гор, впадающих или в Сунжу или в Терек; сии последние состоят из карабулак, чеченцев, качкалык и аухов»; число жителей мужского пола покорных и непокорных достигало до 35000 душ, и из них пеших и конных воинов можно было собрать в равном количестве до 16 тыс. человек⁶.

¹ АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 905.

² Там же. С. 906.

³ Там же.

⁴ Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX в. / Под ред. С. Бушуева и Р. Магомедова. Махачкала: Даггиз, 1940. Т. 3. Ч. 1. С. 149—151, 155, 233—235.

⁵ Там же. С. 233.

⁶ Там же. С. 234.

Существует довольно полное «Описание Чечни...», составленное капитаном ген. штаба И. И. Норденштамом в 1834 г. В нем подчеркнута, что: 1) Сунженская долина составляла главную часть Чечни¹; 2) «по рассказам чеченцы в прежние времена составляли весьма небольшое племя, обитавшее в вершинах рек Акса, Гудермеса, Холхану и Аргуна; сию часть Чечни чеченцы и теперь считают настоящею своею родиною и называют ее Нахчи-Мохк»² (Мохк—земля; нахчи — название самих чеченцев); 3) предки чеченцев в прошлом «жили на северной покатости Восточного Кавказа, в верховьях вышеозначенных рек, «рост числа населения заставил их спуститься к северной стороне; «распространять же свои владения к западу и востоку также для них выгоды не было, ибо там не находили бы они столько же удобства для жизни, как со стороны севера, и так, постепенно подвигаясь вниз по ущельям рек, они вышли на долину Сунжи; ...а когда вся Сунженская долина была заселена, они прошли дальше к Тереку и начали там селиться» и, вероятно, пошли бы и далее, если бы они не встретили препятствие; в таком положении российские власти и застали чеченцев в конце 17—начале 18 столетия³; чеченский язык имеет сходство с кистинским; «племя, вышедшее из ущельев Акса, Халхалу и Гудермуса (чеченцы), смешалось с кумыками: часть оною с Мичика перешла через Качкальковский хребет на земли аксаевских князей и поселилась там, сии теперь называются качкальковцами, другая часть, поселившись на землях андреевских князей, в ущельях Акташа и Ямансу, получила название ауховцев»; «...Качкальковцы и ауховцы по соседству с беспрестанным сношениям с кумыками приняли их обычаи и много слов из их наречия»⁴, считают в Чечне от 110 тыс. до 120 тыс. жителей⁵.

Один из надежнейших источников XVIII в. — труд И.-Г. Гербера. Он писал о чеченцах в 1728 г.: «Чеченцы, народ. Ситуация. Подле Андрея к реке Терек; под нижними горами». Далее И.-Г. Гербер отмечал, что «Прежде сего сей уезд из нижних гор далее протянулся вниз к морю, а ныне народ чеченской уменьшился и состоит их уезд токмо в немногих деревнях»⁶.

Все это значит, что чеченцы в рассматриваемый период не были особо широко представлены в Терско-Сулакском междуречьи, а находившиеся из них в этой зоне состояли в подданстве шамха-

¹ Там же. С. 301.

² Там же. С. 307—308.

³ Там же. С. 308.

⁴ Там же. С. 308—309.

⁵ Там же. С. 311, 324.

⁶ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 70.

ла — «под одним шамхалом, а не под Персиею»¹. Здесь нужно отметить, что в XVII в. и позже в Засулакнии правили не шамхалы, а эндирейские князья, которые и взимали дань с чеченцев.

А. М. Буцковский в 1812 г. также отмечал, что ауховцы, «поселившиеся на землях кумыцких около вершин Акташа и Ярухсу, карабулакские и частью чеченские выходы» кумыкам дань платили баранам².

Вопрос переселения аккинцев с гор на современную территорию их проживания в Дагестане нашел освещение в работе дагестанских авторов «Чеченцы-аккинцы Дагестана», в которой, в частности, сказано, что «примерно во второй половине XVI в. часть аккинцев в силу ряда социально-экономических, демографических и других причин вынуждена была покинуть места своего древнего обитания в Лам-Акки и, постепенно двигаясь на восток, оказалась в предгорьях междуречья Акса и Акташа. Здесь, поселившись по долинам среднего течения рек Ямансу, Ярыксу и Акташ, образовали Ауховское общество»³.

Вопросы о количественном соотношении этнического состава населения, имея ввиду число дворов в каждом из указанных сел, также решается не в пользу наблюдений А. Адилсултанова. Если суммировать количество дворов в указанных А. М. Буцковским селах, получается, что кумыки в этом регионе составляли 4430 дворов, ауховцы — 1100 дворов, чеченцы — 312 двора, а «кумыкам принадлежащие лезгинские «селения» Чиркей, Зуббут, Иха, Миятлы, Инчке, Куввар, Гермелли, Зирама, Чирирюрт, Боухтогай, Гойны и Дуллым» насчитывали 2410 дворов. Если суммировать число собственно кумыков и принадлежащих им «лезгин», а также аксаевских, костековских и «андреевских» ногайцев, то получится в общей сложности 7940 дворов, тогда как в сумме чеченские и ауховские села, «кумыкам принадлежащие», по мнению А. М. Буцковского, насчитывали всего 1412 дворов. Это картина начала XIX в.

В более ранний же период, в частности в XVI—XVII вв., чеченцев и ауховцев в этой зоне было значительно меньше, так как они проживали в горах, в верховьях рек, впадающих в Сунжу и Терек. Собственно имевшие отношение к Засулакской Кумыкии ауховцы появились, как уже отмечалось, в этой зоне, т. е. «в предгорьях между реками Аксаем и Акташем, по р. Ямансу, поблизос-

¹ Там же.

² Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 243.

³ Алиев К. А., Курбанов М. Р., Юсупова Г. И. Чеченцы-аккинцы Дагестана: к проблеме реабилитации. Махачкала, 1994. С. 4.

ти от крайнего северо-западного кумыкского владения Эндери» — в конце XVI в.¹

Потом часть этих ауховцев или окочан ушла в российский Терский городок, спасаясь от притеснений и гнета кумыкского князя Ахмат-хана². Это подтверждается челобитной «окочанских» посланцев Ахмата и Ачелея, прибывших 31 авг. 1614 г. к царю Михаилу Федоровичу с приветствиями по поводу его избрания. В их челобитной, в частности, сказано, что «Вышли, государь, мы холопы твои государевы из Акоз и из Мичкиз в твою государеву отчину (подчеркнуто нами—авт.) в Терской город на твое... имя на житье и с женами, и з детьми, и з братьями своими...»³. В челобитной они жаловались, что царские воеводы с 1601 по 1614 г. им ничего не выплачивали, хотя и использовали их для разных поручений. Царь обещал удовлетворить их просьбу, платить за службу⁴.

Известна и челобитная «служивых жилецких окочан» царю Михаилу Федоровичу и от 1615 года. В ней дано описание причин их ухода из Окоцкой земли и переселения в Терской городок, в частности сказано: «...Преж, государь, сего мы...жили в своей Окоцкой земле: и в той, г., в Окоцкой земле больше был над всеми окоцкими людьми Ших-Мурза Ишеримов. И того, г., Ших-Мурзу Ишеримова убил кумыкской князь Ахмат-хан з братьею за то, что он Шихмурза, прямил и служил... московским государям»⁵.

По их словам — «как, г., Ахматкан князь убил Ших-Мурзу и нас почал к себе в холопы звати, а землею хотел Окоцкою владети», и далее они, «покиня свои дома и живот весь пометав, з женами своими и детьми из Окоцкие земли утекли душею и телом и прибегли... в Терский город», где служили русским царям 20 лет⁶. Здесь напрашивается вопрос: если Ших-Мурза Окоцкий был таким значительным и сильным, имел многих подвластных, как мог его убить не так уж известный кумыкский князь Ахматхан? Однако в существующих исторических сочинениях и источниках ответ на этот вопрос трудно найти. Трудно найти ответ и на вопрос — все же в чем главная причина убийства Шиха Окоцкого Ахматханом?

Заслуживает быть отмеченной и просьба окочан избавить их от гнета черкасского князя Сунчалае Янгличева, который, по их

¹ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 69.

² Там же. С. 70.

³ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 554.

⁴ Там же. С. 554—555.

⁵ Там же. С. 558.

⁶ Там же.

словам, не любил их. Но просьба окочан была отклонена царем, и они должны были подчиняться Сунчалае¹, поскольку он этого очень добивался у царя Михаила Федоровича². Сунчалей подозревал, по словам окочан, их в убийстве его брата Каншоки³.

Других же сведений о поселении в рассматриваемом регионе в XVI—XVII вв. ни чеченцев, ни ауховцев или окочан, ни об их населенных пунктах в известных источниках не сохранилось. Поэтому версия А. Адилсултанова о сплошном заселении Терско-Сулакского междуречья в XVI—XVII вв. чеченцами или конкретно аккинцами вплоть до Каспия не находит подтверждения фактическими данными, не аргументируется данными архивных источников.

Но нет оснований и отрицать проживание в данном регионе совместно с другими горцами и кумыками также аккинцев и чеченцев, число которых постепенно возрастало по мере их переселения с гор в низменную часть Притеречья, в качкалыкскую Чечню⁴. Однако чеченско-аккинское население в этом регионе в рассматриваемый период составляло меньшинство по сравнению с собственно дагестанским (кумыкским) населением.

В целом же этнический состав населения в рассматриваемом регионе в XVII—начале XIX в. был довольно пестрым. Здесь жили кумыки, аварцы, татары, ногайцы, теркемейцы, русские, кабардинцы, армяне, грузины, чеченцы (в том числе и ауховцы), гуэны, тюмены, евреи (торговлей занимавшиеся в Кизляре, Аксас и т. д.). Не исключено, что в этом регионе проживали представители также и других северокавказских и дагестанских народов. Более заметной была этническая пестрота в Терском городке, который, по словам Эвлия Челеби, являлся южной границей Московской земли⁵, т. е. России, в крепости Святой Крест, и особенно в Кизляре, где селились выходцы со всего Северного Кавказа, из России, Ирана, Азербайджана и т. д.

3. ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ХОЗЯЙСТВА СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА

Отметим, что в таком разрезе вопрос в нашей историографии не ставился, хотя хозяйственно-экономическое развитие Терско-

¹ Там же. С. 561.

² Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 84—85.

³ Там же. С. 95.

⁴ Чеченская республика... С. 17.

⁵ Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 2. С. 95.

Сулакского междуречья, основные занятия жителей этого региона и затрагиваются в исторических сочинениях. Среди них необходимо в первую очередь указать «Кумыки» С. Ш. Гаджиевой. В этом труде охарактеризованы основные занятия жителей Кумыкской равнины, в том числе и Засулакской Кумыкии. Она отмечает, что ведущей отраслью хозяйства кумыков являлось земледелие, в целом поливное, с применением трехпольной системы, тяжелого деревянного плуга с железным лемехом, деревянной бороны¹. По ее наблюдениям «больше всего сеяли кумыки озимую пшеницу и ячмень. В весеннем посеве большое место занимали яровой ячмень, кукуруза, а также рис (у засулакских кумыков). Кроме того, кумыки весной сеяли огородно-бахчевые культуры, в основном тыкву, дыни, фасоль, огурцы... Рис сеяли только на обильно орошаемых землях»². Развито было у кумыков садоводство и виноградарство. Разводили они и технические культуры — хлопок, марену³. Занимались они и шелководством⁴.

Как отмечают исследователи, «климатические условия Терско-Сулакской равнины, несмотря на недостаток влаги, благоприятны для сельского хозяйства»⁵.

Однородность хозяйства кумыков в целом и засулакских кумыков, в частности, как отмечено М.-З. О. Османовым, «способствовала в известной степени и этнической консолидированности кумыков»⁶.

Другим важным занятием кумыков, в том числе и засулакских, было скотоводство, для чего у северных кумыков была хорошая кормовая база. Первое место в скотоводстве занимал крупный рогатый скот, который использовался не только для получения мяса и молочных продуктов, но и в качестве тягловой силы. В большом количестве засулакские кумыки разводили коней для верховой езды и для продажи. Важную роль играло и овцеводство, которое было отгонным. Летом кумыки гоняли в горы овец на альпийские пастбища, которые они арендовали у горных обществ⁷. Занимались кумыки и птицеводством, которое считалось чисто женской отраслью труда⁸.

¹ Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 62.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 68—69.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М. Указ. соч. С. 196.

⁶ Османов М.-З. О. Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана (с древнейших времен до начала XX века). Махачкала, 1996. С. 127.

⁷ Гаджиева С. Ш. Кумыки. С. 71.

⁸ Там же. С. 72.

Большое количество рек в изучаемом регионе, а также наличие в них рыбы было залогом того, что кумыки занимались и рыболовством. Об этом занятии кумыков еще в конце XVI в. свидетельствует сообщение русских документов о том, что «терские воеводы в Шевкалове земле на реке на Койсе на устье у моря, где были у шевкала лутчие угодыя пашни и сенокосы и рыбные ловли, поставили город»¹. Н. Данилевский в 1846 г. отмечал, что река Аксай «в нижних частях по близкому сообщению с устьем Терека содержит более рыбы, нежели прочие Терекские реки»².

О занятиях эндирейцев в XVII в. ясную картину можно представить из сведений Эвлия Челеби. Он сообщает, что видел в Эндирее тысячу «крытых земель домов с садами и виноградниками», что одежды, которые носили эндирейцы, были «сотканы из овечьей шерсти, сшиты из цветной ткани»³. Он же свидетельствует, что к встрече с ним и его сюзереном (крымским ханом) вышли «Улубейхан» эндирейский со своим войском, в котором «были: двадцать тысяч пеших стрелков из ружей в латах, кольчугах и шлемах, в стальных шишаках, защищающих голову, закованные в броню, называемую в Дагестане керюге, и в таглака; несколько тысяч пеших лучников; всадники, обвешанные разнообразным оружием, на конях чистокровных пород; несколько тысяч обрядившимися воинами [людей] на быстрых конях пегой масти»⁴.

Как видно из этого сообщения, коневодство играло в Эндирейском ханстве важнейшую роль, но особенно ценились чистокровные арабские кони и кони пегой масти.

Описывая реку Ярыксу, Челеби сообщает, что она течет в Каспийское море, что, перейдя ее, они «двигались по заселенным и обжитым местам, шли мимо селений, где полным полно горных и каменных баранов, коров, лошадей и прочего скота...»⁵. Это — явное свидетельство важной роли скотоводства в жизни эндирейцев.

Об основных занятиях жителей Засулакской Кумыкии в XVIII в. же можно судить из сообщения И. А. Гильденштедта, писавшего о кумыках, живших «в низу по Сундже, по Аксаю или Ахсаю и по нижней Койзу», что «они все занимаются хлебопашеством и имеют небольшое скотоводство», сеют пшеницу, ячмень, просо, овес, «особливо сарачинское пшено, разводят хлопчатую бумагу, шелк...

¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 275.

² Даниловский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М.: Университет. типогр., 1846. С. 43.

³ Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 2. С. 115.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Там же. С. 111.

только для собственного употребления», «более пользуются рыбным промыслом, нежели прочие татары», что «между ними живет множество армян, в руках которых находится маловажной торг кумыкскими произведениями и потребностями»¹.

О важной роли разведения крупного рогатого скота в Засулакской Кумыкии и лошадей, в частности в Аксаевском владении можно судить и из сведений Соймонова о том, что Султан-Махмуд аксаевский в 1722 г. подарил на содержание войск Петра I 100 быков, а ему самому «шесть изрядных персидских лошадей»².

О занятиях русского населения, жившего в Терской крепости, интерес представляет его же сообщение о том, что «начали казаки терские шелк делать» еще при Петре I, что в Терках «везде находятся шелковичные деревья», что армянский купец Сафар завел шелковый завод, что у этого городка можно сеять и зерновые, в том числе сарачинское пшено, хлопок, шафран³, что кумыки и некоторые горцы изготовляют из винограда вина⁴.

Наиболее конкретны и достоверны, на наш взгляд, сведения И.-Г. Гербера об основных занятиях жителей этого региона в первой трети XVIII в. Об аксаевских кумыках он писал, что они «питаются от пашен и плода всякой скотины»⁵; о кочевавших в этом районе ногайцах им сказано, что они «питаются скотиною» и торгуют лошадьми и верблюдами⁶. Об эндирейцах он сообщает, что они «имеют пашен и скотицу»⁷, а о чеченцах, живших «подле Андрея к реке Терек, под нижними горами», писал, что они также «питаются скотоплодием и пашнями»⁸.

Сведения А. И. Ахвердова дают представление об основных занятиях засулакских кумыков в самом начале XIX в. Он писал об эндирейцах: «Настоящая же прибыль андреевцов состоит в хлебопашестве, скотоводстве и воске, на продажу в Кизляр дров, колья для садов виноградных, строевого лесу»⁹. То же самое сказано им об аксаевцах¹⁰. Несколько шире им охарактеризованы занятия костековцев: «Доходы костековского народа состоят в хлебопашестве, скотоводстве, в овсе и в продаже в Кизляр дров,

¹ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 105.

² Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российский завоеваний... СПб., 1763. С. 87.

³ Там же. С. 351—352.

⁴ Там же. С. 351—352.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 62.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Там же. С. 70.

⁹ Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 213—214.

¹⁰ Там же. С. 214.

колье в сады виноградные и леса строевого, в шелководстве, рыболовие и сеянии сорочинского пшена»¹.

Важную роль в жизни засулакских кумыков играла и торговля. Эндирей являлся как бы «воротами между горами и долинами»² и стал центром-ярмаркою, куда сходились соседственные горцы, кумыки, ногаи, чеченцы, армяне и т. д. И в XIX в. коневодство у кумыков изучаемого региона продолжало играть важную роль в экономике. Имеются сведения о том, что «всякого рода скотом кумыки богаты и богаче чеченцев. Конских табунов имеют шесть, в каждом до 600 лошадей, из коих лучшие Чепалова, отличной в Кавказе породы, аксаевскому князю Гаспулату принадлежат. Собственно для себя кумыки достаточно имеют лошадей, но для подвластных им народов пригоняются из Кабарды. Прежде сего продавали они не малое число лошадей русским»³.

С. Броневский также подчеркивал, в частности, что у аксаевских кумыков много садов, виноградников, достаточно пастбищных мест, как и земель удобных к хлебопашеству⁴. Он же отмечал, что аксаевцы и эндирейцы свои излишки продуктов и изделия, лес, дрова продавали в Кизляре⁵, что важную роль в хозяйстве костековцев играло и рыболовство на реке Койсу⁶.

И наконец сошлемся еще на Р. Ф. Розена, писавшего в 1830 г. о том, что: «Кумыкское владение. Одно из преданнейших правительству российскому... разделяется еще на три управления: Оксаевское, Костековское и Андреевское... Заселяя плодородные равнины, орошаемые на всем пространстве небольшими ручьями, от берегов Каспийского моря между реками Койсу и Терек до жилищ качкалыков, занимаются с успехом земледелием, садоводством, разведением скота и овец, а также и различными рукоделиями, как-то: выделыванием сукон, тканьем ковров, наподобие дагестанских и выделыванием шелку»⁷. Определенные экономические выгоды засулакские кумыки имели и от сдачи нуждавшимся в зимних пастбищах горским обществам в аренду своих обширных зимних пастбищ.

Все это вместе взятое позволяет говорить о том, что в Терско-Сулакском междуречье основными занятиями населения были земледелие и животноводство многоотраслевого характера. Птице-

¹ Там же.

² Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 242.

³ Там же. С. 244.

⁴ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 190.

⁵ Там же. С. 200.

⁶ Там же. С. 201—202.

⁷ Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 287.

водство, шелководство, садоводство, рыболовство, занятия домашними промыслами, торговлей с соседними народами, торгово-экономические связи с терскими и кизлярскими казаками, а также с горцами Дагестана и Чечни тоже играли важную роль в их жизни, хотя и не являлись главными отраслями их деятельности.

Поэтому большинство горцев Северо-Западного Дагестана многие свои экономические проблемы (аренда пастбищ, приобретение зерна, соли, нужных им изделий домашних промыслов, а также реализация их продуктов и изделий) традиционно решало в этой зоне Дагестана. Эти взаимосвязи были вековыми и, как видно из исторического опыта, взаимовыгодными. Эндирей, Аксай, Костек были связаны как между собой, так и с образовавшимися в этой зоне из русских беглых казаков, армян, грузин, персов, таджиков, выходцев из Дагестана и других областей Северного Кавказа, но вовлеченных в административную систему России крепостей Терки, Святой Крест, Кизляр. И, кажется, от этого все были в выигрыше. Об этом можно писать и больше. Но для нашей работы сказано и так достаточно.

Здесь необходимо понимание того, что в зависимости от естественно-географических особенностей даже отдельных частей этого региона Дагестана, в них складывались свои специфические формы хозяйства. Кто-то здесь жил оседло, занимаясь земледелием и животноводством, а кто-то (ногайцы, в частности) вел кочевой образ жизни, в целом занимаясь разведением овец и других видов скота, лошадей, верблюдов, кто-то больше уделял внимания виноградарству, рыболовству или изготовлению изделий домашних промыслов. Многообразие форм хозяйственной деятельности жителей Терско-Сулакского междуречья создавало и предпосылки для торгово-экономических контактов между ними.

Важную роль в хозяйственно-экономической деятельности жителей Терско-Сулакского междуречья играли и проходившие через него основные пути передвижений торговых караванов, посольств, войск и торговцев. Из них особо значительной и интересной была «Дербентская дорога», шедшая от Азова до Дербента, через Сунжу в Эндирей и далее мимо Тарков в Дербент и далее на юг. Верно отмечено А. Адилсултановым, что «перевоз через Сунжу был привычным ориентиром транзитных передвижений по Северному Кавказу», дорога через этот перевоз вела к селению Истису (Мелчке) — р. Аксай-Хасавюрт — оттуда к р. Акташ и селению Эндирей — далее к Таркам. Другой путь вел из Астрахани в Терки — Кизлярский перевоз — переправа на р. Аксай—р. Сулак-

Тарки—сел. Буйнак-Дербент и далее в Закавказье¹. Дорога через салатавские села связывала засулакских кумыков с гумбетовскими и андийскими селами и играла существенную роль в жизни обеих сторон.

4. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА

В рассматриваемом регионе в XVII — начале XIX в. не сложилось единое государство; политическая ситуация в разные периоды здесь была различной. Политическая карта региона менялась.

В конце XVI — начале XVII в. на этой территории существовало лишь одно небольшое Тюменское феодальное владение, охватывавшее низовья Терека. Остальная территория считалась входившей в состав Казикумухского шамхальства, объединявшего всю территорию, населенную кумыками, лакцами, частью верхнедаргинцев (Акуша-Дарго)² и т. д. По словам А. Бакиханова, Казикумухское шамхальство достигло наибольших размеров к концу XVI в. при Чупан-шамхале, владевшем «всем краем от границ Кайтага, Кюринского округа, Аварии, черкесов и реки Терека» до Каспийского моря³.

Однако уже в конце XVI — начале XVII в. в Шамхальстве сложилась политическая ситуация, приведшая к обособлению от него земель между реками Терек и Сулак и образованию самостоятельного, независимого от шамхалов феодального владения, получившего название Эндирейского княжества (или ханства) от названия главного села Эндирей, ставшего резиденцией его правителей.

а) Тюменское княжество (конец XVI — первая четверть XVII в.)

Согласно имеющимся данным, Тюменское княжество охватывало степи в нижнем течении и у устья реки Терек до Каспийского моря⁴.

¹ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 45.

² История народов Северного Кавказа... С. 242; История Дагестана. Т. 1. С. 247; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. I. С. 93—94; Маршаев Р. Г., Бутаев Б. История лакцев. Махачкала, 1991. С. 56—57; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 8—9.

³ Бакиханов А. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 88.

⁴ Заседателева Л. Б. Терские казаки, МГУ, 1974. С. 190. Белокуров С. А. Указ. соч. С. 73, 76—79, 293, 369; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 42, 93, 192, 224, 230, 237, 245—246.

Сведения о Тюменском княжестве встречаются в источниках второй половины XVI—первой четверти XVII в.¹. Но их не очень много. История этого владения привлекала внимание многих авторов², но скудость сведений не позволяет осветить ее достаточно подробно.

Это владение до строительства на Тереке российских крепостей (Сунженского и Терского городков) и казачьих поселений (станций) играло важную роль в жизни региона. С его правителем считались и владельцы Шамхальства. На наш взгляд, об этом свидетельствует посылка шамхалом своих послов к занявшим Астрахань царским воеводам в 1556 г. вместе с тюменскими послами для выражения готовности поддерживать с Россией мир и торговлю³. Видимо, не случайно в 1554 г., когда спустившиеся Волгою на суда московские войска посадили в Астрахани на престол Дервиш-Алея, хан Ямгурчей бежал сначала «в Тюмень, к устью Терека»⁴, а потом лишь ушел в Азов. Интересно отметить также, что тюменский мурза Мамай Агишев добивался в 1559 г. помощи астраханских воевод в борьбе со своим дядей⁵. Связи тюменского владетеля с Астраханским ханством нашли отражение и в Посольских книгах⁶. Есть сообщение о сдаче тюменских феодалов российским воеводам⁷ еще в 1550 г.

Необходимо отметить и то, что, хотя это владение было незначительным в территориальном отношении и его владетель имел всего сотню конных воинов⁸, в нем имели место междоусобицы.

По имеющимся сведениям, основное население ханства составляли ногайцы и тюменские татары, жившие у урочища Бурунчук. Однако после строительства Терского городка в устье Терека это ханство по сути дела прекратило свое существование. Его население постепенно расселилось по Засулакской Кумыкии⁹. Часть тю-

¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 73, 76—79, 293, 369; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 42, 93, 192, 224, 230, 237, 245—246.

² Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 245—248 и др.; Гаджиев В. Г. Роль России... С. 68.; Умаханов М.-С. К. Система управления ханств Дагестана в XVI—XVII вв. // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 55—67; Лавров Л. И. Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 163—175; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 54—59; Мансуров Ш. М. Салатавия. Махачкала, 1995.

³ Кабардино-русские отношения. Т. 1. С. 5; История Дагестана. Т. 1. С. 283.

⁴ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 192.

⁵ Там же. С. 230.

⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489—1549 гг. Махачкала: Дагкиноиздат, 1995. С. 33, 44.

⁷ Там же. С. 287.

⁸ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 292.

⁹ История Дагестана. Т. 1. С. 248.

менцев переселилась в Эндирей, где поселилась отдельным кварталом-авулом, положив начало Тюмень-авулу¹. Тюменское ханство занимало довольно важную в стратегическом отношении позицию. Не случайно Крым и Турция опасались, что с постройкой Терского городка Тюменское ханство будет «за Москвой»². А последняя, согласно архивным данным, выплачивала в 1603 г. тюменскому хану Салтанею «государево жалованье»³ и оказывала всяческое покровительство, стремясь удержать его под своим влиянием.

Известно, что в 1625 г. тюменские владельцы Маймет-мурза Тотуев, Черкас-мурза Салтанеев, Магдей-мурза Салтанеев, Кан-мурза Алкасов, Амир-мурза Ракаев приняли присягу «служить царю»⁴. В 1641 г. владелец «Айтек-мурза Салтанеев тюменский» присягал царю Михаилу Федоровичу «по бусурманской вере» служить ему «верой и правдой»⁵. Отметим также, что в грамоте крымского хана Мурат-Гирея от 1679 г. к князю Каспулату Черкасскому упомянуто «10000 тюменских» татар⁶.

К сожалению, четко описать границы этого владения не представляется возможности из-за скудости сведений. Северная граница его проходила по северному рукаву Терека, восточная граница омывалась водами Каспия. Сложно определить пределы западных границ. Название княжества производят от слова «тюмень», что означает «десять тысяч», «тьма»⁷ и т. д. Власть в этом ханстве переходила по наследству⁸ от отца к сыну. Жители, видимо, исповедовали ислам, поскольку их правитель присягал «по бусурманской вере».

б) Эндирейское владение (XVII — начало XIX в.)

В рассматриваемом регионе уже к 20-м годам XVII в. по сути дела образовалось и стало самостоятельным от тарковских и казикумукских владельцев Эндирейское владение. Его основателем считается один из сыновей шамхала Чупана по имени Султан-Махмуд (по русским архивным документам Салта-Мамут, Султан-Мут, Султан-Бут, Султан-Магомед). Ему пришлось в борьбе с братьями родными лишь по отцу отстаивать свое право

¹ Бакиханов А. Указ. соч. С. 90.

² Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 246.

³ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 246.

⁴ Русско-дагестанские отношения... С. 49.

⁵ Там же. С. 154—155.

⁶ Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 367.

⁷ История народов Северного Кавказа... С. 246.

⁸ Там же. С. 242.

на удел, так как они, ссылаясь на то, что он был рожден от брака их отца-шамхала с дочерью первостепенного кабардинского узденя¹, считали его себе неравным по знатности — чанкой и отказывали ему в праве на долю отцовского наследства. Особенно враждовал с ним Эльдар (Ильдар), ставший тарковским владельцем. Эта борьба затянулась на 7 лет, потом Султан-Махмуд и Эльдар помирились. Но они вновь поссорились².

Согласно имеющимся данным, Султан-Махмуд захватил «земли между реками Сулаком и Терекком с нижней частью Мичикича и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета»³. На востоке его владение омывалось водами Каспия. Эндирейское владение (резиденция Эндирей или нынешний аул Эндирей Хасавюртовского района Республики Дагестан), на западе граничило с Салатавским союзом сельских общин.

Об Эндирейском владении и о его основателе у А. Адилсултана существует особая версия. Он не согласен с утверждением А. Бакиханова о том, что основатель этого владения Султан-Мут при помощи своих родственников-кабардинцев или черкесов «принудил своих братьев отдать ему в удел все земли, лежащие между реками Сулаком и Терекком, с нижней частью Мичикича и Салатавского округа, до горы Керхи, что на границе Гумбета. Тогда, собрав кумыкское племя, рассеянное в разных местах, он поселил его в Чир-Юрте, который избрал местом своего пребывания»⁴. Не согласен он также и с Г.-Э. Алкадари, писавшим, что «после смерти отца братья дают Султан-Буту» из «наследственных владений земли, принадлежавшие Чопан-Шамхалу, только между Сулаком и Терекком, а также окраины Чеченского магала. Султан-Мут поселился в селении Чир-Юрте, взял под свою власть те земли и население и основал для себя управление отдельно от других братьев»⁵.

Охарактеризовав их сведения как «полулегендарные», Адилсултанов пишет, что «возникает весьма занимательный вопрос в связи с территорией, отошедшей Султан-Магмуту и возникновением так называемого «Эндиреевского княжества»⁶. Он ставит

¹ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 44; Мансуров М. Х. Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1995. С. 14.

² Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 50—51; Мансуров М. Х. Указ. соч. С. 14—15.

³ Бакиханов А. Указ. соч. С. 88; Шамхалы тарковские // ССКГ Вып. 1. С. 88; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 49—51; Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 9—10.

⁴ Бакиханов А. Указ. соч. С. 88.

⁵ Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 41.

⁶ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 73.

под сомнение вероятную возможность получения Султан-Махмудом в удел себе территории, превышающей площадь, доставшуюся его братьям¹.

Ставя вопрос о месте жительства кумыков в начале XVII в. и возможности их проживания между Терекком и Сулаком, Адилсултанов подчеркивает, что «объяснить сведения А. К. Бакиханова можно только тем, что Султан-Магмут собрал к себе тех представителей, которые жили на правом берегу Сулака и являлись его сторонниками»². Далее он пишет, что «в хронике аккинцев нет данных о землях, которые получил Султан-Магмут из наследства шамхала, однако в ней приводятся сведения о том, как пришел сам шамхал на эти земли и в Тарки и «какие земли он получил от аккинцев... Суть сообщения аккинской «хроники» сводится к следующему: «Из Шама пришел человек по имени Шамхал. Он остановился в местности Капир-Кумух. К нему пришли представители аккинцев Бекхий и Токхий и спросили кто он такой и откуда пришел. На это Шамхал ответил, что он пришел из Шама со своими людьми в поисках лучшей земли и не знает, чья это земля, есть ли здесь хозяин... По просьбе Шамхала, аккинские представители дали ему землю с границей р. Сулак (подчеркнуто нами — авт.)... Заплатив за землю, Шамхал остался между Койсу (Сулаком — А. А.) и горой Кимис /или «Кимс/, между морем и горой. Аккинские представители сделали это, исходя из того, что между Торгал и Гойсу (Тарками и Сулаком — А. А.) не было аккинских селений»³.

Если до этого в исторической литературе утвердилось мнение о первоначальном поселении аккинцев в верховьях р. Акташ и Ямансу по разрешению эндирейских владельцев и аварского хана, то аккинская «хроника» ставит вопрос уже о поселении самого шамхала в предгорье (в Кафир-Кумухе) и на плоскости (в Тарках) по разрешению аккинских представителей.

Как видно из этой убедительной для А. Адилсултана (но не для нас) версии, речь уже идет не только о том, какие земли достались Султан-Махмуду, а даже о землях, на которых аккинские представители, так сказать, поселили шамхала. Последнему, оказывается, аккинские представители позволили поселиться на землях между Тарками и Сулаком, потому что там «не было аккинских селений».

¹ Там же. С. 74.

² Там же.

³ Там же. С. 75.

Для аргументации своих взглядов по поводу обоснования шамхала в горах, т. е. в Кумухе, а не в плоскостных районах, в частности в Тарках, Адилсултанов ссылается на утверждение С. А. Белокурова о проживании кумыкских феодалов вплоть до конца XVI в. в Казикумухе и что только с конца столетия «шамхалы начали жить в Буйнаке и в Тарки»¹. В то же время он критикует С. Ш. Гаджиеву за утверждение, что «кумыкские владетели в XVI в. снова переносят свою резиденцию на плоскость, в известный еще с гуннских времен торговый и политический центр в Северном Дагестане — Тарки»². Импонирует Адилсултанову только мнение Н. Дубровина о получении Султан-Махмудом земель лишь «по правому берегу Сулака от горячих источников до реки Таркалы-Озень»³.

В конечном итоге Адилсултанов приходит к выводу, что «в ведение Султан-Магмута перешли земли по правому берегу Сулака — часть северовосточных территорий шамхальства» и что «Султан-Магмут собрал кумыкское племя, рассеянное в разных местах» Казикумухского шамхальства, и «поселил его в Чир-Юрте, который избрал местом своего пребывания»⁴.

Безусловно, интересна и выдержка из аккинской «хроники», в которой сказано, что «группа горцев из общества «Салатой» обратилась... к аккинцам с просьбой дать им небольшой участок земли для постройки села; им предоставили участок в местности Астий Дукъ (или Астий-Ирзе). Потом салатавцы еще раз попросили дать им землю на ровном месте, чтобы построить мельницу и село: на этом месте они построили селение Индри, где долгое время жили вместе с аккинцами»⁵.

Получается, что не эндирейцы разрешили поселиться на их землях аккинцам (как это было на самом деле), а аккинцы позволили салатавцам и эндирейцам основать Эндирей (Индри), дав им для этого землю. Короче говоря — все исторические факты здесь вывернуты наизнанку.

В связи с этим обратим внимание на выдержку из труда А. П. Берже, на которую ссылается Адилсултанов, пишущий: «Известный кавказовед А. П. Берже также приводит данные, совпадающие со словами из аккинской рукописи. «Предположение, —

¹ Там же; Белокуров С. А. Указ. соч. С. 51.

² Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 48.

³ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 76; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. С. 622.

⁴ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 76.

⁵ Там же.

пишет автор, — будто бы Эндери основано казаком Андреем и что оно есть испорченное Андреева (деревня), ошибочно. Эндери, или лучше, Индри есть кумыкское слово и значит: «место, где молотят хлеб»¹. Адилсултанов упустил из виду, что А. П. Берже подчеркивает этим самым не аккинское, а кумыкское происхождение названия села Эндирей (Индри).

Не очень убедительно и утверждение Адилсултанова о том, что «До образования Эндери, выше него по р. Акташ, как свидетельствуют местные старожилы, существовало аккинское селение, название которого пока не установлено»². Что же касается названия Эндирей Адилсултанов считает, что название Индили русских дипломатических документов «первоначально было заимствовано русскими представителями на Тереке от аккинцев в форме «Индри», и только после стало применяться название «Ондреево» или «Андреево»³.

Почему именно от аккинцев, а не от кумыков, в частности, могли русские воспринять это название остается загадкой, хотя с кумыками русским легче было здесь вступить в контакт, чем с чеченцами-аккинцами.

При этом следует отметить, что ранее всех из нынешнего времени исследователей затрагивавшая эти вопросы Е. Н. Кушева не разделяла мнения о тождестве названий Индили с Эндери, выдвинула версию о тождестве Индили с андийским обществом⁴. Это мнение тоже необходимо учесть при разборе поднятого вопроса.

Много внимания уделено Адилсултановым и взаимоотношениям аккинского владетеля Шиха Окоцкого с Султан-Махмудом. Эти взаимоотношения также освещаются не очень аргументированно, без всякого стремления быть даже чуть объективным. Сразу бросается в глаза сам настрой автора, пишущего, характеризуя «взаимоотношения аккинцев с шамхальством и чанкой Султан-Магмутом, засевшим в Чир-Юрте», что «Естественно, шамхал и его сторонники видели в Шихе и аккинцах главных соперников на пути установления своего господства на Северо-Восточном Кавказе. Если великие державы вели борьбу за весь Кавказ, то не менее острым было соперничество между местными феодальными верхами за расширение сфер влияния на Северном Кавказе,

¹ Там же; Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 130 /прим./.

² Адилсултанов А. Указ. соч. С. 77.

³ Там же. С. 83.

⁴ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 74.

особенно в восточной части его. Здесь Ших Окоцкий и шамхал пришли в прямое столкновение»¹.

Трудно сказать, по чьей вине произошло это столкновение. Не вступая в большую дискуссию по этому поводу, хотим привести еще одну цитату из труда Адилсултанова: «Во время похода 1591 г. (речь идет о походе царских войск против Шамхальства — авт.) объединенные русско-северокавказские войска «город у Шевкала взяли Ондреевский и сожгли»; то же самое было сделано и в походе 1594 года. В обоих походах, как известно, принимал участие Ших Окоцкий со своими отрядами. Отклонение от основного маршрута (на Тарки) для взятия и сожжения «Ондреева» являлось полностью «заслугой» Шиха Окоцкого: именно он использовал русские отряды, как и ранее («на Индили»), в борьбе против кумыкских князей, в частности, против Султан-Магмута, пытающегося перебраться в Эндери (Индри). После очередного разгрома кумыкским князьям приходилось возвращаться в Чир-Юрт и опять начинать сначала, выжидая удобного момента, что полностью согласуется с местным полевым материалом»².

Все это сказанное не очень согласуется с описанием похода царских войск в 1591 г. в Шамхальство Е. Н. Кушевой. Она пишет лаконично: «Весной 1591 г. из Москвы были посланы воеводы князь Григорий Осипович Засекин и князь Петр Михайлович Шаховский с войском на шамхала. Тогда же в Кабарду Мамстриюку Темрюковичу была послана царская грамота с предложением собраться с братьями и племянниками и принять участие в действиях Засекина против шамхала. Во время боев шамхал был ранен, Засекин взял и сжег Эндери («Андрееву деревню»)»³. Что касается следующего похода против шамхала Е. Н. Кушева пишет, что он состоялся в 1594 г. и что «в поход с Хворостининым пошли некоторые мурзы Больших Ногаев и кабардинские отряды. Проводником («вожем») при Хворостинине был послан дербенец Уллага...». Она подчеркнула, что в Тарках Хворостинину город поставить не удалось, так как он обещанную крымшамхалом и кахетинским царем Александром помощь войсками не получил, а «шамхал привлек часть «черкас» на свою сторону, и Хворостинин, разорив Тарки, вернулся в Терский город, понеся значительные потери»⁴. Здесь нетрудно заметить, что о Шихе Окоцком Е. Н. Кушева даже не упоминает.

Поход Хворостинина 1594 г. описан и Я. З. Ахмадовым, но и

¹ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 82.

² Там же. С. 83—84.

³ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 278.

⁴ Там же. С. 282—283.

он только отметил, что «под удар Хворостинина попал и район, заселенный смешанным кумыкско-чеченским населением — Эндиреевское княжество», и что войско шамхала состояло «из представителей практически всех народов Северного Кавказа»¹. А. З. Ахмадов также не отметил особой роли Шиха Окоцкого в этих событиях.

Поэтому странным кажется стремление А. Адилсултанова преувеличить роль Шиха Окоцкого в этих событиях, выявить его «заслуги» перед царем и искать непримиримые противоречия между Султан-Махмудом, шамхалом и др. кумыкскими князьями. с одной стороны, и Шихом Окоцким — с другой. Тем более, что в русских документах 1588—1589 гг. говорится, что: «А ходу от Суншина городища до Шиха пешему 2 дня, а конному день. А Шевкал будет влеве от Шиха за 2 дни; а сын Шевкалов Алкасмурза от Шиха недалеко, только он Шиху друг (подчеркнуто нами — авт.) и государю служит»².

На одной странице своего труда Адилсултанов утверждает, что «До начала XVII в. в источниках почти нет сведений о Султан Магмуте и Эндери, что объясняется незначительной ролью «чанки» в северокавказских делах. Вплоть до разгрома царских войск в 1604 г. в Дагестане, как сообщает «Гюлистан-Ирам», Султан-Махмуд жил в Чир-Юрте и не имел никакого отношения к Эндери и только после этого перебрался туда»³. На другой странице же он пишет, что «Существенным моментом похода 1594 г. является сообщение источника о том, что Султан-Магмут засел в Эндери не один: «в Ондреевой деревне Шевкаловы дети Салтан-Магмут с братьею»⁴. По свидетельству русских архивных данных у Султан-Махмуда «з братьею было «конных 200 человек»⁵. Султан-Махмуд в 1604 г. сумел собрать против вторгнувшихся в Шамхальство царских войск до 13 тысяч «черкесов»⁶. Так что Ших Окоцкий не мог особо соперничать с ним, хотя они, как пишет Адилсултанов, «стали непримиримыми врагами не только в борьбе за влияние на Северо-Восточном Кавказе, но и за обладание Эндери»⁷.

На наш взгляд, не совсем обоснована Адилсултановым и роль Султан-Махмуда в убийстве Шиха Окоцкого, поскольку, согласно

¹ Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 57.

² Белокуров С. А. Указ. соч. С. 61.

³ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 83.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 292.

⁶ Бакиханов А. Указ. соч. С. 89.

⁷ Адилсултанов А. Указ. соч. С. 84.

челобитной служивых «жилецких окочан» царю Михаилу Федоровичу от 1615 г., Шиха Окоцкого или «Ших-мурзу Ишеримова убил кумыцкой князь Ахматхан з братьею» за то, что он служил царю. Ших-мурза Окоцкий был убит в 1596 г. неким Ахматханом¹. Тогда зачем связывать этого неизвестного кумыцкого князя Ахматхана с Султан-Махмудом, тем более с событиями более позднего времени? Вряд ли это исторично и логично.

Известно, что после убийства Шиха Окоцкого часть аккинцев в количестве 160 человек ушла в Терки, но «однако подчинить своей власти аккинцев Султан-Магмут не смог, как не смог и осесть в Эндери. Более того, даже в первые десятилетия XVII в. Султан-Магмут и его братья оставались без земли и без селения»². Основанием для такого вывода Адилсултанову послужили сведения терских воевод от 1615 г. о том, что «Салтан-Магмут мурза з братьею безюртные люди, кабаков у них нету» и «опричь де ссоры в Салтан-Магмуте ничево нет»³.

Но более точно ситуацию в Дагестане отражает отписка терского воеводы П. Головина царю не ранее 5 февраля 1615 г. В ней сказано: «В нынешнем де, государь, 123-м году твой государев непослушник, а их недруг, Салтан-Магмут з братьею сели кабаками своими блиско их Кумыцкой земли в окотцких кабаках и отнял де у них Мичкизскую и Кабардинскую дорогу, и збираясь де с пными сгорскими людьми и приходя, кабаки их воует и стада конские и животинные отары отгоняет и узденей их и черных людей побивает на смерть»⁴. Эта отписка опровергает утверждения о непримиримых отношениях Султан-Махмуда с аккинцами, поскольку он в это время опирался именно на них в своих противоречиях с другими кумыцкими феодалами. Не случайно же терский воевода сообщал царю, что другие кумыцкие князья просили его дать им в помощь не менее 500 человек государевых ратных людей, чтобы они могли с ними «итти на окотцкие кабаки войною и его бы де Салтан-Магмута повоевати и кабаки их разорити и свою Кумыцкую землю очистити»⁵.

Имеется и сообщение о сражении Султан-Махмуда с другими соперничавшими с ним кумыцкими князьями. И в том бою царские ратные люди «служили, с кумыцкими с Салтан-Магмутовы-

ми и с мичкизскими и с окоцкими людьми бились, побили «до смерти 140 человек» и ранили многих¹.

Союз Султан-Махмуда с аккинцами наметился еще в 1610 г. и в случае опасности ему Султан-Махмуд бежал «жити в Окоцких кабаках»².

Приведенные выше данные где-то противоречивы, но в целом свидетельствуют в пользу союзнических отношений Султан-Махмуда эндирейского с аккинцами. Союз эндирейского владельца с аккинцами был довольно крепким и длительным. Если бы он был виновен в смерти Шиха Окоцкого, вряд ли такие отношения могли бы сложиться. И в свете сказанного немного диссонансно звучат слова Адилсултанова: «Однако несомненно и то, что аккинцы, находясь до определенного времени в военном союзе с Султан-Магмутом, боролись не за возрастание его могущества, а за сохранение своей независимости»³. Видимо, обеим сторонам был выгоден этот союз. О длительности же этого союза можно судить из совета шамхала Ильдара князю Шолоху Черкасскому в 1634 г. не приступать к Султан-Махмуду с войском, потому что он обладал «крепкими местами», под которыми Адилсултанов понимает «предгорные аккинские селения, куда Султан-Магмут уходил и ранее»⁴.

Нам не удалось выявить каких-либо документов, свидетельствующих о намерениях или планах Султан-Махмуда подчинить своей власти аккинцев. Но у Адилсултанова сказано, что дружба Султан-Махмуда и аккинцев «продолжалась недолго, т. к. Султан-Магмут строил свои планы в отношении Акки»⁵.

И здесь приводится рассказ из аккинской «хроники», в которой сказано, что у аккинцев имелся свой деятель — глава пхъарчхоевского общества, с которым тесно связан был Султан-Махмуд. Звали его Магдей — Магадий-Магда. Однажды он поехал вместе с кумыцкими князьями в Кабарду, где находились родственники Султан-Махмуда, помогшие в свое время ему добиться его удела. Гостей в Кабарде принимали хорошо. Они возвращались довольные. Как утверждается у Адилсултанова, «на обратном пути» они остановились на берегу реки Ямсу (Ямансу — А. А.) для отдыха и вечерней молитвы. Маадий разделся, снял оружие и доспехи и начал молитву. Когда он во время молитвы наклонился к земле («суждане вахча» — А. А.), братья зарубили (подчеркнуто нами — авт.) его и бежали в Индри. Вероятно,

¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 554.

² Адилсултанов А. Указ. соч. С. 84.

³ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 542—543.

⁴ Русско-дагестанские отношения... С. 49.

⁵ Там же. С. 50.

¹ Там же. С. 53.

² Адилсултанов А. Указ. соч. С. 89.

³ Там же. С. 90.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Там же. С. 93.

вместе с Маадием были убиты и сопровождавшие его аккинские уздени»¹.

Сестра Маадия Саьрагиз, узнав об убийстве ее брата, вместе со своими людьми ушла в лес, чтобы отомстить убийцам. Кумыкские князья сознались в убийстве, попросили примирения и явились на условленное место по согласию Саьргиз «с большим количеством дорогих подарков: 120 лошадей, 120 кольчуг, 120 голов крупного рогатого скота, лошади были повязаны шелковыми тканями». После обряда примирения на месте жительство Саьргиз было устроено угощение. Она чем-то была обижена и, сняв с головы платок, приказала убить всех прибывших кумыкских князей. 7 князей и 16 узденей было убито, а оставшиеся в живых были «прогнаны в Индри» т. е. в Эндирей². Это привело к длительной вражде между эндирейцами и аккинцами, «оставило глубокий след в сознании не только аккинцев, но и кумыкских и кабардинских князей, среди которых бытовало такое же предание»³.

Видимо, нужно было попытаться найти отражение этих событий не только в аккинском, но и в кумыкском фольклоре, поскольку это предание одинаково касается обоих народов. Так было бы, на наш взгляд, более объективно, научно.

На основе чего придумано это предание и действительно ли происходили эти события трудно судить из приведенного выше отрывка из аккинской исторической «хроники». Но ясно, что такие события не забываются ни одной из сторон. Наши попытки выявить какие-либо отголоски этих событий в кумыкском фольклоре не имели успеха. Но в любом случае исследователи не должны подливать масла в огонь, как это делает А. Адилсултанов, добавляя от себя, что «вероятно, вместе с Маадием были убиты и сопровождавшие его аккинские уздени».

Обращает на себя внимание и то, что когда Маадий склонился к земле во время молитвы, «братья зарубили его и бежали в Индри»⁴. Кто это были за «братья» и чьими братьями они были процитированная Адилсултановым часть аккинской «хроники» умалчивает. Не ясны и мотивы убийства Маадия. Ни с того, ни с сего убивать попутчика, тем более приглашенного ими вместе с собой, и «кумыкские князья» тоже, видимо, не стали бы. Поэтому категоричные выводы по факту убийства Маади (что случилось по предположению А. Адилсултанова после 1638 г.⁵) не могут

¹ Там же.

² Там же. С. 93—94.

³ Там же. С. 95.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 95.

способствовать объективному изучению ни истории Эндирейского владения, ни его отношений с аккинцами.

Мы также не претендуем на исчерпывающее освещение этого вопроса, который при более детальном изучении может высветить новые факты. Это и не входит в задачу данной работы.

Эвлия Челеби в середине XVII в. достаточно красочно описал аул Эндирей. Особый интерес представляют его слова о том, что 5 мая 1666 г. он вступил «в границы исламского Дагестанского падишахства и прошел по берегу Терека на восток 15 часов. Река Сунжа, начинаясь в крае Ачик-Баш в Грузии, впадает в великую реку Терек»¹. Безусловно, эти слова Э. Челеби не могут быть игнорированы при определении северной границы Дагестана в XVII в. Этот же автор говорит о существовании одновременно города Эндирей и позади него крепости Эндирей, а также о том, что «избранные кумыкского народа селятся к северу от этого города до самого берега Каспийского моря»². Он же писал о многонациональном характере населения этого «города» в то время³. О силе и могуществе эндирейского владетеля можно судить из слов Э. Челеби, что «он распоряжается десятью тысячами воинов», а в резиденции его «тысяча крытых земель домов с садами и виноградниками»⁴.

Южные пределы Эндирейского владения определить позволяет сообщение Э. Челеби о том, что «на расстоянии одного перехода от Терека — большая река Койсу», юго-восточная сторона которой «является владением дагестанского падишаха»⁵, под которым он понимал шамхала тарковского.

К 1653 г. эндирейский владетель Казаналп имел 20 тыс. «ратных людей»⁶. Цифра эта, на наш взгляд, значительно преувеличена, и во второй половине XVII в. Эндирейское владение переживало процесс феодального дробления, являвшийся следствием начавшихся в нем феодальных усобиц. В частности, между сыном умершего еще в 1641 г. эндирейского правителя Айдемира Чепалавом и владетелем Эндирея Казаналпом разгорелась в 1659 г. страшная вражда. Чепалав обвинял Казаналпа в отнятии у него отцовской доли наследства, собрав отряд из казаков, стал напа-

¹ Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. II. С. 104.

² Там же. С. 114.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 114—115.

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Русско-дагестанские отношения... С. 193.

дать на Казаналпа¹. Конфликт был урегулирован лишь после того, как Казаналп выдал за Чепалава свою дочь².

Эвлия Челеби ни словом не обмолвился ни об аккинцах, ни о чеченцах. На наш взгляд, это было показателем или вообще отсутствия их еще в середине XVII в. в Эндирее или же совершенно незначительной их роли в Эндирейском владении.

От Эндирейского владения к концу XVII в. отпочковались аксаевские и костековские владетели, которые также считались потомками основателя Эндирейского владения Султан-Махмуда. Таким образом, в Засулакской Кумыкии сложились три самостоятельных феодальных владения³. За счет отпочковавшихся от него Аксаевского и Костековского владений Эндирейское владение значительно сузилось, хотя и продолжало сохранять приоритетное положение в Терско-Сулакском междуречье.

По сведениям И.-Г. Гербера, в 1728 г. уезд Андрей или Ендрей состоял из одной большой деревни, которая находилась между горами и густым лесом и «к оной деревне» принадлежал «уезд токмо невеликой, в котором также татары построились»⁴. Обращает на себя внимание тот факт, что такой знаток Кавказа, как И.-Г. Гербер, ни словом не упомянул о чеченцах или аккинцах при описании Эндирея или Аксаея. Видимо, это опять-таки свидетельство о незначительной их роли в этих «уездах», если не сказать об их отсутствии в Эндирее и Аксае еще к 1728 г.

Отметим также, что И.-Г. Гербер чеченцев располагал «Подле Андрея к реке Терек, под нижними горами», подчеркивал, что «народ чеченской уменьшился и состоит их уезд токмо в немногих деревнях». Охарактеризовал он и их политическое положение в регионе. Об их владельцах им сказано: «Имеют меж собою своих старшин, которые под властью и в подданстве шамхала стояли»⁵, «доходы от них, которые в скотине и баранах состояли, всегда шамхал на себя брал»⁶. Сообщает Гербер и о столкновениях чеченцев с гребенскими и терскими казаками, на помощь которым в 1718 г. прибыли несколько тысяч донских казаков, которые «весь уезд чеченской раззорили и множество побили...»⁷.

Ни словом Гербер не обмолвился и о каких-либо чечено-дагестанских столкновениях или противоречиях в этот период.

По сведениям И.-Г. Гербера, на землях «между реки Сулаки и

¹ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 29.

² ЦГАДА. Ф. 121. Кумык. дела. 1659 г. Д. 1.-Л. 4—10.

³ Гаджиева С. Ш. Кумыки. С. 49.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 69.

⁵ Там же. С. 70.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Аксай, в нижних горах» существовал «шубгах шамхалу» принадлежавший «уезд», «в немногих деревнях» состоявший. Однако шамхал Адиль-Гирей «собрал себе партию, часть деньгами, часть лукавством, збил сего шубгах шамхала и сам на его место стал и шамхалом велел себя почитать»¹.

В 30-х годах XVIII в. в Эндирее проживали владетели: 1. Мусал Чепанов, которой «имел» над всеми андреевскими владельцами первенство, 2. Адемир Хамзин, 3. Алдигирей Чепан Чемхалов» и у них во владении были их деревни: 1. Алберю, 2. Караблук, 3. Тумен», а жена бывшего эндиреевского владельца Казаналпа княгиня Бахтын-бика владела деревнями «Кубар, Асанбек, Цубуд»².

Существует довольно подробное описание Эндирейского владения и Эндирея в начале XIX в. Так, по сведениям бывшего кизлярского коменданта А. И. Ахвердова от 1804 г. в Эндирейской деревне насчитывалось до 1000 семей, из которых можно было собрать до 3 тыс. человек мужчин. Всего же это владение могло выставить до 6 тыс. вооруженных лиц³. По его же словам, деревня Эндирей служила «всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость, в которую из всех мест лезгинцы в Кавказе внутри живущие, чеченцы и прочие народы, достатых ими в плен разных родов людей приводят на продажу, которых большею частью покупают у горцев и чеченцев сами андреевские жители и продают в Кизляр с хорошими выгодами...»⁴.

Указаны им и границы этого владения: «Границы андреевцев к горам — река Койсу, а к плоскости Каспийское море и река Терек, у которой кочует небольшая часть ... ногайцев»⁵.

в) Аксаевское владение (конец XVII — начало XIX в.)

В Терско-Сулакском междуречьи к концу XVII — началу XVIII в. образовалось и Аксаевское владение. Оно охватывало отпочковавшиеся от Эндирейского владения земли по нижнему течению реки Терек, а также рек Аксай и Ямансу до Каспийского моря⁶. По сведениям И.-Г. Гербера, «уезд» Аксай располагался «около реки Аксай» и состоял в нескольких деревнях, которые подле реки Аксаея построены»⁷. Жители его питались «от пашен и

¹ Там же. С. 73.

² Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 122.

³ Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 213.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 214.

⁶ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 187.

⁷ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 62.

плода всякой скотины», платили подати своему владельцу султану Мамуту¹.

Границы этого владения четко указаны в труде С. Броневского. Он писал, что «Владение аксаевских кумыков лежит между реками Терек, Аксаем, Койсу и Каспийским морем, которое определяет сию землю от Востока; к Северу граничит с Кизлярским уездом, от коего отделяется понизовьем Терека; к Западу с Чеченцами, между коими граница река Аксай; к Югу с Дагестаном и Лезгистаном. Нижняя часть Койсы, а именно южной рукав, называемый Куру-Койсу (Сухой Койсу), разграничивает Аксаевцов от владения шамхала Тарковского»². С запада на восток Аксаевское владение тянулось более чем на 100 верст, а в ширину (от Старого Терека до Аграхани) на 60 верст. Кроме части ногайцев и кумыков, в это владение входило и шесть чеченских или качкальковских деревень³.

Аксаевское владение лежало в XVIII в. «большею частию в долинах, понижающихся на Северо-востоке к морскому берегу, где оне превращаются в болотистые низины, и только малую часть захватывает предгорий... Долины предоставлены для паствы скота, селения расположены в горах... Вообще пастбищных мест в сем владении весьма достаточно, равно как и земель, удобных к хлебопашеству»⁴.

Аксаевская деревня или Аксай лежала на правом берегу Аксая, верстах в 20 от Терека и в 75 верстах от Кизляра. В ней насчитывалось до 500 дворов. Ее земли, по сведениям С. Броневского, простирались «между Терек, Аксаем и речкою Еман-су вдоль по течению сих рек до Каспийского моря» и отделялись «от Андреевской волости речкою Еман-Су»⁵.

По сведениям А. И. Ахвердова от 1804 г., в Аксае насчитывалось «семей до пяти сот, а мужеска полу» могло «собраться до тысячи пятисот человек вооруженных, со всеми же окружными и принадлежащими к оной чеченскими шестью деревнями, Качкалук называемыми», могло собраться до трех тысяч человек⁶.

Аксаевские правители считались полновластными собственниками находившихся в их владении земельных угодий, взыскивали феодальную ренту за пользование ими с подвластного насе-

ления, пользовались всей полнотою административной власти¹. Они проводили независимую и даже отличную от эндирейских правителей внешнюю политику. В частности, известно, что, хотя эндиреевцы атаковали проходившие через их территории войска Петра I в 1722 г. и были разгромлены ими, аксаевский владелец Султан Махмуд вместе с посланником шамхала тарковского Адиль-Гирея явились в лагерь Петра I, добились аудиенции. Султан Махмуд аксаевский подарил Петру I шесть «персидских лошадей» и 100 быков на содержание войска².

По словам И. Гербера, «когда в 1725 году шамхал бунтовал против России, то искал он Султан Мамута Аксай, чтоб он с ним в том заедино был», но Султан Мамут не только отказал шамхалу, «но и в крепость Святого Креста известие о поступках шамхаловых учинил», а когда шамхал в 1725 г. был арестован российскими военными властями за измену России, «Султан Мамут Аксай обрадовался и имел надежду», что он «шамхалом назначен будет»³.

По сведениям от 1732 г., в деревне Аксай правили четыре владельца — Албек Салтамамутов и его братья: Магамет Усмей, Клан Гирей, Араслан бек, Элдар хан. В их подчинении находились «деревни: 1. Сику, 2. Нуям берды, 3. Апонгур, 4. Кошкылды, 5. Али аул, 6. Наурус да... тавлинская деревня Буртана, расстоянием от крепости до Аксаю с 56 верст, ...проезд свободной лошадьми верховыми и телегами»⁴. И. Гильденштедт в 70-х годах XVIII в. указывал на то, что аксаевскому владельцу принадлежало и восемь деревень «нагайских кочевых татар»⁵.

По сведениям Н. Семенова конца XIX в. в Аксае было восемь кварталов или аулов: 1) Зах-аул, 2) Урусхан-аул, 3) Каджар-аул, 4) Али-Кей-аул, 5) Сабанай-аул, 6) Тюмень-аул, 7) Чагар-аул и 8) Тобен-аул. При этом интересно то, что 1) Тюмень-аул образован тюменскими татарами, которые перешли в Аксай из Эндирея, куда они прибыли при распаде Тюменского ханства в начале XVII в.; 2) Чагар-аул образован пришлыми из других мест людьми⁶, которые вынуждены были арендовать чужие земли, подпав под зависимость от их владельцев; 3) Каджар-аул образован выходцами из Персии; 4) Тобен-аул — «нижний аул»; 4) Другие названия квар-

¹ Там же.

² Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 187.

³ Там же. С. 188.

⁴ Там же. С. 189—190.

⁵ Там же. С. 194—195.

⁶ Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 214.

¹ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 177; Хашаев Х.-М., Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 203—204.

² Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 21—23; Ч. III. С. 12—13; Русско-дагестанские отношения... С. 246—247.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 62—63.

⁴ Еропкин Д. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 123.

⁵ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 108.

⁶ Семенов Н. Указ. соч. С. 239.

талов происходят от личных имен. В Аксае жили также горцы, ичкеринцы, чеченцы, горские евреи и армяне¹.

Селение Аксай, быстро превращавшееся в крупный торговый центр в XVIII в., привлекало как местное население, так и русских и других иностранных торговцев. Тесно связана была с Аксаем и торговая деятельность окончан-аккинцев, как это отмечено А. Адилсултановым².

Но ни в одном источнике XVII—XVIII вв. чеченцы и аккинцы не упомянуты при перечислении населения Аксаевского владения или собственно села Аксая. Этого не сделали ни А. Олеарий, ни Э. Челеби, ни даже И.-Г. Гербер. Лишь автор конца XIX в. Н. Семенов упоминает их среди жителей Аксая. В свете этого довольно неубедительно выглядит утверждение А. Адилсултанова о том, что «на месте Старого Аксая стояло аккинское поселение «Моха-Берде»³. Следовало бы это утверждение подкрепить более конкретными данными, чтобы оно было доказательным.

Думается здесь не лишней будет в плане данного исследования и ссылка на утверждение П. Г. Буткова о том, что в XVIII в. «чеченцами владели кумыкские князья фамилий Айдемировой и Чепаловой из Эндери, Казбулатовой из Аксай, Черкасовой из Большой Кабарды и Терловой из аварского владения. Во власти их находились селения: Большая Чечня, Малая Чечня, Большая Атага, Горячевская или Истису, Топли»⁴.

Такова фактическая основа вопроса. Выводы же здесь сами собой напрашиваются совсем не такие, как у наших оппонентов.

г) Костековское владение (конец XVII — начало XIX в.)

На подвластной в прошлом эндиреевским владельцам территории к концу XVII — началу XVIII в. сформировалось и Костековское владение с центром в Костеке. Основателем этого владения по сведениям наших историков был некий Алим, которому удалось подчинить своей власти несколько кумыкских селений по реке Сулак, а также несколько ногайских тухумов, кочевавших вблизи реки Сулак⁵. Отметим, что, хотя аксаевские и костековские владельцы считались независимыми, «но на деле во всех

¹ Там же. С. 240.

² Адилсултанов А. Указ. соч. С. 44.

³ Там же. С. 16.

⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 258.

⁵ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 155; Гаджиева С. Ш. Кумыки. С. 49; История Дагестана. Т. 1. С. 247; Афанасьев М. Селение Костек // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. 16. отд. 1.

своих действиях находились в зависимости от эндерейских владельцев»¹.

Наиболее ранние письменные сведения об этом владении относятся к 1732 году. Бывший комендант крепости Святого Креста Д. Ф. Еропкин писал: «Деревня Костик, в ней жительство имеют Гарей Мусалов, да его же владенья деревня Торкалы, ростоянием от крепости до Костика 20 верст, до Турколов с 50, положение мест изрядное, проезд свободной»².

Костековское владение, как и другие владения Терско-Сулакского междуречья, занимало важную стратегическую позицию, прикрывая подходы к Кизляру со стороны Дагестана. Поэтому царское правительство внимательно следило за ситуацией внутри Дагестана и оказывало покровительство костековским владельцам, одаривало их подарками и чинами. Именно об этом свидетельствовало то, что в октябре 1732 г., когда через Кизляр был выпровожден возвращавшийся из Петербурга в Иран посол Надир-шаха, по северному рукаву реки Койсу (Сулака) были учреждены форпосты, а в Эндирее и Костеке были «поставлены команды» царских войск. Костековский же старший князь Алиш Хамзин был провозглашен «костековским воеводою, и в 1756 году пожалован бригадиром»³. Более того, в помощь кумыкским деревням этой зоны на случай нападения на них шахских войск был послан кизлярский комендант князь Василий Оболенский⁴.

Имеются сведения и о том, что «костековский воевода, владелец Алиш Хамзин не переставал хранить преданность к российскому скипетру». В 1757 г. его отношения с братом Темиром Хамзиным обострились. В декабре ему для защиты от врагов были отправлены из Кизляра три медные трехфунтовые пушки. В 1759 г. он был переименован в кумыкского воеводу, а сын его Хамза получил чин капитана. Алишу было назначено жалование в 500 руб. в год, а сыну 100 руб. Более того, Хамзе был в Кизляре построен дом за казенный счет. Поэтому они были верны России⁵.

Костековцы в феврале 1742 г., как и эндиреевцы, отвергли попытки скупщиков Надир-шаха купить у них съестные припасы для шахских войск, заломив «...столь высокую цену, что Надир огорчился»⁶. В 70-е годы XVIII в. Гильденштедт писал о Костеке,

¹ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 155.

² Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 123.

³ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 225.

⁴ Там же. С. 225, 232.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Там же. Ч. I. С. 510.

что «это большая татарская деревня при реке Койсу в 60 верстах от Кизляра ... имеет собственного князя...»¹. По сообщению А. М. Буцковского от 1812 г., «Костек, или Костюковское на левом берегу Койсу, лежит открыто и никакой обороны не способно, содержит около 650 дворов»². Костековским владельцам подчинялась и часть ногайцев, кочевавших в их владении³.

Сведения С. Броневского о количестве дворов в Костеке резко расходятся с приведенными выше данными А. М. Буцковского, поскольку С. Броневский пишет, что «Костеки или деревня Костюковская на Койсе заключает в себе не более 300 дворов и еще столько же в приписных к ней деревнях», что этим селом «владеют семь братьев рода Алишевых («Муртазали, Устерхань, Адиль, Актоль, Бамат-мурза, Омахан и Хасай)», что «Костюковская деревня с принадлежностями поставить может не более 600 вооруженных людей»⁴.

В целом Костековское владение в XVII—XVIII вв. не играло особо заметной роли в политической жизни Терско-Сулакского междуречья и во внешнеполитических вопросах ориентировалось на эндирейских правителей, считавшихся старшими князьями в Засулакской Кумыкии. В начале же XIX в. «все три округа Аксаевской, Андреевской и Костюковской» находились в Российском подданстве, но «с сохранением, — как отмечал С. Броневский, — прежней расправы и без платежа податей...»⁵. И важно отметить, что кумыкские князья принимались «в российскую службу военными чинами и за отличие» жаловались золотыми медалями⁶.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует, что в Северном Дагестане, под которым мы условно понимаем Терско-Сулакское междуречье, в XVII—начале XIX в. политическая ситуация резко менялась. Здесь шел процесс углубления феодальных отношений, сопровождавшийся распадом единого Эндирейского феодального владения или княжества, от которого отпочковались Аксаевское и Костековское владения.

Основу их населения в рассматриваемый период составляли кумыки. На территории этих владений проживали представители и других народов Дагестана, Северного Кавказа, выходцы из Армении, Грузии, Ирана, Азербайджана. Ускоренными темпами

шло и формирование русского населения, численность, экономическая и политическая роль которого постепенно возрастали по мере усиления политических позиций России на Северном Кавказе. Постепенно возрастала и роль чеченцев и ногайцев в жизни региона, но не до такой степени, как это пытаются представить некоторые авторы нашего времени, о чем уже достаточно сказано выше.

д) Основные политические события в регионе в XVII — начале XIX в.

В самом начале XVII в. жители Терско-Сулакского междуречья приняли активное участие в отражении похода российских войск во главе с И. М. Бутурлиным и О. Т. Плещеевым в Дагестан против шамхала. В поход было двинуто около 10 тыс. русских стрельцов. Как писал В. Потто, русские воеводы с десятичным отрядом «выступили от устьев Терека и, подвигаясь твердым шагом на Тарки, поставили крепостцы на Сулаке и Акташе. Отдельные части отряда производили поиски к Эндери, Исти-су и по другим направлениям, забирая у жителей хлеб, скот и конские корма»¹.

Не станем останавливаться на анализе событий этого похода, который в исторической литературе описан достаточно подробно². Отметим только, что эндирейский владетель Султан-Махмуд принял активнейшее участие в осаде, разгроме и изгнании царских войск из пределов Дагестана.

Султан-Махмуд «сначала атаковал русский отряд на Сулаке, которым командовал кн. Вл. Долгорукий. Князь сжег острог и отступил к Тереку. Его примеру последовал и острожек на Акташе». После этого Султан-Махмуд переключился на Тарки, требуя от царских воевод ухода за Терек. В конечном итоге он повел вооруженных горцев Дагестана на штурм Тарки. И. М. Бутурлин, заключив ряд условий с шамхальской коалицией об обеспечении безопасности русских войск при отступлении, вывел их из Тарков. Но они были атакованы отрядами горцев и разгромлены³. После этого царские войска, как отмечал еще Н. М. Карамзин, в течение 118 лет не вступали в пределы Дагестана⁴.

Эндирейское владение в политической жизни Дагестана и Се-

¹ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 106.

² Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 242.

³ Там же. С. 245.

⁴ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 201.

⁵ Там же. С. 203.

⁶ Там же. С. 204.

¹ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1897. Т. I. Вып. I. С. 19.

² Там же. С. 19—22; Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 129—138.

³ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 132—133.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Соч. Т. XI. С. 43.

веро-Восточного Кавказа в XVII в. играло все возрастающую роль. Эндиреевцы в первой половине XVII в. оказывали упорное сопротивление войскам иранских шахов, пытавшихся установить свое господство над Дагестаном и над другими народами Северного Кавказа. В 1619 г. Султан-Махмуд даже вынужден был признать свою покорность шаху Аббасу I, пославшему в Эндирей значительный отряд своих войск. Добившись их ухода обратно через три месяца, Султан-Махмуд отказался признавать покорность шаху¹. Этому эндирейцам иранские шахи не простили и в 1645 г. шах Аббас II дал указание Арап-хану шемахинскому «тех ондреевцев побить»².

Султан-Махмуду эндирейскому в 1635 г. удалось добиться права быть провозглашенным шамхалом, т. е. полноправным представителем высшего феодального сословия, что не удавалось до этого ни одному «чанке». Однако в силу своего преклонного возраста он уступил это право своему старшему сыну Айдемиру, который был провозглашен шамхалом в Казикумухе и правил до 1641 г., пока не погиб в походе на Кабарду³. Ему наследовал его брат Казаналп, но уже лишь в роли владетеля Эндирея.

Казаналп эндирейский вынужден был в 1652 г. вместе с другими феодалами и владетелями Дагестана принять участие в походе войск шаха Аббаса II на Сунженский городок с целью изгнания царских войск из зоны р. Терек⁴.

В 1659—1669 г. Казаналп повел свои отряды на помощь поставшим в Кайтаге, ставшем центром крупного антииранского волстания, в котором принимало участие более 30 тысяч дагестанцев⁵. Все это свидетельствовало о связи истории жителей Терско-Сулакского междуречья в XVII в. с историей других народов Дагестана.

В XVIII в. жителям рассматриваемого региона пришлось иметь дело с войсками Петра I. В 1722 г. эндирейцами были атакованы проходившие через их территорию войска Петра I во главе с Ветерани, но в итоге эндирейцы были разгромлены⁶.

¹ Кабардино-русские отношения... Т. I. С. 98—99; Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 164.

² Русско-дагестанские отношения... С. 175.

³ Там же. С. 158.

⁴ Зевакин Е. С. Азербайджан в начале XVIII в. Баку, 1929. С. 26—29; Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 184—187.

⁵ Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. / Под ред. А. А. Зимина. М., 1962. С. 685—689; Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 189—193.

⁶ История Дагестана. Т. I. С. 346.

В то же время аксаевский и костековский владетели выразили покорность Петру I¹. Существует довольно подробное описание принятия Петром I аксаевского владетеля Султан-Махмуда 6 авг. 1722 г.: «...в тот же день допущен был при его величестве Солтан-Магмут Аксайской и с ним два владельца Чопан да Мусал и, когда оные увидели его величество, все пали на колени и при том Солтан Магмут говорил, что они желают быть под протекциею его величества, и его величество изволил его обнадежить, милостию своею и что они содержаны будут в его протекции...»².

Урегулированы были значительно и эндирейско-русские отношения, о чем свидетельствует письмо эндирейского владельца к Петру I от 3 сент. 1722 г. с просьбой простить его и эндирейцев за выступление против царских войск в том же году и принять его сына Мухамед-бека и племянника Хасай-бека на царскую службу в г. Терки³. Однако все вопросы не были решены тогда, поскольку в августе 1723 г. эндирейские и аксаевские владельцы обращались к Петру I с просьбой разрешить им поселиться в Эндирей-ауле для «посева и житья». Обещая впредь верно служить царю, Айдемир эндирейский добивался царского указа о разрешении ему и его людям «селитца на старине в Андреевой деревне и хлеб пахать», заявляя при этом, что «ежели ему, великому государю, то не угодно, то где он укажет, там и селитца будем и хлеб пахать..., а без указа великого государя хлеб сеять не смеем»⁴.

Потом отношения кумыкских владетелей с Россией несколько обострились из-за нападения шамхала Адиль-Гирея на крепость Святой Крест. Но позднее торгово-экономические связи их с Россией наладились. Более того, в 1786—1787 гг. Аксаевское, Костековское и Эндирейское владения были приняты в подданство России⁵.

Как уже отмечалось, засулакские кумыки в 1741—1742 гг. по сути дела отказались продать съестные припасы вторгнувшимся в Дагестан войскам шаха Надира⁶.

Засулакские кумыки-эндирейцы, аксаевцы, костековцы, а также чеченцы приняли активное участие на первых порах в антифеодальном движении горцев Северного Кавказа во главе с шейхом Мансуром в 1785—1791 гг. В начале XIX в. Засулакская Кумыкия

¹ Там же; История народов Северного Кавказа... С. 413.

² Русско-дагестанские отношения... С. 247.

³ Там же. С. 258.

⁴ Там же. С. 280.

⁵ История Дагестана. Т. I. С. 395—396.

⁶ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 510.

также включилась в освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа.

Следовательно, жители Терско-Сулакского междуречья не стояли в стороне от основных политических событий, имевших отношение к народам Северного Кавказа, в особенности же к народам Дагестана. Источники исследуемого периода не сохранили сведений о каких-либо заметных межэтнических конфликтах в этой части Дагестана, о каких-либо территориальных притязаниях народов этой зоны друг к другу.

Глава IV

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СРЕДНЕГО ДАГЕСТАНА

1. ОБЩИЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СРЕДНЕМ ДАГЕСТАНАЕ

Географически под Средним Дагестаном разумеется территория, протянувшаяся с севера на юг от реки Сулак до границы Дербентского ханства и с востока на запад от берегов Каспийского моря до границ Дагестана с Грузией по Главному Кавказскому хребту (Водораздельному хребту), включая в его состав северные склоны, начиная с северо-запада от г. Нацидрис-Цвери и до г. Дюльты-дага. По характеру рельефа Средний Дагестан включает все географические зоны или части: низменность, предгорье, горную часть или внутренний Дагестан и высокогорную часть. На его территории находится как Прикаспийская низменность, расположенная ниже уровня мирового океана, так и система высоких горных массивов, высота которых достигает от 3000 до 4000 и более метров. Известными горными массивами Среднего и вообще Дагестана являются Боковой хребет, горы Главного Кавказского хребта от Нацидрис-Цвери до Кодорского перевала под общим названием Тушинских гор. Высота надгорий Бокового хребта достигает 3500—4200 м над уровнем моря. Это Диклос-мта, Гаку, Богосский массив, Нукатль. Конечная цепь гор Среднего Дагестана — Дюльтыдагский хребет, тянущийся с северо-запада на юго-восток на 40 км, является водораздельным узлом, от которого расходятся Кара-Койсу и Казикумухское Койсу.

В Среднем Дагестане берут начало и текут наиболее крупные реки Дагестана — Аварское Койсу, Кара-Койсу, Андийское Койсу и Казикумухское Койсу, а также имеются большие замкнутые котловины, высота поверхности которых достигает 1200—1800 м над уровнем моря. Среди них наиболее примечательны Дидойская, Бежтинская и Джурмутская и др. котловины.

В территориально-политическом аспекте Средний Дагестан также был разделен на ряд феодальных владений и множество союзов сельских общин, которые в изучаемое время представляли из себя в основном этно-территориально-политические структуры,

имевшие свои территории с известными границами, свое определенное и известное число сельских общин или сел, свое население и свои нормы обычного права или адаты, которыми руководствовались в повседневной жизни.

В Среднем Дагестане в изучаемый период сложились и функционировали шамхальство Казикумухское, а с середины XVII в. шамхальство Тарковское, ханства Аварское, Казикумухское и Мехтулинское и Кайтагское уцмийство, а также союзы сельских общин или их федерации, наиболее известными и крупными из которых были Акуша-Дарго, Андалальский, Койсубулинский, Гидатлинский, Андийский, Антль-Ратльский. Они занимали в основном северо-западную часть Среднего Дагестана и отличались друг от друга количеством населенных пунктов и этническим составом населения, а также политической ролью. Если для начального периода изучаемого времени была характерна большая полиэтничность состава населения территориально-политических структур, как, например, для шамхальства Казикумухского, где проживали лакцы, кумыки, даргинцы, аварцы и ногайцы, то для последующих веков, хотя почти все феодальные владения имели в своем составе различные этнические группы, характерным для отдельных из них становится большая консолидация последних. Так, с распадом шамхальства Казикумухского лакцы выделяются в самостоятельное Казикумухское владение, а верхнедаргинцы, также выделившись из шамхальства, консолидировались в свою федерацию, известную в исторической литературе под названием Акуша-Дарго. Тем не менее Тарковское шамхальство, в котором преобладали кумыки, было полиэтничным политическим образованием.

Если взять другие политические структуры Среднего Дагестана, то они также имели в своем составе различные этнические группы. Так, в Кайтагском уцмийстве проживали, кроме собственно кайтагцев, даргинцы (жители союзов сельских общин Верхнего Кайтага — Муйра, Гапш, Ганк), кубачинцы, кумыки, терекемейцы (Нижний Кайтаг) и евреи. В Мехтулинском ханстве проживали кумыки, аварцы и даргинцы. В составе Казикумухского ханства, кроме основного лакского населения, находились даргинцы и лезгины, которые были по сути дела подчинены Чолак Сурхай-ханом и его преемниками.

Исследованию ландкарты, территории, границ, этнического состава населения, а также вопросов историко-экономической и историко-политической географии территориально-политических структур Среднего Дагестана и отводится главное внимание в данной главе работы. Сначала остановимся на освещении фе-

дальных владений, а потом охарактеризуем вопросы, связанные с союзами сельских общин.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ СРЕДНЕГО ДАГЕСТАНА

а) Казикумухское шамхальство (конец XVI — первая половина XVII в.).

Наиболее крупным политическим образованием Среднего Дагестана XVI—XVII вв. было Казикумухское шамхальство.

Наиболее раннее высказывание по поводу границ Казикумухского шамхальства содержится в работе известного востоковеда XIX в. А. Бакиханова, писавшего, что «смутным было положение в Дагестане», когда «Чубан-шамхал (т. е. казикумухский шамхал — авт.), владевший всем краем от границ Кайтака, Кюринского округа, Аварии, Черкесии и реки Терека до моря Каспийского, умер в Буйнаке в 982 (1574 г.) ... Его сыновья разделили между собой все владения. Эльдар избрал своим местопребыванием Буйнак и Тарки; Мухаммед остался в Казанище, Андий — в Кафыр-Кумыке, Гирей — Гили и управляли они своими уделами независимо друг от друга»¹.

«Казикумухским» шамхальство названо от названия главной резиденции его правителей или шамхалов — селения Кумух (Гумук). Согласно преданиям, зафиксированным еще в сер. XIX в., происхождение названия резиденции и самих казикумухских шамхалов объясняется следующим образом: «ко времени прихода арабов (или аравитян) в половине VIII в. у лакцев не было царя или другого феодального правителя и народ управлялся старшинами», и перемена веры у лакцев произошла весьма легко, без малейшего сопротивления. Жители Гумука сами прислали выборных к арабскому полководцу Абу-Муселиму просить о посылке к ним наставников в новой вере. Абу-Муселим сам отправился в Гумук, построил там мечеть в 777 году по Р. Х...., назначил кадиев, а для управления народом поставил Шах-Баала: имя это впоследствии обратилось в титул шамхала.

Шамхалом, кроме страны лакцев, подчинялись еще многие общества и владения Дагестана. Гумукцы, гордясь принятием новой веры прежде других, присоединили к названию своего селения почетный арабский титул гази или кази; затем название «Казикумухское»

¹ Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, С. 88; Бакиханов А.-К. А. Гюлистан-и Ирам/Под ред. З. М. Буниятова. Баку: «Элм». 1991, С. 108.

Гумук», или Казикумух, обратилось в название всей страны и народа»¹.

Согласно этим данным, «Казикумух служил местопребыванием шамхалов до конца XVI века; около этого времени шамхалы начали жить зимою в Тарках или Буйнаке, а летом переезжали в Казикумух»².

Шамхалы управляли казикумухцами до 40-х годов XVII в.: после антишамхальского выступления казикумухцев последующие шамхалы уже не переезжали в Казикумух,³ полностью обосновавшись в Тарках⁴.

Согласно имеющимся документальным данным 1604 г., Тарки представлял из себя небольшое «городишко... в Кумытцкой земле от морского берега версты з две, изстари город бывал каменной, стоит на горе; а та гора поотшла от больших гор к морю гребнем, и по ней лес большой, а верх сажен с 30, и ныне на той горе на само верху стоит башня каменная... Внизу от верху сажен с 20 и болши стоит на той же горе двор шевкалов, палаты каменные и избы... Позади шевкалова двора башня другая каменная да годище старое... А ниже шевкалова двора на самом низу мечеть каменная..., дворов черных с 300 и живут пашенные люди... И без людей в Тарках не бывает»⁵.

Как установлено исследователями, Казикумухское шамхальство «до конца XVI в. включало не только земли на плоскости и предгорьях, заселенные в основном кумыками, но и лакский Казикумух»⁶, а до середины XVII в. и земли, населенные верхнедаргинцами и другими народами Дагестана⁷. Говоря более конкретно, в шамхальство Казикумухское входили все кумыкские селения и владений уцмия Кайтагского и от Каспийского моря на запад до ские общества, Акушинский, Усишинский, Цудахарский, Мекегинский и Мугинский союзы сельских общин. Границы его простирались с севера на юг от Кабарды и реки Терек вдоль Каспия до владений уцмия Кайтагского и от Каспийского моря на запад до владения Аварского ханства.

¹ А. К. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. Отд. IV. С. 5.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 11.

⁵ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 405.

⁶ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963. С. 42.

⁷ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. (далее — ИНСК). М., 1988. С. 292.

Временами власть шамхала распространялась не только на указанную территорию. По мнению Р. М. Магомедова, власть шахбала или шамхала «распространялась и на всю Чечню»¹. Е. Н. Кушева еще в 1963 г. писала, что «В перечне доходов дагестанского шамхала, который исследователи относят к XV—XVI вв., назван «весь Мичигыш» как собственности шамхала», что, «когда в конце XVI — начале XVII в. в Северном Дагестане образовалось сильное Эндерейское владение в соседстве с восточными чеченскими племенами, эти племена попали в зависимость от Эндери»², стали платить подати эндерейским правителям.

Ссылаясь на сведения чеченского этнографа середины XIX в. У. Лаудаева о том, что у основателя шамхальства, по чеченским преданиям, «было несколько сыновей, из них младший, называемый Начхой, взял себе уделом землю в горах и сделался родоначальником чеченцев»³, В. Г. Гаджиев утверждает, что «приняв ислам, чеченцы согласились платить ясак шамхалу, называвшемуся валием Дагестана»⁴. «Повествование об Али-беге андийском...», опубликованное М. А. Агларовым и Т. М. Айтберовым⁵, содержит сведения о харадже, состоящем «из различных видов имущества (мал): денег, зерна и коров», взыскиваемом в пользу Алибега андийского с жителей «всех задних и южных гор, начиная от гор Салатав вплоть до Шубута на западе, а со стороны Кибли вплоть до Большой реки» (или Андийское Койсу)⁶. Шамхалу же подать-джизию платили «жители селения (кариат) Байнан» — «десять кайлов с [тамошнего] месторождения черного масла» (т. е. нефти)⁷.

В. Г. Гаджиевым проделана большая поисковая работа для показа на основе источников границы распространения власти казикумухских шамхалов⁸. По его мнению, «документально доказано, что в расположенном в центральном Дагестане Гидатле и в пограничном с чеченцами Анди имелись ставленники шамхалов»

¹ Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. С. 82.

² Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 84.

³ Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. VI. С. 8—9.

⁴ Гаджиев В. Г. Шамхальство (история образования и государственное управление) // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Темат. сб. Махачкала, 1989. С. 29—30.

⁵ Агларов М. А., Айтберов Т. М. «Повествование об Али-беге андийском и его победе над князем Турулавом... как источник по истории Дагестана XVII в.» // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX в. (Сбор. науч. статей). Махачкала, 1981. С. 123.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Гаджиев В. Г. Шамхальство... // Государства... С. 29—34.

и «их потомки в последующие времена продолжали играть в указанных обществах главенствующую роль»¹.

Х.-М. Хашаев в 1969 г. писал, что гидатлинские шамхалы были, вероятно, выходцами из дома казикумухских шамхалов, что в селе Урада в местности Цинит сохранились развалины их дома². Существует предание, опубликованное Х.-М. Хашаевым, о гидатлинском шамхале. Записано оно было у жителей села Хучада. По преданию, «в сел. Хучада жили не гидатлинцы, а представители другого племени, вероятно, ахвахцы. Они имели своего хана, которого называли шамхалом; последний призвал на помощь аварского нуцала, и они решили совместно напасть на Хучаду. Они подговорили одного из слуг хучадинского шамхала, чтобы тот дал сигнал, когда шамхал со своими нукерами выедет в соседнее селение. Слуга дал условный сигнал — вывесил из окна во всю длину пятиэтажной башни шамхала длинный кусок белой материи. Увидев это, войска аварского нуцала и гидатлинского шамхала напали на Хучаду и сожгли все селение, часть людей перебили, а часть взяли в плен. Хучадинский шамхал, ничего не подозревая, возвращался из поездки и наткнулся на засаду, был схвачен и убит вместе со своими людьми...

После гибели хучадинского шамхала территория Хучады досталась гидатлинскому шамхалу...»³. Важно подчеркнуть, что Х.-М. Хашаев не сомневался в том, что в Гидатле были шамхалы. Потомки гидатлинских шамхалов жили в селениях Тидиб, Урада и Гинта, владели большими пастбищами в горах, называемых... «Шамхальскими горами», и получали подати от многих селений»⁴.

В. Г. Гаджиев собрал и опубликовал буквально все сведения, в которых речь идет о каких-либо формах зависимости сельских обществ Дагестана от шамхалов казикумухских, начиная еще с древних времен. В его статье есть «прямые сведения, позволяющие судить о зависимости Чамалала от шамхалов»⁵. При этом он ссылается на опубликованное Т. М. Айтберовым⁶ письмо шамхала Сурхая от середины XVII в. к аварскому хану Дурги-Нуцалу

¹ Там же. С. 30.

² Феодалные отношения в Дагестане. XIX — нач. XX в.: Архивные материалы / Сост. Х.-М. Хашаев. (Далее — ФОД). М., 1969. С. 30.

³ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. (Далее — Хашаев Х.-М. Указ. соч.) С. 137.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Гаджиев В. Г. Шамхальство... // Государства... С. 30.

⁶ Айтберов Т. М. Дагестанские документы XV—XVII вв. // Письменные памятники Востока. Ежегодник. 1975. М., 1982. С. 7.

с просьбой оказать содействие во взыскании причитавшегося ему хараджа с чамалалов.

Однако, на наш взгляд, это обстоятельство не может быть особо убедительным основанием для предположения, что «В свете этих данных вполне допустимо и то, что находящиеся между Анди и Чамалалом или в соседстве с ними союзы сельских общин Татбури, Технуцал, Ратлу-Ахвах, Кель, Карах могли быть зависимы от шамхалов» (казикумухских — авт.)¹. Для таких утверждений должны быть более убедительные аргументы, так как были известны и гидатлинские шамхалы², ближе расположенные к этим обществам, чем казикумухские шамхалы.

Несомненно, что сильное влияние казикумухские шамхалы имели на верхнедаргинцев, объединенных в союз Акуша-Дарго, включавший Акушинский, Мекегинский, Цудахарский, Усишинский и Мугинский союзы сельских общин. Однако, как отмечено исследователями, с «конца XVI — начала XVII вв. начинается период распада шамхальства Казикумухского, в связи с чем слабеет власть шамхала и над Акуша-Дарго. А с перемещением в середине XVII в. центра шамхальства в Тарки верхнедаргинцы окончательно отделились от него»³. Этот факт привлек внимание и В. Гаджиева, отмечающего, что «зависимость Акуша-Дарго от шамхальства в настоящее время считается установленным фактом», и приводящего сообщение переписчика труда Аль-Газали «Ихйа улум ад-дин» (Воскрешение наук о вере) Хизри, сына Ахмеда о том, что эта книга «переписана в 1507 г. в сел. Акуша, в одном из аулов Казикумуха»⁴.

В статье В. Г. Гаджиева есть сведения и о том, что некогда (в период исламизации Аварии) казикумухскому шамхалу подати платили и владельцы Хунзаха, о чем, по его мнению, явно свидетельствует «Перечень доходов шамхалов»⁵. Подобного характера сведения приведены им и относительно Кайтагского уцмийства. Он пишет, что «Своеобразными были и взаимоотношения шамхала с Кайтагом. В пору первоначального образования владельцы Кайтага, ... были поставлены в зависимость от шамхалов», но якобы в период монголов эти отношения прекратились. Однако, где-то в XIV—XV вв. «на кайтагском престоле воцарился племянник шамхала» и «между уцмием Кайтага и его дядей шамхалом долж-

¹ Гаджиев В. Г. Шамхальство... // Государства... С. 30—31.

² Там же. С. 30.

³ Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. С. 7.

⁴ Гаджиев В. Г. Шамхальство... // Государства... С. 31.

⁵ Там же.

ны были сложиться отношения, по крайней мере, как между «старшим и младшим», и по словам В. Г. Гаджиева источники «свидетельствуют об особой активности шамхалов в XIV—XV вв. в Кайтаге и особенно в его нагорной части»¹.

Приведен им и обнаруженный в сел. Ашты эпиграфический памятник, показывающий, что «жители Зирих-герана (Кубачи — В. Г.) «находились в политической зависимости от шамхалов и платили им харадж (поземельный налог)»², а также свидетельствующий об отдаче территории селения Худуц «шамхальцами жителям Ан. дж. б. к. Ангибачи», которая «была зависима от шамхальства»³.

Далее В. Г. Гаджиев, ссылаясь на опубликованный Т. М. Айтберовым «Шиназский аноним»⁴, пишет о зависимости ряда рутульских сел (Уна, Пилек, Амсар, Кала, Шиназ и т. д.) еще в начале XVII в. (особенно шиназцев) от шамхалов⁵. Приводит он свидетельства и о зависимости цахуров (Цахура собственно) от шамхалов, что, по его мнению, могло иметь место до середины XVII в. пока Казикумухское шамхальство не распалось⁶. В. Г. Гаджиевым приведены и сведения о зависимости от шамхалов казикумухских агульского селения Буркихан⁷, сел. Рича и Гельхен, жителей сел. Хурюг⁸.

Заслуживает быть отмеченной и фраза В. Г. Гаджиева о том, что «Поскольку зависимость от шамхалов приморской части вплоть до устья р. Терек никем не оспаривается, мы решили специально на этом вопросе не останавливаться. Однако укажем, что еще в «Записке», составленной в 1868 г. о владении шамхалов, подчеркивалось, что несколько веков шамхалы имели в полной своей зависимости большую часть Дагестана, а остальное население его, ровно как и многие сопредельные племена, признавали главенство их»⁹. Касаясь этого вопроса, Х.-М. О. Хашаев подчеркивал, что власть шамхалов «распространялась в отдельные пе-

¹ Там же. С. 32.

² Там же.

³ Там же. С. 33.

⁴ Шиназский аноним / Пер. Т. М. Айтберова // Советская этнография. 1991. № 6. С. 112—118.

⁵ Гаджиев В. Г. Шамхальство... // Государства... С. 33.

⁶ Там же; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. 1. С. 85.

⁷ Там же.

⁸ Лавров Л. И. Указ. соч. С. 158.

⁹ Гаджиев В. Г. Шамхальство... // Государства... С. 34.

риоды и на весь Дагестан»¹. И не случайно Е. Н. Кушева называла этого феодального владетеля «дагестанским шамхалом»².

Для цитируемой здесь статьи В. Г. Гаджиева характерно стремление доказать вседагестанский характер Казикумухского шамхальства. Только Дербент оказался, получается, вне поля внимания шамхалов казикумухских.

В задачу нашей работы не входит анализ истории образования Казикумухского шамхальства. Нас интересует в целом проблема реального распространения власти, влияния и границ Казикумухского шамхальства с конца XVI в. до его распада в середине XVII в.

Поэтому и уделяется такое большое внимание Казикумухскому шамхальству, которое действительно являлось полиэтническим государственным образованием, хотя назвать его общедагестанским государством довольно рискованно, поскольку даже в годы своего наибольшего расцвета оно не охватывало весь Дагестан одновременно. Кстати, отметим, что, вопреки процитированному выше утверждению В. Г. Гаджиева, Е. Н. Кушева на указанной им странице ее труда не ведет вообще речи о «Дагестанском шамхальстве», а пишет, как отмечено выше, о «дагестанском шамхале», что, на наш взгляд, не одно и то же. Буквально на следующей странице труда Е. Н. Кушевой шамхал назван правителем «Кумыкской» области³. Но еще более четче об этом говорят ее слова: «Достоинство шамхала не было в XVI—XVII вв. наследственным по прямой линии, не было оно тогда закреплено и за тарковскими владельцами... Шамхалов выбирали из старших членов шамхальского рода разных феодальных владений Кумыцкой земли»⁴.

Что касается мнения Х.-М. Хашаева, оно тоже заслуживает более ясного цитирования. Приведем для убедительности его полностью: «Факты свидетельствуют о том, что Кумухское ханство во главе с шамхалами существовало очень давно, видимо, до появления в Дагестане арабов, и было одним из сильнейших. Власть его распространялась в отдельные периоды истории на весь Дагестан. Согласно «Дербенд-наме» шамхал Казикумухский собирал подати со всего Дагестана»⁵. Однако трудно указать период, когда в Дагестане существовало единое государство или шамхальство, чтобы весь Дагестан подчинялся ему, хотя ряд ис-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 158.

² Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 198.

³ Там же. С. 199.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 158.

следователей и пишет об этом, в частности ссылаясь на такой интересный памятник дагестанской истории, как «Перечень доходов шамхалов», источниковедческому анализу которого серьезное внимание уделил В. Г. Гаджиев, опубликовавший сводно вклеивкой десять вариантов его с перечнем плативших шамхалу подати сел, обществ, владений¹. Сам «Перечень» не имеет четкой датировки, поскольку его списки датируются разными периодами истории — XIV, XV, XVI—XVII веками².

Сравнительный анализ публикуемых списков «Перечня» позволяет, действительно, очертить территорию, подвластную шамхалам. Она была довольно обширной, охватывала «народ Карах», «Хусрахи», «общество Хабиалал», Чамалал, Тиндал, «Арчуб», «народ Хумза», деревню «Андиб», города «Кадар и Архаз», жителей Тумлал, «весь Мычигыш», «город Костек», «жителей Таргу», «жителей Кубден», «жителей Кайтага», «жителей деревень Усиша и Акуша», Сирахи, Цудахар, Чумчукат и Кекеби, город «Зараг-Жеран», селение «Иргана», общества Баклал, Цагур и Голода, Ришвор и Микрах, «Куралал» (Список II).

В принципе эти же топонимы упомянуты и в других списках «Перечня», который в целом перекликается с «Дербенд-наме», что отмечено было еще Х.-М. Хашаевым³.

Возможно, правильно отмечено в «Дербенд-наме», что шамхал в свое время «поселился в городе Кумухе и получал подати с разных стран, личные налоги с христиан и евреев, десятины с путешествующих и зекат с мусульман, и все обитатели Дагестана, большие и малые, были приведены ему в покорность силой или добровольно»⁴. Они платили подати, пятую часть которых он присваивал «себе, а остальные четыре пятых раздавал в своем поколении всем поровну». При этом оговаривалось, что обложению налогом и податью подлежал простой народ, а не знатные люди. Но почему-то исследователи не обращали внимания на то, что шамхал получал подати не вообще за то, что кто-то был зависим от него, а за пользование его пастбищами в горах. На наш взгляд, именно об этом свидетельствует выдержка из «Дербенд-наме»: «Что же касается до податей, которые его (шамхала) под-

¹ Гаджиев В. Г. «Перечень доходов шамхалов» (Опыт источниковедческого анализа) // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 25—37.

² Там же. С. 27—29.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 158.

⁴ Тарихи Дербенд-наме/Под ред. М. Алиханова — Аварского. Тифлис, 1898. С. 175.

данные были обязаны ежегодно платить ему, и которые получал он от них за пастбище в горах...»¹ (подчеркнуто нами — авт.).

Еще в свое время арабы обязывали табасаранского Магомет-Майсума с казиями и кайтагского уцмийа Амир-Хамзу, а также «все племена Дагестана от Грузии до Дешти-Кипчага... подчиняться Шах балу, кумухскому правителю»², от которого и образовался титул «шамхал».

Однако говорить о том, что владельцы и жители указанных территорий охотно подчинялись шамхалу не приходится, поскольку известно, что к приходу татаро-монголов в Дагестан «зеркало согласия между князьями Кумуха и Хайдака разбито было усилениями сатаны, между ними шли распри, от которых кайтагские владельцы Мухаммед-хан, Эмир-хан, Эмир Хамзе «нашли убежище у повелителей Аварии...»³. Засулакская Кумыкия в конце XVI — начале XVII в. отпочковалась от Шамхальства, а часть чеченцев-аккинцев (окочан) бежала от гнета засулакских кумыкских владельцев, т. е. из пределов Казикумухского шамхальства в российский Терский городок в конце XVI в.⁴.

В начале 40-х годов XVII в. против собственно шамхалов и их господства выступили считавшиеся до этого главной опорой шамхалов казикумухских лакцы, которые испытывали на себе достаточно сильный гнет шамхалов⁵. Против гнета шамхалов в XVI в. уже выступали и общества Андаляльского союза сельских общин (13 селений), известного под названием Вицху, вошедшего в состав шамхальства в качестве округа (махалгат) после принятия ислама⁶ и дававшего с каждого общества по быку «при восшествии на трон нового шамхала»⁷. Отразилась эта оппозиция близлежащих к Казикумуху сельских обществ в аварской песне «Зардухил Али», что было отмечено еще А. Ахлаковым⁸.

Имеются сведения и о противостоянии шамхальской власти жителей селения Зулер в конце XVI в., переселившихся в Тпиг.

¹ Там же. С. 176.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 179.

⁴ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 69—70, 293.

⁵ Умаханов М.-С. К. Антифеодальная борьба в Дагестане в XV—XVI веках // Развитие феодальных отношений в Дагестане: Тематич. сб. Махачкала, 1980. С. 70.

⁶ Гаджиев В. Г. «Перечень...» // Источниковедение... С. 30—31.

⁷ Айтберов Т. М. Институт главного наследственного кадия (первоначально имама) в политической системе Андаляла конца XVI — перв. полов. XVIII в. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 7.

⁸ Ахлаков А. Антифеодальные песни народов Дагестана // РФ ИЯЛИ. ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 159-а. Л. 51.

Попытки шамхала Улхая заставить тигцев, в ведении джамаата которых перешли земли зулерцев, платить подати ему не привели ни к чему. Тигцы настояли твердо на своем отказе, и шамахал не решился даже предпринять против них какие-либо карательные действия¹.

Об ослаблении власти казикумукского шамхала к концу XVI в. свидетельствует и сообщение грузинских послов в Москву в 1588—1589 г. (князя Каплана, старца Хуршита (Куршита) и Кирилла) московским властям о том, что горцы не любят шамхала, что «им от него обида»², что они не заступятся за него, что «дети его в розни и всякой живет себе», что «и с кумычени у шевкала рознь и брань великая»³.

Известно также, что в конце XVI в. в открытой оппозиции к шамхалу находился и избравшийся еще при жизни шамхала⁴ (одновременно с ним) его преемник, которого тогда называли крым-шамхалом⁵.

Необходимо отметить и мнение Е. Н. Кушевой о том, что «термины Кумыки, Кумыцкая земля, Шевкальская земля употреблялись в XVII в., но Шамхальство не сложилось в объединенное государство, а находилось в состоянии феодальной раздробленности и постоянных феодальных войн»⁶. Причина же последних крылась в том, что «Достоинство шамхала не было в XVI—XVII вв. наследственным по прямой линии, не было оно тогда закреплено за тарковскими владельцами, как ошибочно повторялось рядом исследователей, и вообще не соединялось с каким-либо особым шамхальским уделом. Шамхалов выбирали из старших членов шамхальского рода разных феодальных владений Кумыцкой земли»⁷. В «Истории Дагестана» также сказано, что: «Вся централизаторская политика престарелого Сурхай-шамхала, пришедшего на смену Чопан-шамхалу, не привела к упрочению пошатнувшегося положения шамхальства и разбилась о сепаратистские тенденции удельных правителей... И хотя термины «шамхальство» и «Шевкальская земля» еще употреблялись в XVI в., объединенного государства уже не существовало. Напротив, шел

¹ Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 7; История Дагестана. Т. 1. С. 246; Умаханов М.-С. К. Указ. соч. // Развитие феодальных отношений. С. 71.

² Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 58—59.

³ Там же. С. 401.

⁴ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 127.

⁵ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 45; Белокуров С. А. Указ. соч. С. 202.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

интенсивный процесс дальнейшего распада, сопровождавшийся бесконечными междоусобицами»¹.

Эти данные в целом противоречат попыткам отдельных исследователей представить Казикумукское шамхальство чуть ли не единым и единственным государством в средневековом Дагестане. Разновременное вхождение в Шамхальство, тем более подчинение ему разнотнических владений и обществ нельзя, видимо, рассматривать как единовременный акт, который распространил власть шамхала на весь Дагестан. В XVI—XVII вв. это не наблюдалось. Основной костяк его составляли земли, населенные лакцами, кумыками, частью даргинцев, а остальные общества то вовлекались в орбиту политического влияния шамхалов, то они добивались независимости от них, откупались за пользование их горными пастбищами для пастбы овец натуральной платой. Эти отношения не дают оснований считать такие союзы сельских общин подвластными шамхалам, входящими в состав Шамхальства.

Необходимо иметь в виду, что даже если кто-то из рода казикумукских шамхалов и нашел убежище, приют в каком-то сельском обществе, обосновался там и от него начался там новый тум, это также не есть повод, на наш взгляд, считать и такое общество зависевшим от шамхалов или входившим в их владение.

* * *

Весьма интересен и сложен вопрос о количестве полиэтнического или многонационального по составу населения Казикумукского шамхальства. Вопрос этот практически неразрешим на современном уровне источниковой базы, поскольку в рассматриваемое время не существовало никаких переписей в Дагестане. Имеющиеся в нашем распоряжении цифровые данные источников лишь в какой-то мере могут дать представление о численности населения Казикумукского шамхальства.

Наиболее ранними являются сведения по этому вопросу, содержащиеся в историческом памятнике (датируемом 1485 г.) под названием «Завещание Андуника, сына Ибрагима, владельца территории Авар... своему племяннику Булач-нуцалу». Обращаясь к своему племяннику — будущему нуцалу, Андуник говорит, что «в Дагестане до 250 тысяч воинов, из них... 100 тысяч казикумук-

¹ История Дагестана. Т. 1. С. 248.

ского шамхала...»¹. Более достоверны сведения русских архивных источников конца XVI в. Так, в 1596 г. проводник царских войск в их походе 1594 г. на Шамхальство некий «дербенец Аллага» заявил, что, если соберутся все «кумыцкие» и горские люди «разных земель с шамхалом и его детьми в одиночестве с 5000 человек конных; а только зберутца кумыцкие горские люди и черкасы и всего их будет 15000 конных опричь пеших людей»².

Как видно из этих цифр, число подвластных шамхалу было довольно велико, если он со своими союзниками-феодалами мог выставить 15 тыс. конных воинов. Если даже в среднем на семью взять по 5 человек, то условно можно подсчитать, что число его подданных достигало почти 75 тысяч человек. Число пеших его воинов нам неизвестно. Поэтому, полагая, что пеших воинов он мог собрать значительно больше конных, скажем, 30 тыс. человек, можно говорить, что число его подвластных достигло 250—260 тыс. человек. Мы не исключаем при этом и другие возможные варианты подсчета. Вероятно, в отдельные периоды число подвластных шамхалов достигало значительно больших размеров, если учесть то, что шамхальство объединяло огромную по дагестанским масштабам территорию — от берегов Каспийского моря до вершин Главного Кавказского хребта, т. е. до границ Грузии и Азербайджана.

* * *

Вопрос о доходах казикумухского шамхала также очень сложен. Можно указать лишь основные источники, из которых поступали средства в казну шамхалов. Одним из главных источников, можно полагать, доходов шамхалов являлись зимние пастбища приморской плоскостной части Шамхальства. Сдача их в аренду не только собственно входившим в Шамхальство горным союзам сельских общин, но и др. феодальных владений, в частности аварским союзам сельских общин, приносила огромные доходы шамхалам. Это и позволяло шамхалу и его сыновьям в конце XVI в. содержать под личным командованием 1080 «конных»³.

Важным источником поступлений в казну шамхалов в XVI—XVII вв. являлись и таможенные пошлины с торговых караванов, проходивших из Европы, России, Северного Кавказа через владе-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 135.

² Белокуров С. А. Указ. соч. С. 293.

³ Очерки истории Дагестана. Т. I. С. 94.

ния шамхалов, т. е. по так называемому прикаспийскому международному «шелковому» торговому пути. Практически десятая часть провозившихся через их владения товаров оставалась в руках шамхалов, обогащая их. Этот путь особенно оживленно эксплуатировался в XVII в.¹

Обогащала шамхалов и торговля с Россией, которая освободила их товары от пошлин².

Видимо, шамхалу значительные доходы приносили и рыбные ловли на реке Койсу, а также другие земельные угодья этой зоны — «и пашни и сенокосы». Об этом свидетельствует сообщение московских послов в Грузию Торха и кн. Семена грузинскому князю о том, что «по государеву наказу шевкалу учинили утешенье великое и реку у него Койсу с рыбными ловлями и со всякими угодьями отняли и город на ней хотят поставить...»³.

Другим источником пополнения шамхальской казны являлись подати с подвластного населения — натуральная рента за пользование земель шамхала, всякие поборы по поводу рождения сыновей шамхалов или же их женитьбы.

Наиболее же показательным документом, позволяющим судить о размерах шамхальских доходов, является упоминавшийся уже «Перечень доходов шамхалов». Возьмем, к примеру, VI список его для анализа, как наиболее полный. Согласно ему шамхал получал в свою пользу с джамаата Карах 500 овец, с джамаата «Кусрух» 300 овец, а также за пользование пастбищной горой у Хосреха 1000 овец; с жителей общества Хебелал по овце с каждого дома через каждые четыре года; с общества Чамалал 500 овец; с Тиндиба — 20 быков; с «Арчуба» — 130 овец; с жителей Хунза — 700 баранов, 700 мачаров зерна, 60 мачаров (мерок — авт.) меда и 60 ослов; с жителей Андиба — 1 бык и кусок войлока; с жителей селений Кадар, «Херкес», «Дергели» и Гадзануш — половина того, что наложено на джамаат «Хунза»; с жителей общества Тумал по лисце с каждого дома в год выборов нового шамхала; с жителей Мичихича по 1 овце с каждого дома; с жителей общества Шубут — по 1 овце с каждого дома; с жителей Акуша и Усиша — 1200 овец; с жителей Цудахара — 50 быков; с жителей Унчукатля — 8 баранов; с жителей Сунбата — 50 овец за пользование пастбищной горой; с горы Цантаб — по 80 овец ежегодно; с села Мукарк подать точно не указана; с джамаата Танта — 7 баранов; с жителей Кунди — 160 кайлов зерна; с Карашиба — 8 баранов; с Колоба — конь для погребения каждого

¹ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 296—298, 41.

² История Дагестана. Т. I. С. 288.

³ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 193.

умершего; с Куршбе — конь, кобыла, 30 овец; с села «Хулусма» — 13 овец; с сел. Кунаб — 5 баранов и 19 кайлов зерна; с Буркихана — по быку и по 2 ягненка; с Дайхара — 13 кусков холста; с горы Уркандама — 50 овец¹. По самым скромным подсчетам шамхал имел ежегодно свыше 6000 баранов и овец, около 250 голов крупного рогатого скота, около 20 бурок.

Однако критический анализ этого источника и попытка оценить его содержание с учетом происходивших в Дагестане политических процессов показывают, что сфера влияния шамхальской власти к концу XVI — началу XVII в. резко суживалась в силу усиления сепаратизма в Шамхальстве и постепенного отхода от него составлявших его до этого отдельных частей, хотя формальный его распад произошел в середине XVII в. Одновременно сокращались размеры и поступления в шамхальскую казну.

Усиление Аварского ханства уже в конце XVI — начале XVII в. привело к тому, что ни Авария с «Хунзой» или «Хумузом» во главе, ни Мичикич, ни Андодидойский участок (округ Андиб) не платили податей шамхалам казикумухским, как не платили их и джаро-белоканские Цагур и Голода, попавшие в XVII в. под влияние аварских ханов.

С конца XVI в. усиливалась власть и уцмиев кайтагских. Не случайно русские архивные материалы начала XVII в. свидетельствуют о том, что уцмий «никому не служит ... и ясаку не дает», что он «в горах человек первой ...самовластной и гордой» и что он «никоторые де боязни себе не имеет»². Ни один документ конца XVI — первой половины XVIII в. не свидетельствует о какой-либо форме зависимости кайтагских правителей от казикумухских шамхалов. Поэтому можно полагать, что Кайтаг уже в этот период не платил шамхалу 70 буйволов, о которых упоминают все списки «Перечня доходов шамхалов», за исключением списка № VI³.

В конечном итоге в силу многих причин (этническая пестрота, отсутствие сильной центральной власти, сепаратизм составлявших его уделов и народов, стремившихся к независимости от шамхальского гнета, разбросанность входивших в него и признававших какое-то время зависимость от него союзов сельских общин, практический переход шамхалов в предгорную и низменную часть Шамхальства и ослабление их влияния и власти в Кумухе, отсут-

ствие единого экономического центра, неравномерность социально-экономического развития составлявших его частей) Казикумухское шамхальство к середине XVII в. практически распалось, дав основу новым политическим образованиям.

б) Тарковское шамхальство (вторая половина XVII — нач. XIX в.)

Прямым наследником бывших шамхальских традиций стало Тарковское шамхальство, получившее свое название от резиденции его правителей — шамхалов — аула Тарки, в прошлом служившего одной из зимних резиденций казикумухских шамхалов. В историографии имела место целая дискуссия по вопросам какая из резиденций шамхалов — Тарки или Казикумух — являлась более древней или основной, как произошло название «шамхал», какой этнос играл более важную роль в Шамхальстве в XV — нач. XVII в¹. Довольно обстоятельный анализ этих вопросов содержится в целом ряде работ². В силу этого мы не останавливаемся на них. Отметим только, что исследователи нередко смешивают термины «Казикумухское шамхальство» и «Тарковское шамхальство», чаще называя последнее вместо первого, хотя фактически справедливее «Тарковским» шамхальство называть именно с того момента, когда шамхалы окончательно обосновались в Тарках, ставших их единственной резиденцией. Это же случилось, как отмечалось, в 40-х годах XVII в. после того, как казикумухцы отказались пустить в Казикумух приехавшего туда на летний период шамхала Сурхая с его многочисленной свитой, объявили себя независимыми от него³.

Пожалуй, первым из исследователей совместил понятия «Казикумухское» и «Тарковское» шамхальство Р. М. Магомедов, кото-

¹ Справедливо Р. Г. Маршаев утверждал еще в 1959 г., что «перенесение резиденции из Кумуха в Тарки было вызвано не добровольными побуждениями шамхалов, а социально-экономическими и политическими причинами» // Маршаев Р. Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1959. Т. VI. С. 173.

² По этому вопросу подробно см.: Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 94—90—107; Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. — Отд. IV. С. 4—5; Маршаев Р. Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1959. Т. VI. С. 167—173; Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. 1. Отд. IV. С. 54—55.

³ Подробно см.: Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 5—6; Маршаев Р. Г. О термине «шамхал» и резиденции шамхалов // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. VI. С. 172—173.

¹ Гаджиев В. Г. «Перечень...» // Источниковедение... Вклейка между с. 36 и 37.

² Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII в./Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958. С. 64—65.

³ Гаджиев В. Г. «Перечень...» // Источниковедение... Вклейка между с. 36 и 37.

рый еще в 1957 г. писал, что «Первые письменные сведения о шамхальстве Тарковском относятся к концу XV — началу XVI века», что «К концу XV в. под шамхальством Тарковским подразумевалась вся земля, населенная кумыками. Начиная от Буйнака до Терека и вглубь Дагестана, до Кадара и Дургели — все это пространство, за исключением отдельных редких аулов, населенных другими народами, составляло владение шамхалов Тарковских... Шамхал Тарковский... в то время носил титул валия дагестанского...»¹. С. Ш. Гаджиева также писала в 1961 г., что «примерно со второй половины XVI в. начинается процесс дробления Тарковского шамхальства на отдельные самостоятельные владения (бийлики)»², что «В начале XVII в. от Тарковского шамхальства отделяются Карабудахкентское, Кумторкалинское, Губденское и Бамматулинское владения...»³.

Между тем, если присмотреться к источникам⁴, по ним видно, что в Тарках имелись свои владельцы даже отдельных кварталов и не всегда владельцем Тарков считался владельцем Казикумуха или шамхалом. В частности, А. Олеарий в 1639 г. писал о ситуации в Тарках и его правителе. Интересно его сообщение: «Главный правитель... Тарку и всей этой местности... Сурхов-хан..., лет 38-ми... поддерживал... дружбу с персами», надеясь на их помощь в случае междоусобной войны в Дагестане. И далее Олеарий писал, что «Рядом с ним (т. е. с Сурхаем — авторы) живут другие мурзы, его двоюродные братья, Младший из них, сын его брата, Имам-мирза, управлял также частью города» (подчеркнуто нами — авт.)⁵, что слуги Имам-мирзы «сказали, что он сын брата Сурхов-хана и что ему подобало бы главное начальство, которое Сурхов-хан насильно захватил в свои руки. Им, слугам, по их словам, приходилось тщательно его охранять, так как Сурхов-хан тайно хотел умертвить его»⁶.

Правильно отмечается в «Истории Дагестана», что в связи с распадом Казикумухского «шамхальства» достоинство шамхала окончательно утвердилось за владельцами Тарков, т. е. сложилось новое самостоятельное владение, шамхальство Тарковское»⁷.

¹ Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX веков. Махачкала, 1957. С. 147.

² Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 48.

³ Там же. С. 49.

⁴ Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. С. 68, 55.

⁵ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно/Пер. А. М. Ловягина. СПб., 1906. С. 499.

⁶ Там же. С. 503.

⁷ История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 249.

Вопрос о границах Тарковского шамхальства не очень прост, поскольку источников мало и они бедны.

Согласно данным турецкого путешественника—географа Эвлия Челеби от 1666 г., северная граница владений Тарковского шамхала доходила до юго-восточной стороны реки Койсу¹, т. е. Сулака. Для характеристики уровня развития экономической жизни жителей шамхальства важны сведения Эвлия Челеби о том, что в Тарках нет сооруженного из кирпича базара, при каждом дворе разбит сад, много проточной воды, что в этой стране нет денег — акче и пулов, но раз в неделю устраивается торг и каждый выносит свои товары на площадь, меняет их на другие товары, продает, что «беи и кадии» в Тарках «не берут взятки»².

Весьма интересны сведения Эвлия Челеби о том, что Черкестан «представляет изначальное Дагестанское падишахство, которое называют Таусултан. Но так как [ныне тот город] потерял свою силу, то его бея не называют шамхал-шахом. Но именно здесь находилась древняя столица Дагестана»³.

В какой-то мере о достаточно большом населении собственно Тарков можно судить из сообщения Эвлия Челеби о том, что в Тарках имеются «благоустроенные и красивые постройки из камня и с изгородями, числом семь тысяч»⁴. Это при пересчете в среднем по 4 человека на семью (дом) позволяет говорить, что население Тарков в середине XVII в. достигало почти 30 тысяч человек.

В косвенной форме сведения Челеби о том, что шамхала обслуживал везир Таки-хан, в распоряжении которого находились три тысячи воинов⁵, свидетельствуют в какой-то мере и о больших размерах Тарков и числе его жителей.

О количестве населения всего Тарковского шамхальства можно судить из другого сообщения Э. Челеби, в частности о войнах шамхала. Он писал, что «во время войны они выступают в назначенные места сражений на лошадях под началом везира, беев или шамхал-шаха. Всего воинов 87 тысяч»⁶. Чтобы набрать такое количество воинов, шамхал должен был иметь население, в три-четыре раза превышающее указанное их число, т. е. 300—400 тыс. человек.

Безусловно, интересны и его сведения о том, что «шейхульисламы четырех мусульманских толков садятся выше падишаха»,

¹ Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 108.

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 97.

⁴ Там же. С. 106.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

что является свидетельством распространения в Шамхальстве всех четырех толков ислама и авторитетности мусульманского духовенства в Тарках в 60-х годах XVII в.

Все эти сведения Э. Челеби, особенно цифровые данные, требуют критической оценки, так как они весьма субъективны.

Много сделано и В. Г. Гаджиевым для изучения собственно истории Тарковского шамхальства, численности населения в Тарках, его занятий. Им приведены выдержки из труда голландского географа Н. Витсена о Тарках¹. Витсен писал, что «Город Тарку лежит в «горном ущелье, так что дома стоят один над другим. Живет там около 8000 человек»², что шамхал «имеет у себя в Тарку около 500 человек телохранителей. Замок в Тарку очень большой... У входа в этот замок, снаружи поставлены пушки для защиты. Охраняют его несколько сот пеших и конных солдат, вооруженных мушкетами, турецкими ружьями и луками»³. Отметим, что цифровые данные Э. Челеби и Витсена о Тарках значительно расходятся.

В целом В. Г. Гаджиевым приведены достаточно убедительные данные, характеризующие Тарки первой половины XVIII в. как феодальный город со всеми составляющими его частями (рабадом, шахристаном, замком)⁴. Тарки превратились в мощный торгово-экономический центр, связанный как со всем Дагестаном, так и с Ираном и Россией. По подсчетам В. Г. Гаджиева, в Тарках в конце XVII — начале XVIII в. насчитывалось свыше 3 тыс. душ — «по тем временам... большое население»⁵.

К сожалению, у нас нет конкретных сведений о границах Тарковского шамхальства в XVII в. Известно только, что за тарковскими шамхалами при распаде Казикумухского шамхальства закрепилась земля между рекою Сулак на севере и северными границами Кайтага — на юге.

Но таких сведений от XVIII в. достаточно много. И. Гербер в 1728 г. писал о границах Тарковского шамхальства: «Ситуация. Расстояние к норду от реки Сулака, к осту до моря, к зюйду до гор Бойнак, хайдаков и карахайдаков, к весту протянется до акушинцов и таулинцов».

Уезд великой, состоит при городе и столицы шамхальской Тарху во многих добрых и великих деревнях, которые часть на ниж-

ней земле недалеко от моря, часть на горах и между горами лежат»¹. Резиденция шамхала Тарки, по данным от 1718 г., насчитывала 1500 домов².

По свидетельству А. Лопухина, Тарки охранялись караульщиками, сидевшими в двух башнях, выстроенных на самом вершине горы с обеих сторон ущелья. В одной сидели русские солдаты, присылаемые из Терского городка, и при них две пушки. В другой башне сидели караульщики собственно из подвластных шамхала. Много родников, ручейков было в Тарках и много «мельниц, в которых без нужды мелют хлеб»³.

Шамхалы тарковские, по словам И. Гербера, «изстари великую власть и чрезмеру великую волю и привилегии имели, ибо не токмо все уезды в Дагестане под их властью стояли, но оные еще некоторую часть тавлинцов под свою власть брали и самовольно яко подданными владели, а другие около их живущие народы их высоко почитали и их силы боялись»⁴. Политическое положение шамхалов в XVII в. и до конца первой четверти XVIII в. было довольно прочным. С ними считались при российском дворе и «при дворе шаховом шамхалы были всегда в великом почтении», получали от шаха ежегодно по 4000 туменов (40.000 руб.), чтобы содержать необходимое количество войск. Получали они большое количество подарков и от русских царей⁵. И все же шамхал выступил против России в 1725 г., организовал нападение на крепость Св. Крест почти с 30-тысячным ополчением из горцев; но он был разбит, пленен⁶. После этого положение подвластных тарковских шамхалов резко ухудшилось. Особенно это заметно стало с началом нашествий на Дагестан войск иранского шаха Надира, поставившего цель покорить Дагестан своей властью.

Возвращаясь к проблеме границ Тарковского шамхальства, отметим деталь из «Журнала путешествия через Дагестан. 1718 г.» А. Лопухина. Говоря о посещении им Буйнака по пути из Ирана в Москву, он отметил, что провожать до Тарковского владения с ним поехал владетель Буйнака «Мортузалеи з детьми своими». Далее он пишет, что через 3 агача они добрались «до реки Монас,

¹ И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 71.

² Лопухин А. И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 44.

³ Там же.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 71. Гербер в этом случае вспоминает времена XV—XVI вв., когда шамхал (казикумухский) мог претендовать на такую роль.

⁵ Там же. С. 71—72.

⁶ Там же. С. 72.

¹ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера... С. 106—107.

² Witsen N. Noord en east Tartarye. Amsterdam. 1705, p. 556; см. также: Лавров Л. И. Тарки до XVIII в. // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала. 1958. Т. IV. С. 24—25.

³ Там же.

⁴ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера... С. 109—110.

⁵ Там же. С. 105.

которая течет в овраге по камению, шириной она сажени на две, глубиной в поларшина». Но самое главное в его сообщении следующее: «И сия речка разграничивала владение Алдигиреево с Мортузалием (напомним, что речь идет об Адиль-Гирей шамхале¹ — авт.).

Это сообщение свидетельствует об обособлении уже к началу XVIII в. от Тарковского шамхальства ряда кумыкских феодальных владений: Буйнакского, Карабудахкентского и Утамышского. У Гербера они известны как «уезды».

И.-Г. Гербер подчеркивал, что «Буйнак, уезд... состоит в деревнях немногих... Владелец именем Мегемед; стоял под властью шамхальскою... Под Российской империей с 1722 г... Сей Мегемед не силен». Поэтому он слушался шамхала, так как шамхалы могли правителей Буйнака снимать или назначать по своему усмотрению².

Нечто подобное пишется у Гербера и насчет «Утамыш, уезда», который состоял из нескольких деревень, «между которыми деревня Утамыш главнейшая»³. До 1722 г. он «временем под шамхалом, временем под усмеем» состоял, «больше чтился он с обоими в приятстве быть». В 1722 г. он «имел... смелость на всю российскую армию напасть с 10.000 человеками, которых он из своих подданных и хайдаков собрал...»⁴. После этого Утемышское владение (султанство) было передано полностью под управление шамхала тарковского⁵.

Академик Российской АН Гильденштедт в начале 70-х годов XVIII в. отмечал, что «Тарку — небольшое кумыкское владение, коего правитель по имени Шамхал или Шемхал имеет пребывание свое в самом Тарку», в котором «...до 1200 дворов и семейств»⁶. Но эти сведения значительно углубляют наши знания о Тарках и Тарковском шамхальстве в целом.

Конец XVIII в. оказался весьма богат событиями, имевшими отношение к Таркам и одноименному с ними шамхальству. Квартирмейстер царских войск, участвовавших в 1796 г. в походе на Дербент, Д. И. Тихонов описал границы владения шамхала тарковского, которое, по его словам, определялось «рекою Кара Кой-

¹ Лопухин А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 38.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 73—74; см. также Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 151—152.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 74—75.

⁵ Там же. С. 75; см. также: Гаджиева С. Ш. Кумыки. С. 50.

⁶ Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа... из путешествия г-на Академика... через Россию по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах, СПб., 1809. С. 107.

су по устью реки Сулака; от востока берегом Каспийского моря; от юга начинается сухою границею с удмиевым и Али Султановым владениями, от урочища Урусай-Булака, от которого подымается хребтом, а потом наклоняется к северу от хребтов гор, лежащих между рек Большого и Малого Манаса, до границы удмиевой, от коей, паки повернется хребтом же на запад, между вершинами рек Манаса и Торкали-Озени и дойдет до западных гор, за которыми граничит с народами акушинцами и салатавцами»¹.

Для определения южной границы Тарковского шамхальства в конце XVIII в. интерес представляет сообщение П. Г. Буткова от 1796 г. о том, что 28 апреля царские войска из Шамхальства «прибыли к речке Гамри-Озень, во владения усмия кайтагского»².

После выяснения географических пределов Тарковского шамхальства, необходимо остановиться и на выяснении списка населенных пунктов, составлявших его, подчинявшихся так или иначе шамхалу, выполнявших его просьбы и приказы.

По источникам XVII в. можно только проследить некоторые населенные пункты, находившиеся в непосредственной связи с таркинскими владетелями, такие как Кумторкала (в источниках упоминается таркаловский владетель), Эрпели, Карабудахкент, Буйнак и т. д.

Благодаря такому источнику, как «Описание Северного Дагестана» Д. И. Тихонова, мы имеем довольно четкое представление как о населенных пунктах, составлявших шамхальство Тарковское, так и о количестве семейств в них. В его работе прямо говорится, что «во владении шамхаловом есть один город Тарки, в котором имеет шамхал свое пребывание... В городе ж... около 1500 домов находится». Далее он сообщает, что «Есть еще одно местечко Буйнаки, в котором шамхалова сын пребывает, а домов в оном до 950 будет». Всего этот автор насчитывает 24 деревни с общим количеством в 2950 домов. И как он отмечает, «в сих деревнях живут только одни кумыки, веру исповедующие магометанскую, секты Омаровой, да в Тарках немного жидов... исповедующих свой закон»³.

Далее он указывает места расположения входивших в Тарковское шамхальство сел. По его словам «У подошвы гор на плоскости» располагались: «1) Деревня Янгиюрт при урочище Алагасе, Хум Торкали при речке Торкали-Озень», а «Албюру Кент» и «Кя-холай Торкали» располагались «при ключах».

¹ Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 125.

² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. 1869. Ч. II. С. 375.

³ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 129.

Им перечислены также селения, находившиеся «в горах и по— над речками и при ключах, впадающих по обеим сторонам в речку Торкали-Озень». Это 4) Худаш, 5) Масюлем-аул, 6) Агач-аул, 7) Капчугай, 8) Ерпели, 9) Ишкарты, 10) Каранай, 11) Кичи-Казанищ, 12) Улу Казанищ, 13) Шура, 14) Какашура, 15) Кяфар Кент, 16) Буглени, 17) Халил-аул, 18) Амархай-Кент, 19) Атлабоин.

По левой стороне реки Манас расположились селения: 20) Карабудак, 21) Губден, 22) Кадар, 23) Гелли, 24) Шура¹.

По свидетельству Д. Тихонова, шамхалу тарковскому подвластные были и ногайцы, кочевавшие «от устья реки Сулак и вверх к югу по берегу Каспийского моря до самой речки Торкали-Озень», числом до 300 кибиток².

В исторической литературе бытует мнение о зависимости верхнедаргинцев, объединенных в союз Акуша-Дарго, от шамхалов тарковских вплоть до 1820 г.³ Не заостряя особого на этом внимания, обратимся к сведениям знатока Дагестана Д. И. Тихонова, видевшего описываемые им земли при снятии их на карту. Он пишет «о акушинцах и цудахаринцах, считающихся под протекцией шамхала» и живших «при вершинах речки Манас с правой стороны реки Койсу к западу», не плативших шамхалу никаких податей, но за деньги или по просьбе шамхала выставлявших ему в помощь вооруженное войско⁴.

И самое интересное — даже после распада Казикумухского шамхальства, куда входили и союзы Акуша-Дарго, традиционные тесные контакты между шамхальским домом и акушинцами сохранились. Эти контакты выражались в том, что во время избрания «нового преемника шамхальского достоинства акушинцы посылают несколько чиновников в Тарки, и по приезде их сажают его на камень четвероугольный, и по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по его рассмотрению» и только после этого он бывал признан «от всех народов шамхалом»⁵.

Имеющиеся сведения позволяют говорить и о зависимости от шамхалов тарковских в XVIII в. аварцев Унцукульского (Койсубулинского) союза сельских общин. Т. М. Айтберов и А. М. Нурмагомедов выявили и опубликовали интересные в этом плане сведения. По их мнению письмо шамхала Адиль-Гирея тарковского койсубулинцам от 1718—1719 гг. позволяет утверждать о зависи-

¹ Там же.

² Там же. С. 130.

³ Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 127.

⁴ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 131.

⁵ Там же. С. 131.

мости «Койсубулинского союза, возглавляемого унцукульской верхушкой от тарковского шамхала»¹.

Доводом в пользу этого служит и сообщение Хрисанфа от 1828 г. о том, что деревня Джирката (Чирката) «подведомственна тарковскому шамхалу». Он же писал и о зависимости Унцукуля от шамхала тарковского².

Письмо Султан Ахмед-хана аварского ген. Тормасову от 13 джемади-ус-сани 1809 г. свидетельствует о сохранении этой зависимости еще в начале XIX в.³

В целом же границы Тарковского шамхальства в XVIII — начале XIX в. особо не изменились. В 1812 г. А. М. Буцковский при описании территории засулакских кумыков, особо подчеркнул, что южный рукав, называемый Куру (Сухой) Койсу, «разграничивает кумыков от владения шамхала тарковского»⁴.

Пределы владений шамхалов тарковских довольно подробно освещены в 1823 г. С. Броневским. Он писал о шамхальстве, что «сие владение заключается между Койсу и речкой Орусай-Булак, простираясь вдоль по берегу морскому на 110 верст, а в ширину от 50 до 60 верст... Мало по малу горы стесняются к морю и оставляют между берегом онаго длинную низменную равнину, коей ширина уменьшается от 15 до 10 и до 5 верст. В сем последнем разстоянии находится город Тарку, главное местопребывание шамхала»⁵.

С. Броневский подчеркивал, что «между Койсу и Сулаком заключенная полоса земли подается на С.-В. в море под именем Аграханского мыса или косы. В том же направлении открываются многие низменные острова, служащие продолжением Аграханской косы: продолговатый остров Уч или Учинская коса, остров Чечень и другие меньшие между ними рассеянные»⁶.

Особо интересно сообщение Броневского о том, что «главнейшая река сего владения есть Койсу..., которая в 35 верстах не доходя до Аграханского залива, в том самом месте, где видны остатки крепости Св. Креста, разделяется на два рукава, из коих первый, то есть Северный называется собственно Койсу или Аграхань,

¹ Айтберов Т. М., Нурмагомедов А. М. Койсубулинский союз и шамхальство в первой четверти XVIII в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX в. (Сб. науч. ст.). Махачкала, 1981. С. 135—138.

² Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 266.

³ АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 609.

⁴ Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 239.

⁵ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. II. С. 294.

⁶ Там же. С. 295.

а второй Южный рукав известен более под именем Сулака и впадает в море прямо на Востоке, в 22 верстах от места разделения рукавов»¹.

И самое главное здесь то, что «Доселе не определено с точностью, откуда начинается граница Дагестана, от рукава Аграхана или от Сулака; но полоса, заключенная между двумя рукавами, равно как и Аграханский мыс, действительно находится во владении шамхала»², которое на юге граничило, по сведениям же С. Броневского, с удмийством Кайтагским³.

Для полной характеристики Тарковского шамхальства важны и сведения М. К. Ковалевского и И. Ф. Бларамберга. Свое «Описание Дагестана» они составили в 1831 г. Но думается, что их сведения, отличающиеся конкретностью и лаконичностью, можно без больших комментариев отнести в целом и к началу XIX в.

И по их определению владение шамхала тарковского заключалось «между р. Койсу и ручьем Орусай-Булак, простираясь вдоль по берегу морскому на 110 верст»⁴. По их оценкам подданных у шамхала было не более 12.000 дворов, а собственно в Тарках проживало до 10000 душ⁵. Они свидетельствуют, что летней резиденцией шамхала служило селение Казанище в 50 верстах от Тарков к западу. В Шамхальство, как и ранее, входили Янгиюрт (Енгиюрт), Эрпели (Ерпели), Доргели (Доргали), Буйнак, Карабудахкент, Губден, Параул⁶.

Их сведения позволяют осветить и некоторые географические подробности ландшафта Шамхальства: земля вообще гористая, но долины между горами и морем, плодородны, обработаны под хлеб, искусно орошаются жителями «посредством пущенных из нагорных речек водопроводов, которые будучи направлены во все стороны и где нужно укреплены плотинами, совершенно достигают предназначенной им цели». Предгорья перед долинами покрыты были густым лесом и кустарником. Они отметили и основные занятия жителей Тарковского шамхальства. По их наблюдениям, подданные тарковских шамхалов, живущие «поближе к морю и в горах..., упражняются в хлебопашестве и скотоводстве; сеют просо, ячмень, пшеницу и сорочинское пшено», тарковцы собственно

¹ Там же. С. 296.

² Там же. С. 296—297.

³ Там же. С. 309.

⁴ Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 306.

⁵ Там же. С. 307.

⁶ Там же. С. 308.

занимались еще и оружейным промыслом, торговлей с Кизляром, Дербентом, внутренним Дагестаном¹.

Названы ими и «главнейшие реки сего владения: Койсу, за ним следуют р. Озень или Торкали-Озень, потом р. Манас, которая состоит из двух отраслей, из коих северный называется Малый Манас, а южный — Большой Манас». Кроме того, через Шамхальство «проходили горные потоки, наиболее известные из которых Черкас-Озень, Буйнаки и Орусай-Булак» — и все впадают в Каспийское море².

Можно много говорить или писать о доходах тарковских шамхалов, которые считались валиями всего Дагестана³ и были наиболее богатыми владельцами Дагестана. Но здесь ограничимся ссылками на источники по этому вопросу⁴. Особенно интересно сообщение о том, что «В 15 верстах от Тарку находятся соленые озера, из коих за некоторую плату позволено брать соль дагестанцам, кумыкам и пр. как для собственного продовольствия, так и для продажи. Сверх сего доход шамхала составляет обширные пастбищные места, отдаваемые им на откуп разным горцам, также поголовный сбор подати и плата за провоз товаров»⁵.

Более достоверны, на наш взгляд, сведения П. Г. Буткова о доходах тарковского шамхала от 1796 г. Согласно им, шамхал имел в общей сложности до 100 тыс. душ подвластных и получал до 30 тыс. руб. серебром дохода в год⁶. Отметим, что доход ему приносили и некоторые села, подаренные ему в Шемахинской, Кубинской и Бакинской провинциях⁷.

По другим сведениям (Д. И. Тихонов) шамхал получал «всего дохода до 80.000 руб»⁸. Шамхал получал доходы и с 12 сел Улусского магала Дербентского ханства, переданного генералом Гудовичем Мехти-шамхалу тарковскому в 1806 г. В 1818 г. Мехти-шамхал получил во владение все селения Бамматулы и значительную часть Мехтулинского ханства (Доргели, Параул, Кака-Шура

¹ Там же.

² Там же. С. 307; Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 296—297.

³ Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 215.

⁴ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 130; Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 308; Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 207; Гаджиева С. Ш. Кумыки. С. 60; Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 305.

⁵ Ковалевский М. К. и Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 308.

⁶ Бутков П. Г. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 201.

⁷ Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210—211.

⁸ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 135.

и Урма)¹. Естественно, что все это было получено им в награду за верность России и приносило ему доходы.

В целом, как видно из приведенных данных, территория Тарковского шамхальства, начиная уже со времен персидского похода Петра I в 1722 г., оставившего важный след в истории Приморского Дагестана, имела тенденцию к расширению.

* * *

Весьма интересным является вопрос формирования этнического состава населения Тарковского шамхальства. Анализ этнической принадлежности населения каждого села, входившего в состав этого феодального владения, а также показания целого ряда источников позволяют разрешить этот вопрос.

Основное население Шамхальства составляли кумыки. Единственное, что можно сказать, что села Губден и Кадар были даргинскими по этнической принадлежности и это не мешало им сохранять свою культуру, сотрудничать с кумыками, выполняя просьбы или советы тарковских правителей. Губден и Тарки были тесно связаны еще до распада Казикумухского шамхальства. Эти традиционные отношения сохранились и во времена Тарковского шамхальства.

Согласно имеющимся данным, в Тарках проживали еще в период Казикумухского шамхальства как кумыки, так и выходцы из горских обществ Дагестана, хотя и в незначительном количестве. Как уже отмечалось, жили в Тарках в XVII—XVIII вв. и армяне, и евреи², занимавшиеся торговлей. Оказывались здесь и отдельные выходцы из европейских стран, волей судьбы попавшие в горный край.

Уже было сказано, что к Тарковскому шамхальству относились и кочевавшие вблизи устья Сулака и Каспийского моря ногайцы, общим числом в 300 кибиток³, что в пересчете на количество душ может дать до 1500—2000 чел.

Со времен Петра I проживало в Тарках и незначительное количество русского населения — торговцы, работные люди, караульщики — солдаты, охранявшие крепость Бурную над Тарками. В частности, 12 караульщиков было оставлено в Тарках еще Петром I. Не исключено, что в Тарках уже в конце XVII—XVIII в. проживали выходцы и из Азербайджана, Грузии, Армении, тад-

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 206; Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 60.

² Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 129.

³ Там же. С. 130.

жики, имевшие здесь свои торговые лавки. Все это является свидетельством этнической пестроты населения Тарков и Тарковского шамхальства в целом.

Тарковское шамхальство занимало стратегически важную позицию в Дагестане, играло активную роль в происходивших в Дагестане политических событиях, войнах, восстаниях, а также в торгово-экономических связях с другими феодальными владениями Дагестана, с Россией и другими государствами.

* * *

Первым значительным событием, в котором шамхал тарковский Сурхай был вынужден принять участие, было его соучастие в походе войск шаха Аббаса II в 1651—1652 гг. на Сунженский городок с целью его захвата и изгнания российских войск из зоны р. Терек. В этом походе, завершившемся в военном отношении безрезультатно, поскольку шахские войска и примкнувшие к ним отряды ряда дагестанских феодальных владетелей отошли на исходные позиции, шамхал старался не обострять отношений ни с шахом (формально примкнув к его войскам), ни с царем (не предпринимая никаких антироссийских действий)¹.

Шамхал Сурхай уже в 1655 г. выступал посредником при приведении к присяге на верность России казанищинского владетеля Будая². Это значило, что Сурхай быстро наладил свои отношения с Россией.

Другим показателем политической активности тарковского шамхала было его участие в антииранском восстании 1659—1660 гг., основным очагом которого явился Кайтаг. По сути дела, шамхал Сурхай явился одним из лидеров этого восстания и после гибели кайтагского владетеля Улубия (Улуга) практически урегулировал все отношения с шахом Аббасом II, бросившим против восставших 15-тысячную армию с артиллерией. Формально выразив покорность Аббасу II, Сурхай добился увода шахских войск из пределов Дагестана³.

В 1722 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей довольно дипломатично встретил Петра I и его армию, оказал должное гостепри-

¹ Подробно см. Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 184—187.

² Там же. С. 187.

³ Там же. С. 189—196.

имство и помог им проследовать в Дербент¹. В силу такой осмотрительной политики ему удалось тогда избежать возможных в подобных случаях конфликтов, как это имело место в Эндирее и в Утамышском владении.

И все же конфликт с Россией у шамхала Адиль-Гирея произошел. В 1725 г. он, подстрекаемый Турцией, осадил с 30-тысячным войском крепость Святой Крест. За измену России шамхал был строго наказан Петром I, был арестован и, по сведениям С. Ш. Гаджиевой, сослан в «Сибирь», где он и умер. Достоинство шамхала было временно ликвидировано и лишь в 1734 г., во время походов Надир-шаха в Дагестан, достоинство шамхала и все его титулы были восстановлены². По сведениям же С. Броневского шамхал Адиль-Гирей был сослан в город Колу, где он и умер³.

Не акцентируя особо внимание на этом вопросе, отметим только, что в это смутное время Эльдара тарковского назначил и признал шамхалом крымский хан (в 1735 г.), а Надир-шах же признавал шамхалом сына Адиль-Гирея Хасбулата⁴. Хасбулат с сыном еще в июле 1742 г. были приняты под российскую протекцию, а в 1743 г. они присягнули на верность России⁵.

Тарковские правители принимали активное участие и во внутридагестанских политических событиях. В частности, в борьбе ряда дагестанских феодалов-правителей против Фатали-хана кубинского шамхал тарковский активно поддерживал именно его. За это он удостоился от Фатали-хана важного по тем временам подарка. Фатали-хан подарил ему деревни «в Кубинской провинции Караджали, Набурли, Чиги, Азагли, Бебешли и Бабели»⁶.

После смерти Хасбулат-шамхала, не имевшего детей, вопрос о шамхальском достоинстве (престол) возник весьма остро. Дело в том, что по обычаю шамхалом должен был стать его двоюродный брат Мехтий по прозвищу Ширданчи, владевший Буйнаком и обладавший титулом крым-шамхала. Мешало в этом деле только то, что Мехти был женат на сестре Хасбулата, но развелся с ней. Обиженный на него за это Хасбулат стал готовить себе в преемники сына своей сестры, уже к этому времени вышедшей замуж за

бамматулинского бека Гирея и имевшей сына по имени Баммат с прозвищем Тишнек. Было это в 1765 г.

В конечном итоге шамхалом был провозглашен сын Мехтия Муртузали, с которым владельцы шамхальства помирили и Тишнек-Баммата¹. Муртузали проводил политику сотрудничества с Россией, вступил в ее подданство уже в 1776 г. Эту линию политики продолжил и его преемник (брат) Магомед-шамхал.

Екатерина II указом от 19 апр. 1793 г. утвердила его в шамхальском достоинстве с правом наследственной передачи его. Даны были ему и царские подарки: «брильянтовое перо, для ношения на шапке в знак шамхальского достоинства, и степень тайного советника, с тем чтобы перо и сан тайного советника переходили к преемникам его». Кроме этого, ему на содержание войска отпустили из казны 2 тыс. руб.².

Сын Магомед-шамхала Мехти (Мегди) продолжил внешнюю политику отца, наследовал его титулы и был признан во всех правах царской грамотой от 2 мая 1797 г. Ему уже платили из казны в год 6 тыс. руб. За услуги царскому правительству в начале XIX в. Мехти-шамхалу, «переименованному из тайных советников в генерал-лейтенанты», было пожаловано указом императора Александра I от 10 сент. 1806 г. «достоинство Дербентского хана...» с правом сбора налогов в свою пользу, за исключением собственно Дербента³.

Его политическая линия не изменилась даже тогда, когда все другие дагестанские феодальные владетели вышли против Ермолова за Сулак. Он остался верным сторонником России до конца и пользовался ее защитой и покровительством⁴. Это покровительство особенно необходимо стало ему с началом национально-освободительного движения горцев Дагестана в XIX в. Россия также нуждалась в таком надежном союзнике.

В целом можно сказать, что внутренняя политика тарковских шамхалов была направлена на упрочение своих экономических и политических позиций в шамхальстве. Внешняя их политика также носила продуманный, прагматический характер. В ней не было переоценки собственных реальных возможностей в международном плане.

¹ Подробности см.: История Дагестана. Т. I. С. 344—350; История народов Северного Кавказа... С. 412—415; Гаджиева С. Ш. Кумыки. С. 57—58; Гаджиев В. Г. Роль России... С. 112—114.

² Гаджиева С. Ш. Кумыки. С. 59.

³ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 300.

⁴ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 59.

⁵ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 223.

⁶ Серебров А. Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 183.

¹ Подробно см.: Шамхалы тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 61.

² Там же. С. 62.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 62.

в) Казикумухское ханство (конец XVII — нач. XIX в.)

История возникновения Казикумухского ханства довольно хорошо известна. Оно возникло в конце XVII — начале XVIII в. в целом как этнически лакское государство. Но со временем оно распространило свою власть на целый ряд соседних дагестанских союзов сельских общин, а потом попыталось подчинить своей власти даже северо-азербайджанские земли. Это ханство стало играть активную роль во всех политических событиях, происходивших в Дагестане, особенно в южном Дагестане. Детальное изложение этих событий не входит в задачу данной работы, но мы и не абстрагируемся от них.

В первую очередь, остановимся на вопросе границ этого наиболее крупного феодального государства Среднего Дагестана в рассматриваемый период. В «Истории Дагестана» по этому поводу сказано: «Казикумухское ханство было расположено в центре нагорного Дагестана. В середине XVIII в. ханством правил Магомед-хан. Он и его преемник Сурхай-хан II (Кунбулай) продолжали политику присоединения территорий соседних народов. Им удалось немало расширить территорию ханства, присоединив территорию Вуркун-Даргуа, несколько сел Андалала и Рис-Ора и часть территории Южного Дагестана, населенную лезгинами и известную как Кюра.

В ханстве вместе с присоединенными территориями было более 200 населенных пунктов. Как и другие владения Дагестана, Кюра — Казикумухское ханство было разделено на магалы: Кумухский, Майчайми, Мукарский, Вицхинский, Аштикулинский, Арчишалинский, Кюра и др. Власть хана была наследственной. Хан решал все вопросы внутреннего и внешнего управления¹. Однако назвать эту характеристику ханства исчерпывающей или даже объясняющей читателю что-либо конкретное из истории этого ханства, весьма сложно. Вернее, видимо, сказать, что Казикумухское ханство первоначально охватывало часть территории бывшего Казикумухского шамхальства, заселенную лаками². А это значит, что «Центральный Дагестан, от восточного склона Турчи-Дага, граничащего с Аварией, до пределов Дюльти-Дага, т. е. долину Казикумухского Койсу, населяли лаки», которые называли свою страну Лакрал-Кану³. А потом казикумухские правители — халклавчи, а с начала XVIII в. — хан Сурхай, значительно расшири-

ли свои владения, распространив власть свою на целый ряд лезгинских, агульских и даргинских обществ.

Существует довольно старая версия происхождения казикумухских ханов, генетические корни которых нисходят до линии рода казикумухских шамхалов. При отделении лаков от шамхалов в Казикумухе был избран свой правитель — халклавчи или хахлавчи¹. Первым халклавчи был избран выходец из шамхальского дома Али-бек, который известен по русским источникам как «казыкумухский князь»².

Приведем эту версию без особого цитирования. Упомянутый халклавчи Али-бек умер около 1700 г. Согласно преданию, у него было два сына — Сурхай-шамхал и Гирей. Они рано умерли. Первый из них оставил вдову с семью детьми, а второй оставил вдову с единственным сыном Сурхаем. И вот настало время кого-то из них выбирать в халклавчи. Депутация казикумухского джамаата сначала пошла к вдове Сурхая, поскольку он был старше Гирея. Однако она не приняла старшин и приказала своей служанке вынести к ним свой старый башмак и сказать: «довольно будет для вас дураков, подчиняться и этому башмаку; а сына я вам не дам ни одного». После этого старшины Казикумуха пошли к вдове Гирея, которая приняла их по горскому обычаю, усадила, угостила и сразу же дала согласие на их просьбу. При этом она дала наказ будущему халклавчи: «со старшими тебя по летам, обращайся как с отцом; с равными тебе — как с братом; с младшими — как с сыном»³.

Позже двоюродные братья Сурхая не хотели признавать его власти, самочинно отправились собирать налоги (подати) в селение Ашти. Его старшина дал знать Сурхаю, который, прибыв в Ашти, потребовал от братьев не хозяйничать в его владениях. Он получил оскорбительный ответ. В конечном итоге Сурхай вызвал всех их семерых на поединок, убил трех из них, остальных тяжело ранил. Позже и они скончались от ран. Сурхай же лишился кисти левой руки, но выжил, стал позже настоящим ханом, но с приставкой к имени «Чолак», что означает «безрукий»⁴. Он стал

¹ Подробности происхождения этого слова см.: Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 1—6; Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 28; Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 260—261.

² Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 47.

³ Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 6—7.

⁴ Там же. С. 7—8. Но отметим и мнение И.-Г. Гербера о том, что «Зурхай имеет только одну руку, а другую ему в молодых годах отрубили, как он ходил баранов красть». // ИГЭД. С. 103.

¹ История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 328.

² Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 47.

³ История Дагестана. Т. 1. С. 306.

далее вести политику расширения своих владений. Эта политика привела его и в Ширван, народ которого страдал от сефевидского гнета. Сурхай-хан умело воспользовался этой ситуацией в своих политических целях.

В самом начале XVIII в. обстоятельства в Северном Азербайджане сложились так, что Чолак-Сурхай вместе с акушинцами (более 30.000 чел.) осадил Шемаху, который в 1712 г. был взят после 15-дневной осады¹.

Взятие Шемахи сыграло важную роль в жизни Сурхая, который «по просьбе шемахинцев принял титул хана»². Однако ни Хаджи-Дауд (или Даудбек), первым поднявший народ против иранского засилья, ни примкнувший к нему Сурхай не надеялись удержать Ширван за собой. Поэтому они обратились к турецкому султану с просьбой принять их под свое покровительство. Их просьба была удовлетворена. Но правителем ширванским вначале оказался Хаджи-Дауд, «разными приисками» компрометировавший Сурхая в глазах султана Турции. Оскорбленный этим Сурхай рассорился с Хаджи-Даудом, ушел в Казикумух. Там он собрал войско и вскоре совершил поход-набег на Ширван, дошел почти до Ганджи. Но особых успехов он не достиг и вновь вернулся в Казикумух. Однако с этого времени за Сурхаем прочно утвердился титул хана, и его власть в Лакии стала приобретать все более самодержавный характер. Он проводил довольно агрессивную политику по отношению к соседним с его владением союзам сельских общин даргинцев (Буркун-Дарго), агульцев, лезгин, ряд из которых самым бесцеремонным образом превратил в своих данников.

Справедливо это отметил еще в 1957 г. проф. Р. М. Магомедов, писавший, что «Казикумухский хан Сурхай в первой половине XVIII века не только сумел привести в совершенное послушание лакские общества, составлявшие его владения, но и распространил свою власть на значительное число кюринских обществ и на ряд магалов Табасарана, сделавшись крупнейшим владельцем на северо-восточном Кавказе. К Сурхаю, как к сильнейшему феодалу, многие вольные общества прибегали за помощью и покровительством. Это было первым этапом на пути порабощения свободных общинников. Таким образом были поработаны луткунцы и яллахцы»³, ранее бывшие свободными общинниками. Они из-за конфликтов с рутульцами обратились за помощью к Сурхаю, который защитил их от рутульцев, но превратил в своих подвластных. В ко-

нечном итоге «к середине XVIII в. к Казикумуху окончательно была присоединена Вуркун-Дарга и Ахмарлинский магал южного Табасарана»¹.

Своеобразие внутривластного положения Казикумухского ханства в XVIII в. заключалось в том, что в нем «из 104 населенных пунктов в восьмидесяти восьми джамаатах сохранились вольности и порядки, обусловившие независимое отношение к хану и только остальные шестнадцать джамаатов находились в зависимости от последнего»².

Не станем останавливаться на подробностях внутренней истории Казикумухского владения, которое постепенно стало называться ханством во всех официальных документах. Отметим только, что, «начиная с халклавчи Сурхая, границы Казикумухского владения настолько раздвинулись за счет покоренных земель, что к середине XVIII в. оно представляло собой уже обширную территорию от Кумуха, Кюре и Самура до Кубы и включало в себя уже не одну народность, а множество, в том числе даргин, авар, агул, арчин, лезгин, табасаран»³. Видимо, все же необходимо указать на то, что основное население Казикумухского ханства составляли лакцы, теснейшим образом связанными торгово-экономическими отношениями с соседними народами (аварами, даргинами, лезгинами и т. д.). Но в целом факт полиэтничности населения этого ханства в XVIII в. неоспорим.

Исследователей привлекал вопрос об общественно-политических отношениях в Казикумухском ханстве в исследуемый нами период.

По этому поводу довольно лаконично сказано было еще в 50-х годах нашего столетия Р. М. Магомедовым: «Что же касается самого ханства, то его тоже нельзя назвать строго централизованным хотя бы потому, что все покоренные земли, включенные в ханство, продолжали оставаться при их устройстве, хан довольствовался получением дани, а в самом Кумухе наблюдалось смешение феодальных политических органов с общинными и тухумными»⁴. Р. М. Магомедовым приведены убедительные данные, подтверждающие его правоту⁵.

Значительно углубляют наши сведения о Казикумухском ханстве данные И.-Г. Гербера от 1728 г. По его сведениям это владе-

¹ Там же. С. 271.

² Там же. С. 281.

³ История Дагестана. Т. II. С. 68.

⁴ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 282.

⁵ Там же. С. 282—283.

¹ Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 9—10

² Там же. С. 10.

³ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 269.

ние («уезд») было расположено «между горами подле карахайдаков и Табасарана, а от зюйду и от весту высокими горами обняты, которые через весь год снегами покрыты». Гербер отмечал, что, хотя Казикумухский «уезд» «между горами лежит, однако ж в оном ровные места и для того пашни имеются» и только от «стужи хлеб в августе месяце и позже поспевает». Он указал и основные занятия казикумухских лакцев — земледелие и животноводство, — отмечая, что уезд имеет «хорошие пашни, также скотину и баранов». Подчеркнул он также, что «хаси-кумуки отважные люди, или смелые воры и прабегники, который промысл оные с Сурхаем всегда употребляли, особливо при ребелии, в которой хази-кумуки перед всеми оказались и обогатились»¹.

* * *

Вопрос о доходах казикумухских ханов весьма интересен. Согласно сведениям Р. М. Магомедова, целый ряд лакских селений отбывал подати и повинности непосредственно казикумухским ханам. Селения Шовкра, Говкра, Сумбат, Вачи, Циша, Сухи отбывали зерновую подать². Жители сел Кодрух и Чедрух обрабатывали ханские земли и весь урожай отдавали хану. За пользование ханскими землями жители сел Хурхи, Тухчар, Хосрек также отбывали повинность зерном³. За пользование ханскими пастбищами тамач (подать) отбывали зерном жители сел Кая, Бурши, а жители села Буркихан ежегодно давали хану по 12 баранов на 12 дымов по очереди⁴. К сожалению, невозможно перечислить формы зависимости многих лакских сел от казикумухских ханов из-за отсутствия соответствующих данных.

По сведениям И.-Г. Гербера, доходы Сурхай-хана состояли из десятой доли собранного его подвластными хлеба, а также из части добычи, захваченной во время набегов, возглавляемых им самим. Сурхай же «с своими подданными непрестанно везде, а особливо в Грузии, воровство учинял, оттуда людей и скотину отгонял и увозил, чем богатство приобрел, которое не мало умножилось при ребелии через грабежи и разорение Шемахи, Ардевилы, всей Ширвани, Карабахи и прочих мест»⁵. Сурхай-хан располагал такими средствами, что в 1725 г. в течение 4-х месяцев содержал

6000-е войско, выплачивая каждому человеку по 25 коп. на день¹.

Сведения конца XVIII в. позволяют в определенной мере решить вопрос и о численности населения Казикумухского ханства. По сведениям Ф. Ф. Симоновича от 1796 г., в Казикумухской «провинции» насчитывалось до 150 деревень и лиц «мужеска пола, по народному исчислению, 30000 душ»². Более конкретны сведения П. Г. Буткова. У «Хамбутой казыкумышко, — по его данным, — деревень до 300, душ до 150000 человек»³. Хан свободно набирал до 20000 воинов-ополченцев⁴.

Имея 120—150 тыс. подданных и собирая с них десятую часть урожая, можно полагать, что казикумухский владетель (хан) был достаточно экономически состоятелен, пользовался авторитетом среди других владетелей Дагестана. П. Г. Бутков в 1798 г. писал, что «Хамбутай казыкумышкой, оброку берет с своих деревень и пошрины с прогоняемых чрез его владения для пастьбы скотских табунов получает до 80000 рублей ханскими деньгами»⁵. Ханская казна быстро пополнялась сборами и с ширванцев до середины 30-х годов XVIII в., т. е. до втягивания Сурхай-хана в борьбу с Надир-шахом.

По сведениям А. П. Торماسова, в 1811 г. в Казикумухском ханстве проживали 18 тыс. семейств или в общей сложности жители обоих полов 108.000 чел.⁶.

Интересны сведения о Казикумухском ханстве А. И. Ахвердова, бывшего кизлярским комендантом и хорошо знавшего ситуацию в Дагестане. В 1804 г. он писал, что Сурхай-хан Ханбутай «тверд в своем законе и ненавидит христиан», что «владение его... довольно обширно» и 7—8 тыс. войск он всегда может собрать. И самое главное, Ахвердов писал, что во владении казикумухского хана слова «вор нет, так что проезжающие наши армянские купцы с шелками и другими шелковыми товарами бросают связки на улицах возле того дома, где имеют ночлег», и никто не прикоснется к ним. Далее Ахвердов отмечал, что «народ его в совершенном повиновении, за малейшую шалость наказание у него смерть, отрубить руку или же выколоть глаза. Народ ему подвластной имеет

¹ Там же.

² Симонович Ф. Ф. Описание южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 152.

³ Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 211.

⁶ Тормасов А. П. Выдержки из «Ведомости», содержащие сведения о численности населения Дагестана. 1811 г. // ИГЭД. С. 237.

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 102.

² Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 263.

³ Там же. С. 265.

⁴ Там же. С. 267.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 103.

изобильное скотоводство, а особенно в овечьих стадах, и хлебопашество богатое, делают также шелк»¹.

В XVIII — начале XIX в. Казикумух выдвинулся как один из крупных торгово-экономических центров горного Дагестана. Особую популярность приобрел в этот период во внутреннем Дагестане собиравшийся по четвергам казикумухский базар. Со своими товарами на нем сходились лакцы, аварцы, даргинцы, агульцы. На этом базаре можно было приобрести фрукты из Хаджалмахи, Голотля, Гергебиля, хлеб, соль нефть из равнинных селений, лакские сукна, войлоки, бурки, сыр, оружие, изделия из серебра и меди, арчинское масло и сыры, закатальские рис и фундук². На этом базаре пользовалось спросом и отделанное золотом и серебром холодное и огнестрельное оружие мастеров из Кумуха, Куркли, Табаклю, Хурукра, Кая, Ури, Ханар, Кубра³. Безусловно, всегда можно было приобрести на кумухском базаре и балхарскую керамику, обувь мастеров из Шовкра, Куркли, Куба, Говкра⁵.

Важную роль в экономическом развитии Казикумухского ханства играло и то, что через него проходил известный еще с древности торговый путь, позволявший проехать во внутренний Дагестан, не заходя в Дербент. Трасса этого пути шла по долине р. Самур через Курах с выходом на Хосрех, а оттуда спускалась к Кумуху, далее шла к Чоху, а оттуда на Гидатль и далее через села на Андийском Койсу вела в Чечню⁶. Отметим, кстати, что по этой дороге часть войска Надир-шаха наступала на Казикумух, шла в Андалальское общество. Из Азербайджана и Дербента по ней везли в горы Дагестана караванами нефть и др. восточные товары⁷.

Целая сеть других торговых путей меньшего значения связывала Лакию с другими народами Дагестана. Укажем такие трассы, как: Кумух — Хуна — Уллучара — Танта — Гапшима — Акуша — Великент; Кумух — Хосрех — Касумкент — Дербент; Кумух — Чох — Салта — Гидатль — Ахвах — Цунта. Торговые связи позволяли лакцам решать многие хозяйственно-экономические проблемы.

¹ Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 225.

² Умаханов М.-С. К. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII — начале XIX в. (Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1994. С. 18.

³ Там же. С. 23.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // Уч. зап. Ин-та ИЯЛ ДФ АН СССР. (Сер. историч.). Махачкала, 1965. Т. 14. С. 185—187.

⁷ Умаханов М.-С. К. Торговые пути Дагестана в XVI—XVIII вв. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. (Сб. ст.). Махачкала, 1984. С. 151—152.

Казикумухское ханство играло важную роль во всех политических событиях, касавшихся не только Дагестана в целом, но даже международных отношений на Кавказе. Казикумухские правители проводили весьма активную внешнюю политику. Подробный ее анализ, а также всех событий, в которые это ханство было втянуто, заняло бы много места.

Поэтому остановимся на этом вопросе лишь вкратце. Внешняя политика, носившая довольно агрессивный характер по отношению к ближайшим иноэтническим сельским обществам или их союзам, дала казикумухскому владельцу Сурхаю довольно ощутимые результаты и, как уже отмечалось, целый ряд даргинских, аварских, табасаранских, агульских и лезгинских обществ оказались вынужденным платить ему подати. Однако на дальнейшие акции в пределах Дагестана он, видимо, не решился, понимая, что это чревато весьма далеко идущими последствиями.

Начавшееся в Северном Азербайджане и Южном Дагестане антииранское движение оказалось очень кстати энергичному предводителю лакцев. Причины этого восстания, по мнению авторов «Истории Дагестана», заключались в общем направлении политики «Сефевидов, путем увеличения налогов пытавшихся предотвратить свое падение»¹. Подушная подать ими была увеличена втрое. Были введены новые подати: сбор на содержание шахских сыновей, сбор в шесть динаров «шеш динат», вскоре утроенный и др. При этом шахская администрация «при сборе произвольно увеличивала налоги и, как правило, взыскивала с населения в два-три раза больше, чем было установлено»².

Особая роль в этом антииранском восстании принадлежала уроженцу села Дедели Мюшкурского уезда Хаджи-Дауду. Это был человек довольно хорошо знавший ситуацию в крае, имевший сан «хаджи» после посещения Мекки и самочинно провозгласивший себя беком. Он развернул агитацию под лозунгом необходимости очищения Кавказа и Дагестана, в частности от шиитов-еретиков. К нему примкнули умий Кайтага и правитель Казикумуха Сурхай. Объединенными усилиями они осадили Шемаху³.

Интерес в плане взаимоотношений Сурхай-хана и Хаджи-Дауда представляет сообщение П. Г. Буткова о том, что в 1725 г. «брат Даут-бега выдерживает продолжительную осаду от Сурхая казыкумыкского в деревне Дедели Мушкурского уезда»⁴. Это слу-

¹ История Дагестана. Т. I. С. 340.

² Там же.

³ Там же. С. 341—342.

⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. III. С. 32.

чилося, когда Порта признала первоначально приоритет в этих событиях Хаджи-Дауда. Позднее же, «чтобы задобрить Сурхая казыкумукского, турки дают ему достоинство трехбунчужного паши, 3 т. рублей годового жалованья и в собственное владение Кабалу. Сурхай присваивает себе и Агдаш, присягает Порте, но не перестает вредить Шемахе»¹. В конечном итоге турки схватили Хаджи-Дауда, отправили его в Гянджу, а «Шамахийское ханство Сурхаю» дали².

Здесь обратим внимание на то, что, по утверждению А. Бакиханова, Шемаха после пятнадцатидневной осады горцами была взята ими и начисто ограблена и что при этом было ограблено до 300 русских купцов³. Этот факт подтвержден и в «Истории Дагестана»⁴. У П. Г. Буткова сказано о 1712 г., что «казыкумукский владелец Сурхай и Дауд-бег разоряют Шамаху, убивают и грабят русских купцов»⁵.

По мнению В. Г. Гаджиева, в 1712 г. горцы Шемаху не брали, а брали только в 1721 г.⁶, хотя в своем другом труде он также ранее утверждал, что «в 1712 г. объединенные отряды горцев, возглавляемые Хаджи-Даудом и Сурхай-ханом Кази-Кумухским, овладели торгово-ремесленным и административным центром Северного Азербайджана — Шемахой»⁷. При решении этого вопроса нужно учесть и данные, гласящие, что после неудачи совместной с уцмием кайтагским и Хаджи-Дауд-беком осады Шемахи, «хахлавчи Сурхай, оставшись главным вождем предприятия в 1712 году, вновь пошел на Шемаху», взял ее при помощи шемахинских сунитов, по просьбе которых он даже принял титул хана⁸.

Здесь же важно подчеркнуть, что, начиная с участия Сурхая в этом походе, он оказался втянутым во все события региона, в конечном итоге приведшие его в острое столкновение с иранским правителем Надир-шахом. Поводом к столкновению послужил отказ Сурхай-хана освободить Ширван согласно хат-и-шерифу турецкого султана и передать его Ирану. По приказанию Надир-шаха к Чолак Сурхаю был послан гонец с требованием очистить

¹ Там же. С. 37.

² Там же. С. 38.

³ Бакиханов А. Указ. соч. Баку, 1991. С. 125.

⁴ История Дагестана. Т. I. С. 342.

⁵ Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. Ч. III. С. 5; Ч. I. С. 3.

⁶ См. примечание 147 к IV периоду кн. А. Бакиханова. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991. С. 247; Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. С. 15.

⁷ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. С. 102.

⁸ Казыкумукские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 9—10.

Шемаху. На требование Надир-шаха последовал ответ ширванского правителя, что он овладел этой территорией «силою мечей лезгинских львов и что Ахмед Багдадский и др. не имеют никакого права посылать подобные требования» к нему. Вдобавок он убил ни в чем неповинного посланца¹, нарушив всякие нормы дипломатии. Этот поступок Сурхая возмутил Надир-шаха, дорого обошелся Сурхай-хану казыкумукскому и собственно всем дагестанцам, которые оказались втянутыми в длительную кровавую войну с «завоевателем вселенной» Надир-шахом.

Решив наказать Сурхай-хана, Надир-шах в авг. 1734 г. осадил Шемаху и, преследуя покинувшего ее хана, совершил свой первый поход в Дагестан, занял Казыкумук, откуда Сурхай бежал в Аварию. И только благодаря заступничеству «шамхала Хаспулата, сына Адиль-Гирея, Надир не приказал разорять Казыкумук», а, поручив управление им сыну Сурхай-хана, ушел в Ганджу².

Сурхай-хана обуревала, видимо, жажда реванша, потому что уже в 1735 г., когда в Дагестане появились крымские войска, он сразу явился к крымскому хану, назначил к нему на службу своего сына Муртузали с 500 казыкумукцами. Более того, он по просьбе Эльдар-шамхала, назначенного на этот пост крымским ханом, двинулся в Большие Казанищи, где в это время находился Хаспулат-шамхал.

И только приход Надир-шаха в Дербент в ноябре месяце заставил Сурхая возвратиться в Казыкумук. Крымцы уже ушли во свояси. Надир-шах вновь пошел на Казыкумук. Лишь встреча его депутацией почетных казыкумукцев за несколько верст от села с выражением покорности и сообщением о бегстве Сурхай-хана в Аварию, заставила Надир-шаха уйти обратно³, тем более что время года было суровое — наступала зима.

Потом были другие походы Надир-шаха в горы Дагестана, в том числе и в Казыкумук. Было пленение Надир-шахом Сурхая вместе с женой. Была и Андаляльская битва народов Дагестана против надиршаховских полчищ, познавших сполна горечь поражения. В этом сражении великолепно сражались сыновья Сурхай-хана, особенно Муртузали, чей подвиг увековечен в песнях наро-

¹ Там же. С. 10—11; Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. С. 81.

² Казыкумукские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 11.

³ Там же. С. 12—13.

дов Дагестана. Об этом подробно сказано в целом ряде исторических трудов¹.

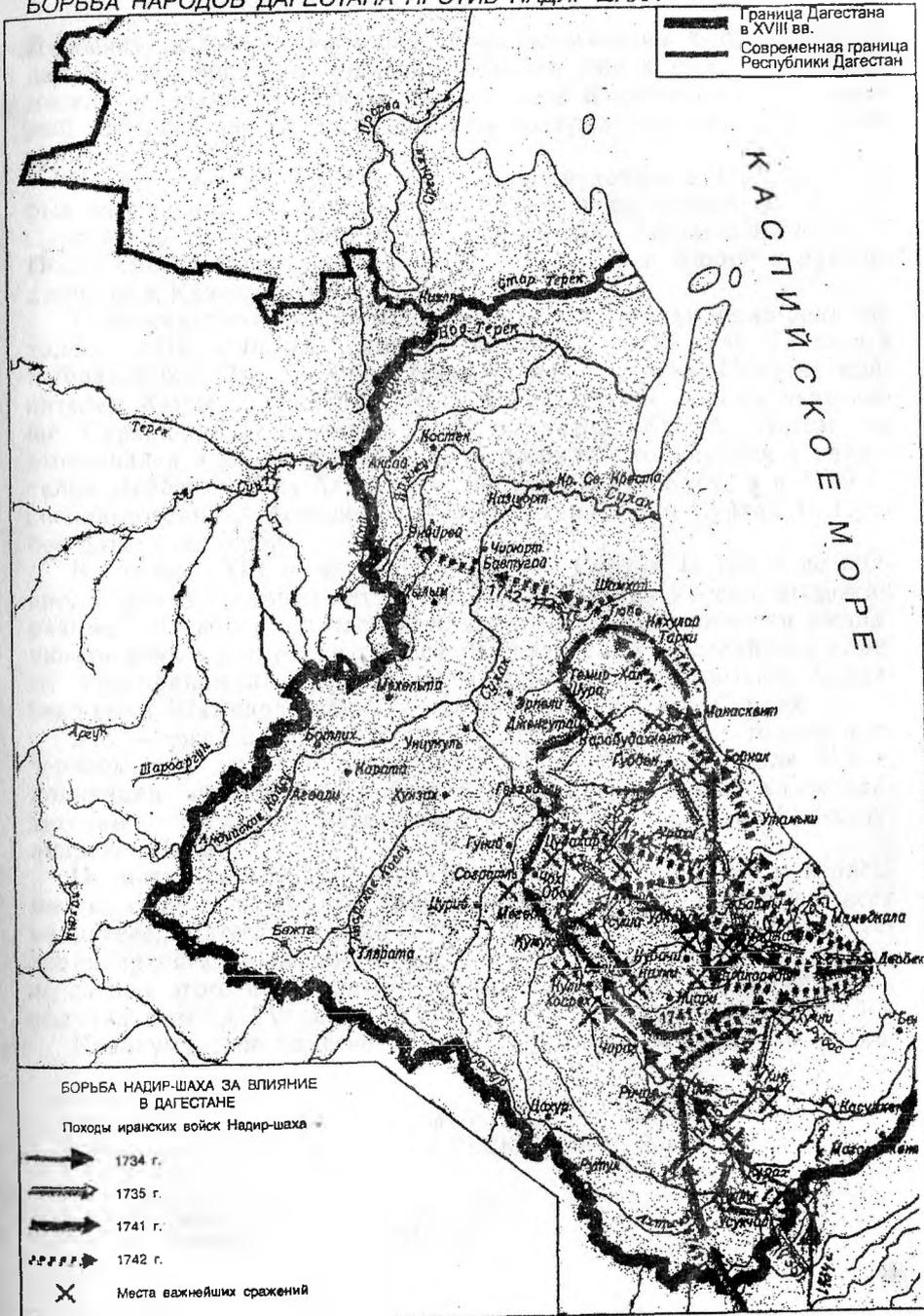
Активную роль казикумухские ханы играли и в событиях второй половины XVIII в. Властвовавшему после Сурхай-хана в Казикумухе его сыну Магомед-хану также хотелось быть владельцем в Северном Азербайджане. Но там усилились позиции Фатали-хана кубинского, сумевшего при поддержке ряда дагестанских владельцев (шамхал, уцмий, табасаранский кадий) присоединить к своему владению Дербент². Но в это время казикумухский Магомед-хан, договорившись с нухинским беком Мелик-Али, захватил Нуху. Но вскоре он был изгнан оттуда Фатали-ханом. Воспользовавшись происшедшим разрывом между уцмием Кайтага Амир-Гамзой и Фатали-ханом из-за отказа последнего выдать свою сестру «Хадиже-бику» за уцмья, Магомед-хан вовлек Амир-Гамзу в свои интриги, как и казанищенского Тишсиз-Магомеда, а также аварского хана.

В конечном итоге этой группе дагестанских феодалов удалось на Гавдушанском поле вблизи крепости Худат разбить Фатали-хана, который, запершись в Дербенте, обратился за помощью к императрице Екатерине II. Магомед-хан казикумухский довольно легко овладел Кубой и начал осуществлять ханскую власть³. Таким образом, осуществилась мечта Магомед-хана казикумухского «получить» в свое управление Ширван и, как его предшественник, «стать ханом этой обширной территории»⁴. Однако в Кубе началось движение сторонников Фатали-хана и Магомед-хан вскоре вернулся в горы.

Фатали-хан же, получив подкрепление царских войск под командованием ген.-м де Медема, разбил Магомед-хана казикумухского в Кюре и заставил его уйти в Казикумух⁵.

Но интересно то, что на сторону Фатали-хана перешел не кто-нибудь иной, а Шахмардан-бек — один из сыновей Магомед-хана, который поссорился с братом своим Сурхаем. Фатали-хан оказал перебежчику поистине царский прием, «отдал ему во владение часть Кюринского округа до Кабирека, принадлежавшего

БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ НАДИР-ШАХА

¹ Там же. С. 13—14; История Дагестана. Т. II. С. 355—372; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988 С. 418—426; Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 319—330; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. III. С. 52—82; Ч. II. С. 121—128; 207—223, 233; Гаджиев В. Г. Роль России... С. 125—146; Он же. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996. 262 с.

² Гаджиев В. Г. Роль России... С. 141.

³ Там же. С. 142.

⁴ Гаджиев В. Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. С. 222.

⁵ Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. 2. С. 14.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Дербенду, и Гюнейский магал, принадлежавший Кубе. Шахмардан-бек, получив этот край, присоединил еще к нему Курахский магал и захватил таким образом весь Кюринский округ, который впоследствии остался навсегда во владении казикумухского хана»¹.

После смерти Магомед-хана казикумухского в 1789 г. ханом был избран его сын Сурхай, хотя он считался чанкой по матери. Сурхай-хан II стал известен как Кун-Буттай («большой отец») ². После смерти Фатали-хана в 1789 г. он овладел Кюрой и присоединил ее к Казикумуху.

У упомянутого выше сына Магомед-хана Шахмардан-бека осталось пять сыновей: Таир-бек, Омар-бек, Аслан-бек, Гасан-ага и Фатали-бек. Двое старших были по матери чанки. Поэтому правителем Кюры должен был стать Аслан-бек. Но, как сказано выше, Сурхай-хан II помешал этому, захватив Кюру³. Потом он вмешивался в дербентские дела, то ссорился, то мирился с владетелем Дербента Ших-Али-ханом, пытался взять Кубу, а в 1799 г., воспользовавшись болезнью Ших-Али-хана, сын Сурхая II Нурбек даже взял Кубу⁴.

В начале XIX в. казикумухский хан Сурхай II так и не подписал трактат о своем вступлении в подданство России, выдвигая разные отговорки, в частности заявляя о невозможности выплачивать дань в российскую казну. В связи с этим российские власти предпринимали всевозможные меры, чтобы возвысить Асланбека-сына Шахмардан-бека и противопоставить его Сурхаю II.

Это — уже предмет особого разговора. Здесь же только подчеркнем, что казикумухские владетели в XVIII — начале XIX в. причиняли немало беспокойств и дагестанским феодальным владетелям — шамхалу, Фатали-хану и его преемнику Ших-Али-хану, аварскому хану.

Несмотря на обещание кн. Цицианова от 2 апр. 1804 г. в письме к сыну Сурхай-хана Халиду поднять его отца выше всех владетелей Дагестана, если Сурхай-хан Хамбутай подпишет условия присяги на верность своего подданства России, Сурхай-хан не сделал этого под разными предлогами⁵. Такое предложение он получил и от гр. Гудовича 16 дек. 1806 г.⁶. Но ответ был такой же.

Казикумухское ханство играло не последнюю роль и в нацио-

¹ Бакиханов А. Указ. соч. Баку, 1991. С. 163.

² Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 15.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ АКАК. Тифлис, 1868. Т. 2. С. 774.

⁶ АКАК. Тифлис, 1869. Т. 3. С. 378.

нально-освободительной борьбе народов Дагестана, начавшейся по сути дела после подписания ирано-российского мирного договора в Гюлистане 12 октября 1813 г.

г) Мехтулинское ханство (сер. XVII — нач. XIX в.)

Образование Мехтулинского ханства было непосредственно связано с распадом Казикумухского шамхальства, в которое входили села, позже составившие это ханство. Речь идет о селениях, которые упомянуты еще в «сказке Аллаги». Аллага сообщал царским военачальникам, в частности: «Кабак Ухли, а в нем шевкалов зят, у него 50 человек конных; кабак Дургели, а в нем крым-шевкалов сын Мехдей, у него 100 человек конных; кабак Юнгутей, а в нем шевкалов племянник Сурхай, у него 100 человек конных»¹.

Отметим, что все эти села — «кабаки» позже составили основу Мехтулинского ханства. Ныне они пишутся Ухли — это Охли, Дургели — Доргели, Юнгутей — Дженгутай². Упомянутый выше «крым-шевкалов сын Мехдей» (Мехти) и явился основателем Мехтулинского ханства, хотя сам происходил из дома казикумухских шамхалов³. Из Казикумуха он вынужден был уйти из-за начавшихся там смут в середине XVII в. Согласно преданию, он обосновался в Аймаки, подчинил себе Охли, Доргели, а потом распространил власть на Дженгутай и т. д.

Первые сведения об этом ханстве были собраны еще в 1867 г. «Временною комиссиею, учрежденною для разбора сословных и поземельных прав туземцев Северного Дагестана». Согласно этим сведениям, после признания власти Кара-Мехти охлинцами и аймакинцами их примеру последовали и остальные 11 селений этой зоны, жившие «до того вольными, самостоятельными общинами». Он приобрел над ними права «правителя и военачальника». Интересно при этом отметить, что Кара-Мехти в первые годы своего правления довольствовался добровольными подношениями жителей подвластных ему сел. Но со временем его потребности определились, стали значительными. Тогда «часть селений распределила между собою удовлетворение нужд правителя в виде определенных повинностей». Менее состоятельные селения податей не платили, а только выставляли вооруженных людей по его требованию⁴.

Кроме всего этого, «народ предоставил Кара-Мехти в пользование некоторые участки общественных земель и пастбищных

¹ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 293.

² Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 24, 74.

³ Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 224—225.

⁴ Мехтулинские ханы // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 1—2.

гор». Все эти обязательства и права стали переходить по наследству в роде мехтулинских ханов¹. Их власти подчинялись следующие селения: 1) Большой Дженгутай (резиденция ханов), 2) Малый Дженгутай, 3) Дуранги, 4) Апши, 5) Ахкент, 6) Оглы, 7) Кулецама, 8) Аймаки, 9) Чоглы, 10) Дургели, 11) Кака-Шура, 12) Параул, 13) Урма².

Х.-М. Хашаев отмечал, что в состав Мехтулинского ханства, помимо этих сел, входили также даргинские селения Наскент, Леваши и др.³. Однако подтверждающих этот факт сведений он не привел. Эти села не значатся и в податных списках мехтулинских правителей. Полагаем, что в этом вопросе нужны еще уточнения.

Заслуживает внимания и сообщения А. П. Щербачева о том, что «Деревня Хергевиль, принадлежавшая прежде хану мехтулинскому, в недавнем времени отклонилась от него и присоединилась к вольному Койсубулинскому обществу»⁴.

Существует и «Описание Мехтулинского ханства», составленное в 1830 г. Согласно этому «Описанию...» оно граничило «к северу и западу с владениями генерал-лейтенанта шамхала тарковского, к востоку с Акушею и койсубулинцами, к югу Аймакским ущельем и землями шамхала»⁵.

А. П. Щербачев насчитывал в ханстве душ мужского пола до 5000, а дворов более 1000. Хан мог при необходимости выставить до 1000 вооруженных человек⁶. Согласно сведениям Х.-М. Хашаева, до 1818 г. Мехтулинское ханство насчитывало 3450 дворов и 15932 человека жителей. При этом из 3450 дворов 2792 двора отбывали повинности и подати в пользу ханской фамилии, трех фамилий беков и 33 чанкам⁷.

Несколько другие сведения о Мехтулинском ханстве сообщают М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг. По их сведениям мехтулинцы жили «в горах к юго-западу от Тарку по вершинам небольших речек, впадающих в Озень и Манас... Вооруженных людей поставить могут до 3000»⁸.

¹ Там же; Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 88.

² Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 3; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. С. 25.

³ Хашаев М.-Х. Указ. соч. С. 217.

⁴ Щербачев А. П. Описание Мехтулинского ханства, Койсубулинских владений и ханства Аварского. Около 1830 г. // ИГЭД. С. 297.

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Там же. С. 244.

⁷ Хашаев М.-Х. Указ. соч. С. 217.

⁸ Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 308.

Достоверных данных о количестве населения ханства относительно исследуемого периода, кроме приведенных выше, нет.

Заслуживает внимания вопрос об этническом составе населения и этнической принадлежности рода мехтулинских ханов. Здесь интерес представляет сообщение А. П. Щербачева, что в ханстве проживали «частью кумыки и лезгины»¹. Под лезгинами надо подразумевать аварцев, потому что, начиная с Верхнего Дженгутая в селах (Урма, Кулецма, Дуранги, Охли, Чоглы) этого ханства проживали аварцы², среди которых встречались отдельные семьи выходцев из других этнических групп Дагестана, в частности даргинские, лакские и т. д.

Вкратце остановимся на вопросе этнической принадлежности мехтулинских ханов.

Р. М. Магомедовым по этому вопросу высказано следующее мнение: «Образование Мехтулинского ханства по существующим легендам также относится ко второй половине XVII века, т. е. к тому самому времени, когда шамхалы были изгнаны из Кумуха и обосновались в Тарках. Если Кара-Мехти действительно был изгнан из Кумуха вместе с шамхалами, то спрашивается, почему его родословная связывается не с шамхалами тарковскими, а имеет большое тяготение к аварским ханам и вообще к аварцам... Таким образом, связывать основателя Мехтулинского ханства с казикумухским домом нет никаких оснований»³.

Буквально на этой же странице Р. М. Магомедов утверждает, что ханство Мехтулинское могло существовать издавна, что возможно «оно выступило на сцену», когда «образовались и другие соседние владения, отделившиеся от шамхальства», чему якобы способствовали «события, развернувшиеся со времени падения власти Золотой Орды в Дагестане», что «это ханство само по себе могло существовать и гораздо раньше»⁴.

Несколько позже этого вопроса касался и Х.-М. Хашаев, труды которого ничуть не потеряли своей ценности и в наши годы. Его позиция весьма близка к позиции Р. М. Магомедова. Х.-М. Хашаев писал, что «На основании завещания Андуника и свидетельств Белокурова мы склонны считать, что мехтулинские ханы действительно являются выходцами из Аварики из фамилий аварских ханов. Этим объясняются продолжавшиеся и в XIX в.

родственные связи между мехтулинскими и аварскими ханами»¹. И как бы в подтверждение сказанному он ссылается на то, что «в 50-х годах XVIII в. мехтулинским ханом был Ахмед-хан, сын Мехти-бека. После Ахмед-хана правил сын его Али-Султан, который был женат на сестре Магомет-нуцала аварского Кистаман-бике. Али-Султан имел двух сыновей от Кистаман-бике: Султан-Ахмед-хана и Хасан-хана. В начале XIX в. первый ханствовал в Аварики, второй — в Мехтуле»².

Особой ясности в этот вопрос не вносит и справка «Временной комиссии», на которую мы уже ссылались. В ней сказано, что «После Кара-Мехти власть и права, предоставленные ему народом, переходили к его потомкам, по праву старшинства в роде. Эти последние успели значительно усилить и укрепить за собой эти права, войдя в родство с домами шамхала и аварских ханов, начали сами именоваться ханами. Но кто именно первый наследовал Мехти и сколько поколений прошло до того, пока достоинство владетеля досталось Ахмед-хану-Аджи, ни у старожилков, ни у нынешних членов ханского дома никаких верных сведений не сохранилось»³.

Далее «справка» гласит, что Ахмед-хан-Аджи «был второй сын Умы; что право ханствования должно было перейти к старшему брату его, Али-Султанбеку, но он не пожелал властвовать, а взяв в свой удел четыре деревни, предоставил остальные младшему брату, Ахмед-хану-Аджи, на правах владетеля, и что через это в ведение хана поступили из прежнего нераздельного владения только девять селений, а четыре, составлявшие по численности населения около половины ханства, отошли особым уделом к старшему брату его»⁴. После смерти бездетного Ахмед-хан-Аджи-хана в 1797 г. все ханство снова оказалось под властью Али-Султан-бека, который посадил на ханство своего старшего сына Гасан-бека.

И, действительно, связи мехтулинских владетелей с аварским ханским домом в самом конце XVIII в. более усилились. Дело было в том, что в 1800 г. скончался аварский хан Умма-хан (Омар-хан) и с ним пресеклась мужская линия хунзахских ханов. Единственная дочь Умма-хана Паху-бике находилась в замужестве за сыном Али-Султан-бека Султан-Ахмед-беком. Как отмечает цитируемая «справка», «по желанию аварцев, возбужденному вдовую Омар-хана Гийли-бике, Султан-Ахмед-бек призван был

¹ Щербачев А. П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 294.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 216.

³ Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 88.

⁴ Там же.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 216.

² Там же.

³ Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып. II. С. 2.

⁴ Там же. С. 3.

принять ханство Аварское». После провозглашения его аварским ханом Гийли-бике вышла за него замуж. (Отметим что у Умма-хана была и другая жена — Кистаман — мать Паху-бике, бывшей замужем за Султан-Ахмедом мехтулинским)¹.

По вопросу происхождения мехтулинского хана Кара-Мехти — основателя этого ханства давно высказывались разные мнения². Мы придерживаемся версии его происхождения именно из Казикумуха, из рода казикумухских шамхалов, что не помешало его наследникам наладить контакты с аварскими ханами, войти с ними в родство.

Но необходимо остановиться и на попытках Т. М. Айтберова и А. Шмелева в какой-то мере обосновать существование князей-эмиров Мехтулы по меньшей мере с XV в., которые, якобы сидели в Губдене и которым принадлежала «значительная часть земель в бассейне реки Герга»³. По их утверждению «в пределах середины — второй половины XVI в. на территории будущей Мехтулы расселяются члены шамхальского рода, метрополией для которого являлось, как известно, горное селение Кумух. К 1598 г. в Дженгуте сидит с сотней конных воинов Сурхай, племянник тогдашнего крым-шамхала; в соседнем Дургели — князь Махди, сын крым-шамхала; в Какашуре — князь Султан, племянник шамхала; в Охли — не названный по имени зять шамхала. Власть шамхальского рода над территорией Мехтулы сохраняется предположительно до 1735—36 гг.»⁴. В принципе не вызывает особых возражений и их мнение о том, что они, «отождествляя легендарного Карамахди с Махди II, сыном Ахмадхана», считают, что Мехтула, как особое княжество «...в бассейнах Герга и Параулосеня, сложилось во второй половине XVII в.»⁵.

Нет спора с ними и по вопросу о том, что «в XVIII в. в Мехтуле возникает новая ситуация», в свете которой мнение Х.-М. Хашаева о том, что «мехтулинские ханы... являются выходцами из Аварии», представляется верным, но повторяем — лишь для 30-х годов XVIII—XIX вв»⁶. Только хотелось бы отметить, что выходцами из Казикумуха мехтулинские ханы действительно были в XVII в., а в дальнейшем их потомки породнились с домом аварских ханов, но «выходцами» из Аварии уже их трудно называть, если даже

¹ Там же.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 216. Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 22—25.

³ Айтберов Т. М., Шмелев А. Из истории политического строя Мехтулы // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане: Темат. сб. Махачкала, 1989. С. 164.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Там же. С. 167.

они стали более ближе к аварским ханам, нежели казикумухским правителям, так как понятие «выходцы» является показателем, определяющим генетические корни любого рода. Ясно, что мехтулинские ханы не могли быть выходцами сначала из Казикумуха, а потом — из Хунзаха.

Упрочение связей между Мехтулой и аварским ханским домом в XVIII—XIX вв. подтверждается достоверными источниками¹.

* * *

Мехтулинские жители занимались земледелием и животноводством. Это подтверждается сообщением А. П. Щербачева, что у мехтулинцев «хлеб родится в большом количестве, просо, ячмень и кукуруза; некоторые сеют также сарачинское пшено и пшеницу. Табак и сено в изобилии. Лес вообще лиственный, но его совсем немного. Деревни, лежащие в горах, по неимению леса отапливаются кизяком»². В незначительной мере жители занимались и пчеловодством.

О занятиях мехтулинцев скотоводством свидетельствует сообщение о том, что они «стада овец имеют весьма значительные, рогатого же скота и лошадей немного по причине гористых и невыгодных мест для пастбы оных»³.

Важную роль в экономике жителей Мехтулинского ханства играла и торговля. По свидетельству источника, мехтулинцы «от жителей, подвластных шамхалу», получали соль и доставляли ее горцам. Торговали они и хлебом, приобретая его в шамхальстве и перепродавая горцам. Для продажи скота, в частности овец, они гоняли их на плоскость к кумыкам и на Терек. Они возили на продажу и фрукты.

Развитию таких торговых связей способствовали хорошие для того времени дороги, шедшие из Дженгутая через Тарки в Эндирей, а также через Тарки в Дербент. Аробной дорогой с Дженгутаем были связаны жители Ахкента, Охлы, а Кулецама с Гергебилем. Из Мехтулы в Аварию вела тропа через Аймаки.

Хотя Мехтулинское ханство и контролировало трассу довольно важного торгового пути, связывавшего внутренний Дагестан с предгорной частью, нет сведений об использовании этого выгод-

¹ Щербачев А. П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 295.

² Там же. С. 294.

³ Там же.

ного расположения своего владения мехтулинскими ханами для взыскания торговых пошлин и других сборов.

Вообще хозяйственная активность, присущая мехтулинцам, была залогом того, что они жили хоть и небогато, но «довольно хорошо»¹.

* * *

Вопрос об источниках доходов мехтулинских ханов затронут в исторической литературе, но документировать объем собиравшихся податей в разные периоды исследуемого времени не представляется возможным из-за пробелов в источниках.

Цитировавший уже Щербачев писал, что мехтулинский «хан получает ясак с жителей баранами, хлебом и фруктами». Из этого сообщения можно делать вывод о натуральном характере собиравшихся податей, но об их объеме трудно судить. В какой-то мере об объеме податей можно судить по приписке к тексту сообщения Щербачева, в которой поясняется, что хан получал с каждого двора по «1 сабе, весом 1 п. 200 фунт., пшеницы или по 2 барана. Кроме того, каждое семейство дает на день одного работника для снятия хлеба»².

Если все это перемножить на количество душ подвластных мехтулинских ханов 21.000³ человек в 10 деревнях, то получится внушительная сумма собиравшихся податей. За счет таких сборов хан вполне мог содержать и 5000 вооруженных человек⁴ в необходимых для него случаях. Трудно согласиться с П. Г. Бутковым, когда он пишет, что «дженгутейские владельцы никаких доходов, навсегда поставленных не имеют и содержат себя... единственно от своих деревень выпрашивая все нужное...»⁵.

Согласно данным Х.-М. Хашаева, подати и повинности, которые отбывали жители Мехтулинского ханства в пользу феодалов, были следующими: кент-ясак — по одному барану ежегодно от каждого 30 баранов; сабу — по 1 пуду и 20 фунтов пшеницы с каждого дыма селений Большой и Малый Дженгутай и Дуранги, а с других селений — магара (голового ячменя); арба-агач — по две арбы дров с каждого дыма, имеющего рабочий скот; куук — по одной

арбе мякны с каждого четырех дымов (этот вид оброка — введен при Ахмед-хане в 30-х годах XIX в.); сабанбулка — поставка шестипарных и однопарных плугов для посева ханской пашни; бичен-булка — с каждого дыма по одному косарю на один день; урак-булка — с каждого дыма по одному жнецу на полдня; поставка ароб для разных ханских надобностей; выделение рабочих для строительства и обработки сада; поставка конных чапаров (вестовых)¹.

Были и отдельные виды повинностей, которые отбывались жителями некоторых сел в ряде случаев. Так, жители селений Большой и Малый Дженгутай при женитьбе и смерти хана доставляли ханскому дому по арбе дров и одной сабе пшеницы, жители селений Апши, Дуранги, Ахкент и Чоглы — по одному быку. Отметим также, что выморочное имущество в этих селах поступало в пользу хана, который оставлял его обычно у родственников умершего за умеренную цену. Если же у покойника имелись дочери, то это имущество должно было тратиться на содержание детей до их устройства. Переход выморочного имущества к хану в этих селениях объясняется тем, что эти селения считались построенными на ханской земле.

Помимо этого, в ханскую казну поступали различные штрафы. О размерах поступлений в ханскую казну можно судить по таблице, составленной Х.-М. Хашаевым² (см. с. 242).

В целом же жители отбывали мехтулинским ханам повинности на 1644 руб.

Кроме того, они обязаны были по требованию хана выставлять 250 ароб в год, что обходилось в 125 руб.; выставлять 200 чагар — 100 руб.; выставлять 400 рабочих для исправления дома (100 руб.); уплачивать косвенный налог в 840 руб.; уплачивать повинность 6 дворов ханских чагаров (60 руб.); уплачивать ясак с Аркасских гор (150 руб.)³.

В I томе «Истории Дагестана» говорится, что Мехтулинское ханство состояло из 18 сел, в которых жили аварцы и кумыки, что во главе ханства стоял наследственный хан⁴, во втором томе же утверждается, что в это ханство входили 13 аулов, что ген. Ермолов ликвидировал ханство⁵. Установить точный перечень входивших в это ханство в XVII — нач. XIX в. сел нам также не удалось.

¹ Там же. С. 295.

² Там же. С. 294.

³ Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 211.

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 217.

² Там же. С. 218.

³ Там же; Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып. 2. С. 9—14.

⁴ История Дагестана. Т. 1. С. 323—324.

⁵ Там же. Т. 2. С. 64—65.

Наименование податей	Количественное выражение	Стоимость податей в руб.
Кент-ясак	135 баранов	337
Сабу	940 сабу пшеницы и ячменя	402
Арба-ясак	960 ароб дров (по две арбы со двора)	480
Куук (сбор мякины)	130 ароб (с четырех дворов по арбе)	65
Сабан-булка (барщина по расписке)	80 плугов 6-парной упряжки и 60 плугов однопарной упряжки	144
Бичен-булка (выставка косцов по одному человеку с дымов)	540 человек	108
Урак-булка (барщина по жатве)	540 человек	108

* * *

Теперь остановимся на основных политических событиях, в которых Мехтулинское ханство играло в исследуемый период активную роль.

Таким событием явилась, в первую очередь, борьба народов Дагестана против попыток Надир-шаха покорить их своей властью с применением своей «доблестной» армии. По имеющимся сведениям летом 1741 г. «гроза вселенной» во главе стотысячной армии вторгся в Дагестан. После захвата Кайтага эти войска через шамхальство Тарковское были двинуты в Мехтулинское ханство и остановились в Аймакинском ущелье, где в борьбу с ними вступили горцы, в том числе и мехтулинцы¹.

Первое крупное столкновение произошло между горцами, дви-

¹ История Дагестана. Т. 1. С. 363.

гавшимися со стороны Аймакинского ущелья, и шахскими войсками под командованием Люфт-Али-хана. В этой битве горцы разбили 20-тысячный отряд иранцев. Такая же участь постигла шахские войска под командованием Гейдар-бека и Джалил-хана, Ата-хана и Мухаммед-Яр-хана¹.

Согласно имеющимся данным, стремясь поправить свое тяжелое положение в Дагестане, Надир-шах сделал попытку привлечь владетелей Дагестана на свою сторону щедрыми подарками и обещаниями; однако аварский и мехтулинский ханы, уцмий Кайтага и сын Сурхая казикумухского Муртузали отвергли все это².

Алисултан дженгутаевский (мехтулинский) принимал участие и во внутридагестанских делах, междоусобицах. Так, когда осенью 1784 г. грузинский царь Ираклий вознамерился покорить Ганджу вместе с русскими, то «ганжийцы, — как это писал Бутков, — сие предусмотрели. Али-Солтан, владлец дженгутаевских кумыков в Дагестане, был неприятель царю Ираклию, что сей отказал ему в жалованье, какое давал племяннику его Омар-хану аварскому. Он склонился на призыв ганжийцов и прибыл к ним с дагестанцами»³. Имеются сведения и о том, что Али-Султан-хан дженгутаевский весной 1785 г. вместе с 11-ю тысячами горцев и Уммаханом аварским прибыл к реке Алазани, переправившись через которую они начали «партиями опустошать Грузию»⁴.

Все это обостряло отношения Али-Султана дженгутаевского не только с Грузией, но и с Россией, покровительствовавшей тогда ей. Поэтому он искал покровительство Турции. Этим и объясняются сведения от 1787 г. о том, что «дженгутейский владлец Али-Салтан и Омар-хан аварский весьма преданы Порте...»⁵.

Когда же создалась угроза вторжения иранского правителя Ага-Магометхана в Дагестан в октябре 1795 г., шамхал тарковский, кайтагский уцмий, кадий табасаранский и «Али-Салтан-бек дженгутаевский» «все единодушно на совете согласились... об обороне и содержали стражи в таких пунктах, с коих удобнее бы можно было Ага-Магомет-хану проникнуть к ним со стороны берегов реки Куры...»⁶.

Важно отметить и то, что во время похода царских войск в 1796 г.

¹ Там же. С. 366.

² История народов Северного Кавказа... до конца XVIII в. С. 423—424.

³ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. II. С. 159.

⁴ Там же. С. 178.

⁵ Там же. С. 277.

⁶ Там же. С. 342.

в Дербент «Али-Салтан-бек джангутаевский проявлял склонность к России, хотя он» в подданство российское и не вступал¹.

В 1807 г. Али-Султан-бек дженгутаевский скончался. Его удел должен был перейти к мехтулинскому правителю Гасан-хану. Однако его брат Султан-Ахмед, бывший в это время уже ханом аварским, потребовал, чтобы удел отца их весь оставлен был за ним. Гасан-хан не стал спорить и предоставил Султан-Ахмед-хану селения Доргели, Кака-Шура, Параул, Урма, которые состояли в исключительном владении его до прихода палача горских народов генерала А. П. Ермолова в Дагестан².

Ермолов прибыл в шамхальство Тарковское с целью выбора места для сооружения крепости для поселения в ней царских войск. Мехти-шамхал встретил его мирно, но остальные горцы встретили его враждебно. Ермолов разгромил их. После этого он опубликовал приказ о присоединении к владениям шамхала тарковского селений Параул, Кака-Шура, Доргели и Казаниши, отнятых им у Султан-Ахмеда аварского и брата его Гасан-хана дженгутаевского и Гирей-бека бамматулинского³.

У Гасан-хана остались сыновья Ахмед-хан и Али-Султан. Они явились с повинной к Ермолову, который простил их и восстановил ханскую власть в Мехтуле в лице Ахмед-хана, даровав ему в удел селения Большой и Малый Дженгутай, Апши, Кулецма, Огли, Аймаки, Чогли, Ахкент и Дуранги. Потом начались распри между шамхалом и Султан-Ахмедом аварским за эти земли. В конечном итоге отношения мехтулинских ханов с Ермоловым испортились⁴.

Об это ярко свидетельствует предписание Ермолова подполковнику Агабеку Садыкову от 24 июля 1818 г. наблюдать «за поведением мошенника Хасанхана Дженгутайского...»⁵. Особенно же это видно из рапорта ген. Ермолова царю Александру I от 12 сент. 1823 г. о подавлении антироссийских выступлений в Дагестане 29—30 июля и последовавших после этого событиях. Мятежом были охвачены некоторые селения Тарковского шамхальства, а также Мехтулинского ханства.

По этому поводу Ермолов доносил царю, что «в непродолжительном после того времени жители Мехтулинского округа, соседственного Таргу, сделав заговор с большей частью подвластных шамхала, с аварцами и другими горскими народами, убили поставленного над ними приставом Терского линейного войска офицера

и подняли оружие... Первые действия неприятеля обнаружались нападением на роту Апшеронского пехотного полка, препровождавшую транспорт провианта из кр. Бурной»¹. Нападало до 2000 горцев. Командир роты Овечкин, «расположась на равнине при сел. Кафир-Кумыке и устроив каре, коего более двух флангов по малочисленности войска занял он повозками, учредив сильные посты на лежащих вблизи курганах», дожидаясь нападения неприятеля. Горцев собралось более 10 тыс. человек. Они в принципе особо не активничали. Между тем к осажденным русским 15 августа подоспело подкрепление, высланное еще 13 августа. Через день нападавшие были рассеяны. Они потеряли более 300 человек убитыми².

В принципе можно привести много фактических данных о большой политической активности мехтулинских владетелей в первой четверти XIX в., особенно из взаимоотношений их с Россией и с дагестанскими горскими обществами. Но эта конкретизация не входит в задачу данной работы. Здесь отметим только, что, начиная с конца XVIII в., политическая ситуация в Мехтулинском ханстве во многом стала определяться вмешательством внедагестанских сил, в частности окупационных царских властей, наместника Кавказа кн. А. П. Ермолова, который, как отмечалось выше, довольно бесцеремонно вмешивался в дела престолонаследия в Мехтулинском ханстве, произвольно выделил из него ряд населенных пунктов в управление преданному царю шамхалу тарковскому.

д) Аварское ханство в XVII — нач. XIX в.

Одно из ведущих мест в Среднем Дагестане в исследуемый период занимало Аварское ханство. По имеющимся данным, в начале XVII в. его основное ядро составляли селения на Хунзахском плато³, на котором располагались и резиденция аварских ханов или нуцалов. Социально-экономическое устройство Аварского ханства принципиально не отличалось от устройства Шамхальства или других феодальных владений Дагестана. Для ханства в этот период, т. е. в XVII в., было характерно укрепление центральной власти⁴.

Укрепив свою власть в Аварии, аварские ханы повели наступление на соседние союзы сельских общин. Более того, аварским

¹ Там же. С. 350; Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 306.

² Феодальные отношения в Дагестане. XIX — начало XIX в. С. 37.

³ Там же. С. 37—38; Гаджиев В. Г. Роль России... С. 26.

⁴ Там же. С. 38—40.

⁵ АКАК. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. II. С. 5.

¹ Там же. С. 87.

² Там же.

³ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 42.

⁴ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 14; Омаров А. С., Маршаев Р. Г. Об одном памятнике по истории Аварии XVII века // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1958. Т. V. С. 132—133.

ханам удалось подчинить своей власти часть Чечни или Мичихича. Этому способствовало и то, что, по сведениям А. Бакиханова, «эмиры из Эндреевой деревни убили двух родственников гумбетского и аргунайского эмира, считавшего себя потомком хана аварского», из-за чего и началась длительная вражда, кончившаяся отходом нижней части Мичихича — «Чечен-гала, Герменчук-Шали, Атака и др... во владение наследника убитых Терлав. Терлав заселил эти места жителями Пашшага (верхняя часть Чечни), и вся эта земля получила от имени реки Мичик название Мичихич (внутренняя часть Мичика)»¹, которая разделяется на три части: Тау-Мичик-Ич (горную), Агач-Мичик-Ич (лесную) и Тюз-Мичик-Ич (равнинную). При этом «жители двух последних частей... платили подать своим владельцам—потомкам Терлава, которые в Гумбете и Аргуне владели горами и одной деревней Чагах (невольники)...», а села Авук и Баян, где находился нефтяной колодец, и Салатавский магал, состоявший из 12 сел и насчитывавший около 2000 семейств, платили подати и повинности эндирейским эмирам или князьям².

Усиление Аварского ханства вынудило уже в начале XVII в. грузинских владетелей искать пути сближения с хунзахскими нуцалами, чтобы через их владение наладить дипломатические сношения с Россией. И, действительно, ряд русских посольств в конце XVI — нач. XVII в., а также посольство старца Кирилла и подъячего Саввы от грузинского царя Александра в Москву в 1603—1604 гг. прошли через Аварское ханство³.

Еще в 60-х годах Е. Н. Кушева писала, что «Аварское нусальство было в XVI—XVII вв. одним из сильных феодальных владений» Дагестана и в нем преобладала «тенденция к передаче достоинства нуцала наследникам по прямой линии»⁴.

По наблюдениям В. Г. Гаджиева, в XVIII в. ханы Аварии проводили объединительную политику за счет присоединения к своему владению территорий окружающих аварских «вольных» обществ. Наибольших успехов в этом плане достиг Умма-хан (1774—1801 гг.). При нем ханство Аварское немало расширило свои границы как за счет подчинения ряда аварских обществ, так и за счет присоединения пограничных с Дагестаном территорий, населенных чеченцами. Кроме того, Умма-хан подчинил своей власти также «...Джаро-белоканское общество» и принудил платить дань

грузинского царя Ираклия II, ханов дербентского, кубинского, бакинского, ширванского, шекинского и пашу ахалцыхского»¹.

Умма-хан получал от грузинского царя по одним сведениям 12 тыс. рублей, по другим—5 тыс., от хана карабахского—15 тыс., от нухинского хана—9 тыс., от дербентского, кубинского, бакинского и ширванского ханов — 20 тыс., от ахалцыхского паши — 7 тыс. рублей серебром»². Приведены В. Г. Гаджиевым и сведения о количестве зависевших от нуцалов аварских сел, о величине податей, о внутреннем устройстве Аварского ханства³.

Сведения о выплате аварскому хану указанными выше ханами дани с условием «не причинять более вреда их владениям» приведены и в книге Х.-М. Хашаева⁴, отмечавшего возможность преувеличения могущества аварских ханов А. А. Неверовским⁵.

Особо значимы для данной работы сведения И.-Г. Гербера о том, что «Аварский уезд велик и... над аварами имеется усмей, которого называют Авар усмей или усмей над аварами: имя ему Умму-хан, только все авары под его властью стоят, ибо Аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждой уезд своего владельца имеет, а под послушанием усмея не стоят, но и ему подчинены»⁶.

Гербер же писал об основных занятиях аварцев, что они «имеют пашни и скотоплодие, однакож иные деревни больше и лутче, нежели другие. По ситуации их земли и уезду люди тихие и смиренные, и об них не слышно, чтоб воровство... учиняли...»⁷. Привел он сведения и о вооружении аварцев: «оружие употребляют огненное, а большая часть луков со стрелами»⁸. О холодном оружии почему-то Гербер ничего не пишет, видимо, понимая ношение холодного оружия аварцами, как и другими дагестанцами, явлением обычным.

Согласно сведениям П. Г. Буткова от 1798 г., «аварский хан и с союзными частными владениями, ему приверженными, но управляемыми народом, до 18000» конных воинов мог выставить⁹.

¹ Гаджиев В. Г. Роль России... С. 32.

² Там же.

³ Там же. С. 33—35.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 143.

⁵ Там же; Неверовский А. А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848. С. 335.

⁶ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 113.

⁷ Там же. С. 113—114.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

¹ Бакиханов А. Указ. соч. Баку, 1991. С. 110—111.

² Там же. С. 111.

³ Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 115.

⁴ Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 48.

Всего же под властью аварского хана числилось до 100 деревень с общим количеством жителей до 80000 душ¹. Кизлярский комендант А. Ахвердов в 1804 г. также приводит число зависимых от аварского хана деревень 100 и более².

Весьма интересные сведения об Аварском ханстве оставил Хрисанф. Привлекает внимание описание им географического ландшафта ханства: «12 числа вступил в землю Аварскую и через дер. Цартаных в 4 часу полудни прибыли в главный город Хумзак, вер. в 30; дорога к оному, хотя и гориста, но гораздо лучше и менее утесов; почва земли весьма хорошая, и потому все сие пространство усеяно овечьими стадами, и весьма много конских табунов и рогатого скота»³.

Для нас одним из главных является вопрос о численности и этническом составе населения Аварского ханства. Уже выше приведены сведения об общем количестве подвластных хану сел и проживавших в них жителей. Хрисанф же дает полный перечень как узденских (46) сел с общим количеством дворов (5895)⁴, так и податных (165) сел. Среди узденских сел особо отличались количеством дворов (соответственно и населения) Хунзах (700 дворов), Хузал (302), Харикиль (170), Бакычь (282), Кинчиль (191), Нита (101), Гандах (300), Баклал (490), Хазалух (203), Убуда (250), Суюх (300), Эх-илич (398), Машук (202), Тванус (193).

Узденские села выполняли просьбы аварских ханов, поставляли ему воинов во время походов, но в принципе считались политически независимыми от них, не платили им податей. Экономическое могущество ханов определялось большим числом подданного и податного населения, которого у аварских ханов было довольно много — 14843 двора⁵.

Такое большое количество зависевших от них сел и дворов должно было обеспечить поступление в ханскую казну довольно крупных сумм денег и натуральных податей. Поэтому сведения П. Г. Буткова о том, что «аварской Умай-хан с собственных своих деревень тысяч на десять рублей ханскими деньгами» имел⁶, вызывают некоторые сомнения, хотя их и опровергнуть сложно из-за отсутствия других сведений.

¹ Там же.

² Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 225.

³ Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 267.

⁴ Там же. С. 270; Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала: Даггосиздат, 1940. Т. III. Ч. I. С. 192—193 (далее МИДЧ).

⁵ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 271—273; МИДЧ. С. 193—195.

⁶ Бутков П. Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 211.

Сомнения эти возрастают, когда знакомишься с приведенными в работе В. Г. Гаджиева данными по этому вопросу. Он пишет, что в последние десятилетия XVIII в. «ханы Аварии взымали с зависимых обществ подати в виде продуктов скотоводства, земледелия и садоводства... Села, где возделывались зерновые культуры, вносили от 32 до 264 мерок пшеницы и проса, от 30 до 132 мерок ячменя, кукурузы, магара. С обществ, занимающихся скотоводством, взымалось до 600 и более голов овец и коз, а также шерсть, шали, паласы и др. изделия домашних промыслов. Селения, занимающиеся садоводством и огородничеством, вносили от 25 до 100 корзин винограда, от 25 до 40 мерок виноградного сока, по мерке чеснока, лука... С отдельных обществ взымалось по 90 и более мерок соли...»¹.

В Аварском ханстве были села и просто выставявшие в распоряжение ханов определенное количество воинов за денежную плату и «награды». Таких сел в округе Куваль было 24 с общим количеством дворов 2381; в округе Киль 8 сел с 1358 дворами; в округе Кид—19 сел с 3869 дворами; в округе Каралал 18 сел с 2659 дворами².

Интересно отметить, что «деревни, принадлежащие округам Тушу и Мусуку», были данниками предков аварских ханов «как до введения в сем крае веры магометанской, так и после того; ...получались с оных в дань вола, ослы и проч.»³.

Х.-М. Хашаевым были опубликованы сведения о влиянии аварских ханов в XVIII в. на Каратинское общество и на Тукиту, на село Игали Койсубулинского общества, на Цатаных, на все общества Аварии, на жителей сел Гонода, Андых, Батлаиц, Ахваха⁴.

Видимо, при характеристике Аварского ханства начала XIX в. нельзя игнорировать и сведения Ф. П. Скалона о том, что прапорщик Хрисанф преувеличил все данные о числе деревень, домов, жителей и войске, о том, что «в Аварии более 80-ти деревень не существует, число семейств до 10-ти тыс., войска едва ли могут выставить до 4-х тыс.», что «вольные» соседние общества, названные какими-то военными округами и союзниками аварского хана, ни в каком отношении от него не зависят; их даже и за деньги мудрено заставить служить...»⁵. Эти же сведения повторены в работе Ф. Р. Розена, утверждавшего, что «народонаселение ханства

¹ Гаджиев В. Г. Роль России... С. 32—33.

² Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 269, 273.

³ Там же. С. 274.

⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 143—144.

⁵ Скалон Ф. П. Сведения об Аварском ханстве. 1829 г. // ИГЭД. С. 276.

собственно аварского едва простирается до 5000 семейств...; худо вооруженных войск могут выставить до 4500 человек...», что соседние с ханством сельские общества почти не платят податей, а «дают слабый ясак за землю, которая почитается принадлежащей...ханству»¹.

Что касается границ Аварского ханства в начале XIX в. Х.-М. Хашаев писал, что оно «имело следующие границы: с востока Мехтулинское ханство, с юго-востока — Казикумухское ханство, юго-запада — территория джарцев, с севера — земли кой-субулинцев»². Некоторые уточнения в этом вопросе содержат сведения А. П. Щербачева о том, что ханство имело границы «к северу и северо-западу — с койсубулинцами, к востоку — р. Койсу, Акуша и снеговой хребет гор, к югу — владение Сурхай-хана и снеговые горы, к западу — Андия и гумбетовцы»³.

Отметил А. П. Щербачев и то, что аварцы управлялись ханами, соблюдали ислам секты Шефия, были плохо вооружены, часть конных «на весьма дурных лошадях»⁴.

Аварское ханство имело «грунт земли вообще каменистой», что требовало больших трудов для ее обработки к посеву хлеба, которого не хватало на прокорм его жителей. Последние закупали его в Мехтулинском ханстве, в Шамхальстве, где приобретали и соль. Ф. П. Скалон отмечал, что в ханстве «лесу мало и то на высочайших горах, кизяк их заменяет, пастбищных и сенокосных мест также мало», что в нем мало садов. Этот же автор подчеркивает, что в ханстве «мастеровых никаких не имеется, с трудом можно найти кузнеца», что «повсюду видна нищета»⁵.

Кажется, что Ф. П. Скалон слишком сгустил краски, хотя естественно-климатические условия жизни в Аварии и действительно тяжелы.

Отметим основные пути, связывавшие Аварское ханство с соседними территориями. Для краткости сошлемся на источник: «Из Хунзаха идут дороги: 1) в Тифлис через снеговые горы и белокаменных лезгин (всего 5 дней езды); 2) в кр. Грозную через Андию и Чечню; 3) в Андреево на д. Чиркей; все эти выючные дороги; в Казикумык, Акушу и Дженгутай должно ехать на д. Хергевиль»⁶.

В ханство Аварское существовала более удобная дорога через

Дженгутай, Аймаки, Гергебиль и Овотль. Вообще в Аварии еще в начале XIX в. хорошие дороги не вели. Поэтому тогда же царские военачальники предлагали проложить дорогу от Тифлиса через Гидатль, Хунзах, Аймаки и до берега Каспийского моря для облегчения покорения ханства и торговых сношений с ним¹.

Тем не менее, жители Аварского ханства были тесно связаны с торгово-экономическими центрами Среднего Дагестана, посещали известные в этом регионе базары Казикумуха, Цудахара, Дженгутая и т. д., приобретая зерно, соль, оружие, ткани, одежду и т. д. и продавая свои изделия².

Некоторые географические особенности Аварского ханства можно осветить и по географической литературе. В частности, имеется географическое описание Хунзахского плато, которое поднимается к северо-западу от горы Гуниб почти на 2000 м. Это плато имеет и местное название Чинмеэр. С юга оно на 1250 м круто обрывается к реке Аварское Койсу. У села Хунзах плато прорезается глубоким (до 800 м) каньоном р. Тобот, воды которой низвергаются с плато красивым водопадом, имеющих высоту более 100 м.³ Климат Аварии довольно суров. Естественно-географические условия жизни в Аварском ханстве сказывались на хозяйственной деятельности его жителей.

Как и в других горных частях Дагестана, основным занятием у аварцев являлось овцеводство, разведение крупного рогатого скота, лошадей, ослов, а также земледелие, которое все же не обеспечивало их потребности до следующего урожая, несмотря на огромные усилия, вкладывавшиеся в подготовку участков под посевы, террасирование, орошение, удобрение, в обработку земли, всходов. Малоземелье остро сказывалось и в Аварском ханстве. В долинах, прилегающих к Хунзахскому плато, занимались аварцы и разведением фруктов, в частности абрикосов, кураги. Из посевов в Аварии хорошо росли «пшеница магар, особый род пшеницы, похожая на озимую, только крупнее и чище... Просо особого рода..., ячмень... в изобилии». Сеяли также лен, коноплю и в большом количестве бобы в чечевицу⁴.

Развиты были в Аварском ханстве и самые разнообразные домашние промыслы — обработка шерсти, сукноделие, вязание, вы-

¹ Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД. С. 291.

² Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 144.

³ Щербачев А. П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 297.

⁴ Там же.

⁵ МИДЧ. С. 128.

⁶ Щербачев А. П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 298.

¹ МИДЧ. С. 191—192.

² Умаханов М.-С. К. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII — начале XIX вв.: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1994. С. 18—20.

³ Гюль К. К., Власова С. В., Кисин И. М., Тертеров А. А. Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959. С. 42.

⁴ МИДЧ. Т. 3. Ч. 1. С. 190.

делка кож, изготовление меховых и кожаных изделий, обработка металлов, хозяйственная обработка камня и дерева.

* * *

Теперь остановимся на основных политических событиях, в которых аварские ханы принимали активное участие в XVII — начале XIX в.

По имеющимся данным, отряды аварского хана принимали участие в отражении царских войск, захвативших в 1594 г. и в 1604—1605 гг. аул Эндирей, потому что хан находился в родстве с Султан-Махмудом эндирейским¹. Это однако не помешало аварскому нуцалу в 1629—1630 гг. вместе с другими феодальными владетелями выразить готовность присягнуть на подданство России². А уже в 1727 г., по свидетельству И.-Г. Гербера, он «явился через подговор усмея, или хана хайтагского или каракайтагского и просил о приеме и защиты Российской империи, а потом и сам приехал и с несколькими знатными аварскими людьми присягу во верном подданстве учинил»³.

Активное участие аварский хан принял и в борьбе народов Дагестана против захватнической политики иранского Надир-шаха. Отряд шахских войск в 6 тыс. чел. был разгромлен в Малой Аварии в августе 1742 г., а в сентябре был разгромлен и «отряд в 3000 топовор», который был направлен для очистки пути в Аварию⁴. И в Андаляльском сражении, в котором войска Надир-шаха были разгромлены горцами, активное участие приняли отряды из Аварского ханства⁵.

В то же время владетели Аварии склонялись больше к союзу с Россией: в 1753 г. владетель Аварии Магомед-Муса-хан просил о принятии его в подданство России⁶; в 1783 г. аварский Умма-хан обещал царю также «во всех сторонах... войско мое и я сам сколько сил моих станет служить готовы»⁷. Этот же хан в 1785 г. отказал в поддержке шейху Ушурме (Мансуру), заявляя, что война

¹ Потто В. Кавказ до Петра. СПб., 1896. С. 3.

² Русско-дагестанские отношения XVII — первой половины XVIII в. Документы № 25—38; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 171—172.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 114.

⁴ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 215.

⁵ Бакиханов А. К. Указ. соч. Баку, 1991. С. 147; Магомедов Р. М. Указ. соч. С. 328; История Дагестана. Т. I. С. 367.

⁶ История Дагестана. Т. I. С. 391.

⁷ Там же. С. 394.

с Россией, к которой призывал Ушурма, станет «причиной гибели дагестанцев»¹. В самом начале 1787 г. в Кизляр прибыл посланник Умма-хана аварского Дала с прошением принять его в подданство России, обещая взять на себя целый ряд условий при торжественном этом акте, организовать который намечалось в Хунзахе.

Когда аварский Умма-хан скончался, в 1801 г. ханом Аварии провозглашен был мехтулинский Султан-Ахмед-хан. Хотя Аварское ханство официально было принято в подданство России в 1803 г., Султан-Ахмед-хан изменил присяге на верность царю и с 1807 г. начал принимать участие в антирусских выступлениях. За это в 1818 г. он был Ермоловым лишен ханского достоинства. Ханом аварским был провозглашен Сурхай-хан, при котором властвовать фактически продолжала жена покойного Султан-Ахмед-хана Баху-бике².

Что касается основной линии внешней политики аварских правителей, нельзя сказать, что она носила только миролюбивый характер. Как уже отмечалось, нуцалы покорили многие окружающие ханство союзы сельских общин, распространили свою власть и на Джаро-Белоканский союз сельских общин⁴, ставший как бы их базой для накопления сил при совершении походов в Закавказье, а Умма-хан Аварский даже принудил платить дань грузинского царя Ираклия II, дербентского, кубинского и шекинского ханов⁵. Эти факты можно подтвердить ссылками на ряд источников⁶.

Активно вмешивались аварские ханы и в феодальные междоусобия в Дагестане. Особенно ярко это выразилось во вмешательстве их в дела Кубинско-Дербентского ханства. Вкратце ход событий был таков: во второй половине XVIII в. кубинский Фатали-хан, воспользовавшись непопулярностью в Дербенте и слабостью Магомед-Гусейн-хана, решил овладеть этой мощной, стратегически важной крепостью; обещая разные привилегии жителям Дербента, он сумел привлечь их на свою сторону; ему удалось заключить также договоры с шамхалом тарковским, уцмием Кайтага Амир-Гамзой и кадием Табасарана; после этого Фатали-хан взял без особого труда Мюшкюр, Низабат, Беш-Бармак и вместе

¹ Там же. С. 396—397.

² Там же. Т. II. С. 70.

³ Там же. Т. I. С. 326, 336.

⁴ Там же. С. 251.

⁵ Там же. С. 327.

⁶ АКАК. Т. I. С. 108, 122, 168, 187; Т. II. С. 766—770, 771, 773; Т. IV. С. 607—609; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 389; Ч. III. С. 200, 201, 210.

с союзниками осадил и взял Дербент¹; потом он женился на сестре уцмийя Тутубике, пообещав выдать за него свою сестру Хаджебику, но не спешил выполнить это обещание, хотя пригласил уцмийя Амир-Гамзу с собою в Кубу. Уцмий побыл в Кубе немного и убедился в том, что Фатали-хан не хочет выдать за него свою сестру. Тогда правитель Кайтага решил отомстить ему, уехал из Кубы, привлек на свою сторону дербентского чиновника Ильяс-бека, ввел с его помощью в Нарынкала до 2000 чел. своих войск и укрепился там. Фатали-хан, узнав об этом, собрал войска и приступил к Дербенту. Создалась сложная политическая ситуация. Разрядить ее и решил аварский нуцал (хан Мерсель по источнику), предложив свое посредничество. Он уговорил уцмийя уйти из Дербента, помилив его с Фатали-ханом, который все же подарил уцмийю деревню Малахалыль, но лишил уже подаренных ранее таможенных доходов². Аварский хан попросил у Фатали-хана за свое посредничество в этих событиях даровать жизнь упомянутому выше дербентскому чиновнику Ильяс-беку. Однако Фатали-хан все же убил этого чиновника, нарушив свое обещание аварскому Мерсель-хану (он же Магомед-нуцал).

Далее Фатали-хан пытался овладеть и Шемахинским ханством, хан которого слепой Агас был даже пленен им, но бежал и упросил шекинского Гусейн-хана и аварского нуцала (Мерсель-хана) поддержать его. Произошло сражение войск Фатали-хана и указанных ханов, которых Фатали-хан разгромил. Хан азарский погиб. Фатали-хан хитростью заманил Магомед-нуцала со слугами в палатку, где предательски убил вместе с сопровождавшими его лицами³. После этого «в Аварское ханство вступил сын его родной Умма»⁴. В дальнейшем — в 1787 г. — Фатали-хан примирился с ханом Умма-ханом⁵, «зговорил дочь свою Перджаханум в замужество» ему, назначив приданное в 200.000 руб., из которых половину он «тогда и» отдал ханскими деньгами⁶. Брак этот так и не состоялся и Перджаханум после смерти отца отказалась выйти за Умма-хана и вышла замуж за сына шамхала тарковского Мехтия⁷. Аварский хан породнился с шушинским Ибрагим-ханом, выдав за него свою дочь, а позже Ибрагим-хан уехал к тестю своему аварскому хану, опасаясь Ага Магамет хана.

¹ История Дагестана. Т. I. С. 375.

² Серебров А. Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 184.

³ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 142—143.

⁴ Серебров А. Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 185.

⁵ История Дагестана. Т. I. С. 382.

⁶ Серебров А. Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 187.

⁷ Там же. С. 193.

Из сказанного следует, что Аварское ханство органически связано было с остальными владениями Дагестана. Его владельцы были так или иначе связаны с правителями Казикумухского и Мехтулинского ханств, уцмийства Кайтагского и Тарковского шамхальства, вели активную, а где-то и агрессивную политику по отношению к соседним народам. Аварское ханство продолжало в конце XVIII — начале XIX в. оставаться грозой для соседних ханов¹.

е) Кайтагское уцмийство в XVII — нач. XIX в

Кайтагское уцмийство — это одно из крупных феодальных владений Дагестана, занимавшее низменность, предгорье и горную часть. На юге Кайтагское уцмийство, по свидетельству Эвлия Челеби, доходило «до персидского Демир-Капу очень близко»². В Посольском приказе в январе 1632 г. посол Кайтага Шамсей заявил, что «...Дербени от уцмиевы земли блиско, всего в 15 верстах»³. Эти южные границы Кайтага были неизменны и в XVIII, и в нач. XIX в., о чем писали в 1728 г. И. Гербер⁴, в 1804 г. А. И. Ахвердов⁵. А. И. Лопухин свидетельствовал, что Дербент «имеет границу с усми в двух агачах»⁶. О близости Кайтага от Дербента писали С. Г. Гмелин⁷ и др. авторы.

Давая более подробную характеристику территории и границам Кайтагского уцмийства, И. Гербер отмечал, что оно находится «подле моря, расстоянием от Утямиша до реки Дарабах, которая речка назначает границу от Ширвани к норду (северу — авт.), к весту (западу — авт.) протегается до карахайтаков»⁸. Но это только территория Нижнего Кайтага, названного И. Гербером просто «Хайтаком». Вторую часть уцмийства «Карахайтак» И. Гербер располагал «выше хайтаков, между нижними горами, далее к весту (западу — авт.) имеются высокие горы, за которыми кумыки живут, к зюйду (югу — авт.) протянется до Табасарании и хасии кумыкам, а к норду (северу — авт.) до Кубяща»⁹. По свидетельству А. И. Лопухина, речка Куце «разделила владение усмиево с салтан Мамутом утемышим»¹⁰. Я. Рейнегг отмечал

¹ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 143; История Дагестана. Т. I. С. 382—386.

² Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. С. 117.

³ Русско-дагестанские отношения... С. 95.

⁴ Гербер И.-Г. Описание стран и народов... // ИГЭД. С. 85.

⁵ Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 217.

⁶ Лопухин А. И. Журнал путешествия. 1718 г. // ИГЭД. С. 30.

⁷ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. 3. С. 25.

⁸ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83.

⁹ Там же. С. 84.

¹⁰ Лопухин А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 33.

в 80-е годы XVIII в., что «правой берег реки Инче составляет северный, а река Тербах (Дарбах — авт.) — южные границы княжества Каракайдека» и что земля уцмий «с южно-западной и западной стороны граничит... с другими поколениями и с Али-Султаном (мехтулинский хан — авт.)»¹. Автор конца XVIII в. Д. И. Тихонов собрал сведения о всей территории Кайтагского уцмийства. Он писал, что «владение уцмиево» определялось «от севера шамхаловым и Али Султановым (мехтулинский хан — авт.) владениями, частью и акушинцами; от востока также омывается Каспийским морем; от юга рекою Дарбахом до вершины, от коей хребтом горы, между рек Гургени и Буама, со владениями Дербентским, кадиевым и Девек Елемиевым; от запада выше-сказанным хребтом гор с народом вольным казыкумыками»².

Данные начала XIX в., дополняя сведения XVIII в., указывают на наличие в составе уцмийства Кайтагского плоскостной и горной частей, говорят о протяженности его территории. Так, А. И. Ахвердов в 1804 г. писал: «Владение уцмий каракайдацкого есть на плоскости, в длину простирающееся на 50, в ширину от моря до гор 25, а внутри гор, из деревни его пребывания, называемой Баргшлы, до 90 верст»³. По сведениям 20—30-х годов XIX в., уцмийство Кайтагское занимало территорию от речки Орусай-Булак к югу вдоль Каспийского моря на 60 верст до реки Дарбах, в ширину от моря до гор и в самих горах верст на 100, а в окружности 350 верст⁴. Аналогичные сведения содержат и работы, изданные позже, но касающиеся и исследуемого нами периода⁵. Отдельные авторы указывают даже на детали границ уцмийства. Так, П. Зубов писал, что уцмийство «Отделяется от Казыкумыкского Ханства на Западе хребтом гор в дугообразном направлении; на Юге рекою Дарбах и частью Табасаранских гор — от Табасарани; на Севере — горами от Акуши, рекою Орусай-Булак от владений Шамхала, а на Востоке сопредельно Кас-

¹ См.: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII—XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 275, 276.

² Тихонов Д. И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 125—126.

³ Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 215.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия... Ч. 2. С. 309; Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. С. 309.

⁵ См.: Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежавшего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1835. Ч. 3. С. 250; Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. 4. С. 191; Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850. Ч. II. С. 48.

пийскому морю, по западному берегу которого протягивается на 60 верст»¹.

В целом Кайтагское уцмийство занимало южную и юго-восточную части территории Среднего Дагестана — «пространство около 3000 верст»² — обширную по масштабам Дагестана территорию.

Территорию Кайтага принято делить на две части: Нижний Кайтаг (УбяхI Хайдак) и Верхний Кайтаг (ШибяхI Хайдак). Это собственно Кайтаг. Но в уцмийство Кайтагское или Уцмий-Дарго входила и территория, занимаемая даргинцами, которая была известна под общим названием Муфра, куда входили собственно Муфра, Гапш (ХIябш) и Ганк. Каждая из этих частей, в свою очередь, делилась на более мелкие структурные единицы.

В имеющихся источниках и в исторической литературе существует различное деление Кайтагского уцмийства. Наиболее ранние сведения по этому вопросу дает Э. Челеби. Он писал, что эта «Страна разделена на семь округов»³. И. Гербер, а за ним и Я. Лерх делили Кайтагское уцмийство на Хайдак и Карахайдак⁴. У Я. Рейнегса оно состояло из 5 уездов: Кьутсе, Баршли, Каракайдек, Мурр-ерг и Ирчамул⁵. Кьутсе, по его сведениям, — это степь, простирающаяся от правого берега р. «Инче» до р. Дарбах, в которую входило 12 деревень татар, «называемые терекемме». «Уезд Баршли», по сообщению Я. Рейнегса, состоял из ряда сел. В составе уезда даются Ахмедкент, Каякент, остатки старинной крепости Гумри. В уезде «Мурр-ерг» перечислен Янгикент, который «почитается величайшею деревнею в уезде Мурр-ерг», имеющей в своем составе 1500 дворов и как «жилище Устархана, брата уцумова». К западу от «Каракайдека» он располагал собственно Кайтаг «с принадлежащими... деревнями», содержащий «в себе 3000 семей». Уезд Ирчамул Я. Рейнегс располагал в южной части Кайтага на границе с Табасараном, в котором 5000 семей. В составе Ирчамула указан Маджалис — «величайшее и всем известное в Ирчамуле место»⁶.

Я. Рейнегс не совсем разобрался в «уездах» Кайтага. Но да-

¹ Зубов П. Указ. соч. Ч. 3. С. 250.

² Обзорение Российских владений... Ч. 1. С. 21.

³ Челеби Э. Указ. соч. Вып. 2. С. 117.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83, 94; Лерх Я. Продолжение известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию, с 1745 по 1747 год // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Ч. LXII. С. 77.

⁵ Дагестан в известиях... С. 277.

⁶ Там же. С. 277—278.

же с недостатками его сведения о разделении Уцмийства на части представляют интерес как наиболее ранние по этому вопросу.

Немногим позже Я. Рейнегса Д. И. Тихонов разделил Кайтагское уцмийство на 13 округ: Терекемейская, Ирчамурская, Ширкулаламская, Хайдагская, Гамринская, Каракайдацкая, Кочегенская, Девекская, Муире, Кубечинская, Карбукская, Сирга и Кабардигенская¹. Дается им и перечень сел каждой округи с указанием их столиц, а также расположение (территория) всех округов. При этом он допустил много неточностей, не только выделяя в качестве частей отдельные села как Дейбук, Харбук, перечислив в составе Кайтага Сюрга и Каба-Дарго, но и часто путая собственно состав округ.

С. Броневский выделил в Уцмийстве только собственно Кайтаг (около Буама) и Каракайтаг — по Дарбаху². Он вообще не говорит об обществах Кайтага. М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг в «округе Каракайдакском» дают «каракайтакцев, кайтакцев, терекемейцев и кубечинцев»³. В «Обзрении Российских владений за Кавказом» говорится, что «Каракайтагская провинция» состоит из 10 магалов: Терикели, Гамри-Озенский, Каба-дарга, Ганк, Мюра, Сыргя, Габиси, Кара-Кайтаг, Шурхан и Урджамин⁴. Отметим, что и это деление не отражает действительного состава уцмийства, поскольку перечислялись в числе магалов, не входившие в XIX в. в него союзы, а в составе первых и села, входившие в другие территориально-политические структуры.

И. Н. Березин и А. Берже делили Кайтаг на Верхний и Нижний⁵. Первый из них писал, что они «оба состоят из 8 магалов или участков». Это те же самые части, что и в «Обзрении...», но без Сюрга и Каба-Дарго. Аналогичный состав дает и А. Берже. Эти авторы, пожалуй, дают наиболее верное деление, но без общества Каттаган.

Среди авторов 70—80-х годов XIX в., писавших о Кайтаге, отметим Н. Дубровина и Е. Вейденбаума. Первый из них писал, что Кайтаг или Кара-Кайтаг состоит из двух частей — Горного и Нижнего. Горный Кайтаг он делит на Вольный и Верхний Кайтаг, а Нижний, по его мнению, состоял из Терекеме и Гамри-Озена, занимал территорию, граничащую к северу с Шамхальством, к востоку с Каспийским морем, к югу с Табасараном и к западу с Дар-

гинским округом. Горный же Кайтаг, пишет он, граничит к северу с участком Терекеме, к западу с Дербентским округом, к востоку и югу с остатками дербентской стены, отделяющими от Табасарана¹.

По Е. Вейденбауму Уцуми-Даргва — это совокупность всех земель, состоявших под властью уцмий кайтагского. Они известны под общим именем Кайтак (правильнее Хайдак), который делится на верхний и нижний², а отмеченная им особо «Гвамур-Даргва» «составляла также часть владения уцмий, но получила особое название вследствие того, что управлялась всегда кем либо из членов семейства владетеля»³.

О восьми частях Уцми-Дарго писал Е. И. Козубский. Это Муира (Муире, состоявшее из трех частей: собственно Муира, Хапши (Гапш) и Ганк); Шибх Хайдак (Верхний Хайдак, Кайтах, Кайтаг), состоявший из: Шурганта (Шурконт), Каддагни (Каттаган) и Уртчимула (Ирчамул); Убах Хайдак (Нижний Хайдак или Кара-Кайтаг, т. е. черный Кайтаг); Хуцари (Уцари); Мажалис (Маджалис-Катта) и Таркамт⁴ (Терекеме). Отметим, что в составе ряда из них указаны их части-общества. Хамур-Дарго Е. И. Козубский дает отдельно.

Население Кайтагского уцмийства состояло из разных этнических групп. Это было полиэтничное феодальное государство. В него входили как собственно кайтаги, так и кумыки, терекемейцы, даргинцы, кубачинцы и евреи. Наиболее ранние сведения о населении Кайтага изучаемого периода содержатся у Ф. Котова, который жителей между Дербентом и Тарками называет лезгинами⁵. А. Олеарий их считал татарами, поскольку назвал уцмий «татарским князем»⁶. Но в то же время, описывая Тарки, он подчеркнул, что «Здешние дагестанцы, ровно как и бойнаки и живущие более к северу люди, именуются кайтаками»⁷. Значит, А. Олеарий различал собственно кайтаков и кумыков, названных им татарами.

Я. Стрейс называл жителей плоскостной части Уцмийства «калмыцкими татарами», в отличие от «дагестанских татар», подчиненных шамхалу⁸. По сведениям Э. Челеби, в Хайдаке основное

¹ Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. I. С. 507.

² Вейденбаум Е. Путешествие по Кавказу. Тифлис, 1888. С. 109.

³ Там же. С. 110.

⁴ Козубский Е. М. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 53—54.

⁵ См.: Дагестан в известиях... С. 65.

⁶ Олеарий А. Описание путешествия... С. 489.

⁷ Там же. С. 498.

⁸ Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 241.

¹ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 130—131.

² Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 310.

³ Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ соч. // ИГЭД. С. 309.

⁴ Обзорение Российских владений... С. 191—193.

⁵ Березин И. Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 49; Берже А. Краткий обзор горских народов на Кавказе // КК на 1858 г. Тифлис, 1857. С. 31.

население составляли кумыки, кайтаки, лезгины, гёк-булаки¹. Последние, видимо, это терекемейцы, названные Я. Стрейсом «калмыцкими татарами». В 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггс, будучи в низменной части Кайтага, писал, что язык «Каракайдека», как и «Гази-Кумука», «есть татарской, но столь испорченной, что никакой другой татарской народ разуместь его не может»². Он ошибался, говоря, что у лакцев и кайтаков — один и тот же «татарской» язык, но не исключено, что жители равнинной части уцмийства говорили на кумыкском языке, т. е. на тюркском языке. Я. Потоцкий делил население Кайтага на белых и черных. «Белые кайтаги, — отмечал он, — живут на берегах моря, говорят на особом тюркском диалекте, почему их обычно и называют тюрки, что доказывает их происхождение от тюрков-сельджуков.

Черные кайтаги (кара кайтаги) или горцы, по-видимому лезгины, или сродни лезгинам, как акушинцы, ибо Geerger (Гербер), который их видел, говорит, что он нашел достаточно лезгинских слов в их языке...»³. Когда речь идет о лезгинах, ясно, что имеются в виду дагестанцы вообще и верно, что в их языках много схожих слов. Но, очевидно, здесь Я. Потоцкий имеет в виду даргинский язык, схожий с кайтагским.

Ю. Клапрот, издавший работу Я. Потоцкого, население Кайтага как и других горцев, называет лезгинами. Это общее название равнозначное дагестанцам. Далее он пишет, что «они образуют два племени: первые, называемые Кайтаг, или черные кайтагцы, живут налево от Дербента. Берега моря заняты туркоманоманами (кочевниками), и между устьем Буама и устьем Дарбаха — другим племенем из того же самого народа. Это племя носит свое имя, производя его от Beregoë (Берекоë) названия своего главного города»⁴. Beregoë — это Берекей, известный у С. Броневского как Берекег или Берекой, который он перечисляет вместе с другими населенными пунктами уцмийства Кайтагского

¹ Челеби Э. Указ. соч. Вып. 2. С. 115.

² Дагестан в известиях... С. 267.

³ Выдержки, касающиеся истории Дагестана из книги «Путешествие в Астрахань и на Кавказ. Первоначальная история народов, обитающих в этих странах. Новое описание Понта Эвклинского графом Иваном Потоцким. Работы, опубликованные и снабженные заметками и таблицами Ю. Клапротом. Париж: Лейпциг, 1829. Т. I—II. / Перев. с франц. З. Кидаловой. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 57. С. 18.

⁴ Клапрот Ю. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций между Россией и Персией. Париж: Лейпциг, 1827 / Перев. с франц. З. Кидаловой. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. С. 17.

и о котором писал, что от названия «сей деревни Россияне называют тамошних жителей Берекойцами»¹.

Интерес представляют и другие сообщения Ю. Клапрота. О каракайтагах он писал, что они «имеют в качестве столицы Кара-Гуриш (Kara-gourich) на ручейке, который течет на юг и впадает в Дарбак. Они частично евреи, частично мусульмане, сунниты»². Речь, конечно, здесь должна идти не только о самих каракайтагах, но и отдельно о евреях, живших ранее в горном ущелье, проходящем вдоль Кала-Корейша и известном под названием «Жугьут-Ила кьадди» («Еврейское ущелье»)»³. Но в период Ю. Клапрота они уже жили в Маджалисе отдельным кварталом «Жугьут-Ила кьатI» («Еврейский квартал»). Вслед за Я. Потоцким (и под влиянием его работы) Ю. Клапрот говорит о сходстве языка каракайтаков и лакцев. «Наречие кайтагцев — каракайтагское и лезгинский диалект, — писал он, — который похож на язык казикумухцев; их начальники также говорят на туркоманском языке»⁴.

К сожалению, мы не располагаем статистическими данными количественного соотношения указанных этнических общностей в изучаемый период. Имеются лишь сведения Д. И. Тихонова за 1796 г. о евреях, которые жили «со своими дворами в местечке Мажалис до 200 домов»⁵. Но, исходя из имеющихся данных по позднему периоду, можно представить и общую картину соотношения их между собой и в более ранний период, так как естественный прирост населения каждой из них был одинаков и увеличение их за счет присоединения этнически родственного населения из других владений в XVII — нач. XIX в. практически не наблюдалось. Так, по сведениям посемейных списков, изданных в 1890 г., картина по численности каждой из указанных этнических групп, входивших в прошлое в Кайтагское уцмийство, во время переписи находившихся в составе трех наибств (Уркарахского, Нижне-Кайтагского и Кара-Кайтагского), выглядит так: в Уркарахском наибстве было: евреев 124 дыма, населения — 509 человек; даргинцев — 3144 дыма и 14.232 жителя; кайтагцев — 213 дыма и 1136 жителей; кубачинцев — 507 дымов и 2232 жителя; в Нижне-Кайтагском наибстве было: евреев (без Дешлагара) 139 дымов и 435 жителей; даргинцев — 824 дыма и 4042 жителя; кайтагцев — 299 дымов и 1402 жителя; кумыков — 2599 дымов и 11.767 жителей; теркемейцев (названы азербайджанскими татарами — авт.)

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 313.

² Клапрот Ю. Указ. соч. С. 18.

³ Erkert R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887. S. 193.

⁴ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 18.

⁵ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 131.

— 1116 дымов и 4653 жителя; в Кара-Кайтагском наибстве было: кайтагцев 2528 дымов и 11.818 жителей. Суммируя все эти цифры, получим общее число каждой из указанных этнических групп Кайтага. Больше всего из них было даргинцев — 3968 дымов и 18.974 жителя, на втором месте — собственно кайтагцы — 2827 дымов и 13.220 жителей; на третьем — кумыки — 2599 дымов и 11.767 жителей; далее следуют терекемейцы — 1116 дымов и 4653 жителя, кубачинцы — 507 дымов и 2232 жителя и евреи — 263 дыма и 1004 жителя¹.

Надо полагать, что в XVII — нач. XIX в. указанные этнические общности занимали аналогичные места по своей численности, хотя и с другими цифрами.

Кайтагское уцмийство было густонаселенной частью Среднего Дагестана. Как указывал И. Гербер, и Нижний и Верхний Кайтаг состояли «во многих хороших и великих деревнях»². По его же словам, среди них деревня Башлы была «знатнейшая» и в ней «усмей» жил³. Он же отмечал, что в Верхнем Кайтаге отличалась «одна деревня великая, крепкая и сильная, Карагураш»⁴. Более 100 лет до И. Гербера Ф. Котов, описывая обратный путь из Персии в Россию, который шел от Низабада к северу через Дербент, Кайтаг, Тарки, Терек и далее до Астрахани, свидетельствовал, что у кайтагов «есть каменная крепость, а сами они живут далеко в горах»⁵. Речь здесь идет о Калакорейше, характеризуемом и более поздними авторами как крепость, а в нач. XIX в. Ю. Клапротом названном столицей Кайтага⁶.

Эвлия Челеби писал, что Хайдак — это «древний город и страна»⁷, что его «главный город находится на берегу Каспийского моря. Наиболее благоустроенная часть города — это гавань»⁸. Трудно сказать, о каком населенном пункте идет речь. Но из дальнейших слов Э. Челеби о том, что «город Хайдак до персидского Демир-Капу очень близко»⁹, можно понять, что это был не Калакорейш, а населенный пункт, находившийся на берегу моря и близко от Дербента. Отсутствие других сведений не позволя-

ет сказать конкретно о каком именно «городе» Э. Челеби идет речь.

По сведениям А. Олеария, бывшего в Дагестане несколько ранее Э. Челеби, кайтагский уцмий («осмин») «Рустам имел свой двор в местечке того же наименования»¹. Речь здесь, видимо, идет о сел. Усемикент. Далее А. Олеарий писал, что их путешествие по территории уцмий «шло в течение... дня пять миль через три красивые деревни»². Речь здесь идет о селах, находившихся на низменности, но конкретизировать их нет возможности из-за отсутствия дополнительных сведений.

По сведениям и таких авторов XVIII в. (помимо указанного И. Гербера), как А. И. Лопухин, Д. Белл, Я. А. Маркович, Я. Лерх, И. А. Гильденштедт столицей уцмийства было сел. Башлы³. Но в 80-е годы XVIII в. Я. Рейнеггс пишет о Башлы как об одной из частей уцмийства — «уезд Баршли», указывая, что «находящаяся в сем уезде деревня Ахмедкент есть всегдашнее жилище уцума»⁴. Среди других сел Уцмийства он перечислил Гамри, Янгикент, Мюрего и Маджалис. Кубачи с 1200 семьями, «принадлежащими к поколению Кубечи» и находящимися к юго-западу от Хайдака, он дает отдельно⁵.

Д. И. Тихонов перечисляет в составе уцмийства около 80 сел, но при этом без сел Ирчамула и Шурканта⁶, в которых было более 30 сел. Но в то же время в составе уцмийства даны им ошибочно села обществ Сюрга и Каба-Дарго.

Как значительные села уцмийства С. Броневский перечисляет Утемиш, Мюрего, Башлы, Уллу-Гамри, Берекей, Великент, Алихан-кала, Баршамай и Кубачи — «город, состоящий на условиях под покровительством Усмея»⁷. Эти села он называет «главнейшими сборными местами округов или обществ» владения уцмий⁸. Башлы он выделяет как «город и местопребывание Усмея, на речке Башлы, в 30 верстах от моря, в горах», который «заклучает окол 500 домов, большею частию каменных»⁹.

¹ Олеарий А. Указ. соч. С. 495.

² Там же.

³ Лопухин А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 31; Белл Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Ч. 3. С. 173; Дагестан в известиях... С. 186, 189; Лерх Я. Указ. соч. С. 77; Гильденштедт И. А. Географическое и статистическое описание... С. 134.

⁴ Дагестан в известиях... С. 277.

⁵ Там же. С. 278.

⁶ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 132—133.

⁷ Броневский С. Указ. соч. С. 312, 313.

⁸ Там же. С. 312.

⁹ Там же. С. 311.

¹ Дагестанская область: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья/Издание Закавказского статистического комитета. Тифлис, 1890. С. 62—63; 64—65; 70—71.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83, 84.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Дагестан в известиях... С. 65.

⁶ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 18.

⁷ Челеби Э. Указ. соч. Вып. 2. С. 117.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Эти же сведения повторил в 1835 г. П. Зубов, назвавший Башлы столицей уцмийства, который «расположен на покатости горного кряжа, простирающегося между двух рек: Озень и Буам, из коих первая омывает северныя башни Башлов». И далее он отмечает: «Город сей, укрепленный природою и искусством, заключает в себе около 400 домов, анфитеатром построенных из тесаного камня, окружен стеною с башнями, и имеет до 2000 жителей»¹.

В изданной в 1836 г. работе «Обозрение Российских владений за Кавказом» в составе указанных выше частей Кайтага перечислены все села, входившие в каждый из магалов². Это наиболее полные сведения о населенных пунктах уцмийства после их перечня, имеющегося в работе Д. И. Тихонова, который для конца XVIII — нач. XIX в. не совсем верен.

По архивным данным начала XIX в. всех сел в Кайтагском уцмийстве было 57, из них 32 — в Верхнем Кайтаге и 25 — в Нижнем³. Однако и эти цифры не верны, так как на самом деле во всем Кайтаге было более 100 населенных пунктов. Это расхождение в цифрах объясняется тем, что в указанном составе не учтены все села Нижнего Кайтага, которых на самом деле было не 32, а 80, входивших в Маджалис-катти, Хамур-Дарго, Терекеме, Каракайтаг, Ирчамул, Шуркант и Каттаган. Только в двух обществах — Ирчамуле и Каракайтаге было 32 селения⁴.

В целом в изучаемое время в Кайтагском уцмийстве действительно было много сел и притом среди них ряд известных и относительно крупных и хорошо защищенных. Среди них выделяется Башлы как столица уцмийства, называемый многими авторами городом. Но в то же время и Калакорейш продолжает оставаться одной из столиц уцмийства, находящейся в горном Кайтаге, где уцмий укрывался в период опасности и борьбы с иноземными завоевателями.

Густонаселенность Кайтагского уцмийства предопределила и относительно большое число его населения. Следует отметить, что мы располагаем сведениями о численности его населения по всем изучаемым векам, хотя они и противоречат друг другу. Но все же по ним можно дать общую картину, установить наиболее приемлемые цифры населения Кайтага.

¹ Зубов П. Указ. соч. Ч. 3. С. 255—257.

² Обозрение Российских владений... Ч. 4. С. 191—193.

³ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 25; см. также П. (Петухов). Очерк К.-Табасаранского округа. (В Южном Дагестане) // Кавказ, 1867. № 7.

⁴ См.: Комаров А. Народонаселение Дагестанской области. (С этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. 8. С. 43; Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 306—331; полевой материал 1982 г.

Наиболее ранние сведения по числу населения уцмийства относятся к 30-м годам XVII в. В челобитной к царю Михаилу Федоровичу от 2 сентября 1634 г. кайтагский уцмий Рустам-хан писал, что он «учинился есми со всеми своими людьми с шестдцать тысячью государю в холопстве...»¹. Но в отписке терского воеводы князя М. П. Пронского в Посольский приказ о переговорах с кайтагским уцмием от 19 декабря 1634 г. сказано, что уцмий «учинился... с сорокма тысячами кайдацкими людьми тебе...»², т. е. царю. К этому же времени относятся сведения Эвлия Челеби, писавшего, что в уцмийстве было 20—50 тысяч человек³.

Из этих двух сведений можно было бы вывести среднее число, но сначала обратимся к сведениям последующих веков. «Уцмий каракайдацкий с кочующими», — писал участник Персидского похода 1796 г. И. Т. Дренякин, имел 25.000 дворов, а число жителей доходило до 75.000 человек⁴. Аналогичные цифры дают и другие участники этого похода П. Г. Бутков⁵ и С. Броневский⁶, а также Ю. Клапрот⁷, М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг⁸. Согласно архивным материалам начала XIX в., в уцмийстве Кайтагском было 6.032 двора и 29.484 жителя, из них в Нижнем Кайтаге — 3530 дворов и 18.421 человек, в Верхнем Кайтаге — 2502 двора и 11.063 человека⁹. По данным 30-х годов XIX в., «Владение Каракайтагское» имело более 10.400 дымов с 36700 душами мужского пола¹⁰. На фоне всех этих сведений нам кажутся заниженными цифровые данные Ф. Боденштедта, по сведениям которого «Число жителей Верхнего и Нижнего Кара-Кайтага» доходило только до 15.000 человек. Но при этом он дает кубачинцев отдельно¹¹, которых, по сведениям Я. Рейнегга, в 80-е годы XVIII в. было 1200 семей¹², по сведениям С. Броневского — всего около 500 домов¹³, а по данным Ю. Клапрота — 1000 семей¹⁴. Но даже если

¹ Русско-дагестанские отношения... С. 123.

² Там же. С. 125.

³ Челеби Э. Выдержки из «Путешествия» // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 16, 82.

⁴ Дренякин И. Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. Таблица.

⁵ Бутков П. Г. Сведения о Дербентском и Кубинском владениях. 1798 г. // ИГЭД. С. 210.

⁶ Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 314.

⁷ Клапрот И. Историческая... С. 10.

⁸ Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 309.

⁹ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.

¹⁰ Обозрение Российских владений... Ч. 1. С. 21.

¹¹ Bodenstädt F. Die Völker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. Berlin, 1855. S. 317.

¹² Дагестан в известиях... С. 278.

¹³ Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 314.

¹⁴ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 10.

допустить среднее между приведенными цифрами и иметь в виду Кубачи в составе Уцмийства, расхождение в количестве населения перечисленных авторов и Ф. Боденштедта получается слишком большое. Думается, что все же более верны цифровые данные по этому вопросу авторов конца XVIII в. Сопоставление этих же сведений со сведениями XVII в. говорит о росте числа населения Уцмийства в XVIII—XIX вв.

Из общего количества населения Дагестана (400 тыс. человек), которое дает Ф. Боденштедт, население Кайтагского уцмийства составляет всего 3,75 проц. Вряд ли это верно для такого крупного по масштабам Дагестана феодального владения. Поэтому нам кажутся более верными данные других указанных выше авторов.

В какой-то мере правдоподобность нашего мнения обосновывается и сведениями о количестве вооруженных, которых мог выставить уцмий Кайтага. Наиболее ранние сведения о вооруженных силах уцмийства относятся к первой трети XVIII в. Известно, что в августе 1722 г. кайтагский уцмий и утемышский султан выступили против войск Петра I, двигавшихся к Дербенту. По разным сведениям, горцев было от 5 до 16 тыс. человек. Как писал А. Неверовский, для задержки «дальнейшего наступления Петра Великого» уцмий Ахмед-хан «собрал до 16 тысяч человек, с которыми атаковал русских недалеко от Буйнака»¹. Это были объединенные силы уцмийства Кайтагского и султанства Утемышского. Но основную часть их все же составляли кайтагцы, утемышцы при всем желании не могли собрать и половины указанного числа вооруженных. Возможно, указанные в журнале Кантемира 5 тыс. человек были вооруженные подданные собственно утемышского султана².

В последующих сведениях число вооруженных лиц Уцмийства колеблется от 2 до 8 тысяч человек. По Я. А. Марковичу, в 20-е годы XVIII в. уцмий мог собрать «8000 татар, тавлинцов 6000, а его усмиевих 2000»³. С. Броневский, М. К. Ковалевский и И. Ф. Бларамберг писали, что уцмий может иметь более 8 тысяч вооруженных людей⁴, П. Г. Бутков — до 7 тыс.⁵, а Ю. Клапрот, что 7 тыс. человек уцмий может выставить вместе со своими братьями⁶.

¹ Неверовский А. Краткий исторический взгляд... С. 15.

² Бутков П. Г. Материалы... Ч. 1. С. 25.

³ Дагестан в известиях... С. 184.

⁴ Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 314; Ковалевский М. К., И. Ф. Бларамберг. Указ. соч. // ИГЭД. С. 309.

⁵ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 210.

⁶ Клапрот Ю. Историческая... С. 10.

* * *

Историко-экономическая география или география экономического развития Кайтагского уцмийства характеризовалась выгодным расположением его территории, способствующим развитию основных отраслей сельскохозяйственного производства — земледелия, скотоводства, садоводства — и делавшим его одной из наиболее экономически развитой частью не только Среднего, но и Дагестана в целом. Равнинная часть, растянувшаяся с севера от реки Инче до границ Дербентского ханства, была житницей Кайтага, обеспечивая хлебом также многих горцев, в особенности жителей даргинских обществ. В горной части находились прекрасные пастбища, необходимые для содержания крупного рогатого скота и овец. Не без основания Я. Рейнеггс писал об уцмие, что «земля князя сего имеет наивыгоднейшее и плодоноснейшее положение»¹. Проезжавший по территории Кайтага в 1636 г. А. Олеарий писал, что они прошли три красивые деревни, «имевшие вокруг себя несколько плодовых садов и тучные пашни»². В 1728 г. И. Гербер отмечал, что в «Хайтацком уезде» «довольно пашен, садов и речек, при которых много мельниц построено, а особливо имеются добрые луга для корму скотины и баранов»³. Говоря же конкретно о занятиях населения уцмийства, И. Гербер писал, что они «питаются скотоплодием и имеют довольно пашен, также садов виноградных и протчих овощей. Пшеницею и ечменем удовлетворяют многих в горах живущих народов»⁴. Особенно с восхищением отмечал красоту и богатства земли Кайтага, ее плодородность Я. Рейнеггс. О терекемейской равнине («Къутсе») он писал: «Двенадцать деревень, обитаемых татарами, называемыми терекемме, собирают с плодоносных своих полей пшеницу, ячмень, пшено, просо и хлопчатую бумагу. Они также стараются разводить шелк к немалому себе прибутку, и стада им приносят немалую пользу. От реки Инче даже до реки Малого Буама лежащая страна весьма лесиста, которая потом выходит на луга пространная, плодоносная и зрению весьма приятная. А чтобы плодоносная сия земля не имела недостатку в воде, то природа оросила ее еще одною немалою рекою, Большой Буам называемую, которая, разливаясь в бесчисленные ручьи, утучняет сухость земли, безпрестанными морскими ветрами причиняемую»⁵.

¹ Дагестан в известиях... С. 276.

² Олеарий А. Указ. соч. С. 495.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83—84.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Дагестан в известиях... С. 276—277.

О предгорной части ущийства Я. Рейнеггс писал, что в ней сплошной лес, «а некоторые горы и совсем им заросли и вся приятная сия страна ничто иное как лес один...», и если бы жители его росту «не препятствовали и не обрабатывали бы землю с большею себе пользою»¹, леса было бы еще больше. А. И. Лопухин в 1718 г., отмечая развитость подсечного земледелия в Кайтаге, писал, что «от самого моря все место ровное и лесом довольно, и деревни усмиевы поселены все в лесу, есть около их и поля немалые»². «Плодоноснейшим уездом утцумова княжества» был Ирчамул, жители которого, по словам Я. Рейнеггса, «пользуются благословением природы, которая в расселине каждаго камня питает виноградную лозу». Развитость виноградарства, а также садоводства отмечена им и в Маджалисе³.

По свидетельству Д. И. Тихонова, «терекемейцы» и «хайдаки» выращивали хлеб, выкапывали марену, занимались пчеловодством, скотоводством и особенно садоводством. «Фруктов разных родов, — писал он, — как-то: груш, слив, больших орехов, винных ягод, абрикос, винограда и прочих, во всех деревнях в довольном изобилии». Им же отмечена многочисленность «мельниц мучных», которых «самостоятельными жителями сделано в довольном количестве... на каналах, проведенных из текущих речек близ самых гор» и были «расположены одна от другой в близком расстоянии»⁴.

Весьма любопытны и сведения начала XIX в. о развитии хозяйства ущийства. А. И. Ахвердов писал, что жители его «имеют довольно изрядной прибыток от своих земель, как-то: на плоскости живущие хлебопашеством, посевом сорочинского пшена и хлопчатой бумаги, шелководством, также от нефтяных колодцов». Причем, как отмечал он далее, доходы от последних «принадлежат уцмию и его сродникам, а от марены народу, которой так необыкновенно много растет, что никогда и не воскапывают, а когда осенью под пшеницу и весною под проса и прочее пашут землю, выворачивают плугом... Иные пахари в одну весну вырезают марены на четыреста рублей серебром..., а почти вообще всякой не менее двухсот рублей серебром ежегодно получает»⁵.

О жителях же предгорного Кайтага А. И. Ахвердов писал, что они «имеют небольшие хлебопашества. Главной же их доход составляют фруктовые деревья, как-то: дулевые, яблочные, айвовые, персиковые, абрикосовые, ореховые». О жителях горного Кайтага

он писал, что они «имеют очень нужную землю, на которой сеют какарузы и выдывают из оной муку, а главное пропитание имеют от овечьих стад, кои содержат зимой на плоскости, а летом в горах»¹.

Развиты были в Кайтагском ущийстве также ремесла и домашние промыслы. Д. И. Тихонов писал, что жители ущийства «из шерсти овец делают на продажу ж и домашние употребления простые сукна: синие, черные, белые, и разные ковры, делают и бумажный холст». Они делали также «Ружья, пистолеты, сабли и кинжалы с оправой серебряной», делали сами и порох².

Последние слова имеют больше отношение к кубачинцам, о которых много написано и исследователями³. Поэтому о кубачинцах и их ремесле ограничимся только свидетельствами отдельных авторов. И. Гербер писал, что кубачинцы «все люди мастеровые, у них делается самая лутчая серебрянная работа, оружие, добрые сабли, панцери и протчее, которое не токмо во всех здешних местах, но и в Персии и в турецкой земле славно, и такое оружие с охотой покупают»⁴. Мастерство кубачинцев Я. Рейнеггс сравнивал с искусством европейских мастеров и писал, что они «делают ружья, сабли, пистолеты и ножи и мастерством своим всем известны, золотая и серебряная их работа подобна карлсгатской или агсбургской, а как столь искусных мастеров нет ни в Персии ни в Анатолии, то работа их везде в славе, в великом употреблении и дорого покупается». Он указывал также, что «женщины делают тонкия шерстяныя сукна особливого рода»⁵, что в начале XVIII в. отмечал А. И. Лопухин⁶. Для полноты картины приведем еще слова А. И. Ахвердова, писавшего о кубачинцах: «Все жители сии, жены их, сыновья и дочери, достигшие десятилетияго возраста, суть ремесленники. Мушины занимаются деланием панцырей, ружей, пистолетов, кинжалов, ножей, конских и оружейных приборов, также и женских поясов из золота и серебра, равномерно наводят на серебро золотую, а на железо золотую и серебрянную насечку черни, в чем пособствуют им малолетные их дети и самые жены, хотя сии последния большею частию упражняются в тканье самых лучших в горах сукон и холстов. На плоскости под деревнею имеют в небольшом количестве шелковичныя деревья и делают шелк, занимаясь отчасти и в купеческом ремесле»⁷. Известными

¹ Там же.

² Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 134.

³ Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.: Л. Изд-во АН СССР. 1949.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 75.

⁵ Дагестан в известиях... С. 278.

⁶ Лопухин А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 30.

⁷ Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 216—217.

¹ Там же. С. 277.

² Лопухин А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 31.

³ Дагестан в известиях... С. 277.

⁴ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 134.

⁵ Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 216.

центрами ремесленного производства были также Харбук, Сулевкент, Амузги.

Жители уцмийства занимались и торговлей. Д. И. Тихонов отмечал, что они торговлю «производят по большей части с соседними владениями, как-то: скотом, хлебом, медом и воском. Мариону продают в Дербенте, а иногда доставляют и в Кизляр». Продавали они и сукна разных цветов. Сами же покупали «привозимые из России и Персии парчи и сукна, медь, олово, железо, а свинец и селитру от дербентцов и кубинцов. Серебро и золото достают из России и Персии». Лучшие кремни покупали в Губдене¹.

Большим спросом пользовались кайтагские фрукты. По словам А. И. Ахвердова, кайтагцы персики и абрикосы привозили в Кизляр сушеные, «а прочей все с дерева и самые свежие» продавали «довольно выгодными ценами в Кизляре, где за удовольствием» везли «в Астрахань и оттуда в российские разные города»².

Особенно сильно развита была торговля среди кубачинцев и калакорейшцев. «Большая часть жителей занимается торговлею», — писал о кубачинцах Я. Рейнеггс³. По словам А. И. Ахвердова, кубачинцы все изделия ремесла и «рукоделия» отвозили в Дербент, где продавали «во все места»⁴. Согласно таможенным рапортам караульных команд за 1735 г., только за один день 30 января в Дербент въехали из Калакорейша 50 человек с 50 вьюками бурок и сукон, а 15 февраля — 6 кубачинцев с двумя вьюками сукон⁵. Изделия ремесла кубачинцев были известны за пределами Дагестана и Кавказа. Как писал И. Гербер, кубачинское оружие и другие изделия ремесла везде, в том числе в Персии и Турции, покупали с охотой⁶. По сведениям 1735 г., башлинцы продавали пшеницу, великентцы — бурки, сукна, кожи, краски⁷. Харбуццы торговали мелкими изделиями металлообработки и холодным оружием, сулевкентцы — гончарными изделиями, амузгинцы — также изделиями металлообработки. Жители других горных сел Кайтага продавали продукты животноводства.

Как и историко-экономическая география, историко-политическая география уцмийства Кайтагского определялась его выгодным

¹ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 134.

² Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 216.

³ Дагестан в известиях... С. 278.

⁴ Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 217.

⁵ Шихсаидова Р. С. Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-закавказских торговых взаимоотношений в XVIII — нач. XIX в. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 101—102.

⁶ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 75.

⁷ Шихсаидова Р. С. Указ. соч. С. 101.

географическим положением¹ занимаемой им территории, а также многочисленностью населения. По словам А. И. Лопухина, уцмий был «владелец людной»². Все это делало уцмийство сильным и влиятельным владением Дагестана во все периоды истории его существования, в особенности же в изучаемое время. Чтобы не быть голословным, обратимся к источникам разных веков. Еще в 1618 г. в отписке терского воеводы Н. Вельяминова о сношениях с кайтагским уцмием Рустем-ханом писалось: «И князь Сунчалей мне... сказал, что уцмей де князь кайдацкой в горах человек первой и людьми силен, никому не служит, ни турскому, ни крымскому, ни кызылбашскому не голдует и ясаку не дает, а человек де он гордой против Гирея-князя (правитель Тарков—авт.) не вставая шапки не сымает, и Гирей де перед ним з братом своим с Илдаром вместе не садятца и стоят на коленках..., земля де его в крепких местах»³. А. И. Лопухин писал, что уцмий Кайтага был «владелец сильной и славной, ведают про то, что здесь, кроме его, никто силы такой не имеет»⁴.

Источники отмечают, что Кайтагское уцмийство было вторым после шамхальства владением, имевшим большой вес и влияние во всем Дагестане. И. Гербер писал: «Усмей после шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне еще в великом почтении»⁵. Именно такое положение уцмийства дало основание другому офицеру русской армии Я. А. Марковичу, бывшему здесь в 20-х годах XVIII в., писать, что «шамхан был целым комендиром, а усмей, чина имя, вицекомендиром»⁶. Справедливо в одном из источников сказано: «Род усмиев издревле пользовался почетом и относительным могуществом в Дагестане и уступал только Шамхальскому роду, когда Шамхалы в качестве Валы Дагестанского были поставлены выше других владельцев; но когда Шамхалы утратили прежнее свое значение и в половине 17 столетия перенесли свою резиденцию из Казикумуха в Тарки, то Уцмии стали равносильными с Шамхалами»⁷. И. Н. Березин также подчеркивал, что «Первоначально Усмий вместе с Шамхалом составляли первостепенных владельцев Дагестана»⁸.

Такое почетное положение уцмий отмечено и другими автора-

¹ Дагестан в известиях... С. 276.

² Лопухин А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 11.

³ Русско-дагестанские отношения... С. 64—65.

⁴ Лопухин А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 23.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 83.

⁶ Дагестан в известиях... С. 180—181.

⁷ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 39.

⁸ Березин И. Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 49.

ми¹. А. Я. Лерх писал, что уцмий был «сильнее прочих», и поэтому русские «его весьма часто ласкали»². Речь в данном случае идет об уцмие Ахмед-хане, о котором В. Потто писал, что он «был действительно одним из сильнейших владельцев в горах»³. Кроме того, как отмечал Я. А. Маркович, уцмий был также «против других владельцев горских далеко богатший»⁴. Богатство и сила уцмий и выделили его среди других владетелей Дагестана. И верно пишет В. Г. Гаджиев, что «Кайтагское уцмийство всегда играло заметную роль в истории Дагестана»⁵.

* * *

Уцмий Кайтага играли либо первостепенную роль, либо принимали самое активное участие во многих политических событиях исследуемого времени. Так, в 1606 г. по просьбе дербентцев уцмий участвовал в освобождении города от турецкого гарнизона, после чего, как и некоторые другие владетели Дагестана, он попал под влияние Ирана. Шахи Ирана в XVII в. вмешивались во внутренние дела Кайтага, утверждали уцмий во владельческих правах. В связи с ухудшением отношений уцмий Рустам-хана с Ираном в конце 30-х—нач. 40-х годов XVII в. шах поддержал претензии на власть в Кайтаге племянника Рустем-хана Амирхана-Султана. В 1645 г. уцмий разгромил последнего вместе с шахскими войсками. Но, получив более мощное подкрепление от шаха, Амирхан-Султан разбил уцмий Рустам-хана и тот вынужден был отступить в горы Кайтага, по сути дела, уступив Амирхан-Султану Нижний Кайтаг⁶.

Усиление влияния и господства Ирана вызвало в Кайтаге мощное антииранское выступление народных масс, вылившееся в 1659—1660 г. в вооруженное восстание с участием более 30 тыс. человек, в том числе эндирейских и тарковских правителей⁷. Од-

ним из активных предводителей восставших горцев был сын Рустам-хана Улуг (Уллубий). Весной 1660 г. на территории Кайтага вблизи Маджалиса произошло сражение. Горцы не смогли противостоять регулярным войскам шаха (15 тыс. человек), оснащенным артиллерией и потерпели поражение¹. Но и шах Аббас II, не получив больших политических выгод из этого, вынужден был довольствоваться компромиссом с шамхалом тарковским Сурхаем, после смерти Улуга (Уллубия) выдвинувшимся в руководители восставших².

В 1689 г. один из отпрысков маджалисской ветви рода уцмиев Гусейн-хан, поставленный шахом правителем Кубы, совершил поход в Кайтаг и овладел сел. Башлы. Но уцмий Али-Султан, «собрал из разных горских народов 30 тысяч воинов», изгнал его в Кубу³. После смерти Али-Султана в 1696 г. уцмием стал его сын Эмир-Гамза. Но он был вытеснен в горы сыном Гусейн-хана Ахмед-ханом, который, в свою очередь, был вытеснен из сел. Башлы в Маджалис, где он был убит по наущению сына Уллубия Ахмед-хана. Вместе с титулом уцмий, полученным Ахмед-ханом от шаха в 1710 г., ему было назначено 200 туманов жалованья в год. Усиливаясь «день со дня», Ахмед-хан пошел войною на Табасаран, разграбил несколько деревень, после чего правители его «изъявили покорность и отпустили заложников»⁴.

С начала XVIII в. Ахмед-хан принимает самое активное участие в антииранском выступлении. В 1711 г. войска уцмий участвовали во взятии Шабрана. В том же году вместе с Дауд-беком и Сурхаем уцмий участвовал в осаде Шемахи. В 1721 г. войска уцмий опять участвовали в осаде и взятии Шемахи, а в следующем году — и в осаде Ардабила. Но, узнав о походе Петра I в Дагестан, Ахмед-хан возвратился в Кайтаг. Он неприязненно встретил поход царских войск. Войска уцмий вместе с утемышцами участвовали в сражении с войсками Петра I в урочище Кучюк-Избар в августе 1722 г.⁵ В 1725 г. уцмий подстрекал шамхала Адиль-Гирея выступить против русских, обещая помощь. Но, увидев, что турки не помогли и шамхал потерпел поражение, уцмий в том же году присягнул на верность России, дал аманатов и сохранил власть. Ему было определено жалованье в 2 тыс. руб. в год.

Кайтагское уцмийство и его правитель Ахмед-хан принимали самое активное участие в борьбе народов Дагестана против пол-

¹ Берже А. При-Каспийский край. С. 322; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах, биографиях. СПб., 1887. Т. I. Вып. I. С. 37.

² Лерх Я. Указ. соч. С. 77.

³ Потто В. Указ. соч. С. 37.

⁴ Дагестан в известиях... С. 188.

⁵ Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 121.

⁶ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 178—181.

⁷ Подробно об этом восстании см.: Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 189—197.

¹ Хрестоматия по истории СССР. XVI—XVII вв. М., 1962. С. 685—689.

² Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 197.

³ Бакиханов А.-К. А. Указ. соч. С. 123.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ Бутков П. Г. Материалы... Ч. I. С. 25.

чиш Надир-шаха. На территории Кайтага (Маджалис, Калакорейш, Кубачи и др.) неоднократно происходили кровопролитные сражения с войсками Надир-шаха.

После смерти Ахмед-хана уцмием стал его внук Амир-Гамза, сын Хан-Магомеда, храбрый и предприимчивый человек¹. Он продолжил активную политику Ахмед-хана. В 1765 г. он помогал Фатали-хану присоединить к Кубинскому ханству Дербентское владение, за что получил деревню Малакалыль и «таможенные доходы, собираемые в воротах Дербента»². Чтобы еще больше укрепить союз с Амир-Гамзой, Фатали-хан женился на его сестре Туту-бике и обещал выдать за него свою сестру Хадидже-бике. Но не сдержал обещания, после чего между ними «разгорелась сильная вражда».

Усиление Фатали-хана привело к созданию антикубинской коалиции, куда входили почти все владетели Дагестана. В 1774 г. на Гавдушанском поле близ Худата произошло сражение. «Счастье, — писал А.-К. Бакиханов, — клонилось сначала на сторону Фатх Али-хана, но Алибек, храбрый сын уцмий так быстро ударил по центру неприятельских войск, что победа присоединилась к его мужеству»³. Фатали-хан был наголову разбит и бежал в Сальян. Излагая эти события, А. Г. Серебров писал, что будто, будучи в Худате, уцмий направил письмо Фатали-хану с раскаянием и просьбой о позволении возвратиться в свои владения. Тот дал на это согласие, но по наущению своих беков направил вслед за ним 1000 человек. Уцмий, увидев это, выбрал хорошую позицию, «разбил их всех и гнал до лагеря Фет Али хана с таким стремлением, что все войско Фет Али хана, видя свою гибель, от отчаянности разбежалось в разные места в своей провинции, да и сам Фет Али хан едва скрытно с малым числом чиновниками своими убежал в свою ж провинцию в Сальян»⁴.

Будучи в отчаянии, Фатали-хан, а также шамхал, поддерживавший его, обратились к России за помощью. В Дагестан были направлены царские войска под командованием ген. де Медема. Амир-Гамза напал на них «в одной миле ниже Башлы», но все же в 16 км от Дербента в местечке Иран-Хараб он был разбит, царские войска и Фатали-хан опустошили терекемейские аулы⁵. После этого Амир-Гамза присягнул на подданство России⁶.

¹ Бакиханов А.-К. А. Указ. соч. С. 156.

² Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 128.

³ Бакиханов А.-К. А. Указ. соч. С. 162.

⁴ Серебров А. Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 185; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 18.

⁵ Бакиханов А.-К. А. Указ. соч. С. 162.

⁶ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 22.

Но с уходом русских войск ситуация в регионе резко изменилась. Амир-Гамза «с 3000 отборной конницей прошел через Дербент, Кубу и Ширван и напал на Ардабил. Опустошив этот край, он через Карабаг напал на Ганджу и разорил окрестности ее более, чем округ Ардабила»¹. Затем через Шеки, Ахты и кюринские магалы он возвратился назад. Как отмечает А. Бакиханов, ни один из владетелей областей, через которые уцмий проходил, «не смел ему противиться, а некоторые старались задобрить его подарками и отклонить таким образом от своих владений»².

Пока уцмий был в походе Фатали-хан привлек на свою сторону его племянника Хан-Магомед-бека, «построил ему крепость... Хан-Магомед-кала... и переселил туда сто семейств из Кубы»³. Привлек на свою сторону Фатали-хан и других феодалов и «почетных лиц» Дагестана, и Амир-Гамза «вынужден был покориться обстоятельствам и войти в мирные сношения с Фетх Али ханом»⁴. На сборе дагестанских правителей в апреле 1776 г. он и кадий Табасарана обязались оставить в покое Фатали-хана.

В 1784 г. уцмий вместе с другими правителями обратился к России с просьбой о принятии в подданство. В 1786 г. он повторил просьбу. В 1787 г. Амир-Гамза умер, уцмием стал его брат Устар-хан, поддерживавший дружественные отношения с Фатали-ханом. В рапорте от 31 июля 1788 г. ген. Алексеев, говоря о шамхале и уцмие, отмечал, что «видел их преданными людьми России, так что... отправит каждый своего сына к вашей светлости»⁵. После смерти Устар-хана уцмием стал «храбрый и прямодушный... Али-бек», который умер в 1795 г., оставив престол Рустам-хану, внуку Ахмед-хана, которого называли Мамаем⁶.

И в конце XVIII—нач. XIX в. Кайтагский уцмий неоднократно обращался к России с просьбой о принятии в ее подданство. Когда над Дагестаном нависла угроза завоевания шахом Ага-Мухаммед-ханом, вместе с шамхалом и дербентским ханом уцмий был взят под покровительство России. Генералу Савельеву, отправленному в Дагестан с войском, было дано указание для необходимых расходов на содержание войск уцмий выдать ему 2 тыс. рублей.

Во время похода ген. В. Зубова в 1796 г. вместе с другими владетелями Дагестана уцмий присоединил свои войска к царским

¹ Бакиханов А.-К. А. Указ. соч. С. 163.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ История Дагестана. Т. 1. С. 398.

⁶ Бакиханов А.-К. А. Указ. соч. С. 172.

войскам. Вместе с отрядом царских войск под командованием ген. Булгакова они участвовали в походе на Кубу.

И после смерти Екатерины II вместе с другими владельцами уцмий неоднократно обращался к царю с просьбой о принятии его в подданство России. Летом 1799 г. он был принят в подданство России. Уцмий Рустем был возведен в чин 4-го класса с ежегодным жалованьем в 2 тыс. руб., но в 1805 г. он умер и уцмием стал Али-хан, сын Устар-хана. Со смертью последнего уцмием был провозглашен его брат Адиль-хан — последний уцмий, «находившийся под покровительством России»¹.

С утверждением царской власти в Дагестане после ирано-российского Гюлистанского мирного договора 1813 г. уцмий стали отходить от своей пророссийской политики. Вступив в сговор с бывшим дербентско-кубинским Шихали-ханом, уцмий Адиль-хан отказался подчиниться дербентскому коменданту, не являлся по его вызову в Дербент. В октябре 1819 г. в уцмийство были направлены царские войска под командованием генерала Мадатова. Они разбили ополчение уцмий и разорили многие кайтагские села. 26 января 1820 г. по приказу генерала А. П. Ермолова уцмий был вообще отстранен от власти. Он бежал с семьей к аварскому хану Ахмед-хану. Звание уцмий было ликвидировано. Кайтаг был оставлен под управлением беков, находившихся под наблюдением пристава, пребывавшего в Великенте. В 1838 г. генерал Фези поручил управление Верхним Кайтагом Джамав-беку, сыну Адиль-хана. В 1840 г. Кайтаг был включен в состав Дербентского уезда².

Здесь нами освещены лишь наиболее существенные проблемы исторической географии Кайтага XVII — начала XIX в., многие аспекты которой могут быть предметом более углубленного изучения. Приведенные примеры свидетельствуют о далеко не простом политическом положении Кайтагского уцмийства в изучаемый период, о его взаимосвязанности с другими феодальными владениями и союзами сельских общин Дагестана, его важной политической роли в регионе.

3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СОЮЗОВ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН

Как известно, в прошлом на территории Дагестана наряду с феодальными владениями существовали и союзы сельских общин,

¹ Березин Н. Указ. соч. Ч. 2. С. 50.

² См.: История Дагестана. М.: Наука, 1968, т. 2. С. 10—11, 14—16, 67.

известные в исторической литературе как «вольные» общества¹. Это были своеобразные этно-территориально-политические и хозяйственные структуры, одни из которых находились в составе феодальных владений, другие — в определенной экономической и политической зависимости от последних, третьи сохраняли относительную независимость, имея свое внутреннее управление и проводя самостоятельную внешнюю политику. Таких союзов в Дагестане было более 80. Основная масса их находилась в Среднем Дагестане, занимая его предгорье, горную и высокогорную части. Это союзы сельских общин даргинцев, аварцев и народов аваро-андоцезской языковой группы, занимавших в основном северо-западную и западную части высокогорного Дагестана.

Ряд союзов сельских общин и их объединения (федерации) по своей территории, стратегическому положению, политическому весу и влиянию на ход событий в регионе не уступали феодальным владениям Дагестана и играли весьма большую и заметную роль во всей политической жизни Дагестана. Среди них следует отметить федерацию пяти верхнедаргинских союзов Акуша-Дарго, аварские союзы и их федерации: Андалал, Анди, Койсубулу, Гидатль, Дидо, Антль-Ратль, Ункратль.

Нет необходимости, да и возможности в небольшом по объему исследовании, дать хотя бы краткую историческую географию каждого из более 80 союзов сельских общин. Поэтому считаем целесообразным остановиться на наиболее крупных и влиятельных из них, в то же время в общих чертах, осветив наиболее важные проблемы исторической географии и других союзов сельских общин.

Начнем с Салатавского союза, расположенного в предгорной части Северного Дагестана. С севера он граничил с кумыками, с юга — с Гумбетовским союзом, границей между которыми выступал Салатавский хребет, с запада — с Аухом по реке Акташ, с востока — с шамхальством Тарковским по правому берегу Сулака.

Необходимо отметить, что многие аспекты социально-экономической и политической истории этого союза конца XVIII — первой половины XIX в. освещены в монографическом исследовании Ш. М. Мансурова². Поэтому здесь мы приводим лишь самые общие и необходимые сведения по этому союзу. Аварцы называют Салатавию «НахъбакI» (задняя сторона), а ее жителей — «нахъ-

¹ История Дагестана. Т. 1. С. 328—333. Подробно см.: Алиев Б. Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII — первой половине XIX в. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления): Дис... д-ра ист. наук. Махачкала, 1990.

² Мансуров Ш. М. Салатавия (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII — первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.

бакIалъул гIадамал» — жители тыльной стороны¹ — или оставшаяся позади страна, место². По мнению ряда авторов, название Салатавия образовалось из двух слов. Первая часть «сала» производят от слов «величественный», «благородный»³ или от имени хана Сала, которому якобы принадлежали горы «Сала-тау»⁴. Второе слово «тау» — по-тюркски «гора». По мнению К. Ф. Гана, название Салатавии возможно произошло от грузинского слова «салис-тави», т. е. голова начала реки Сали»⁵.

В состав Салатавии входило по разным сведениям от 12⁶ до 16 сел⁷. Это Буртунай, Алмак, Дылым, Гертма, Хубар, Зубутли, Инчка, Гуни, Бавтугай, Иха, Чиркей, Хадум-баш, Чирюрт, Миатли, Гостала и Зурамакент. В перечне сел Салатавии у А. М. Буцковского нет сел Буртунай, Алмак, Хадум-баш и Гостала. Центром союза было наиболее крупное сел. Чиркей, в котором, согласно данным начала XIX в., было 800 дворов. Из других крупных сел союза следует отметить Зубутли — 500 дворов и Чирюрт — 300 хозяйств. Всего, по тем же данным, в Салатавии было 2410 дворов⁸. По данным 30-х годов XIX в., в Салатавии было «до 5000 душ мужеска пола»; из них могли «хорошо вооруженных... выставить до 1500 человек, в поголовном вооружении... более 2000, в числе сем конных около 600 человек»⁹.

К югу от Салатавии находился союз Гумбет, занимая «гористые места по реке Койсу» и «составляя средину между Аварией, салатавцами и ичкеринцами»¹⁰. Название свое этот союз получил от кумыкского слова «гюмбет», означающего «лицом к солнцу», что соответствует самоназванию союза на аварском языке Бактли, данному в виду расположения сел союза на южном склоне хребта Салатау. Согласно данным 30-х годов XVIII в., Гумбет состоял из 18 сел¹¹. Центром союза было сел. Мехельта. Большими селами были Аргвани, Инхо, Чирката, Сивух и др. По сведениям 30-х годов XIX в., в Гумбете было до 6 тыс. душ мужского пола, воору-

женных лиц союз мог выставить до 1500 человек, из которых до 500 конных¹.

К юго-западу от Гумбета, по левую сторону Андийского Койсу, северные покатоности гор занимал союз Анди², который граничил к северу с Ичкерией, к юго-востоку — с обществом Кхеда, юго-западу — с Хиря. Самоназвание — Куаннал, по имени главного селения³. В союз входило 9 сел во главе с Анди, в котором в 70-е годы XVIII в. было около 800 семей⁴. Из других сел союза известны Гагатль, Зило, Риквани, Ашали и др. По сведениям Хрисанфа, в 20-е годы XIX в. в Анди было 1500 дворов⁵, а по Р. Ф. Розену 3000 душ мужского пола, которые могли выставить до 1000 вооруженных всадников⁶. В 40-е годы XIX в. в союзе было 15 тыс. человек⁷.

Вдоль южной подошвы Койсубулинского хребта, в глубоких ущельях Андийского и Аварского Койсу, по долине от устья Андийского Койсу до устья Казикумухского Койсу, простирался союз Хиндатли или Хиндалал, по-кумыкски Койсу-боюн, откуда произошло и русское название Койсубу. А кумыкское название связано с рекой Койсу⁸. Койсубу граничил к северу с Мехтулой и Акушинским союзом, к западу находились Акуша-Дарго, снеговой хребет гор и Авария, к югу — ханство Аварское и Гумбет, к востоку Гумбет, Аймакинское ущелье и шамхальство⁹. Это был один из густонаселенных аварских союзов, имевший в своем составе, по данным 70-х годов XVIII в., 15 сел¹⁰, а по данным А. П. Щербачева — «более 18 деревень» с 1500 семьями, которые могли выставить до 1500 вооруженных¹¹. По данным А. Берже, в Койсубу было 23.000 человек¹². Центром союза было сел. Унцукуль с 550 семьями¹³.

¹ Розен Р. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 290.

² Об Анди см.: Агларов М. А. Андийская группа народностей в XIX — начале XX в.: Историко-этнографические очерки: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1967.

³ Комаров А. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. Тифлис, 1869. С. 38.

⁴ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 129.

⁵ Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. С. 274.

⁶ Розен Р. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 291.

⁷ ДГСВК. С. 233.

⁸ Комаров А. В. Списки... С. 35; Козубский Е. И. История Дагестанского конного полка. Петровск. 1909. С. 17; Щербачев А. П. Описание... // ИГЭД. С. 295.

⁹ Щербачев А. П. Указ. соч. // ИГЭД. 295.

¹⁰ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 122—123.

¹¹ Щербачев А. П. Указ. соч. С. 295—296.

¹² Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК на 1858 год. Тифлис, 1957. С. 270.

¹³ Клапрот Ю. Историческая... С. 10.

¹ Комаров А. В. Народонаселение Дагестанской области. С. 8.

² История Дагестана. Т. I. С. 329.

³ Алиев С. Д. В помощь краеведу Дагестана. Махачкала, 1964. С. 35; Гаджиев Б. У подножия Салатау. Махачкала, 1973. С. 5.

⁴ Гаджиев И. Салатавские партизаны. Махачкала, 1972. С. 6. (авар. яз.).

⁵ Ган Г. Ф. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40. С. 123.

⁶ Буцковский А. М. Выдержки... // ИГЭД. С. 245.

⁷ АКАК. Тифлис, 1884. Т. IX. С. 295.

⁸ Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 245.

⁹ Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. // ИГЭД. С. 288—289.

¹⁰ Там же. С. 290.

¹¹ Еропкин Д. Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 123.

Южнее Койсубу, по нижнему течению Кара Койсу находился Андалал, в который входило не очень много сел, но влиятельный по богатству и значению¹ один из аварских союзов сельских общин. В составе Андалала находились такие известные села, как Чох, Согратль, Ругуджа, Кудали, Салта, Кегер, Мегеб и т. д., главным из которых считался Согратль. Всего в XIX в. вместе с отселками в Андалал входило 14 сел², по другим данным — 20 сел³. В прошлом к Андалалскому союзу «принадлежали также Тилитли, Зиар (Зиури — авт.), Урш (Ури — авт.) и Гоор, которые со временем отделились, образовав отдельное общество»⁴. По данным А. Берже, в Андалале было 23 тыс. жителей⁵.

Южнее Андийского союза находился Технуцал с главным селением Ботлих, еще южнее Технуцала на правом берегу Андийского Койсу — общества Карата, Чамалал, Багулал, Ахвах, Тинди, Богос, Цунта—Ахвах, Мукратль, Тлейсерух. К югу от Аварского ханства по обеим сторонам Аварского Койсу находились союзы Ратлу-Ахвах, Кель, Гидатль, Гоэркех, Корода, Куяда (или Кумал). Среди них наиболее мощным был Гидатль или Гид, куда, по сведениям Хрисанфа, входило 19 сел, имевших 3869 домов. Центром союза было сел. Урада, имевшее 200 дворов⁶. По его же сведениям, в Келебском союзе во главе с Ругельда с 382 хозяйствами, было 6 сел, Кувале — 24 сел, Каралале — 18 сел⁷.

Дидойский союз⁸ находился в верховьях р. Ори-Цхале, образующих Андийское Койсу. К западу он граничил с Тушетией, к югу с Кахетией, а к северу с Ункратлем. Самоназвание дидойцев — цезы, аварцы называют Дидо Цунта, что означает орел. Дидо — грузинское название, тушины называют дидойцев дидовы, их страну Дидоети. Дидо означает большой⁹. Акад. Н. Я. Марр считал, что Дидо — это усеченная форма имени Дидор, Дидур, что соответствует названию аула Китури, звучащее «по дидойски Кито вместо Китор, как и слово Дидо вместо Дидор, Дидур»¹⁰. М. Г. Джанашвили в тер-

мине Дидо, Дидур усматривает грузинское слово didi — большой. Грузинское название крепости Цахе-Диди он производит от слова Дидо¹. Исследуя вопрос о названии Дидо, Д. М. Магомедов пишет, что «точка зрения М. Г. Джанашвили является более правильной, что подтверждает полевой материал». В связи с этим он высказал мнение о том, что тушинский термин «Дидо», производимый от грузинского didi — большой, связан с тем, что «в прошлом эта страна включала в себя большую территорию от границ Тушетии до Хунзаха»².

Дидо в изучаемый период состояло из трех частей (союзов): Дидо-Асах, Дидо-Шуратль и Дидо-Шаитль или Иланхеви. Населенные пункты расположены по главным ущельям Асах, Иланхеви и Сабакинухеви. И. Гербер писал в 1728 г., что этот «уезд состоит во многих скудных деревнях»³. Состав Дидо уточнил И. А. Гильденштедт, насчитавший в нем в 70-х годах XVIII в. 33 селения⁴. По сведениям А. Берже, в Дидо было всего 4 тыс. человек⁵.

Кроме Дидо, в Аварии в целом были еще две федерации союзов сельских общин. Одна из них — Ункратль. Название связано с тем, что союз занимал четыре ущелья. Унк — четыре, ратль — страна, земля. Унк-ратль — четыре земли. В его составе находилось шесть союзов: Саситлинский, Гаковский, Сильдинский, Н. Хваршинский, Хваршинский и Хушетский⁶. По данным А. Берже, в союзе, в составе которого он перечисляет Хири, Сильда, Кхиды и Иланхеви, было всего 770 душ⁷.

Другая федерация союзов сельских общин — Антль-Ратль (Семиземелье) — находилась в верховьях Аварского Койсу, занимая «долины и ущелья Главного хребта гор с запада на восток на границе с Кахетией». Это была обширная территория, которая граничила с юга с Кахетией и Джаро-Белоканским союзом, с востока с Тлейсерухом и Карахом, с запада с Дидо, с севера находились «разные лезгинские племена; кхеле, косо, томсуда, бахтух и другие...»⁸. Федерация первоначально состояла из семи союзов, откуда и произошло ее название. Впоследствии в нее стали входить

¹ Козубский Е. И. История... С. 17.

² Комаров А. В. Списки... С. 58.

³ История Дагестана. Т. 1. С. 329.

⁴ Там же.

⁵ Берже А. Указ. соч. С. 270.

⁶ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 273.

⁷ Там же. С. 273—274.

⁸ Подробно см.: Магомедов Д. М. Социально-экономическое и политическое развитие Дидо в XVIII — нач. XIX в.: Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1977.

⁹ Дирр А. М. Современные названия... С. 21; История Дагестана. Т. 1. С. 329.

¹⁰ Мегрелидзе И. В. Дидойцы и название Дидо // Труды Тбилисского Государственного Учительского Института им. А. С. Пушкина. Тбилиси, 1941. Т. 11. С. 186.

¹ Там же. С. 185.

² Магомедов Д. М. Исторические сведения о дидойцах // ВИД. Махачкала, 1975. Вып. 11. С. 96.

³ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 113.

⁴ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 126.

⁵ Берже А. Указ. соч. С. 271.

⁶ Магомедов Д. М. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Западного Дагестана в XV—XVIII вв. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII — нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 30.

⁷ Берже А. Указ. соч. С. 271.

⁸ Норденстам И. И. Описание Антль-Ратля. 1832 г. // ИГЭД. С. 319.

девять обществ, имевших в своем составе: Джурмут—8 аулов, Тхебиль или Тходакало—9 деревень, Бохну—8 аулов, Унхада—5 аулов, Анцлус (Анцросо) — 7 аулов, Таш—27 аулов и отселков, Анцух— 21 аул, Хуанал или Капуча—9 аулов и Кхенада—5 аулов¹. Самым многочисленным из них был союз Таш, имевший 1120 дворов, затем Анцух—до 1000 дворов, Анцросо—770 дворов, Капуча—720 дворов, Бохну—630 дворов. Остальные союзы имели от 185 до 300 дворов². Всего же в федерации было 5215 дворов, что соответствовало более 21 тыс. жителей. По данным А. Берже, собранным за 1842 и 1852 г., здесь было 23790 человек³, чем подтверждается верность предыдущих сведений. Но И. И. Норденстам, обобщая приведенные им цифры о количестве дворов, пишет: «Примерно можно считать, что число дворов, или семейств, простирается до 5000. Полагая в каждом семействе по 5 или 6 душ, все народонаселение в Антк-Ратлье составит от 25 до 30000 жителей»⁴. Как он полагал, федерация могла «собрать от 4-х до 5000 человек хорошо вооруженных пеших, а с тем, чтобы защищать свои дома, они могут выставить несравненно больше»⁵.

По разным сведениям, у аварцев и народов авароязычной группы, занимавших горную и высокогорную части Среднего Дагестана, было от 38 до более 50 союзов сельских общин⁶.

В Среднем Дагестане находились и все союзы сельских общин даргинцев: Акушинский, Усишинский, Мекегинский, Мугинский, Цудахарский⁷, Сюрга, Урахинский (Каба-Дарго)⁸, Буркун-Дарго, Ицаринский, Ганк, Гапш, Муйра, Шуркант, Каттаган, Ирчамульский, Каракайтаг, Хамур-Дарго. Из них первые пять союзов издавна объединились в федерацию, известную под названием Акуша-Дарго⁹.

Акуша-Дарго занимало довольно большую территорию. Это

¹ Там же. С. 320—324.

² Там же.

³ Берже А. Указ. соч. С. 271.

⁴ Норденстам И. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 324.

⁵ Там же. С. 328.

⁶ См.: Берже А. Указ. соч. С. 270—271; Комаров А. В. Указ. соч. С. 35—69; Дубровин Н. Указ. соч. С. 497—505; Козубский Е. И. Памятная книжка... С. 13—19, 52—53; Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 212—213 и др.

⁷ Подробно см.: Мансурова А. Г. Цудахария. (Социально-экономическая и политическая история в конце XVIII—первой половине XIX в.). Махачкала, 1995.

⁸ Подробно см.: Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. (Очерк социально-политической истории). Махачкала, 1994.

⁹ Подробно см.: Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 1966.

территория нынешнего Акушинского (без Сюргинского участка) и Левашинского районов, относящаяся к горной и горно-долинной зонам. Как пишет И. Гербер, союз располагался «между горами Иджар под таулинцами» и был отделен «высокими непроходимыми горами»¹. Почти через 70 лет Д. И. Тихонов отмечал также, что жители Акуша-Дарго находятся «в непроходимых почти горах и чрезвычайных стремнинах, к которым только с трудностью можно проехать верховой ездой... и поэтому называют их вообще горцами дарго»². Не изменилась территория Акуша-Дарго и в XIX в.

Внутри федерации союзы граничили друг с другом. В центре их находился Акушинский союз. Многие авторы конца XVIII — нач. XIX в. писали о расположении и территории Акуша-Дарго. Но приведем лишь один архивный источник, где сказано, что жители его занимают «средину Кавказа, обитают между Казыкумыками, Андалал, Койсубулу, Мехтулу, обществами Гимры и Сюрга», расположены «за огромными ветвями гор»³. Акуша-Дарго граничило на севере с Мехтулинским ханством, на северо-востоке с шамхальством Тарковским, на юге — с Сюргинским союзом, на востоке — с Каба-Дарго и Кайтагским уцмийством, на западе — с Андалалом и Казыкумукским ханством.

По имеющимся данным, в Акуша-Дарго входило разное количество сел: по сведениям 30-х годов XVIII в. и Клапрота — 30 деревень⁴, И. А. Гильденштедта—29⁵, по более поздним данным, с хуторами — более 130. Территория Акуша-Дарго была наиболее густонаселенной частью Среднего Дагестана. В конце XVIII в. здесь было 30 тыс. дворов с населением от 90 до почти 100 тыс. человек⁶. Наиболее крупными селами были центры союзов. По сведениям И. А. Гильденштедта в Акуша было до 1000 семейств, Я. Рейнеггса — 7000 семейств, А. П. Ермолова — более 10 тыс. человек⁷, в Цудахаре — до 2 тыс. семей⁸. Крупными селами были также Гапшима — 800 дворов⁹, Уллу-ая — до 800 домов¹⁰ и т. д. Многолюд-

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 101.

² Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 131.

³ ЦГВИА. Ф. 482. Ед. хр. 127. С. 161.

⁴ Бутков П. Г. Материалы... Ч. 1. С. 128; Klaproth I. Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meere. Berlin, 1814. S. 60—61.

⁵ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 130.

⁶ Дреникин И. Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. Таблица; Бутков П. Г. Сведения... // ИГЭД. С. 210.

⁷ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 130; Дагестан в известиях... С. 274; Ермолов А. П. Записки. М., 1868. Ч. II. 1816—1827 гг. С. 93.

⁸ Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 130.

⁹ Дагестан в известиях... С. 274.

¹⁰ Ермолов А. П. Указ. соч. С. 101.

ность позволяла федерации иметь огромное в масштабах Дагестана войско, доходившее до 17 тыс. человек¹. По сведениям Я. Рейнегга, только один Мекегинский союз выставлял 4000 воинов².

Акуша-Дарго было полиэтнической политической структурой. В состав Акушинского и Цудахарского союзов, помимо основного населения даргинцев, входили также аварцы и лакцы.

Весьма крупным союзом сельских общин даргинцев был Сюргинский. Территория его на севере граничила с Акуша-Дарго, на юге — с Буркун-Дарго и агулами, на западе — с Казикумухским ханством и на востоке с обществами, входившими в состав Уцуми-Дарго. Это в основном территория, занятая высокими и крутыми горами. Одна отрасль хребта Кокма-Дага проходит на юге территории союза, образуя собой границу с южными соседями. А от Шуну-Дага начинается крутой хребет Салух-Даг, который служит границей Сюрга с территорией Акушинского союза³. В конце XVIII в. Д. И. Тихонов писал, что селения «Сиргинского округа» лежат «в горах на вершинах речки Большого Буама»⁴. В XIX в. Ф. Боденштедт также указывал, что «местоположение» Сюргинского союза «большей частью гористое»⁵.

Население Сюрга — одна из этнических групп даргинцев. Наиболее крупными селами были Нахки, Урари, Дуакар, Нацц, Цугни. Всего по А. В. Комарову в союзе было 15 сел и 42 хутора, образованных в основном выходцами из указанных сел⁶. Д. И. Тихонов, перечислявший союз в Кайтагском уцмийстве, в его составе дает только сел. Ургали (возможно Урари), как главное «в округе», и «Иштуганчи»⁷. Но ранее столицей Сюрга было сел. Нахки, разрушенное до основания в 1741 г. Надир-шахом. Именно после этого происходит возвышение Урари, ставшего центром союза. Поэтому Урари первым и дается среди сел Сюрга. По сведениям первой трети XIX в., в составе союза даются: Урали (Ургяри), Сягли (Цугни), Дааркала (Дуахъар), Наркали (Нахки), Нусцали (Нацци), Хулат-тавли (Хулабарк), Мирзатавли (Мирзатта), Хорминули (Хуршни), Бекели (Бакъни), Сутабаджали (Сутбук), Урцакали (Урцаки), Урмали (Ургани), Цимильхали (Цугни), Гюллян-кали (Гъуладди), Уран-али (Ураги)⁸. Почему-то в этом перечне нет сел. Дзилебки и Гулебки.

В целом эти сведения говорят о густонаселенности Сюргинского союза. К сожалению, у нас нет данных о числе хозяйств и населения союза по изучаемому периоду. По данным же А. В. Комарова, в 60-е годы XIX в. в Сюрга было 1916 дымов с 8388 жителями¹. Но это не совсем верные цифры, так как в середине 80-х годов в союзе числилось 2550 хозяйств², а в конце века 16 тыс. человек³. Согласно архивным данным 30-х годов XIX в., союз мог выставить до 2500 человек вооруженных⁴.

Самостоятельным союзом был и Урахинский (Каба-Дарго), находившийся к востоку от Акуша-Дарго и граничивший с востока и юга с Кайтагским уцмийством, а с севера — с шамхальством Тарковским (с землями Губдена). Первое название союз получил от главного селения Урахи (Хурахъи), а второе — от расположения территории его около горы Къяба-дубура — «Оторванная гора», которая действительно как-то отрывается от других гор⁵. В XIX в. было распространено мнение, что своим названием Каба-Дарго «обязано тому обстоятельству, что оно прежде входило в состав владения ушмия», а в начале XIX в. после войны с уцмийством, продолжавшейся семь лет, присоединено было к Акуша-Дарго»⁶.

Действительно, по различным сведениям, Каба-Дарго или ряд его сел входили в состав уцмийства, но добились независимости от него в конце XVIII в. Такие сведения впервые встречаются у Д. И. Тихонова, перечислявшего «Кабардигенскую округу» среди других «13 округ» уцмийства, куда входило восемь селений: «Геранки (Урахи) — «главная в округе», Гулебки, Мулевки, Шады, Гергеды, Икра, Онакари, Ганклы»⁷. Но в достоверность этих сведений трудно верить не только потому, что здесь явно ошибочно указаны села, входившие в состав Сюрга и даже целый союз Ганк, но и потому, что Д. И. Тихонов впереди вместе с такими селами Каба-Дарго как Мургри, Кана-Сираги, Мургук, Цизгари и др. перечисляет Урахи (центр Каба-Дарго) в составе «Гамринской округи» под названием «Гураклы»⁸.

¹ Комаров А. В. Указ. соч. С. 25.

² Даргинский округ Дагестанской области: Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. Тифлис, 1887. С. 78.

³ Козубский Е. И. Памятная книжка... С. 11.

⁴ ЦГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 39. Л. 7.

⁵ Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1972. С. 43.

⁶ Н. В. Научные известия (Грамматические и филологические исследования Хюркинского языка П. К. Услара) // ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. II. С. 81.

⁷ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 133.

⁸ Там же. С. 132.

¹ ЦГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 7.

² Дагестан в известиях... С. 274.

³ Берже А. При-Каспийский край. С. 328.

⁴ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 133.

⁵ Bodenstein F. Die Völker... S. 133.

⁶ Комаров А. В. Списки... О. 24.

⁷ Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 133.

⁸ Обзорение Российских владений... С. Ч. 4. С. 192.

В действительности состав Каба-Дарго был намного шире. Как писал А. Н. Комаров, к Урахинскому союзу («Хюркеля-табун»), который якобы состоял из одного Урахи, в начале XIX в. было присоединено 11 селений, известных под общим именем Каба-даргуа, принадлежавших к владениям уцмий Кайтагского¹. По сведениям 30-х годов XIX в., в составе Каба-Дарго было 10 селений², середины XIX в. — 12 селений³. Р. М. Магомедов, основываясь на данных Е. И. Козубского, пишет, что в составе Каба-Дарго находилось 18 сел⁴. Существует мнение, что в разное время одни села то входили, то выходили из союза, что являлось следствием ослабления его «в результате непрерывных сражений с войсками интервентов, в борьбе с местными феодалами, под Дербентом, Самуром, Уллу-чаем и так далее»⁵.

Естественно, с изменениями состава союза менялось и число дворов и населения его. Поэтому невозможно привести конкретные сведения по этому вопросу. Можно лишь отметить, что наиболее крупными селами союза были Урахи, Н. Мүлебки, Мургук, Дейбук, имевших от 200 до 600 и более хозяйств. Остальные села имели от 100 до 200 хозяйств. Но, как писал в 70-е годы XIX в. Г.-М. Амиров, в Урахи было «число дымов на 1/3 больше против официального числа»⁶.

Остальные союзы сельских общин даргинцев — Буркун-Дарго было в составе Казикумухского ханства, Ицари, Ганк, Гапш, Муйра, Каттаган, Шуркант, Каракайтаг и Ирчамул — в составе Кайтагского уцмийства. Одни из них были зависимы целиком от власти феодального правителя и членов правящего дома, выступавших как местные правители и владельцы, другие как Гапш, Ганк и Муйра сохраняли свою внутреннюю самостоятельность, не платили никаких податей и почти не отличались по политическому положению от союзов сельских общин, считавшихся свободными от феодальной зависимости.

Буркун-Дарго находилось к югу от Сюргинского союза, граница на севере с Кайтагом, на юге — с Агулом. В его составе было 8 сел: Ашты, Кунки, Худуц, Амух, Анклух, Санджи, Цирхе и Чирах⁷. В Цирхе жили агульцы, в остальных селах — даргинцы. Кро-

¹ Комаров А. В. Указ. соч. С. 21.

² Обзорение Российских владений... Ч. 4. Ч. 192.

³ ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 7, Л. 1; см. также: Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 105; Даргинский округ Дагестанской области... С. 9.

⁴ Магомедов Р. М. Общественно-экономический... С. 118.

⁵ Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960. С. 6.

⁶ Амиров Г.-М. Среди горцев Северного Дагестана (из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1973. Вып. VII. С. 76.

⁷ Комаров А. В. Списки... С. 74.

ме Ашты (центр союза), Чираха и Кунки, имевших в 80-е годы XIX в.: первый — 168, второй — 169, третий — 152 хозяйств, остальные села были небольшими, число дворов которых равнялось от 16 до 75¹.

Четыре союза Ицари, Ганк, Гапш и Муйра находились в Верхнем Кайтаге, граница на юге с Буркун-Дарго, на западе — с Сюрга, на севере — с Каба-Дарго и на востоке — с союзами Нижнего Кайтага. Это территория верховья р. Уллучая, одного из его рукавов Джибуса и Артозени.

Союз Ицари в прошлом состоял из 7 сел², но по данным XIX в. в него входили только Ицари, Чагры, Санакари и Шари³. Ганк состоял из 5 сел во главе с Уркарахом, Гапш с центром в Киша — из 7 сел, Муйра, расположенный ниже Уркараха, — из 7 сел⁴. Основными относительно крупными селами указанных союзов были Уркарах, Киша, Харбук, Кубачи, число дворов которых превышало 300. К сожалению, данных о численности хозяйств и населения в этих селах по изучаемому периоду, кроме Кубачи, также в союзах в целом, нет. Отсутствуют и версии по происхождению их названий. Существует лишь записанное А. В. Комаровым предание, в котором говорится, что, если какой-либо спор не мог решиться, то обыкновенно один из спорящих говорил: «Ну так пойдем в Гапш»⁵. Смысл этого названия можно расшифровать как «три селения» — от хляб — три и ши — селение.

Из союзов сельских общин Нижнего Кайтага Каттаган и Шуркант не имели внешних границ, занимая территорию внутреннего Кайтага между Джибусом и Уллучаем и по обеим сторонам Уллучая. Союзы Ирчамул и Каракайтаг с юга и юго-востока граничили с Табасараном, с запада и севера — с другими территориями уцмийства. Наиболее крупными из союзов Нижнего Кайтага был Ирчамул, имевший в своем составе, по данным А. В. Комарова, 23 селения⁶. На самом деле в составе союза было больше сел⁷. Каракайтаг состоял из 11 сел, Шуркант — из 10, Каттаган — 5 сел⁸. Центрами этих союзов были Варсит, Джибахни (по другим сведениям Баршамай), Шиляги и Лиша. В целом села союза Нижнего Кайтага были небольшие. По данным 80-х годов XIX в. в них бы-

¹ Дагестанская область... С. 158.

² РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 14. № 2262.

³ Комаров А. В. Указ. соч. С. 88.

⁴ Там же. С. 85—87.

⁵ Там же. С. 85.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Полевой материал 1982 г.

⁸ Комаров А. В. Указ. соч. С. 89—91.

ло всего несколько сел, имевших более 100 хозяйств. Это Баршамай — 233 двора, Джихахни — 167 дворов, Карацан — 178 дворов, Джавгат — 113 дворов и Караталай — 100 дворов. Всего же в четырех союзах было 2528 дворов¹, что примерно соответствовало 12—13 тыс. жителей. Все села четырех союзов Нижнего Кайтага были населены кайтагами — особой этнической группой даргинцев.

Историко-экономическая география союзов сельских общин характеризовалась не только дальнейшим развитием всех отраслей хозяйства, но и разнообразием хозяйственной деятельности. Хотя в целом основными занятиями населения союзов сельских общин были земледелие и скотоводство, в зависимости от естественно-географических условий занимаемой территории, а также факторов общественно-исторического характера в хозяйственной деятельности населения разных союзов были свои особенности, выражавшиеся в большей или меньшей степени развитости и роли в экономической жизни населения той или иной отрасли хозяйства или в равномерном сочетании их. Характерным для предгорных и в основном горных союзов являлось земледельческое и земледельческо-скотоводческое, а для высокогорных союзов — скотоводческо-земледельческое хозяйство.

Земледелие было развито повсюду, даже в высокогорье. Так же, как и на равнине и в нижнем предгорье, в горных союзах были сильные земледельческие традиции, и техника земледелия здесь была не ниже, чем на плоскости. Разница в развитии земледельческого хозяйства здесь заключалась в том, что оно не имело возможностей бесконечного расширения в развитии, и безземелье являлось серьезным тормозом, ставящим в жесткие рамки возможность развития земледелия как в ширь, так и в глубину. И все же в горах хлебопашеством занимались все без исключения². Земледелие здесь было «не только необходимым занятием, но даже в какой-то степени внутренней потребностью горцев»³. Горцы, «даже став по преимуществу скотоводами, тем не менее стремились иметь клочок собственной пашни, наличие которого символизировало как бы определенное благополучие семьи»⁴.

На развитие земледелия в союзах сельских общин указывали многие авторы. А. П. Ермолов писал, что в Акуша-Дарго земля

¹ Дагестанская область... С. 182—186.

² Абельдяев Н. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. // ЖМГИ. 1857. Ч. 64. № 8. С. 25.

³ Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 19.

⁴ История Дагестана. Т. 1. С. 234.

«весьма плодородна и обработана с чрезвычайным тщанием, нет малейшего пространства не возделанного»¹. Земледелие широко было развито в обществах Ратлу и Батлук, Гидатлинском, Салатавском, Андалальском, Койсубулинском, Урахинском союзах, в Муйра, Гапше и т. д. Некоторые общества (Гергебиль, Урада, Урахи, Киша и др.) производили зерно даже для продажи. По словам И. А. Гильденштедта, Дидо, Унзо и Капуца были «нарочито богаты» пшеницею². Мочульский сообщал, что в обществе Ратлу хлеба родится очень много, так что жители его продают бедным обществам³. Об изобильном хлебопашестве у чиркеевцев писал Хрисанф, андийцев — Р. Ф. Розен, в горном Дагестане вообще — Ф. И. Гене⁴.

Вместе с тем в горных и в особенности высокогорных союзах были такие общества, население которых, хотя занималось издревле земледелием и использовало все пригодные участки земли, все же не обеспечивало себя хлебом даже на несколько месяцев. Слабое развитие земледелия во многих горных обществах отмечал И. Гербер, о Салатавии писал А. М. Буцковский; о тебелах, джурмутах, калалах, мишлешцах, кусурах, цахурах и др. — М. А. Коцебу; о койсубулинцах — А. П. Щербачев; о жителях Антль-Ратля — И. И. Норденстам⁵ и т. д.

В предгорной и горнодолинной зонах занимались садоводством и виноградарством. Для многих обществ оно было основной отраслью хозяйства. «...У гор живущие, — писал А. И. Ахвердов. — имеют небольшие хлебопашества. Главной же их доход составляют фруктовые сады»⁶. Известны своими садами и виноградниками были Гимри, Могох, Чирката, Ашильта, Игали, Унцукуль, Аракани, Гоцатль, Голотль, Ботлих, Муни, Гергебиль, Зубутли, Миатли, Ирганай, Цудахар, Хаджалмахи, часть сел Салатавии и Кайтага, славившиеся разнообразием и вкусовыми качествами своих фруктов. В садах горцев Дагестана произрастали яблоки, груши, абрикосы, курага, алыча, персики, вишня, черешня, хурма, орехи, айва, виноград и т. д., о чем имеются много свидетельств и в работах ученых, изучавших хозяйство народов Дагестана.

Второй основной отраслью хозяйственной деятельности жителей

¹ Ермолов А. П. Записки. Ч. 2. С. 101.

² Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 128—129.

³ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 82.

⁴ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 265; Розен Р. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 291; Гене Ф. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 344.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 77, 78, 101, 104, 105, 112; Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 261; Коцебу М. А. Сведения о Джарских владениях. 1826 г. // ИГЭД. С. 261; Щербачев А. П. Указ. соч. // ИГЭД. С. 296; Норденстам И. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 324, 325.

⁶ Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 216.

союзов сельских общин было животноводство, особенно развитое в горных и высокогорных обществах, располагавших богатыми альпийскими летними пастбищами. «Положение страны сей, — отмечал С. Броневский, — весьма выгодно для разведения животных, коих летом можно пасти на горах, а зимою в равнинах»¹.

В разведении разных видов скота были свои особенности в зависимости от естественно-географических условий жизни обитателей разных хозяйственно-экономических зон. Жители предгорных обществ разводили в основном крупный рогатый скот, а жители горной зоны — главным образом, овец, хотя и они разводили крупный рогатый скот. Жители отдельных горных обществ также имели большое количество крупного рогатого скота. Овцеводство преобладало в Акуша-Дарго, западных обществах Аварии, Верхнем Кайтаге. И. Гербер писал, что в Акуша-Дарго «содержат великое число баранов»². Овцеводство преобладало у андийцев, салатавцев, ансалтинцев³, в Чиркее, Тлейсерухе, Мукратле, Ратлубе, Келебе, Телетле и т. д. По словам И. И. Норденстама, овцеводство составляло «главную отрасль хозяйства и промышленности» в Антль-Ратле⁴.

Овцеводство было отгонным. Исторически сложилось так, что жители даргинских союзов перегоняли на зиму скот в равнинный Дагестан, аварских союзов — в Грузию и на Терско-Сулакскую низменность⁵. За аренду пастбищ землевладельцы брали с горцев высокую плату.

Районом наибольшего разведения крупного рогатого скота было предгорье, чему способствовали местные природно-географические условия и характер земельных угодий. Здесь преобладал крупный рогатый скот, использовавшийся как тягловая сила при обработке земли в этом очаге развитого земледелия. Преобла-

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 291.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 101.

³ Ахвердов А. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 226; ЦГВИА. Ф. ВУА. Кол. 414. Д. 300. Л. 65; Д. 6361. Ч. 2. Л. 86; Д. 6528. Ч. 2. Л. 70; Д. 18502. Л. 11—116; Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 243; Розен Р. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 289.

⁴ Норденстам И. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 325.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Т. 17. № 8. С. 110—111; Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 134; ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Ч. 3. Л. 5; Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 4; Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2. Л. 48, 178; Гильденштедт И. А. Указ. соч. С. 127; Коцебу М. А. Указ. соч. // ИГЭД. С. 261; Буцковский А. М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 243; Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 265; Норденстам И. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 325—326.

дал крупный рогатый скот в ряде союзов горной и высокогорной зон: Сюрга, Буркун-Дарго, Гапш, Гидатль, Куяда, Андалал, Багулал, Чамалал и т. д. Третий регион — это общества равной распространенности и рабочего, и дойного скота. Это ряд сел Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Гапша, Муйра и т. д. Отметим, что для использования в качестве тягловой силы, а также для верховой езды и перевозки грузов горцы разводили лошадей и ослов.

Жители союзов сельских общин занимались также ремеслом и домашними промыслами, которые играли в их экономике огромную роль. Они «обеспечивали нужды горцев в одежде, обуви, предметах домашнего обихода, сельскохозяйственном инвентаре, холодном и огнестрельном оружии», принося в то же время «значительные доходы, коими горцы в известной мере покрывали расходы на приобретение продуктов питания, главным образом, хлеба»¹.

Основными видами кустарной промышленности жителей союзов сельских общин были обработка шерсти, кожи, дерева, металлов, глины, конопли, камня. Еще до изучаемого нами периода в союзах сельских общин выделились ремесленные и кустарные центры (Кубачи, Амузги, Харбук, Сулевкент, Унцукуль, Балхар, Анди, Карадах, Салта, Карата, Ругельда и др.), где производство было направлено не столько на удовлетворение собственных нужд, сколько на рынок. Особенно высокого развития достигли кузнечное, оружейное, медное, серебряное, гончарное дело, производство ковров, кавказского («лезгинского») сукна, наплечных бурок.

Распространенность того или иного вида ремесла и промысла была связана с развитием основных отраслей хозяйства, наличием необходимого сырья и сложившимися традициями. Так, производство сукна и ковроткачество сильно были распространены в обществах с развитым овцеводством (Акуша-Дарго, Анди, Ахвах, Андалал, Келеб, Карата и т. д.). Бурочно-войлочное производство было развито в Андийском союзе, обработка кожи — в Цудахарском союзе, обработка дерева — в Кайтаге, Унцукуле, Куяда, Каралале, Андалале, Койсубулу, Дидо и т. д., гончарное производство — в Балхаре, Сулевкенте, обработка камня — в Андалале, Кайтаге, Акуша-Дарго, металлообработка — в Кубачи, Амузги, Харбуке, Араканы, Кахибе, Урада, Голотле, Унцукуле, Цудахаре, Дидо и т. д.

Центры ремесла и домашней промышленности были тесно связаны с другими торгово-ремесленными центрами Дагестана, а также Закавказья, Северного Кавказа, городами России и даже со

¹ Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана. Махачкала, 1959. С. 63.

странами Ближнего Востока. Во многих из них собирались зональные базары, где продавали и обменивали продукты сельского хозяйства и изделия ремесла и домашней промышленности жители близлежащих сел и многих отдаленных обществ. Такими торговыми центрами и были главные села союзов сельских общин Акуша, Цудахар, Муги, Урахи, Усиша, Мекеги, Уркарах, Анди, Ботлих и т. д. Жители союзов сельских общин тесно были связаны и с известными торговыми центрами Дагестана как Дербент, Тарки, Кумух, Казанише, Дженгутай, Эндирей и т. д., где продавали свои товары и изделия и покупали зерно, соль, необходимые им предметы домашнего обихода из стали, железа, меди, дерева, краски, бумагу, различные ткани и т. д.

Торговые связи осуществлялись по исторически сложившимся путям сообщения. Нельзя сказать, что в союзах сельских общин была широкая сеть удобных для транспортировки товаров дорог. Но вся территория союзов сельских общин была пересечена сетью дорог, связывавших их между собой и с зонального и местного значения базарами, а также с другими частями Дагестана. В основном это были тропинки, по которым могли продвигаться нагруженные лошади и ослы. Много было дорог, связывающих горные общества с равниной, а также с другими народами и соседними государствами. Такие дороги шли из Хунзаха в Эндирей через союзы Гумбет и Салатавию; из Акуша через Каба-Дарго на плоскость; из Гумбета в Аварию—Андалал—Гидатль и в Грузию; из Цудахара — через Чоглы — Кака-Шура — Параул — на плоскость и т. д.

В целом из всего сказанного выше можно заключить, что хозяйственная деятельность жителей союзов сельских общин мало отличалась от хозяйственной деятельности жителей соседних феодальных владений Дагестана. Хозяйство их было многоотраслевым; для них было характерно оседлое интенсивное земледелие, многоотраслевое животноводство, развитые ремесло и торговля.

* * *

Для политического устройства союзов сельских общин было характерно наличие организованной многоступенчатой системы управления с самостоятельностью и определенной подчиненностью нижестоящих органов власти вышестоящим.

В политическую систему союзов сельских общин и их федераций входили общинное (джамаатское), союзное и федеральное управление. Каждая ступень имела свои органы власти и управле-

ния, осуществлявшие на основе существующих адатно-правовых норм управление общиной (джамаатом), союзом общин и федерацией союзов сельских общин. Высшими органами власти были народные собрания (сход, джамаат) для сельской общины, сход представителей общин для их союзов и сход представителей союзов общин для их федераций. Основными должностными лицами были старшины, осуществлявшие повседневное руководство всеми общественно-политическими и хозяйственными делами общин.

Особенностью ряда общин и их союзов являлось то, что во главе светской и духовной власти в них стояли кадии, власть ряда из которых уже в изучаемый период стала наследственной. Наиболее ярко теократическая форма правления проявилась в союзах сельских общин верхнедаргинцев и их федерации Акуша-Дарго. Наследственной была во многих союзах и власть старшин. Все это опровергает мнение о господстве в союзах сельских общин полной демократии или народовластия. В целом же для них было характерно как наличие организованного управления, так и четкое разделение управленческих функций, с преобладанием в одних из них феодально-аристократической или олигархической, в других — демократо-аристократической форм¹.

Общее политическое положение союзов сельских общин характеризовалось активизацией и усилением их роли в политической жизни Дагестана. Конечно, не все союзы сельских общин играли одинаковую роль во внутривнутриполитических и внешнеполитических событиях Дагестана. Союзы сельских общин, входившие в состав феодальных владений, естественно, были вовлечены во все политические события, происходившие в них.

Политически свободные, относительно крупные, сильные и известные союзы строили свои отношения друг с другом и феодальными владениями на принципах равноправия. Но нередко сильным союзам удавалось подчинить своему влиянию более слабые союзы. Это, например, наблюдалось у верхнедаргинских союзов или в отношениях Сюргинского союза и Акуша-Дарго. Кроме того, исследуемый период характерен выходом из состава Казикумухского ханства верхнедаргинских и других союзов сельских общин, после чего, собственно, и начинается их активная внешнеполитическая деятельность. Вместе с тем для этого периода характерен и другой процесс — стремление феодальных владетелей расширить свое влияние, подчинить своей власти соседние союзы, присоеди-

¹ Подробно о системе управления союзов сельских общин см.: Алиев Б. Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII — первой половине XIX в. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления). Дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1990. Л. 304—366.

нить их территорию к своим владениям. Такую политику практически проводили все феодальные владетели, результатом чего являлось то, что ряд союзов сельских общин потерял свою самостоятельность, вынужден был платить подати и повинности феодальным владетелям, участвовать в их военных походах¹.

К этому вынуждала и экономическая зависимость союзов сельских общин от феодальных владетелей. Так, по соглашению между джамаатом Аракань и шамхалом тарковским за пользование горами Уркат и Акай-тау араканцы должны были, «как это было раньше при их предках, делить с ним радость и горе». Со временем они «перестали служить и содействовать шамхалу, прервали с ним связь; более того, они воевали с ним и угоняли овец и другой скот его подданных. С шамхалом араканцы враждовали»². Затем они стали платить шамхалу за гору Магмизмээр ежегодно 40 овец и 20 ягнят. Ирганайцы «уплачивали шамхалу ежегодно с каждого дома по одной овце». И другие села Койсубулинского союза Кикунь, Гергебиль, Балахани, Гимри, Унцукуль, Чирката, Харахи, Харачи, Орота также были обложены шамхалом податями за пользование горами.

Интересно, что в договоре, составленном в 1757 г., сказано, что горы Исмаил и Уркат шамхал «отдал койсубулинскому бо (войско — авт.) с условием, чтобы они были его ополченцами и подданными, чтобы служили ему, входили бы в состав его войск, и с условием, что они дали подати: виноград, вино, уксус, фрукты по установленному между ними размерам»³. И не без основания Султан-Ахмед-хан аварский писал ген. Тормасову в 1809 г., что койсубулинцы «подвластны владетелю Тарковскому... и находятся в его зависимости...»⁴.

Аварские ханы распространяли свое влияние на соседние союзы. Им удалось наложить на ряд из них подати и заставить отбывать повинности⁵. В 1600 г. хунзахские ханы напали на обществу Нита, Датуна и Накитль и наложили на них подати зерном⁶. По сведениям Хрисанфа, союзы Кувал, Киль, Гид и Каралал по требованию хана поставляли войско «на собственном их продовольствии»⁷. Р. Ф. Розен писал, что жители Калалала «Аварскому

хану довольно послушны и платят ему ясак за землю...». По его же свидетельству аварский хан называл союзы, находящиеся «в окружности ханства..., своими данниками»¹. Писал о подчиненности в прошлом хану союзов Аварии и А. В. Комаров². Андийцы выплачивали аварскому хану ежегодно по одной овце с семейства и за пользование горой Халатаб-меер — все общество 8 бурок и быка; гидатлинцы — по одной овце с 10³. О бывлой зависимости андийцев от аварских ханов писали И. А. Гильденштедт и Хрисанф. Последний называл их «бывшими данниками аварских ханов»⁴. Под влиянием аварских ханов находились также Технуцал, Ахвах, Багулал, Чамалал и др. союзы, обязанные платить им подати⁵.

Весьма активна была политика и казикумухских правителей в отношении союзов сельских общин. В середине XVIII в. к ханству был присоединен даргинский союз Буркун-Дарго; были присоединены также несколько сел Андалала, Рис-Ора и Кюра⁶.

Но не всегда феодальным владетелям удавалось подчинить своей власти или присоединить интересующий их союз. Союзы, как правило, оказывали сопротивление агрессивным планам феодалов, они с оружием в руках отстаивали свою свободу и свои земли, добровольно ни один из них не покорился феодалам. И тому в исторической литературе много примеров. Широко известна, например, борьба гидатлинцев во главе с легендарным Хочбаром с аварским ханом. Сохранились предания о борьбе койсубулинцев, каратинцев, андийцев, оротинцев и жителей других обществ за независимость с хунзахскими правителями⁷. Ни к чему не привели и попытки уцмья Кайтага и шамхала тарковского подчинить своей власти верхнедаргинские союзы, которые в середине XVII в. освободились от власти казикумухских шамхалов. Более того, шамхал и уцмий нуждались в Акуша-Дарго и часто вынуждены бывали заигрывать с ним, чтобы получить от него поддержку. Отношения с ним эти правители вынуждены были строить на договорных,

¹ Подробно об этом см.: Алиев Б. Г. Союзы сельских общин Дагестана...: Дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1990. Л. 219—250.

² Феодальные отношения в Дагестане. XIX—начало XX в./Арх. матер. М., 1969. С. 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 609.

⁵ Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965. С. 8.

⁶ Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 104.

⁷ Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 269.

¹ Розен Р. Ф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 290, 291.

² Комаров А. В. Народонаселение... С. 7.

³ ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 203. Л. 10; Хашаев Х.-М. Общественный строй... С. 149; Гаджиев В. Г. Роль России... С. 38.

⁴ Guldenstädt I. A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Geburge. St. Pbg. 1787. Bd. 1. S. 497; Хрисанф. Указ. соч. // ИГЭД. С. 269.

⁵ ДГСВК. Махачкала, 1958. С. 15—19.

⁶ История Дагестана. Т. 1. С. 328.

⁷ Полевой материал, собранный в Шамильском, Унцукульском, Ботлихском и др. районах.

взаимовыгодных условиях¹. Жители Акуша-Дарго нуждались в зимних пастбищах, а феодальные правители — в их войске. Как писал Д. И. Тихонов, «Они шамхалу податей никаких не дают, но ежели случится, что нужно будет ему вооруженное войско, то просит их по доброй воле, а иногда и с заплатой, а принудить их не может»².

Нередки были случаи, когда в целях сохранения самостоятельности союзы сельских общин не только объединялись в более крупные союзы, но и заключали между собой договора и соглашения, которые превращались в адаты. Основная цель их «сводилась к сохранению территориальной целостности союза обществ и каждого общества в отдельности, к защите интересов всех членов сельских обществ»³. Такие соглашения были заключены между жителями селений Мич и Ригитль, Ансуб и Исиниб, Чох и Цудархар и т. д.⁴.

Несмотря на различное положение союзов сельских общин, все они в той или иной степени вовлекались в политическую жизнь Дагестана в целом, а также и в проводимую тем или иным феодальным владельцем внутреннюю и внешнюю политику. Как правило, союзы сельских общин участвовали во внешнеполитических акциях дагестанских феодальных правителей, направленных против завоевательной политики соперничавших за влияние в Дагестане Персии, Турции и России. Весь изучаемый период полон событиями, в которых принимали участие и союзы сельских общин Среднего Дагестана. Они нашли достаточно полное отражение в отдельных исследованиях и обобщающих трудах. Поэтому нет необходимости подробно останавливаться на них. Укажем лишь наиболее крупные, общедагестанского масштаба политические события, происходившие с участием союзов сельских общин.

Так, в XVI — начале XVII в. в Дагестан был предпринят ряд походов царских войск. Одним из них был поход 10 тыс. стрельцов во главе с воеводами И. М. Бутурлиным и О. Т. Плещеевым, организованный Борисом Годуновым в 1604 г. Ими был занят аул Тарки, шамхал бежал в горы. В изгнании царских стрельцов приняли участие не только жители феодальных владений, но и жите-

ли союзов сельских общин, в частности «даргинские отряды»¹, т. е. жители Акуша-Дарго, входившего тогда в состав шамхальства, а также жители других обществ. Как сообщал в Москву Бутурлин, «... приходили шефкаловы дети, собравшись со всеми кумыцкими и горскими людьми всех земель (подчерк. нами — авт.) на государевых людей, которые шли назад на Терку ис Тарков, и был бой во весь день...»². Исход боя был печальным для царских войск³.

В описанных уже исследователями сражениях с персидскими войсками в 1610—11 г. в Сюргинском союзе и в 1611—12 г. в сел. Усиша участвовали и отряды других союзов сельских общин. В 1645 г. уцмий Рустам-хан после поражения в сражении со ставленником шаха Амирхан-Султаном, на стороне которого находился и отряд персидских войск, нашел поддержку и убежище в Верхнем Кайтаге. В 1659—60 гг. в антииранском выступлении участвовали не только феодальные владельцы, но и отряды общинников («народа») Дагестана, т. е. союзов сельских общин.

Активное участие принимали в антииранских выступлениях союзы сельских общин в нач. XVIII в. На стороне уцмий Кайтага Ахмед-хана находились отряды не только собственно кайтагских союзов сельских общин, но и Акуша-Дарго и Каба-Дарго. Они выступили на стороне уцмий и утемышского Султан Махмуда, когда последние организовали сопротивление русским войскам во главе с Петром I, шедшим из Тарков в Дербент. То же самое имело место в событиях 1725 г., когда шамхал Адиль-Гирей выступил против гарнизона царской крепости Святой крест. И не случайно русские войска, опустошив и разорив села шамхала, совершили походы во многие дагестанские села, в том числе в Мюрего, Урахи⁴ для наказания их жителей за выступление на стороне шамхала. Отметим, что после этого именно вместе с уцмием в подданство России вступили Акуша-Дарго, Кубачи и др. союзы. В 1731 г. вступили в подданство России андийцы⁵. Велись переговоры о вступлении в подданство и других союзов сельских общин⁶. В 1735 г. кадий Акуша-Дарго Аджи-Айгун дал присягу на верность России

¹ Алиев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Махачкала, 1966. С. 24—25.

² Тихонов Д. И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 131.

³ Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 93.

⁴ Из истории права народов Дагестана/Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 221, 224—225, 227—228.

¹ Маршаев Р. Г. Казикумухское шамхальство в русско-турецких отношениях во второй половине XVI — начале XVII в. // Уч. зап. ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1963. Т. XI. С. 157; КК на 1851 год. Тифлис, 1850. От. III. С. 44; Попо В. Кавказ до Петра. С. 3.

² Белокуров С. А. Указ. соч. С. 480.

³ Подробно см. Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения... С. 129—136.

⁴ Запись в арабской рукописи любезно представлена А. Х. Исаевым.

⁵ Бутков П. Г. Материалы... Ч. 1. С. 84, 256.

⁶ История Дагестана. Т. 1. С. 354.

ген. Левашеву¹. В 1757 г. андийцы опять обратились к России с просьбой о принятии их в подданство². Эти обращения и присяги являются свидетельством политической ориентации или независимости и самостоятельности указанных союзов сельских общин.

Известно активное участие жителей союзов сельских общин в борьбе народов Дагестана против полчищ Надир-шаха в 30—40-х гг. XVIII в. Практически жители всех союзов сельских общин участвовали в войне против жестоких иранских завоевателей.

Вторая половина XVIII — нач. XIX в. также характеризуются активной политикой самостоятельных союзов сельских общин и участием союзов, входивших в феодальные владения или зависевших от них, в политической жизни Дагестана. Аварские союзы активно участвовали в политике хунзахских правителей, кайтагские — в политической жизни уцмийства, Акуша-Дарго — в политике шамхальства и уцмийства, а также других феодальных владений и союзов сельских общин. Акуша-Дарго принимало участие как в межфеодальных конфликтах, так и в различных походах феодальных правителей за пределы Дагестана. В конце XVIII в. во время угрозы нашествия Ага-Мухаммед-хана на Дагестан Акуша-Дарго вместе с феодальными владельцами изъявило готовность исполнить указания русского командования, направленные на обеспечение безопасности Дагестана. Но затем оно стало союзником Шихали-хана дербентского, грузинского царевича Александра, затем Сурхай-хана II казикумухского, уцмия Кайтага, аварского и мехтулинского ханов, выступивших против России³. Причем помогали им, в частности Шихали-хану, также койсубулинцы⁴ и др. горцы. Хотя в июле 1812 г. акушинский кадий и старшины обратились к ген. Хатунцову с просьбой о принятии Акуша-Дарго в подданство России, в последующие годы они изменили своей присяге и принимали участие в антирусской коалиции феодальных владельцев. В конце декабря 1819 г. в результате похода царских войск во главе с А. П. Ермоловым Акуша-Дарго было присоединено к России. Еще ранее — в 1799 г. в подданство России вступил Андийский союз. В 1809 г. изъявили желание вступить в подданство России жители Технуцальского общества; обратились с такой же просьбой старшины Шандальского и Балхорского и др. обществ. В результате «было документально оформлено вхождение в состав России Шодройского, Балхорского, Ансалтинского, Кодротского,

¹ Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 128.

² Там же. С. 256.

³ См.: Бакиханов А.-К. А. Указ. соч.; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I—II.

⁴ Бакиханов А.-К. А. Указ. соч. С. 181.

Тендальского, Рогочинского, Бигнадальского, Колалалского, Малалалского, Гугутского и других обществ нагорного Дагестана...»¹.

Такова в общих чертах историко-политическая география союзов сельских общин Среднего Дагестана. В целом из приведенных материалов видно, что они различались по своему экономическому развитию, географическому положению и политической значимости в жизни Дагестана. Но независимо от этого все они были вовлечены в определенной мере во внутривосточную и внешневосточную жизнь Дагестана в целом и феодальных владений, в которые они входили как их составные части.

¹ Гаджиев В. Г. Роль России... С. 195.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из приведенного материала, в работе рассмотрены общая историко-географическая характеристика Дагестана XVII — нач. XIX в., а также историческая география его двух поперечных территориально-географических частей — Северного и Среднего Дагестана, состоявших, в свою очередь, из различных территориально-политических структур, т. е. феодальных владений и союзов сельских общин.

Мы остановились на основных вопросах, раскрывающих в совокупности проблему исторической географии Дагестана XVII — нач. XIX в. Это географическая ландкарта, территория, границы, расселение, этнический состав, численность, названия и самоназвания населения, историко-экономическая и историко-политическая география, т. е. география основных отраслей хозяйства, их центров и хозяйственных связей, а также политических событий с указанием где и когда они происходили, с какими личностями были связаны и т. д.

Ландкарта Дагестана в целом характеризовалась разнообразием рельефа, в зависимости от которого Дагестан принято делить на две продольные части — плоскостную или низменную и горную, которая, в свою очередь, делится на три части — предгорную, горную (или внутреннюю) и высокогорную. В целом Дагестан представляет из себя один из наиболее гористых регионов земного шара, что предопределило своеобразие как социально-экономического, так и политического развития его различных частей.

Приведенный в работе материал показывает, что Дагестан в XVII—нач. XIX в. состоял из множества этно-территориально-политических структур, т. е. не представлял из себя единого государства с соответствующими общегосударственными институтами. Он представлял из себя единую и цельную территориально-географическую и территориально-экономическую единицу, у народов которой вызревало понимание общности их историко-политических

судеб. В исторической литературе она была известна то как Дагестан, то как Лезгистан, а порою — Тавлистан. Авторы же более позднего периода Дагестан делили на собственно Дагестан и Лезгистан, перечисляя в их составе различные политические структуры, которые в основном были полнотерриториальны по составу населения. Как собственно политические структуры, так и каждая этническая группа имели названия, порою отличные от их самоназваний.

Каждая этно-территориально-политическая единица Дагестана, будь это феодальное владение или союз сельских общин, имела свою четко обозначенную и известную с древних времен территорию, защита которой от посягательств извне являлась обязательной для всех их жителей, достигших совершеннолетия. В совокупности все эти взаимосвязанные экономическими, политическими, этно-культурными узлами территориально-политические единицы и составляли собственно территорию Дагестана.

Имеющиеся сведения показывают, что территория Дагестана в целом находилась в XVII—нач. XIX в. между реками Терек на севере, Самур — на юге, Каспийским морем — на востоке и Главным Кавказским хребтом — на западе. Эти границы сохранялись неизменными на всем протяжении изучаемого периода, что подтверждается приведенными в работе сведениями источниками и авторов XVII—XIX вв. В целом это отражено и на существующих политических картах региона указанных веков. Вместе с тем, говоря о Дагестане как о единой историко-географической и территориально-политической структуре, в ряде источников и на некоторых картах под названием Дагестан указывается территория вплоть до Апшерона, с включением в его состав Кубинского ханства, основное население которого составляли лезгины. Все источники едины по северным и западным границам Дагестана, хотя и появились в наши дни авторы, ставящие под сомнение принадлежность в XVII—нач. XIX в. территории между Тереком и Сулаком Дагестану. Но факты опровергают эти измышления и подтверждают принадлежность земель Терско-Сулакского междуречья сначала шамхалу казикумухскому, а затем основателю Эндирейского владения Султан-Муту, одному из сыновей Чупан-шамхала, рожденному от его брака с кабардинкой из рода Анзоровых.

Поперечное деление Дагестана на Северный, Средний (или Центральный) и Южный было чисто условным, приобретшим политический оттенок с проведением уже в XIX в. административно-территориального деления, в связи с чем практически собственно Северный Дагестан (Засулакская Кумыкия) был отделен от понятия Дагестан под названием Кумыкия, а Средний Дагестан в нашем понятии назван Северным Дагестаном. Мы придерживаемся

принципа деления на части всей территории Дагестана от Терека до Самура. Северный Дагестан — это территория Терско-Сулакского междуречья; Средний Дагестан — территория от Сулака до реки Дарбах на юге, отделяющей его от Дербентского ханства, и с востока от Каспийского моря до Главного Кавказского хребта на западе; Южный Дагестан — это территория, протянувшаяся с севера от р. Дарбах до Самура на юге и с востока от Каспийского моря до границ Азербайджана на юго-западе и юге.

Каждая часть, будучи, в свою очередь, одной из частей поперечного деления Дагестана, охватывала практически все рельефные зоны. Кроме того, в принятом трехчастном делении Дагестана, каждая часть состояла из известных территориально-политических структур, внешние границы которых являлись одновременно и границами выделяемых частей Дагестана.

В составе Северного Дагестана в изучаемое время сначала было одно Эндирейское княжество, а затем при преемниках Султан-Мута оно распалось на три княжества: собственно Эндирейское, Аксаевское и Костиковское. Основное население их составляли кумыки, расселившиеся в Терско-Сулакском междуречье задолго до исследуемого периода.

Разновременно на территории Северного Дагестана в составе указанных княжеств расселились и стали проживать вместе с кумыками представители и других кавказских и некавказских народов: чеченцы, аккинцы, ногайцы, терекменцы, кабардинцы, гуены, тюмены, евреи, армяне, грузины, русские, немцы. По времени расселения их, занимаемой ими территории, кроме как по чеченцам и аккинцам, нет различных, противоположных мнений и противоречий вообще. Что же касается времени появления и расселения в этой зоне чеченцев и аккинцев особенно, то в исторической литературе появились различные суждения.

В последнее время в связи с распадом СССР и процессом суверинизации республик начался и пересмотр уже известных и подтвержденных источниками исторических фактов и процессов. Это, в частности, относится и ко времени расселения чеченцев и аккинцев в Терско-Сулакском междуречье как части Дагестана. Вопреки известным фактам некоторые чеченские ученые удревняют этот процесс, утверждая, что чеченцы и аккинцы жили в Засулакской Кумыкии еще до обоснования здесь Султан-Мута. Нами в работе показана несостоятельность всех этих антинаучных утверждений и приведены конкретные исторические факты, показывающие время переселения аккинцев и чеченцев в Засулакскую Кумыкию и конкретную территорию, на которой они расселились, а также кому принадлежала эта земля, чем они были обязаны за

разрешение жить на ней местным кумыкским князьям-владельцам этой земли.

В завершение разговора о Северном Дагестане отметим появление у отдельных чеченских исследователей и более реального мнения о заселении и территории расселения чеченцев в XVI—XVIII вв. В этом плане интересна крупная работа «Чеченцы: история и современность»¹. В ней привлекает внимание несколько тенденциозное мнение Я. Ахмадова — автора «Краткого очерка истории» — о том, что «В XVI—XVIII вв. складываются и современные границы расселения чеченского этноса: они заключались между вершинами Главного Кавказского хребта на юге, бассейном среднего течения Терека на севере, бассейна Акташ-Сулак на востоке, течением Сунжи на западе»².

Самой большой из трех частей Дагестана являлся Средний Дагестан. Он охватывал территорию приморского Дагестана от Сулака до Дарбаха, заселенную в основном кумыками, предгорье, где также проживали кумыки и даргинцы, горный (внутренний) Дагестан, основное население которого составляли даргинцы, аварцы и лакцы, и высокогорье, также заселенное теми же народами и в основном народами аваро-андо-цезской языковой группы. Основными государственно-политическими структурами Среднего Дагестана были шамхальство Казикумухское, впоследствии шамхальство Тарковское, ханства Аварское, Казикумухское и Мехтулинское и Кайтагское уцмийство. В Среднем Дагестане находились и все союзы сельских общин даргинцев и аварцев, наиболее известными из которых были союзы и их федерации, как Акуша-Дарго, Каба-Дарго, Андалал, Койсубулу, Анди, Гидатль, Антль-Ратль, Дидо ид р.

Каждое феодальное владение и каждый союз сельских общин имели свою конкретную и известную территорию, состоящую из их земельных угодий, низовых структурных единиц — сельских общин (джамаатов). Последние имели границы, проходившие по известным местам, горам, ущельям, рекам, долинам и т. д. Это были внутренние и внешние границы территориально-политических структур (феодалных владений и союзов сельских общин) в целом.

Как отмечено в источниках и показано в работе, все части Дагестана были густо населены, каждая из них имела сотни населенных пунктов, среди которых было немало сел, имевших 1000 и более хозяйств. Известными крупными селами Северного Дагес-

¹ Чеченцы: история и современность / Сост. и общая редакция Ю. А. Айдаева. М., 1996.

² Там же. С. 141.

тана были Эндирей, Аксай, Костек и др., а Среднего Дагестана — Тарки, Губден, Карабудахкент, Казаниши, Дженгутай, Кумух, Хунзах, Акуша, Цудахар, Башлы, Кубачи, Уркарах, Анди, Телетль, Кахиб, Урада, Урахи, Чиркей, Унцукуль, Согратль, Чох, Ругельда и т. д. Это были, как правило, центры феодальных владений или союзов сельских общин, выступавшие в то же время и как известные хозяйственные и торгово-ремесленные центры не только зонального, но часто и общедагестанского масштаба.

Историческая география хозяйства Дагестана в целом и изучаемых частей характеризовалась дальнейшим развитием всех отраслей хозяйственной деятельности населения, усилением хозяйственной специализации и связей разных хозяйственно-экономических зон, что приводило к взаимозависимости их друг от друга, отсюда и общности хозяйственных интересов. Происходит дальнейшее развитие ремесла и домашней промышленности с выделением новых и расширением и специализацией старых ремесленных центров. Получает дальнейшее развитие и торговля, усилившаяся в особенности со второй половины XVIII — нач. XIX в., когда происходит постепенное расширение влияния России на Дагестан и вовлечение его в сферу ее экономики.

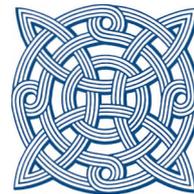
Историко-политическая география Дагестана изучаемого периода характеризовалась активной политической жизнью. Дагестан, занимая центральное положение между Северным Кавказом и Закавказьем, был в центре внимания политики трех соперничавших за влияние здесь держав — Ирана, Турции и России. Поэтому он был вовлечен в политические взаимоотношения этих держав, интересы которых скрещивались в особенности в Южном, Приморском и Северном Дагестане. Весь изучаемый период полон событиями — походами, сражениями и т. д., происходившими то на территории Дагестана, то за его пределами, в которых активно участвовали владельцы основных феодальных владений, а также главы известных и крупных союзов сельских общин.

Основная особенность историко-политической географии Дагестана — это все усиливавшаяся цельность, неразрывность, единство экономических и политических интересов народов Дагестана, несмотря на имевшие место межфеодалные раздоры и междоусобицы, пагубно отражавшиеся в целом на их жизни. Решение межфеодалных противоречий нередко совместными усилиями феодальных владельцев и авторитетных руководителей союзов сельских общин также говорит об общности политической жизни Дагестана.

Изучаемый период полон примерами совместных действий народов Дагестана, их участия в политических событиях, происхо-

дивших на территории Дагестана, или в акциях, совершаемых феодальными владельцами или руководителями союзов сельских общин за его пределами. Формирование понимания народами Дагестана, что Дагестан — это единый и цельный как в экономическом, так и в политическом отношении организм, являлось следствием осознания ими общности своей исторической Родины, общности своих жизненных интересов и своих судеб. Сохранение этого единства в наше противоречивое, тяжелое и хаотичное время, когда порою политически близорукими общественно-политическими и государственными деятелями делается попытка пересмотреть исторически сложившиеся взаимоотношения между народами Дагестана в своих узкокорыстных и личных целях — задача не только политических руководителей и деятелей разных рангов, но и всех дагестанцев. В единстве народов Дагестана — залог их будущего. В сохранении этого единства несомненно важна роль и ученых, интеллигенции.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПР** — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел.
АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИД — Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала.
ВУА — Военно-ученый архив.
Г. — Город.
Д. — Дело.
ДГСВК — Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20—50 гг. XIX в. Махачкала.
ДЭС — Дагестанский этнографический сборник. Махачкала.
ЖМГИ — Журнал Министерства государственных имуществ. М.
ЗКОРГО — Записки кавказского отдела русского географического общества. Тифлис.
ИГЭД — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М.
ИИАЭ ДНЦ РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии наук.
ИИЯЛ ДФ АН СССР — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР.
ИКОРГО — Известия кавказского отдела русского географического общества. Тифлис.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра Российской Академии наук.
ИНСК — История народов Северного Кавказа... М.
КК — Кавказский календарь. Тифлис.
Кр. — Крепость.
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии. М.
КЭС — Кавказский этнографический сборник. Тбилиси.
Л. — Ленинград.
Л. — Лист.

МИД — Министерство иностранных дел.

МИДЧ — Материалы по истории Дагестана и Чечни. Махачкала.

М. — Москва.

Об-во — Общество.

Оп. — Опись.

Племен. назв.-е — Племенное название.

РГИАСПб. — Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

Р. — Река.

РФ — Рукописный фонд.

С. — Страница.

С. — Село.

СА — Советская археология.

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.

СПб. — Санкт-Петербург.

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.

СССК — Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис.

С. С. О. — Союз сельских общин (обществ).

СЭ — Советская этнография.

ТВОРАО — Труды Восточного отдела (Имп.) Русского Археологического общества. СПб., Пг.

Уч. зап. — Ученые записки.

Ущ. — Ущелье.

Ф. — Фонд.

ФОД — Феодальные отношения в Дагестане. XIX — нач. XX в. М.

ЦАВП — Центральный архив внешней политики Министерства иностранных дел.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГА РД — Центральный государственный архив Республики Дагестан.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА Грузии — Центральный государственный исторический архив Грузии.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аббас II, шах Ирана — 188, 219, 273
Аббас I — 99, 102, 188
Абаев В. И. — 72
Абдуллаев И. Х. — 72
Абу-Муслим — 41, 193
Агабек Садыков — 244
Ага-Магомет-хан, Ага-Магометхан, Ага-Магомед-хан — 243, 254, 275, 298
Агас — 254
Агаширинова С. С. — 26, 28
Агларов М. А. — 26, 29, 195
Аджи-Айгун, акушинский кадий — 297
Адилсултанов А. А. — 30, 139—148, 159, 161, 166, 170—175, 177, 184
Адиль — 186
Адиль-Гирей шамхал — 84, 102, 119, 120, 181, 183, 189, 212, 214, 219, 231, 273, 297
Адильхан, уцмий — 276
Айдемировы, княж. фам. — 127, 184
Айдемир Хамзин — 152, 181
Айдемир Чепалав — 179
Айдемир-шамхал — 147
Айдемир-эндирейский правитель — 188, 189
Айтберов Т. М. — 30, 41, 195, 196, 198, 214, 238
Айтек-мурза Салтанеев — 169
«Аккинская фамилия» (Акка) — 136, 137
Актоль — 186
Албек Салтамамутов аксайский — 183
Алборов Б. А. — 81
Алдирирей «Чепан Чемхалов» эндирейский — 181
Алкас-мирза — 116

- Александр I, царь русский — 221, 244
Александр Бекович Черкасский — 153
Александр, грузинский царевич — 298
Александр, кахетинский царь — 174, 246
Алексеев, ген. — 275
Алибег андийский — 195
Алибек, халклавчи — 223
Алибек, сын уцмья — 274, 275
Алиев Б. Г. — 5, 6, 27, 36
Алим, основатель Костековского владения — 184
Алимова Б. А. — 31
Али-Султан-бек, сын Умма-хана аварского — 237
Али Султан дженгутайский — 65, 86, 93, 213
Али Султан мехтулинский — 237, 243, 244, 256
Али Султан уцмий — 273
Алихан-уцмий, сын Устар-хана кайтагского — 276
Алиханов-Аварский М. — 72, 74
Алкадари Г. Э. — 22, 23, 56, 57, 170
Алказ-Мурза сын Шевкалов — 116
Алкас — 116
Алкас-Мурза, князь — 116, 175
Аллага — 204, 234
Альшевы (Муртазали, Устерхань, Адиль, Бамат-мурза, Омахан, Хасай) — 186
Альш Хамзин — 185
Аль-Газали — 197
Альшевы, княж. фам. — 127
Амир Гамза, Амир-Хамза, Эмир Хамза, уцмий — 126, 201, 232, 253, 254, 274, 275
Амир-мурза Ракаев — 169
Амиров Г.-М. — 22, 23, 286
Амирхан-Султан — 272, 297
Андий-шамхал — 193
Анзоровы — 301
Андрей — «основатель» Эндирея — 173
Андуник-нуцал — 203, 236
Анучин Д. Н. — 19
Арал-хан шемахинский — 188
Араслан-бек аксайский — 183
«Арысланбек» — 151
Асиятилов С. Х. — 26
Асламбек Кемметов из рода Таусултанов — 153
Асланбек, сын Магомед-хана казикумухского — 233
Асланбек, посол князя Алкаса — 151

Ата-хан — 243
Ахвердов А. И. — 55, 83, 92, 94, 164, 181, 182, 227, 246, 248, 255,
256, 268—270, 289
Ахмадов Я. З. — 29, 115, 125, 126, 174, 175, 303
Ахматхан, кум. князь — 151, 160, 175, 176.
Ахмед Багдадский — 231
Ахмедов Б. Г. — 4
Ахмедов Ш. М. — 27
Ахмед-хан — 237
Ахмед-хан Аджи, сын Умма-хана аварского — 237
Ахмед-хан мехтулинский — 237, 241, 244, 266, 272, 276
Ахмедхан, сын Гусейнхана кайтагского — 273
Ахмедхан-уцмий, сын Улуга — 273, 274
Ахмедхан-уцмий (XVIII в.) — 266
Ачалей, окончан-посланец — 160

Б

Багаев М. Х. — 131
Бакаев Х. М. — 131
Бактыш-бика, кн. — 181
Бакиханов А.-К. — 22, 56, 167, 170, 171, 193, 230, 246, 274, 275
Баладзори — 74
Бамат-мурза — 186
Барсов Н. П. — 7
Баргольд В. В. — 22, 41, 59, 72, 81
Бейли Томас — 117
Баху-бике — 253
Бекмурзовы — 153
Бекович, кн. — 124, 127
Бекхий — 171
Белл Дж. — 40, 59, 263
Белков Ф., подьячий — 151
Белокуров С. А. — 37, 38, 112, 114, 172, 236
Берже А. — 17, 84, 172, 258, 279—282
Березин И. Н. — 16, 63, 85, 258, 271
Бескровный Л. Г. — 8
Биберштейн М. — 33, 34, 59
Бларамберг И. Ф. — 56, 65, 71, 216, 235, 258, 265, 266
Богославский М. М. — 7
Боденштедт Ф. — 33, 34, 84, 266, 284
Бойтав, посол Ших-Мурзы Окоцкого — 151
Борис Годунов — 100, 296
Брейн К. — 40, 54, 59, 88, 91

Броневский С. М. — 14, 15, 83, 119, 149, 158, 165, 182, 186, 215, 216,
220, 258, 263, 265, 290
Будай казанишинский — 219
Булатова А. Г. — 28, 72
Булач, нуцал (XV в.) — 203
Вулгаков, ген. — 276
Буниятов З. М. — 22
Бурцев М. И. — 114
Бутаев Б. — 30
Бутаев Д. Б. — 22, 23, 72
Бутков П. Г. — 37, 67, 85, 93, 120, 122, 126, 141, 142, 184, 213, 217,
227, 229, 230, 240, 243, 247, 248, 266
Бутурлин И. М. — 100, 101, 187, 296, 297
Буцковский А. М. — 55, 82, 84, 91, 92, 94, 154, 159, 186, 215, 278, 289

В

Вагапов Я. С. — 131, 132
Васильев Д. С. — 29, 119, 125
Вахушти Б. — 42, 44
Вейденбаум Е. Г. — 20, 41, 258, 259
Вельяминов Н. — 271
Веттерани — 188
Вильер де Лиль-Адам — 18
Витзен, Витсен — 154, 210
Волкова Н. Г. — 28, 152—154
Вольф И. — 42, 43
Воронов Н. В. — 17, 18

Г

Габиев С. И. — 22, 23, 72
Гаджиева С. Ш. — 22, 25, 26, 28, 31, 81, 127, 148, 162, 172, 208, 220.
Гаджиев В. Г. — 26, 28, 31, 39, 41, 69, 71, 72, 119, 195, 197—200,
210, 230, 246, 247, 249, 272
Гаджиев М. Г. — 130, 131
Гамба — 34
Ган К. Ф. — 21, 278
Гарей Мусалов — 185
Гасан-ага — 233
Гасанов М. Р. — 28, 30, 76—78
Гасан-хан — 244
Гаспулат, князь аксайский — 165

Гейдар-бек — 243
Гене Ф. И. — 289
Гербер И.-Г. — 13, 28, 34, 40, 41, 44, 54, 56, 58, 59, 66, 68, 91, 95,
97, 119, 158, 164, 180, 181, 183, 184, 210, 211, 212, 225, 226, 247,
252, 255, 267, 269, 271, 281, 283, 289, 290
Гидулянов П. — 21
Гийли-бике, жена Уммахана аварского — 237, 238
Гильденштедт А. И. — 14, 33, 34, 40, 44, 54, 59, 71, 91, 94, 95, 110,
124, 163, 183, 185, 212, 263, 282, 283, 289, 295
Гирей, сын Чубан-шамхала — 193, 271
Гирей-бек бамматулинский — 221, 244
Гирей, сын халклавчи Алибека — 224
Гмелин С. Г. — 14, 40, 67, 126, 144, 145, 255
Головин П., терский воевода — 175
Голубцов И. А. — 8
Гольденберг Л. А. — 8, 9, 44, 45
Готье Ю. В. — 8
Градовский А. Д. — 7
Гусаев М. М. — 4
Гусейнов М. М. — 31
Гусейнов Р.-Г. А.-К. — 147, 148
Гусейн-хан — 254, 273

Д

Дала, посланник авар. хана — 253
Далгат Б. — 22
Данилина К. Г. — 24
Данилевский Н. — 16, 163
Даниялов Г. Д. — 27
Даудбек (Хаджи Дауд) — 224, 273
Дервиш Алей — 168
Десятчиков Ю. М. — 77
Джамав-бек, сын уцмия Адиль-хана — 267
Джанашвили М. — 21, 280, 281
Джелил-хан — 243
Дирр А. М. — 21, 75, 76, 79
Добрынин Б. Ф. — 24
Долгорукий В., князь — 187
Дондуков-Корсаков, князь — 20
Дорн Б. А. — 17, 18
Дренякин И. Т. — 93, 265
Дубровин Н. — 19, 83, 172, 258

Дурги-нуцал, Дурги-нуцал — 196
Дудан — 74
Дундук-Даша, наместник калмыцкий — 123

Е

Евецкий О. — 15
Екатерина II — 221, 232, 276
Ермолов А. П. — 20, 43, 99, 221, 241, 244, 245, 253, 276, 283, 288, 298
Еропкин Д. Ф. — 89, 189

Ж

Жанбулатовы, род — 153
Жуков Е. М. — 46

З

Загурский Л. — 18
Замысловский Е. Е. — 7
Зардухил Али — 201
Засекин Г. О. — 174
Зевакин Е. О. — 188
Зиссерман А. А. — 17
Зубов В. — 34, 43, 275
Зубов П. — 15, 61, 62, 256, 257, 264

И

Ибрагимов В. — 140, 145
Ибрагимов Г. Х. — 79
Ибрагим-хан шушинский — 86, 254
Иван IV — 114
Ильдар, шамхал — 177
Ильяс-бек — 254
Имам-мирза, владелец Тарков — 208
Иоан де Галонифонтибус — 112
Иосселиани П. И. — 17, 18
Ираклий, грузинский царь — 243, 247, 251, 253
Исламмагомедов А. И. — 26, 79
Ихиллов М. М. — 26

К

- Казаналп эндирейский — 102, 152, 179, 180, 188
Казаналиповы, княж. фам. — 127
Казбулатовы (Хасбулатовы), аксайские кн. — 184
Казвини Мухаммед — 102
Казембек Г. — 77
Кан-мурза Алкасов — 169
Камилов И. К. — 3
Кантемир — 266
Каншока — 161
Каплан, ген. — 202
Кара Махди, Карамехти — 234, 236—238
Карамзин Н. М. — 187
Каспулат Черкасский — 169
Кауфман А. — 46
Кистаман-бике хунзахская — 237, 238
Клавдий — 139
Клан-Гирей аксайский — 183
Кирилл — 246
Клапрот Ю. — 15, 33, 34, 44, 68, 71, 260—262, 265, 266, 283
Ключевский В. О. — 8, 10
Кобычев В. П. — 155
Ковалевский М. К. — 56, 65, 71, 216, 235, 258, 265, 266
Ковалевский П. И. — 56
Козенкова В. И. — 130
Козубский Е. И. — 21, 68, 84, 259, 286
Колоколов П. Ф., ген. — 15
Комаров А. В. — 17, 73, 284—287, 295
Копанев А. И. — 8
Косвен М. О. — 14, 15, 16, 38, 41
Костя («основатель» Костека) — 142
Котов Ф. — 40, 84, 259, 262
Коцебу М. А. — 95, 289
Кох К. — 33
Кропотов (ген.) — 54, 85
Крупнов Е. И. — 132
Куденек Камбулатов — 114
Кушева Е. Н. — 25, 117, 125, 126, 152, 174, 195, 199, 202, 246

Л

- Лавров Л. И. — 27, 72, 75
Лазарь Христофоров — 121
Лаудаев У. — 134—138, 152, 195
Лебедев Д. М. — 41
Левашов В. Я., ген. — 120, 121, 293
Лерх И. Я. — 42, 43, 257, 263, 272
Линевич И. — 18
Лопухин А. И. — 89, 90, 211, 255, 263, 268, 269, 271
Фон-Лукей — 54
Лукин П. — 151
Любавский М. К. — 8
Люфт-Али-хан — 243

М

- Магамет Усмей аксайский — 183
Магдсей аккинский, Маадий — 177, 178
Магдей-мурза Салтанеев — 169
Магомед-Гусейн-хан — 253
Магомед-Муса-хан — 252
Магомед-нуцал, Мерсель-хан — 254
Магомед-хан казикумухский — 222, 232, 233
Магомед-шамхал — 221
Магомедов А. Г. — 130, 131
Магомедов А. Р. — 30, 31
Магомедов Д. М. — 31, 281
Магомедов М. — 140, 145
Магомедов Р. М. — 24, 25, 27, 30, 31, 37, 46, 47, 60, 73, 74, 222, 224—226, 232, 236, 286
Мадатов, ген. — 276
Маймет-мурза Тотуев — 169
Маллачиханов Б. К. — 24, 69
Мамай Агишев, тюмен. мурза — 168
Мамай, внук Ахмед-хан уцмия — 275
Мамстрюк Темрюкович — 174
Мансурова А. Г. — 31
Мансур — шейх Ушурма — 189, 252
Мансуров Ш. М. — 31, 146, 277
Маретина С. А. — 10, 11
Марков Е. — 20
Марковин В. И. — 129

Маркович Я. А. — 40, 54, 90, 91, 129, 263, 266, 271

Маршаев Р. Г. — 30, 38, 72

Масуди — 74

Мегамед (Магомед), владетель Буйнака — 212

Де-Медем, ген. — 127, 232, 274

Мелик Али нухинский — 232

Мерсель-хан аварский — 254

Мехти-бек мехтулинский — 237

Мехти-шамхал — 217, 221, 244, 254

Мехтий Ширданчи, владетель Буйнака — 220

Микаилов К. Ш. — 72

Минорский В. Ф. — 74, 75, 77, 81

Михаил Федорович Романов, царь — 160, 161, 169, 175, 265

Мочульский — 289

Мортузалеи, владетель Буйнака — 211

Муравьев-Карский Н. Н. — 143

Мурат Гирей, крым. хан — 169

Муртузали, влад. буйнакский — 90, 186, 211, 212, 243

Муртузали-шамхал, сын Сурхая I — 231

Мусаева М. К. — 31

Мусалов Гарей костековский — 185

Мусал Чепанов (эндирейский) — 181

Мусин-Пушкин, ген.-лейт. — 157

Мухаммед, сын Чубан-шамхала — 193

Мухаммед-бек аксайский — 189

Мухаммед-Яр-хан — 249

Муцал Черкасский, кн. — 114, 151

Н

Надеждин Н. И. — 7, 9, 20, 45

Надеждин П. П. — 17

Надир-шах — 23, 31, 71, 85, 99, 102, 123, 182, 185, 211, 220, 227, 228, 230, 231, 242, 243, 252, 274, 284, 298

Насонов А. Н. — 8

Начхой — 195

Неверовский А. А. — 16, 44, 84, 85, 247, 266

Неволин К. А. — 7

Никольская З. А. — 79

Норденстам И. И. — 158, 282, 289, 290

Нурбек, сын Сурхая II — 233

Нурмагомедоз А. М. — 214

Нуширван — 77

О

Оболенский В., князь — 185

Овечкин — 245

Олеарий А. — 40, 41, 53, 58, 67, 112, 147, 184, 208, 259, 263

Омар-бек — 233

Омархан авар. — 186

Оразаев Г. М.-Р. — 41

Османов А. И. — 4

Османов М. О. — 26, 31, 32, 70, 162

П

Паллас — 33

Панек Л. Б. — 24

Паскевич — 15

Паху-бике (Баху-бике), дочь Умма-хана аварского — 237, 238

Пашаева А. Г. — 26

Перджакханум, дочь Фатали-хана кубин. — 254

Петр I — 42, 43, 44, 85, 111, 118, 142, 153, 164, 183, 188, 189, 218, 220, 266, 273, 297

Петр, царский посол в Грузию — 116, 118

Петухов П. — 78

Платонов С. Ф. — 8

Плещеев О. Т. — 100, 186, 296

Плиний Старший (Секунда) — 139

Попов Н. А. — 7

Потапов, ген. — 111

Потто В. — 29, 66, 100, 187, 272

Потоцкий И. — 33

Потоцкий Ян. — 133, 260, 261

Пронский М. П. — 265

Протасьев Келарь — 114

Птоломей Клавдий — 139

Р

Ракаев Амир-мурза, тюмен. влад. — 169

Рамазанов Х. Х. — 26

Рейнеггс Я. — 33, 40, 41, 71, 90—92, 255, 257, 258, 260, 263, 265, 267—270, 283, 284

Родион, царский посол в Грузию — 116

Розен Р. Ф. — 94, 165, 249, 279, 289, 294
Ртищев Ф. Н. — 67, 91
Рустам-хан, внук Ахмед-хан уцмий — 275
Рустам-хан, Рустам, Рустем (уцмий, XVII в.) — 88, 263, 265, 271, 272, 273
Рустем-хан уцмий (ум. в 1805 г.) — 276, 297

С

Савельев, ген. — 275
Садыков Агабек — 244
Сала, хан — 278
Салтан-Магмут утемыш. — 255
Салтаней, тюмен. хан. — 169
Саъраглиз аккинская, Саърглиз — 177
Сафар Васильев, основатель шелков. завода — 164
Свидерский П. Ф. — 80
Семен, кн., посол — 205
Семенов Н. — 20, 109, 124, 127, 128, 183, 184
Серебров А. Г. — 274
Середонин С. М. — 8
Сефевиды, шахская династия — 229
Симонович Ф. Ф. — 65, 67, 89, 93, 227.
Скалон Ф. П. — 249
Смирнов П. П. — 8
Соймонов Ф. И. — 42, 164
Соловьев С. М. — 8
Стрейс Я. — 40, 67, 88, 259, 260
Сулейманов Н. Д. — 79
Султан-Ахмед мехтулинский — 238
Султан Ахмед-хан аварский — 215, 237, 244, 253, 294
Султаней, Солтаней, тюмен. хан — 169
Султан-Махмуд аксаевский, Султан Мамут аксаевский, — 164, 189
Султан-Махмуд, Султан-Мут, Султан Буг, Салтан Магмут эндирейский — 23, 38, 64, 125, 126, 146, 147, 152, 169—175, 177, 180, 181, 183, 187—189, 252, 297, 301, 302
Сунчалей Черкасский — 161, 271
Сунчалей Янглычев — 114, 160
Сурхай, хан аварский (с 1818 г.) — 253
Сурхай I (сын Гирея), Чулак Сурхай — 223, 224, 227, 229, 232, 273
Сурхай-хан II казикумухский (Кумбутаи) — 39, 93, 222, 233, 243, 298
Сурхай-хан — 250

Сурхай-шамхал, сын халклавчи Алибека — 223
Сурхай-шамхал тарковский — 102, 202, 219
Сурхов-хан, тарковский владелец — 208
Суханов А. — 40

Т

Тагиев Т. — 77
Таир-бек — 233
Тамбиевы — 128
Тараканов А. И. — 123
Татищев В. Н. — 7
Таусултанов, род — 153
Тектандер Я. Г. — 40, 87
Темировы, кн. фам. — 127
Терлав — 246
Терловы, Турловы (князя авар.) — 184
Тимур — 140, 146
Тинавинь Вис, сын Молкха — 152
Тихомиров М. Н. — 8
Тихонов Д. И. — 64, 66, 93, 212, 213, 217, 256, 258, 261, 263, 264, 268—270, 283, 284, 296
Тишнек Баммат — 221
Тишсиз Магомед казанищинский — 232
Токи-хан — 209
Токхий — 171
Томас Бейли — 117
Тормасов А. П. — 91, 94, 157, 215, 227, 294
Торх, посол — 205
Тохтабий Баташев — 128
Туту-бике — 254, 274

У

Уллага — 163
Улу-бей-хан эндирейский — 163
Улуг, правит. Кайтага — 102, 219, 273
Улхай-шамхал — 202
Умаханов М.-С. К. — 5, 6, 27
Умма-хан (Омар-хан) аварский — 85, 86, 93, 237, 238, 243, 246—248, 252—254
Услар П. К. — 68, 73, 75—77

Устархан — 186, 257, 275, 276
Ушурма (Мансур) — 189, 252

Ф

Фатали-бек — 233
Фат-Али-хан, Фатали-хан, куб. хан — 86, 220, 232, 233, 253, 254, 274, 275
Федоров Я. А. — 81
Федоров-Гусейнов Г. С. — 81
Фези, ген. — 276
Фон-Плотто А. — 18

Х

Хадже-бике — 254
Хаджи-Дауд — 224, 229, 230, 273
Хадидже-бике, сестра Фатали-хана — 232, 274
Халид, сын Сурхай-хана II — 233
Хамза — 185
Хамзаев — 22, 149
Хамзин Алиш — 185
Хамзин Темир — 185
Ханбутаи, Хамутаи «казыкумыцкий» — 65, 227
Хан-Магомед-бек, племянник уцмийа Амир-Хамзы — 275
Хасав Хамзаев — 149
Хасай-бек аксайский — 186
Хасайхан Уцмиев — 148
Хасан-хан, сын Али-Султана — 237
Хасбулат-шамхал — 220, 231
Хатунцов, ген. — 298
Хашаев Х.-М. О. — 24, 25, 38, 196, 198—200, 235, 236, 238, 240, 241, 247, 249, 250
Хворостинин — 100, 174, 175
Хизри, сын Ахмеда из Акуша — 197, 215
Хочбар — 295
Хрисанф — 248, 249, 279, 280, 289, 294, 295
Христофоров Лазарь, ген.-м. — см. Лазарь Христофоров
Хуршит (Куршит), старец, посол — 202

Ц

Цицианов, кн. — 233

Ч

Челеби Эвлия — 42, 53, 88, 89, 91, 92, 113, 117, 147, 161, 163, 179, 184, 209, 210, 257, 259, 262, 263, 265
Чепалав эндирейский — 179—181, 184
Чепанов Мусал, эндирейский влад. — 181
Черкас-мурза Салтанеев — 169
Черкасские, князя из Большой Кабарды — 184
Черкасский, кн. — 119
Черкасский Муцал-мурза — 151
Чернов, есаул — 157
Чолак Сурхай — 30, 192, 224, 226, 230
Чопан, владелец аксайский — 189
Чубан-шамхал, Чобан-шамхал, Чопан-шамхал — 100, 167, 169, 170, 193, 202, 301

Ш

Шамсей, посол уцмийа — 255
Шах-Баал, основатель рода шамхалов кумухских — 193, 201
Шахмардан-бек, сын Магомедхана казикумухского — 232, 233
Шаховский П. М. — 174
Шевкал — 175
Шейх Мансур — 189, 252
Шефия, основатель секты — 250
Шиллинг Е. М. — 24, 41, 79
Шиллинг, полков. — 124
Сихалиев Д. М. — 22
Сихали-хан — 233, 276, 298
Сихмурза Ишеримов — 160
Сихмурза, Сих окоцкий — 115, 116, 146, 151, 160, 173—175, 177
Сихсаидов А. Р. — 26, 27, 41
Шишкевич Ф. — 33
Шнитников Ф. А. — 55
Шмелев А. С. — 238
Шолох Черкасский, кн. — 177
Шубгах-шамхал — 58—59, 181
Щербачев А. П. — 94, 235, 236, 239, 250, 274, 289

Э

Эльдар (Ильдар) тарковский — 176, 193, 220, 231
Элдар Санмурзов (влад.) — 89

Эльдар-хан аксайский — 170, 193, 220, 231
Эльмурза Бекевич Черкасский из рода Жанбулатовых, из фамилии
Бекмурзиных — 121, 153, 166
Эмир-Хамзе, Эмир-хан — 201
Эркерт Р. — 33, 44
Эллис И. — 33

Ю

Юсуп-хан ширванский — 102

Я

Якут — 74
Ямгурчей-хан — 168
Яцунский В. К. — 8, 10, 12, 45

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Абхазо-адыги — 129
«Авар», «Овар», Авария — 20, 24, 43, 44, 61, 71, 94, 167, 193, 197,
201, 203, 206, 222, 231, 236—239, 244, 247, 249—253, 278, 279,
281, 290, 292, 295
авари, авары, аварцы — 14, 24, 34, 59, 61, 64, 66, 68, 69, 71, 73,
80, 84, 94, 112, 118, 138, 139, 150, 161, 191, 214, 225, 228, 236,
237, 244, 247, 251, 277, 279, 281, 282, 284, 303
Аварская земля — 247, 248
Аварские союзы сельских общин — 280
Аварский округ — 18
Аварский уезд — 95, 247
Аварское владение — 14, 60, 84, 97, 104, 149, 238
Аварское Койсу — 51, 52, 63, 97, 104, 191, 251, 279, 281
Аварское нусальство — 246
Аварское ханство — 30, 64, 65, 68, 94, 95, 104, 194, 206, 245—255,
279
Авук — 246
Агач-Мичик-Ич — 246
Агачаул — 214
Агдаш — 230
Аграханский залив — 50, 109, 110, 111, 118, 215
Аграхань — 20, 42, 118, 119, 182, 215, 216
Аграханский мыс — 215, 216
Аграханский п-ов — 108
Аграханское побережье — 122
Агул, агулы — 24, 28, 67, 73, 76, 78, 79, 286
агульцы — 224, 228, 284, 286
Агулдере — 79
Адиль-Отар, с. — 143
Адиль-Янгигюрт — 144

Азагли, с. — 220
Азамат-юрт, с. — 50, 109
Азербайджан — 15, 52, 55, 64, 78, 129, 131, 133, 161, 186, 204, 218,
228, 229, 302
азербайджанские татары — 261
азербайджанцы — 67, 79, 125, 261
Азия — 54
Азов — 166, 168
Аймаки — 234, 239, 244, 251
Аймакинское ущелье — 235, 242, 243, 279
Акай-гау — 294
Акка — 136
Аккинские селения — 177
«Аккисы» — 139
Акки, Аккий (об-во) — 106, 135, 136, 140, 143, 144, 177
Акко, об-во — 151
Акоз — 160
аккинцы-ауховцы — 126, 139, 152
аккинцы-окочане — 151
аккинцы — 30, 66, 112, 128, 134—147, 149, 151—156, 161, 171—173,
175, 177, 178, 180, 182, 302
Аьккха — 106, 154
Акоцкая земля — 153
аксаевские кумыки — 149, 150, 182
Аксаевский округ — 186, 192
Аксаевское владение (княжество) — 64, 80, 164, 180, 182, 184, 186,
189, 302
аксаевцы — 158
Аксай, с. — 22, 30, 43, 50, 61, 82, 83, 87, 91, 125, 127, 161, 166, 180,
182—184, 304
Аксай, р. — 53, 125, 127, 143, 144, 150, 151, 152, 153, 157—159,
163, 166, 181, 182
Аксай М. — 143, 145, 146, 149, 156—158, 159
Аксайская деревня — 154
Акташ, Агташ — 42, 50, 108—110, 145, 155, 158, 159, 166, 171, 187,
303
Акташ (р.) — 50, 108—110, 143, 147, 151—153, 277
Акташ-Аух — 148
Акташское озеро — 142
Акуша — 59, 92, 94, 197, 200, 205, 228, 235, 250, 283, 292, 304
Акуша-Дарго — 14, 56, 60, 83, 85, 94, 95, 102, 104, 167, 192, 197,
214, 277, 279, 282—285, 288, 290, 291, 293, 295—298
Акушинский район — 283
Акушинский союз сельских общин — 194, 197, 279, 282—284

Акушинское общество — 65
акушинцы — 65, 66, 69, 75, 86, 93, 210, 213, 214, 224, 260
Алагас, урочище — 213
Алазанская низменность — 69
Алазань (р.) — 61, 243
алазанские лезгины — 58
Алания — 131
аланы — 112
Алберю, с. 181
Алды — 137
Али-аул — 183
Аликазган — 110
Али-Кей-аул — 183
Али-хан-кала — 263
Алмак — 146, 155, 278
«Алти-пара» — 44, 59
Алтмарза-юрт (Ново-Чуртах) — 143, 147
«Алты-Качалык» — 150
Алык — 59
Альбурикент, Албюру Кент, Эллаборикент — 90, 213
Амир-гау-кент — 90
Амлаьккхий — 154
Амсар, с. — 198
Амузги — 270, 291
амузгинцы — 270
Амух — 286
Анатолия — 269
Андалал — 222, 252, 277, 280, 283, 293, 303
Андаляльский, Андалалский с. с. о. — 201, 280, 289, 291, 295
Андаляльское об-во — 228
Анди — 14, 60, 84, 92, 94, 98, 150, 197, 272, 277, 279, 291, 292,
303, 304
Андиб — 200, 205, 206
Андийский с. с. о-в — 298
Андийское владение — 149
Андийское Койсу — 50, 51, 97, 191, 195, 228, 279, 280
андийцы (куаннав) — 24, 34, 66, 69, 289, 290, 295, 297, 298
андийские села — 167
Андийский округ — 18
Андийский хребет — 50, 51, 109
Андия — 250
Андодидойский участок — 206
Андреево владение — 165, 169—171, 175
«Андрей» — 91

«Андреево» — 173, 250
Андреева деревня, Андрей, Индири (Эндери, Эндирей) — 164,
173—175, 189
Андреевский округ — 186
Андых — 241, 249
Анклух — 286
Анкратль — 43
Ансалта — 94
Ансалтинское об-во — 298
ансалтинцы — 290
Ансуб — 296
Антль-Ратль, Антль-Ратльский союз — 192, 277, 281, 282, 289,
290, 303
«Антк— Ратлье» — 282
Анцух — 21, 95, 282
Апцлус (Анцросо) — 282
Анчибачи — 198, 269
Апонгур, с. — 183
Апшерон — 301
Апшеронский п-ов — 63
Апши — 235, 241, 244
арабы — 67, 68, 193, 199, 201
арабское племя — 63
Арак, с. — 67
Аракан-тау — 51
Араканцы — 289
араканцы — 289, 291, 294
Арара аьккхий — 154
Араран-нах — 131
Аргвани — 278
Ардевиль, Ардабил — 226, 273, 275
Аргун, р. — 83, 135, 150, 157, 158, 246
Аргуно-сунженский регион — 130
Аргунский округ — 135
Аркас (Архаз) — 200
Аркасские горы — 241
Армения — 129, 135, 133, 218
армяне — 30, 66, 67, 112, 119, 121—125, 161, 165, 218, 302
Армянская слобода, Арментир, армянский квартал Кизляра —
124
Артозень, р. — 287
Артабугам р., Башбугам р. — 89
Архангельск — 120
Арчиб, Арчуб — 200, 205

арчибцы — 66
арчинцы — 24, 71, 76
Арчишалинский магал — 222
Асах, ущелье — 281
Асса, р. — 151
Астрахань — 43, 118—120, 166, 168, 262
Астраханское ханство — 168
Астий-Дук (Астий-Ирзе) — 172
Атака — 246
Атла-боин — 214
Атлы-буюн — 89
Аугар-авгар — 148
Аух — 135, 136, 139, 148, 152, 277
Ауховские горы — 50, 109
Ауховский округ — 135
Ауховский р-н — 147
Ауховское общество — 159
ауховцы (аккинцы) — 146
ауховцы — 22, 84, 94, 126, 129, 135—139, 146, 154, 157—159
Ахар — 148
Ахвах — 228, 249, 280, 291, 295
ахвахцы (ахуахи) — 66, 69, 196
Ахкент — 235, 239, 241, 244
Ахмарлинский магал — 295
Ахмедкент — 257, 263
Ахталу, Ахтыкурал — 73
ахти-курал — 73
ахтинцы — 92
Ахтычай, р. — 78, 97
Ахты, «Ахти», Ахтя — 44, 59, 92, 98, 275
Ахтынское владение — 65
ахцахары — 73
Ахтыкусарские горы — 52
Ачик-Баш — 179
Ашали, с. — 279
Ашильта — 289
Ашти — 198, 223, 286, 287
Аштикулинский магал — 222
Аьккха (Акки) — 106
Аьккхий-эвла — 143

Б

- Бабадаг-Ахтыкусарские горы — 52
Баб-ал абваб — 74
Бабаюрт — 141, 142, 143, 145
Бабаюртовский район — 142
Бабели, с. — 220
Бабешли, с. — 220
Бавла — 154
Бавтугай — 278
Багулал — 280, 291, 295
багулалы («Куан») — 66, 69
Базар-дюзи — 52
Байнан, с. — 195
Байрам-аул — 145, 149
Баклал — 200, 248
Баку — 66
Бакинская губерния — 57
Бакинская провинция — 217
Бакинское ханство — 56
Бактли (Гумбет) — 278
Бакыч — 248
Балахани — 294
Балхар — 291
Балхорское об-во — 298
Бальк (наз. Эндирея) — 91
Балчи, Балч, с. — 146, 154, 155
Бамматула, Баматула — 217
Бамматулинское бийлиество, княжество, владение — 80, 208
Баматюрт — 143
Баршамай — 263, 287, 288
Батлаич — 249
Батлук — 289
Баташ-юрт — 128, 145, 149
Батюрт — 141, 143
Бахтук (племен. наз-е) — 281
Бацада — 22, 31
бацбийцы, бацби — 154
Башбуган, р. — 89
Башлы, Баргшлы, Баршли — 22, 31, 95, 256, 257, 262—264, 273, 274, 304
башлинцы — 270
Баян — 246
Бежтинская котловина — 52, 191

- Бекели (Бакъни) — 284
Бскетей, рукав Терека — 111
«Белые кайтаги» — 260
Беной (Боной-юрт, Банай-юрт) — 148
«Берза-Буьйре» — 144
Берикей, Берекой, Берекег — 34, 260, 263
«берекойцы» — 261
Бермецкие горы — 65
Беш-бармак — 253
Бигнадальское (Богнадальское) об-во — 299
Билтой-эвл — 148
Билитли-аул, Бильт-аул — 148
Бичигизы (мигизы) — 152
Ближний Восток — 99, 103, 292
Боголы — 113
Богос — 52
Богосский массив — 191
Богосский хребет — 52
Бойнак, Буйнак — 41, 43, 52, 89, 122, 167, 193, 194, 208, 210—213, 216, 220, 266
Божовой хребет — 51, 191
болгары-барсилы — 148
Большая Атага — 184
Большая Кабарда — 60, 122, 153, 184
Большая Чечня — 135, 136, 184
Большие Казанищи — 231
Большие Ногаи, орда — 100, 174
Большой Буам, р. — 89, 267, 284
Большой Дженгутай — 235, 240, 241, 244
Большой Кавказ — 49
Большой Манас, р. — 213, 217
Боний-эвла — 143, 147
Бони-юрт — 140
Борозда, рукав Терека — 110, 111, 120, 142
Бороздинская станица — 111, 121, 124
Ботайюрт — 145
Боташ, с. — 145, 149
Ботлих, с. — 280, 289, 292
Ботлихская котловина — 51
ботлихцы (бодихаги) — 31, 66, 69
Боухтогай — 159
Бохну, с. с. о. — 282
Брагунское владение — 149
Брагуны — 149

Буам, р. 256, 258, 260, 264

Буглен, Буглени — 214

Будух — 59

Буйнаки, р. — 214

Буйнакск — 172

Буйнакское владение — 80, 212

Буйнакское плато — 51

Буркихан, с. — 198, 206, 226

Буркун-Дарго (Вуркун-Дарго) — 222, 224, 225, 282, 284, 286, 287, 291, 295

Бурная (кр.) — 43, 218, 245

Буртунай, Буртуна, с. — 183, 278

Бурунчук, урочище — 168

«Бухне» — 141, 142

Бурши — 226

Буьрсана — 143

Быстрая (р.) — 53, 150

В

вайнахи — 128, 129, 131, 132, 133, 154, 155

Варсит, с. — 287

Вачи, с. — 226

Великент, с. — 228, 263

великентцы — 270, 276

верхнедаргинцы — 197

Верхний Кайтаг — 192, 257—259, 262, 264, 265, 276, 287, 290, 297

Верхний Кара-Кайтаг — 265

Верхняя Кабарда — 54

Вицхи — 200, 201

Вицхинский магал — 222

Владение Каракайтагское — 265

Внезапная — 62, 148

Внутренний горный Дагестан — 191

Водораздельный хребет — 52, 191

Военно-Грузинская дорога — 145

Восточная Чечня — 130, 153

восточные чеченцы — 155

Восточный Дагестан — 60

Восточный Кавказ — 158

Волга — 132, 138, 168

Волго-Донское междуречье — 133

Вольный Кайтаг — 258

Воляки — 112, 118

Г

Гавдушинское поле — 232, 274

Гагатли — 279

Гаджнаул — 150

Гадзануш, с. — 205

Гази-Кумух — 81, 260

Гаковский с. с. о. — 281

Гаку, гора — 191

Галай, об-во — 155

Галанчеж, оз. — 155

Гамнях — 148

Гамри — 263

Гамри-Озень, р. — 158, 213, 258

Гамринская «округа» — 258, 285

Гамри-Озенский магал — 258, 259, 264

Гандах — 248

Ганджа (Гянджа) — 224, 230, 231, 275

Ганк (Ганклы) — 192, 257, 258, 259, 282, 285—287

Гапш — 192, 257, 258, 259, 287, 289

Гапшима — 94, 228, 283

«Гарман аре» — 132

Гачалкъа, с. — 147

Гачалкъа Аьккха — 141, 144

Гачалкъоевцы — 141, 144

«Гвамур-Даргва» — 259

Гдымский пер. — 52

Гезл-эвла — 144

гёк-булаки — 260

Гели (Хели), Гелли — 89, 90, 193, 214

генухцы — 66

Гераци (Урахи) — 285

Герга, р. — 238

Гергебильская котловина — 51

Гергебиль, Херхевиль — 228, 235, 239, 251, 289, 294

Гергеды, с. — 285

Герзель, с. — 144, 146, 154, 155

Герменчук-Шали — 246

Гертма, Гертмели, с. — 159, 278

Гехи, р. — 151, 152

Гид, Гидатль — 18, 86, 94, 195, 251, 277, 280, 294, 303

Гидатлинский союз — 192, 289, 291
гидатлинцы — 295
Гилан, Гилян — 43, 121, 145, 155
Гимри — 283, 289, 294
Гимринская котловина — 51
Гимринский хребет — 51
Гинта, с. — 196
Главный Кавказский хребет — 51, 52, 56, 62, 69, 133, 155, 191, 204, 281, 301—303
Говкра, с. — 226, 228
годоберинцы (гибдиги) — 66, 69
Гойны — 159
Голода, с. — 200, 206
Голотль, с. — 228, 289, 291
Гонода — 244
Гоор — 280
Горный Дагестан — 289, 300
Горный Кайтаг — 258, 259, 268
горские евреи — 121
горские народы — 244
горцы — 242, 244, 245, 260, 288, 289, 290
горы Черкесские — 59
«Город Хайдак» — 262
Горячевская станица (Истису) — 184
Гостала — 278
готы — 112
Гоцатль — 289
Гоэркех — 280
Гребенские казаки — 136
греки — 112, 122
Грозный — 132, 138, 151, 250
Грузия — 21, 22, 37, 42, 44, 52, 54—56, 66, 85, 116, 117, 129, 131, 133, 179, 186, 191, 201, 204, 205, 218, 226, 243, 290, 292
грузины — 112, 113, 120—122, 124, 125, 147, 167, 302
Грузинский квартал, Грузинская слобода (Курце-аул) — 124
Губерния Дагестанская — 57
Губден (Кубден, Куптени) — 89, 92, 200, 208, 214, 216, 218, 238, 270, 285, 304
Губденское владение — 298
Гугутское об-во — 299
Гудермес, Гудермус — 158
Гудермесское городище — 134
Гудермесский р-н — 147
гуены — 22, 127, 128

Гуйдюрмез, р. — 55, 82
Гулахан — 59
Гулебки — 284, 285
Гумбет — 94, 138, 170, 246, 278, 279
Гумбетовский с. с. о. — 274, 277
«Гумик» — 22, 81
Гумелевский пер. — 52
Гумри, кр. — 257
Гумук (Кумух) — 193, 194
гумукцы (кумухцы) — 193
Гуни — 278
Гуниб — 18, 251
Гунибское плато — 51
Гураклы (Урахи) — 285
Гургени, р. — 256
Гурьень, р. — 61
Гуэн-аул — 22, 127
гуэны — 127, 128, 302
Гюлистан — 234
Гюлянкали (Гъуладди) — 284
Гюнейский магал — 233
Гюйсу (Сулак) — 171
Гумкий-Эвла, «село кумыков» — 143

Д

Дагестан — 5, 6, 10, 11, 13—17, 19—32, 34—44, 47—66, 68, 69, 73—75, 77—80, 82—108, 111—113, 117, 122, 126, 128—130, 132, 136, 142, 144, 147, 148—150, 154—156, 159, 163, 166, 175, 185—191, 193—196, 198, 199, 201—203, 206, 208—211, 214, 216—222, 227—234, 236, 239, 242—246, 251, 255, 257, 263, 266, 267, 270—277, 283, 291—293, 296—305
Дагестан Внутренний — 217
Дагестан Нагорный — 217
Дагестан Нижний — 59
Дагестан Нагорный — 217
Дагестан Предгорный — 300
дагестанцы — 58, 60, 62, 69, 100, 102, 103, 129, 134, 138, 217, 247
Дагестанское «падишахство» — 179, 209
Дагестанская АССР — 154
Дагестанская губерния — 57
«Дагестанская земля» — 42
Дагестанские горы — 83

дагестанские горы — 149
дагестанские народы — 144, 161
дагестанские племена — 138
дагестанские татары — 259
дагестанское население — 161
Дагестанское шамхальство — 199
Дадаюрт — 146, 155
Дайхар, с. — 206
Дарбах, р. — 65, 255, 256—258, 260, 261, 302, 303
Дарваг, с. — 67, 76
даргинцы — 24, 64, 66, 69—71, 73, 75, 79, 80, 82, 100, 112, 192,
224, 225, 228, 259, 261, 262, 282, 284, 286, 288, 303
Даргинские союзы с. о. — 282
Даргинский округ — 19, 259
Даргинский союз — 66
Дарго — 35, 69, 70
Дарьяльский проход — 139
Даттах — 146, 155
Датуна — 294
Девек Елеми — 93, 256
Девекская округа — 258
Дедели, с. — 229
Дезик-аул (квартал Кизляра) — 124
Дейбук — 258, 286
Демир-Капу — 89, 255, 262
Дербент, Дербен — 14, 22, 30, 34, 42, 44, 50, 51, 54, 55, 58, 66, 67,
76, 77, 87, 89, 90, 91, 93, 116, 122, 153, 166, 167, 199, 212,
220, 221, 228, 232, 233, 239, 244, 253—255, 259, 260, 262,
266, 270, 274—276, 286, 292, 297
Дербентская «дорога» от Азова до Дербента — 166
Дербентская крепость — 67
Дербентский округ — 61, 62, 65, 259
Дербентский уезд — 276
Дербентское владение — 64, 65, 67, 68, 84, 89, 93, 256, 274
Дербентское ханство — 56, 104, 191, 217, 267
Дешлагар — 261
Дешт-и-кипчак — 201
Джавгат — 228, 288
Джак — 59
Джаладур-бетер — 52
Джамансу (Ямансу) — 42
Джанги — 150
Джарское общество — 24

Джаро-Белоканский союз, Джаро-Белоканы — 14, 18, 24, 57, 58,
60, 84, 246, 253, 281
Джарский округ — 57
Дженгутаевское владение — 14, 51, 65, 93
Дженгутай — 84, 122, 234, 238, 239, 250, 251, 292
Дженгутайское плато — 51
Джибахни — 287, 288
Джибус — 287
Джурмут — 282
Джурмутская котловина — 191
джурмуты — 95, 289
Дзилебки — 284
Дзурдзукетия — 131
Дидо — 18, 28, 43, 60, 84, 277, 280, 281, 289, 291, 303
Дидо-Асах — 281
Дидоети — 280
Дидор, Дидур — 280, 281
Дидо-Шантль (Иланхеви) — 281
Дидо-Шуратль — 281
Дидойская котловина — 52, 191
Дидойский союз — 280
дидойцы (цезы) — 24, 27, 28, 66, 69, 280
дидовы — 280
Дидоэтия — 21
Диклос-мта — 191
Диндигатский перевал — 52
Доргели, Доргели, «Дургели» — 89, 205, 208, 216, 217, 231,
238, 244
«Докуспара», «Токус-пара» — 59
Дон, р. — 118, 132, 133
Дуакар — 284
Дубовская, станица — 121
Дудания — 74
Дуранги, с. — 235, 236, 240, 241, 244
Дылим, Дуллим — 159, 191, 278
Дюльтидаг — 191
Дюльтидагский хребет — 52, 191

Е

еврен — 22, 66, 67, 68, 127, 161, 192, 218, 259, 261, 262, 302
Еврейский квартал (Жугьугла кьатI) — 261
Еврейская община — 18

Еврейские дома — 261
Еврейское ущелье (Жугьутла къадда) — 261
Египет — 129
Екраг, с. — 67
Елисуйское султанство — 18, 21, 84
Ерси, с. — 67

Ж

Железные ворота (Дербент) — 115, 116
«жиды» — 66, 213
«Жугвот-къвот» (евр. квартал) — 261

З

Закавказье — 16, 24, 49, 60, 68, 99, 131, 155, 167, 253, 291, 304
Закатальский округ — 18, 84
Закаталы — 21
Зандак — 145, 155
Западный Дагестан — 14, 18
Зараг-Керан — 260
Засулакья — 159
Засулакская зона — 146
Засулакская Кумыкия (Засулакья) — 22, 39, 42—43, 50, 55—57, 62, 64, 80, 84, 94, 97, 126—128, 134, 156, 159, 162—164, 168, 180, 186, 189, 201, 301, 302
засулакские кумыки — 162, 164, 167, 189
Засулакский Дагестан — 105
Засулакский каньон — 51
Зах-аул (квартал Аксая) — 183
Зегур, с. — 61
Зиар, Зиури, с. — 280
Зило, с. — 279
Зиль — 67
зики — 112
Зирама, с. — 159
Зирехгеран — 35, 198
Золотая Орда — 236
Зуббут — 145, 159
Зубутли — 278, 289
Зулер, с. — 201
зулерцы — 202

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Зурамакент, с. — 278

И

Игалл, с. — 249, 289
Иджар, горы — 283
Изия (Азия) — 54
Ийпне, с. — 143
Икоцкая (Окоцкая) слобода — 153
Икраг с. — 285
Иланхевн, ущелье — 281
Имеретия — 83
Индия — 10, 129
Индили (город?) — 115—116, 173,
Индри — 172
Ингушетия — 129, 144
ингуши — 60, 125, 128, 130, 149, 151, 152, 154
Инхо — 278
Инчка, с. — 278
Инчке, Инче, р. — 159, 256, 257, 267
Иора, р. — 86
Иран — 113, 117, 120, 130, 147, 161, 185, 186, 211, 230, 272, 304
Иран-Хараб, местность — 274
Ирганай, с. — 200, 289
Ирганайская котловина — 51
ирганайцы — 294
Ирхан — 41
Ирчамул, Иржамул, Урджамиль, Уртчимул, Урчемул — 257, 259, 264, 268
Ирчамульский с. с. о. — 282, 286, 287
Ирчамурская «округа» — 258
Исмиб — 216, 296
Исмаил, гора — 294
Истису, с. — 150, 166, 187
Истису (Мелчхе) — 187
иудеи — 67
Ицари (Хуцари, Уцари) — 259, 286, 287
Ицаринский с. с. о. — 282
Иха — 145, 159, 298
Ичи-ери — 135
Ичкеринские горы — 82
Ичкеринский округ — 135
ичкеринцы — 278

Ичкерия — 129, 135, 137, 279
Ишкарты — 214
«Иштуганчи» — 284
Ирхан, с. — 41

Й

йассы — 112
Йоккха-Бамт-юрт (Баматюрт) — 143

К

Каба-Дарго, Каба-Даргва — 258, 263, 282, 283, 285—287, 292, 297, 303
Кабала, с. — 229
Кабарда — 54, 56, 60, 114, 121, 128, 156, 165, 174, 177, 188, 194
Кабарда Большая — 60
Кабарда Верхняя — 54
Кабарда Малая — 57, 60
Кабарда Нижняя — 54
Кабардигенская «округа» — 258, 263, 285
Кабардинская дорога — 176
Кабардинская земля — 144
кабардинцы — 83, 119, 125, 128, 137, 138, 149, 170, 302
Кабардино-Балкария — 131, 133
Кабардинское княжество — 53
Кабирек, с. — 232
Кавказ — 14, 15, 17, 19, 20, 34—39, 41, 43, 44, 49, 51, 54, 56, 57, 60, 77, 82, 83, 103, 118, 121, 133, 140, 165, 180, 181, 229, 258, 264, 270, 283
Кавказская губерния — 82
Кавказская Тюмень — 27
Кавказские горы — 53, 65
кавказские народы — 302
Кавказский край — 20, 83
Кавказский перешеек — 109
Кадар, с. — 70, 200, 205, 208, 214
Каджар-аул (квартал Аксая) — 183
Кадийство Табасаранское — 93
казаки — 81, 113, 117, 121, 164, 173, 179
казаки терские — 124
Казак-Мурза, с. — 245
Казанише — 193, 216, 244, 292

казанские татары — 122
Казань — 124
Казачьи поселения — 168
Казбековский р-н — 147
Казыкумух — 14, 44, 56, 60, 188, 194, 197, 201, 207, 208, 223, 224, 225, 228, 229, 231—233, 238, 239, 250, 251, 256, 271
«казыкумухи», казыкумыки, казыкумухцы — 61, 65, 72, 112, 194, 231, 261, 283
Казыкумухская провинция — 227
Казыкумухский округ — 23, 226
Казыкумухское владение — 55, 76, 225
Казыкумухское Койсу, р. — 52, 71, 191, 222, 279
Казыкумухское ханство — 30, 64, 66, 84, 93, 94, 222, 225, 227, 233, 250, 256, 283, 284, 286, 293
Казыкумухское шамхальство — 30, 64, 104, 167, 172, 193, 194, 197—199, 201, 203, 207, 208, 210, 214, 218, 222, 234
Казыкумухско-Кюринское ханство — 18
Казюрт — 125, 145, 146
Казьмааул — 142, 143
Кайтаг — 14, 22, 38, 41, 44, 58, 64, 88, 89, 92, 93, 95, 167, 188, 192, 193, 197, 198, 200, 206, 210, 219, 229, 242, 253, 254, 255, 257—268, 271, 272—274, 276, 286, 289, 291, 295, 297
кайтагцы, кайтаки — 22, 24, 26, 77, 113, 147, 192, 258—262, 288
Кайтагское улмейство — 39, 60, 64, 65, 80, 84, 104, 126, 192, 194, 196, 216, 255, 256, 257—262, 264, 265, 267, 268, 270—273, 283, 284, 286, 303
Какашура — 214, 217, 235, 238, 244, 292
Кала, с. — 198
Калал, Калалал — 94, 294
Калалалское (Колалалское) об-во — 299
калалалы — 289
калалы — 95
Калакорейш, Кала-Корейш, Кара-Гуриш, «Карагураш» — 18, 86, 87, 261, 262, 264, 270, 274
Кали Гельды, с. — 150
Калинин-аул — 143, 148
калмыки — 113, 147
калмыцкие татары — 259, 260
Канабир, Канабур, дер. — 89
Кана-Сираги — 285
Кандаураул — 143
Каннат-мим, с. — 90
Капир-Кумух, Кафир-Кумух — 171
Капут — 59

Капучи — 21
капучинцы («капучинас суко») — 69
Капчугай — 214
Карабах — 226, 275
Караблак, с. — 214
Карабудақхан «страна» — 42
карабулаки — 60, 153, 154, 157
Карабудақхент — 80, 89—91, 213, 216, 304
Карабудақхентское бийликство (княжество, владение) — 208, 212
Карагураши — 44
Карадах — 281, 291
Карадахское ущелье — 51
Караджи, с. — 220
Каракайдак, Каракайтаг, Каракайдек — 41, 246, 257—260, 264
Каракайдацкая «округа» — 258
«Каракайтагская провинция» — 258
Каракайтагский округ — 65
Каракайтагское наибство — 261, 262
Каракайтагское уцмийство — 66
Карахайтак, Карахайтаг — 255, 282, 286, 287
Кара-Койсу — 51, 52, 191, 212, 213, 280
Каракюре — 86, 92
каракюринцы — 92
Каралал — 249, 280, 294
Каранай, с. — 214
караногайцы — 28
Кара-Самур, р. — 78
Кара-Сырт (хребет) — 51
Карата — 280, 291
Караталай — 288
Каратинское об-во — 249
каратинцы (кипги) — 69, 295
Карах — 95, 197, 200, 205, 281
карахайтаки, карахайдаки — 43, 76, 210, 226, 255, 258, 260, 261, 270
Карацан — 288
Карашиб, с. — 205
Карбукская «округа» — 258
Каргалинская станица — 121
Каспий — 142, 143, 161, 169, 170
Каспийское море — 13, 17, 43, 44, 54—56, 59, 61, 63, 64—66, 82, 87, 102, 108, 113, 117, 120, 142, 163, 165, 167, 179, 181, 182, 193, 194, 204, 213, 214, 217, 218, 251, 256, 257, 258, 262, 301, 302,
Касумкент — 228

Каттаган, Каттагни — 258, 259, 264, 282, 286, 287
Кафыр-Кумух — 193, 245
Кахетия — 18, 20, 61, 280, 281
Кахиб — 291, 304
Кахтание — 113
Качалук, Качи-лук, с. — 145, 155, 182
Качилук — 155
Качкалык — 136
качкалыки — 22, 39, 55, 82, 83, 150
качкалыковцы — 138, 145, 157, 158
Качкалыковская деревня — 154
Качкалыкский хребет — 62, 144, 158
Кая, с. — 226, 228
Каякент — 257
Кегер — 280
Кегерское плато — 51
Кекеби, с. — 200
Келеб — 290, 291
Келебский с. с. о. — 280
Кель, об-во — 197, 280
Керестан-аккий — 137
кесерухи — 95
Керхи-гора — 170
Кешен, Кешень — 145, 155
Кешен-Аух — 147
Кешне (с. Чапаево) — 143, 147
Кид (Гид) — 249
Кизляр — 20, 30, 105, 111, 121—125, 141, 142, 161, 164—166, 181, 182, 185, 186, 217, 253, 270
Кизляр, Кизлярка, р. — 53
Кизляркала — 41
Кизлярская зона — 123
Кизлярская кр. — 120, 123
Кизлярский ф-н — 105
Кизлярская степь — 123
Кизлярский уезд — 183
Кикунн — 294
Киль — 249, 294
кимаки — 81
киммерийцы — 81
Кимс, Кимис, гора — 171
Кинчиль — 248
кипчаки, кыпчаки — 81, 112, 113
кисты, кистины — 54, 60

Кито, Китур, Китор — 28
Кичи-Казаниш — 214
Киша — 287, 289
Кодорский перевал — 52, 191
Кодротское об-во — 298
Кодрух. с. — 226
Койсинский острог — 117
Койсу, кр. — 42, 117
Койсу, р. — 55, 56, 61, 62, 65, 87, 91, 100, 106, 118, 119, 163, 165, 171, 180—182, 185, 186, 205, 209, 214—217, 250, 278, 279
Койсу-боюн — 279
Койсубу — 277, 279, 280
Койсубула — 279, 283, 291, 294
Койсубулинский союз — 192, 194, 215, 289
Койсубулинский хреб. — 279
Койсубулинское бо — 294, 304
Койсубулинское общество — 65, 235, 249
койсубулинцы — 214, 235, 250, 289, 295
Кокма-даг, Кохмадаг — 61, 284
Кокмадагский (Кохмадагский) хребет — 61
Кокрек — 143
Кола, город — 220
Колалалское об-во — 299
Колоб — 205
Корода — 280
Косо, племен. название — 281
Костек — 22, 80, 91, 124, 125, 142, 145, 146, 149, 166, 184, 185, 200, 304
костековский народ — 164
Костековское владение, княжество — 64, 80, 165, 180, 184—186, 189, 302
костековцы — 185
Костийн-отар — 142, 143
«Костик» — 142, 185
Костюковская деревня — 186
Костюковский округ — 186
Кохмадагские горы — 61
кьоцоевцы — 144
Кьоцой — 144
Кьоцой-Эвла — 144
Кочегенская «округа» — 258
Кошкельды — 150
Крепость Эндирей — 113

Криз — 59
Кристиааул (квартал Кизляра) — 124
Крым — 113, 121, 133, 169
куаннал (андийцы) — 279
Куба — 55, 56, 225, 232, 233, 254, 273—276
Кубань, р. — 121, 123, 132
Кубар, с. — 181, 228
Кубачи, Кубеша, Кубяша, Кюбечли — 14, 18, 19, 24, 34, 35, 43, 44, 59, 91, 93, 192, 198, 255, 263, 265, 274, 287, 291, 297, 304
«Кубачинское» общество — 65
кубачинцы — 22, 24, 66, 111, 259, 261, 262, 269, 270
Кубечинская «округа» — 258
Кубинская провинция — 61, 65, 66, 217, 220
Кубинский уезд — 57
Кубинско-Дербентское ханство — 93, 253
Кубинское владение — 65
Кубинское ханство — 55, 56, 59, 61, 274, 301
кубинцы — 270
Кубра, с. — 228
Кувал, Куввал — 249, 280, 294
Кудали — 280
Кулецама — 235, 236, 244
Кума, р. — 62, 107
Кумторкала, «Гумторкале» — 90, 127, 208, 213
Кумторкалинское владение — 208
Кумух — 18, 22, 23, 30, 81, 92, 172, 193, 200, 201, 206, 225, 228, 236, 238, 292, 304
Кумухский магал — 222
Кумухское ханство — 199
кумыки — 15, 20, 22, 25, 41, 55, 56, 58, 60, 62, 66, 69, 72, 80—84, 87, 94, 102, 108, 112, 113, 122, 125, 127, 128, 135, 137—139, 141, 145—148, 154, 159, 161—165, 171, 173, 182, 192, 202, 203, 208, 213, 215, 217, 218, 236, 239, 255, 259—262, 277
кумыки аксаевские, кумуки аксаевские — 60
Кумыкия — 84, 112, 301
Кумыкская низменность (плоскость) — 20, 109, 128
Кумыкская область — 199
Кумыкская равнина — 50, 84, 127, 147, 162
кумыкский народ — 113
Кумыкский округ — 127
Кумыкское владение — 126, 160, 165
кумыкское племя — 170, 172
Кумыкско-чеченское владение, Кумыкско-чеченское княжество — 125

Кумыкстан — 42
Кумыцкая земля — 114, 175, 194, 199, 202
кумыцкие люди — 126
Кунаб, с. — 206
Кунди, с. — 205
Кунки — 286, 289
Кура, р. — 34, 56, 61, 62, 73, 243
Куралал — 200
Курали — 43
Курах, с. — 75, 228
Курахдере, Курахское ущелье — 73
Куре (местность) — 76
Курали, Курели, Курягу — 14, 43, 59, 89
Курия — 54
Куркли, с. — 228
Курт Булак — 65
Куру-Койсу (Сухой Койсу) — 182, 215
«Куряги» — 43, 49
Куруш, с. — 142, 143
Куршбе, с. — 206
Курце-аул (грузинский квартал Кизляра, Грузинская слобода) — 124
Курчи-аул — 150
Кусрух — 205
Кусур — 289
кусури — 95
Къутсе — 257, 267
Куце, р. — 255
Кучиск-Избар, урочище — 273
Кушанар (агулы) — 79
Кушандере — 79
Кюяда (Кумал) — 280, 291
Кхархойт, тайпа — 144
Кхачхалыхкх — 147
Кхеди, об-во — 279
Кхеле, племен. наз-е — 281
Кхенада — 282
Кхиды — 281
Кызляркала — 41
кыпчаки — 112, 113, 147
Кюбечли — 42
Кюра, Кюре — 56, 222, 225, 232, 233, 295
Кюринский магал — 275
Кюринский округ — 167, 232, 233

Кюринское ханство — 55, 56, 64, 66
кюринцы — 73, 75, 76
Кяфар-кент — 214,
Кяхулай — 213
Къяба дубура — 285

Л

Лакз — 74
Лакия — 23, 224, 228
Лакрал-Кану («Страна лаков») — 23, 71, 222
«Лак» — 72, 74, 222, 223, 226
«лакзы» — 74
лакцы — 21, 23, 24, 28, 66, 69, 71—73, 75, 82, 112, 192, 203, 228, 229, 284, 303
ЛамаIккхий — 159
Лам-Акки — 159
Ламан-нах — 131
Леваши, с. — 235
Левашинский р-он — 283
леги, «леки» — 44, 60, 74, 75, 112
«лекзы» — 74
«лезгинское» племя — 17
Лезгистан, Лезгинистан — 14, 15, 27, 55, 59, 60, 61, 62, 73, 84, 103, 149, 301
«лезги», лезгины, лезгинцы, «лязгинцы», «лесги» — 15, 20, 28, 34, 35, 56, 58, 60, 62, 64, 66, '69 '29 72—76, 78, 79, 89, 102, 103, 112, 113, 147, 181, 182, 222, 224, 225, 236, 259, 260, 301
Лейпциг — 34, 35
Ленин-аул — 143, 148
Лес (хребет) — 51
Лища — 287
лупени — 60
луткунцы — 224

М

Маарулал — 66, 68
Магмизмеэр — 294
Маджалис, Мажалис, Машилис — 18, 66, 257, 259, 261, 263, 273, 274
«Маджалис-катти» (Маджалисское ущелье) — 259, 264, 268
МажIар (Mарж) — 143

Маза — 41
Мазандаран (Табаристан) — 77
Майнста, р. — 15
Майчайми, магал — 222
Малахалыль — 274
Малалалское об-во — 299
Малая Авария — 252
Малая Азия — 133
Малая Кабарда — 53, 60, 122, 149, 153
Малая Чечня — 136, 138
Малхиста, р. — 154
Малый Буам, р. — 267
Малый Дженгутай — 235, 236, 240, 241, 244
Малый Манас — 213
Малый Сулак — 110
малочеченцы — 138
Мамак-юрт — 145
Манас, р. — 211, 214, 217, 235
Марага, с. — 67
Мартан, р. — 154
Маскат, страна — 74
Масюлем-аул (Муселим-аул) — 214
Матенадаран — 86
Махачкала — 50, 129, 130
Мачкил-Россо (пер.) — 52
Машук — 248
Мегеб — 280
Мекеги — 292
Мекегинский с. с. о. — 194, 197, 282, 284
мекегинцы — 66
Мекка — 229
Мелардой (Гумбет по-чеченски) — 138
Мехельта — 278
Мехтула — 66, 237—239—244, 279, 283
Мехтулинский округ — 244
Мехтулинское владение — 65
Мехтулинское ханство — 18, 64, 80, 192, 217, 234—236, 239, 240, 242, 244, 245, 250, 255, 283
Мехтулинцы — 239, 240, 242
Миатлинский каньон — 51
Миатли — 159, 278, 289
Микрах, с. — 200
Мини-Атага — 148
Мирзатта (Мирзатавли) — 284

Мискинджа, с. — 92
мискинджинцы — 92
Мич, с. — 296
Мичик, р. — 135, 246
Мичкич, Мычигиш, Мичикиш, Мичкиз — 170, 195, 200, 205, 246
мичиковы — 83
мичкиз — 135, 144, 158, 160
Мичкизская дорога — 176
мичкизские люди — 177
Мишлеш, с. — 86
мишилта — 95, 289
моголы — 113
Могох — 289
Моха-Берде, Морхан-Берде — 143, 144, 184
Москва — 150, 154, 169, 174, 202, 211, 246, 297
Московская земля — 53, 161
Муги — 292
Мугинский с. с. о. — 194, 197, 282
мугинцы — 66
Мугри — 285
Муйра — 192, 257—259, 282, 286, 287, 289
муйринцы — 66
Мукарк, с. — 205, 222
Мукратль — 44, 280, 290
Мулебки — 285
Муни — 289
Муракай-юрт — 145
Мургук — 285, 286
Мусса-Мечеть (с.) — 62
Мусалаул, Муцалаул — 143, 145
Муса Хаджи, с. — 145
Мусух — 249
Мушакский пер. — 52
Мхол-Россо (пер.) — 52
мыш-абдыр (рутулы) — 79
Мыхад (Рутул) — 79
Мюрего (Мурр-ерг) — 257, 263, 297
Мюшкюр — 253
Мюшкюрский (Мушкурский) уезд — 228, 229

Н

Набурли, с. — 220

«Нагаи» (географич.) — 113
Нагорный Дагестан — 17, 20, 23, 66, 222, 299
Надсунженский хребет — 136
Назрановский округ — 135
Накитль — 294
Накхане (Накке) — 143
Наркали (Нахки) — 284
народности авароязычной группы — 282
народности (народы) Дагестана — 125, 242, 289, 305
Нарынкала — 254
Наскент — 235
Науруз-аул — 150
Наурус — 183
нахи, нах — 131, 133
Нахчаван — 131
Нахчий — 131, 135, 136
Нахчи-Мохк — 158
Нахчой-Мохкхой — 135
Наци — 284
Нацидирис-цвери (г.) — 52, 191
Нашаха, об-во — 155
немцы — 302
Нижние Мулебки — 286
Нижний Дагестан — 14
Нижний Кайтаг (УбяхI Хайдакь), Нижний Кара-Кайтаг — 192, 255, 257, 265, 287, 288
Нижне-Кайтагское наибство — 261
Нижнехваршинский с. с. о. — 281
Нижняя Кабарда — 54
Низабат — 253, 262
Нита — 278, 294
Новый Чечень, с. — 140
Новый Терек — 110
новокрещены — 120, 121, 124
Новокрещенская слобода — 115
Ново-Кули — 143, 148
Новолакский р-н — 147
Новолакское, с. — 143, 148
Ново-Чуртах — 143, 147
ногаи, большие ногаи — 165
ногайские люди — 112, 113
Ногайская степь — 108, 182
Ногайские степи — 132
Ногайский р-н — 105

ногайцы — 19, 20, 30, 43, 66, 83, 94, 102, 105, 118, 119, 121—123, 125, 146, 159, 161, 181, 192, 214, 218, 302
Нохчий — 154, 158
Нукатлинский хребет (Нукатль) — 52, 191
Нусцали (Наци) — 284
Нуха — 232
Нуям-берды — 150, 183

О

Овогль — 251
Оглы, Огли — 234, 235, 244
Озень, р. — 217, 235, 264
Ойсунгур, с. — 150
«Ондреевский» город (Эндери, Эндирей) — 174
«Ондреево» — 173
Округ Каракайдакский — 258
Округ Каралал — 249
Округ Кид — 249
Округ Киль — 249
Округ Куваль — 249
Оксаевское (Аксаевское) владение — 165
Скох — 115
Скоцкая земля — 160
Окоцкая слобода — 115, 125, 151, 153
«Окоцкие кабаки» — 177
окоцкие люди — 177
окочане — 201
Окочирский квартал Кизляра — 124
Окочир — 124
Онакари — 285
Ори-Цхале, р. — 280
Орота — 294
оротинцы — 295
Орусай-Булак — 145, 215, 217, 256
осетины, осетинцы — 54, 125
Осетия — 56
Охлы — 234, 235, 238, 239
охочены — 120, 122, 125
Охочинская слобода — 142, 152, 153

П

- Падары (терекеменцы) — 127
Параул, с. — 89, 216, 217, 235, 244, 292
Параул-озень, р. — 238
Париж — 34
Пашцаг — 246
персиане, персияне, персы — 59, 113, 124, 125, 147, 208
Персия — 34, 39, 53, 54, 57, 58, 100, 159, 183, 262, 269, 270, 272, 296
Персидские земли — 54, 59
Персидское царство — 54
Петербург — 185
племя «персское» — 63
Пилек, с. — 198
Пирбай, дер. — 42
Пирескательская цепь (горы) — 52
половцы-кипчаки — 81
Порта — 230, 243
Предкавказье — 132, 133
Прикаспий — 89
Прикаспийская низменность — 107
Прикаспийская равнина — 97
Прикаспийский Дагестан — 65, 80, 290
Прикаспийский край — 17
Приморская низменность — 50, 108
Приморский Дагестан — 218
Присулакская низменность — 50
Пхярчхошка — 143, 148
Пхярчхоевское об-во — 177
пхярчхоевцы — 141, 142
Пхярчхой — 141, 143
Пхярчхошка-Аьккха — 106, 143
Пшавохевсуретия — 61

Р

- Ратлу-Ахвах — 197, 200, 280
Ратлу, Ратлуб — 289, 290
Рацана (вершина г.) — 62
Республика Дагестан — 138, 170
Ригитль — 296
Риквани, с. — 279
Рис-ор, общ. — 200, 225, 295

- Рича («Рыча»), с. — 79, 198
Рогочинское об-во — 299
Российская империя — 59, 212, 252
Россия — 5, 26, 34, 36, 37, 39, 57, 69, 99, 100, 101—103, 111, 113—115, 118, 123, 136, 157, 161, 166, 168, 183, 186, 189, 204, 205, 210, 211, 218—221, 233, 243, 245, 246, 252, 253, 262, 270, 273—276, 291, 296—298, 304.
россияне — 50, 111, 121, 261.
Ругельда, с. — 280, 291, 304
Ругуджа, с. — 280
русские — 30, 66, 70, 72, 112, 122, 125, 135—138, 141, 148, 152, 161, 165, 168, 186, 187, 273, 302
Русское государство — 53, 101, 102
русы — 113
Рутул — 59, 78, 92, 95
Рутульское владение — 65
рутульцы — 67, 76, 78, 79, 224

С

- Сабакинусхеви, ущ. — 281
Сабанай-аул (квартал Аксая) — 183
Салаватский перевал — 52
Салатавия — 20, 31, 277, 278, 289
Салатавские горы — 109, 146
Салатавский округ — 170
Салатавский союз — 94, 170, 277, 289
Салатавский хребет — 277
салатавцы — 65, 172, 213, 278, 290
Салатау — 51, 278
«Салатой», об-во — 172
Салта, с. — 228, 280, 291
Салтинское ущелье — 51
Сали, р. — 278
Салух-Даг — 284
Сал-юрт — 143
Сальян — 274
Самур, р. — 50—52, 55, 56, 61—65, 73, 76, 78, 89, 97, 228, 286, 301
Самурская долина — 14, 52, 56, 60, 64, 84, 94
Самурский округ — 16
Санакари, с. — 287
Санджи, с. — 286
Санкт-Петербург — 36

сарацины — 112
Сарматия — 131
Сасан — 131
Саситлинский с. с. об-в — 281.
Св. Крест, крепость — 20, 43, 44, 89, 102, 111, 118—122, 142, 161, 166, 183, 185, 189, 211, 215, 220, 297
Северная Осетия — 131, 133, 156
Северный Азербайджан — 224, 229, 230, 232
Северный Дагестан — 6, 16, 23, 48, 59, 62—66, 80, 82, 97, 105, 107, 108, 112, 113, 125, 127, 134, 138, 139, 156, 167, 172, 186, 195, 213, 234, 300—304
Северный Кавказ — 28—30, 37, 49, 50, 54, 82, 99, 105, 106, 113—115, 121, 129, 132, 134, 135, 139, 145, 148, 152, 156, 161, 166, 173, 175, 187—190, 204, 291, 304
Северо-Восточный Дагестан — 129, 224
Северо-Восточный Кавказ — 20, 77, 106, 115, 130, 156, 173, 175, 188, 190
Северо-Западный Дагестан — 166.
северокавказская равнина — 129
северокавказские народы — 161
Северокавказский регион — 129
«Село аккинцев» (Аьккхий-эвла) — 143
«Село жумыков» (ГПумкий-эвла) — 143
Сергокалинское плато — 51
«Сибирь» — 220
Сивух, с. — 278
Сику, с. — 183
Сильда, с. — 281
Сильдинский с. с. об-в — 281
Сирахи, с. — 200
Сиргинский «округ» — 284
Сирия — 129, 132, 133
Скифы — 81
Сивух — 143, 278
Согратль, с. — 18, 280, 304
«соды», сады — 139
СНГ — 36
СССР — 5, 112, 134, 302
Средний Восток — 99
Средний Дагестан — 6, 16, 20, 48, 63—66, 80, 191, 193, 222, 245, 251, 257, 262, 267, 277, 283, 296, 299—304
Средняя Прорва — 110
Ставрополье — 136
Старый Аксай — 184

Старый Терек — 110, 182
«Страна дагестанского падишаха» — 53
«Страна Лакз» — 74
«Страна Табасаран-шах» — 74
Сувук-Пуршумук — 149
«Судакер» (Цудахар) — 42
Сулак — 42, 44, 50, 51, 64, 65, 107, 109—111, 118, 119, 130, 143, 146, 166, 178—180, 184, 185, 187, 191, 209, 210, 213—216, 218, 221, 277, 301—303
Сулак Малый — 110
Сулакский каньон — 51
Сулако-Самурские горы — 52
Сулевкент, с. — 270, 291
сулевкентцы — 270
Сумбат, с. — 205, 226
Сунджа, Сунжа, Сунша — 54, 55, 57, 82, 114, 134, 138, 144, 149—152, 157, 158, 163, 166, 179, 303
Сунженская долина — 158
Сунженский острог, городок — 168, 219
«Суншино городище» — 114, 153, 175
Султанья, город — 112
Сутабаджали (Сутбук) — 284
Сутбук, с. — 284
Сухи, с. — 226
Суях — 248
Сюрга, Сирга, «Сыргя» — 14, 16, 19, 102, 258, 282—285, 291, 293, 297
Сюргинский союз — 283, 284, 285, 293, 297
Сюргинский участок — 283
Сююнчи — 114
Сягли (Цугни) — 284

Т

Табаклю — 228
Табаристан — 74
Табасаран — 14, 16, 28, 30, 42, 44, 56, 59—61, 67, 74, 77, 78, 93, 95, 224, 225, 253, 255, 256, 258, 259, 273, 275, 287
Табасаранские горы — 65, 256
Табасаранский округ — 65
Табасаранский хребет — 65
Табасаранское кадийство — 64, 93
Табасаранское майсумство — 66, 76, 93, 104

табасанарар — 76, 76, 93, 104
табасаранцы — 24, 31, 61, 67, 73, 76—79
табасараншуй — 76
Тав, тау — 59
таваспары — 76
тавлины — 59, 210, 211
Тавлистан — 14, 59, 60, 62
«Тавли» — Тавлис — 59
гаджики — 218, 219
«такгистанцы» (дагестанцы) — 54
Таловка, р. — 110
«галы», «двалы» — 139
Танты, с. — 205, 228
Таркалы-Озень, р. — 172
Таркамт (Терекеме) — 259
Тарки — 16, 20, 23, 30, 34, 43, 44, 58, 87, 90, 91, 100, 101, 122, 166, 167, 171, 172, 174, 187, 193, 194, 197, 200, 207—212, 214—219, 236, 239, 259, 261, 262, 271, 292, 296, 297, 304.
Тарковское владение — 65, 211
Тарковское шамхальство — 14, 18, 60, 66, 80, 83, 93, 104, 106, 192, 207, 208—213, 216, 218, 219, 242, 244, 255, 277, 283, 285
тарковцы — 216
Тарумовский район — 105
Тарху — 95, 121
Татарская слобода — 115
татаро-монголы — 136
татарское племя — 80
татары — 54, 58, 68, 111, 112, 114, 120—122, 124, 125, 161, 183, 257, 259, 261
Татаюрт — 141
Татбури, с. — 197
таты — 34, 112, 125
Таулистан, Тавлистан — 22, 59
Таулинцкие горы — 54
таулинцы — 283
Таустан (М. Кабарда) — 53
Таусултан — 209
Таш — 282
Ташли — 95
Тванус — 248
Тебелн — 95, 289
тезики — 125
Телетль — 18, 280, 290, 304
Темираул — 127, 145

Темир-кую — 127
Теребах, р. — 256
Терекели — 258
Терекеме — 258, 259, 264
Терекемейская низменность — 51
Терекемейская «округа» — 258
Терекемейская равнина — 267
Терекемейские аулы — 274
терекемейские татары — 126
терекемейцы, терекеменцы, туркомины, таркама — 31, 39, 68, 126, 127, 161, 192, 257—261, 264, 302
Терек, р. — 29, 50, 53—56, 62, 82, 83, 88, 107—111, 113, 114, 116, 117, 120, 124, 126, 127, 161, 192, 257—262, 264, 302
Терекли-Мектеб, с. — 62
Терки, р. — 54, 166
Терки, Терку, кр. — 53, 115, 118, 119, 142, 166, 296
Терский городок — 112, 114—118, 151—153, 156, 160, 161, 168, 169, 174, 201, 211
Терско-Кумская низменность — 62
Терская крепость — 164
Терская область — 57
Терская слобода — 151
Терско-Сулакская низменность — 107, 108, 150
Терско-Сулакская равнина — 108, 162
Терско-Сулакский регион — 105
Терско-Сулакское междуречье — 30, 106, 107, 109, 128, 134—141, 144—147, 156, 158, 161, 162, 165, 166, 180, 181, 186—188, 190, 194, 301, 302
Технуцал, об-во — 197, 280, 295, 298
Тидиб, с. — 196
Тилитли — 280
Тименка, р. — 53
Тиндал — 205
тиндалы («идаран гекна») — 66, 69, 299
Тинди — 280
Тиндиб — 205
Тифлис — 250, 251
Тифлисская губерния — 53
Тлейсерух, об-во — 280, 282, 290
Тобен-аул (квартал Аксая) — 183
Тобот (р.) — 51, 251
Токуз-пара — 44
Томсуда, племен. наз-е — 281

Топли, с. — 184
Торкалы, Турколы — 185
Торкалы-Озень, р. — 213, 214, 217
ТорГал (Тарки) — 171
Тпиг, с. — 201
тпигцы — 202
Тукита, с. — 249
турки — 229, 273
туркоманы — 68, 260
Тумал — 205
Тумалал — 200
Тумен, с. — 191
Турция — 57, 100, 101, 113, 114, 129, 132, 133, 169, 220, 224, 243, 270, 296, 304
Турчи-Даг — 71, 222
Тухчар, с. — 148
Туш — 249
Тушетня — 280, 281
Тушинские горы — 52, 191
тушинцы — 280
Тхебель (Тхадоколо) — 282
Тюз-Мичик-Ич — 246
Тюмень-аул (квартал Аксая) — 183
Тюменское владение — 167
Тюменское княжество, ханство — 20, 127, 168, 169, 183
тюмены, тюменцы — 22, 27, 30, 127, 128, 161, 168, 302
тюменские татары — 168, 169
Тюмень-аул, Тюмень-авул — 168, 183
Тюмень, Тюменка, р. — 53, 114, 168
Тюменский городок — 114
Тюменский острог — 114
тюрки — 62, 67, 81
тюрки-кумыки — 81
тюрокские племена — 17

У

Уби-Хъажи-Отар — 144
Убуда (Обода), с. — 248
«Уезд Андрей или Ендрей» — 180
«Уезд Баршли» — 257
«Уезд Ирчамул» — 257

«Уезд Каракайдек» — 257
«Уезд Къутсе» — 257
«Уезд Мурр-ерг» — 257
Уллу-ая, с. — 283
Уллу-Гамри — 263
Уллучай, р. — 51, 286, 287
Уллучара, с. — 228
Улу-Казанищ — 214
Улусский магал — 93, 217
Умараджи, с. — 146, 155
Уна, с. — 198
Унзо, об-во — 60, 84, 289
Ункратлинская котловина — 52
Ункратль — 277, 280, 281
Унхада — 282, 287
Унцукуль — 215, 279, 289, 291, 294, 300
Унчукатль — 205
Ураги (Уран-али) — 284
Урада, с. — 196, 280, 289
Урали (УргIяри) — 284
Урари — 284
Ури (Урш) — 280
Урахи, с. — 285, 286, 289, 292
Урахинский с. с. о. — 281, 285, 286, 289
Уркарах — 287, 292
Уркарахское наибство — 261
Уркандаб, с. — 206
Уркат, г. — 294
Урмали — 284
Урма, с. — 218, 235, 236, 244
урус-мартановцы — 83
Урусай-Булак — 213
Урусхан-аул (квартал Аксая) — 183
Урцакали — 284
Усемикент, с. — 88, 263
Усиша, с. — 85, 102, 200, 205, 292, 217
Усишинский с. с. об-в. — 194, 197
усишинцы — 66
Утемыш, Утямыш — 43, 212, 255, 263
Утемышское владение — 85, 212, 220
Утемышское султанство — 80, 212, 266
утемышцы — 266, 273
Уцийн-Хъасте — 143

Уцми-юрт (Уцум-Эвла) — 144
Уцуми-Дарго, Уцуми Даргва, Уцми-Дарго — 257, 259, 284
Уч, Учинская коса — 215
Уцмийство — 259, 263, 266

Ф

Фартама, р. — 150

Х

Хабилал — 200
Хаджал-махи — 228, 289
Хадум-баш — 278
Хазалух — 248
Хазарское море — 56
Хазарский каганат — 148
«Хазу-кумыки», «Хаси-кумуки» — 43, 59
Хайдагская «округа» — 258
Хайдак — 200, 255, 262—267
хайдаки, хайтаки, кайтаки — 14, 42, 43, 59, 66, 210, 255
«Хайтацкий уезд» — 267
Халатаб-меэр, г. — 295
Халил-аул — 214
Халхалу, р. — 158
Хамамат-юрт — 141, 144
Хамур-Дарго — 259, 264, 282
Ханар — 228
Ханалук — 59
Хан-Магомед-кала — 275
Ханство Аварское — 192, 303
Ханство Мехтулинское — 192, 303
Харбук — 258, 270, 287
харбукцы — 270
Харахи — 294
Харачи — 294
Хасавюрт — 143, 148, 166
Хасавюртовский р-н — 170
Хассамекент — 146, 154, 155
хаси-кумухи — 226
Хасий-эвла — 143, 148
Хваршинский с. с. о. — 280

хваршины — 69
Хебелал — 205
Хели — 67
Хели-Пенджи — 67
Хербала, Хорбала, местн. — 61, 62
Херкес — 205
хешдеки — 113
Хиндалал (хиндатли) — 279
Хиндахская котловина — 51
Холханау, Холхан, р. — 158
Хири, с. — 281
Хиря, об-во — 279
Хпюкдере — 79
Хуанал (Капуча) — 282
Хубар, «Кубар», с. — 278
Худат, креп. — 232, 274
Худаш, с. — 214
Худуц, с. — 286
Хузал — 248
Хукал, квартал Кумуха — 86
Хула-тавли — 284
Хулусма — 206
Хумз — 200
Хумзак — 241
Хуна, с. — 228
Хунзах — 30, 68, 92, 239, 248, 250, 251, 253, 281, 292, 304
Хунзахское плато — 51, 245, 251
Хурукра — 228
Хурхи — 226
Хуршни — 284
Хусрахи — 200
Хуцари (Уцари) — 259
Хучада — 196
Хушетский с. с. о. — 281

Ц

Цагайки (цахуры) — 79
Цанак, с. — 67
Цантаб, гора — 205
Цатаных — 249

Цартаных — 248
Цахе-Диди, кр. — 281
Цахур, Сахур — 34, 42, 86, 198
Цахурское султанство — 64
цахуры (цахури) — 24, 30, 67, 73, 76, 78, 79, 95, 198, 289
Цез — 280
цезы — 20, 24, 66
Центральный Дагестан — 6, 69, 71, 195, 222
Центральный Кавказ — 139
Цизгари, с. — 285
Цимильхали — 284
Цинит, с. — 196
Цирхе — 286
Циша — 226
Цори, об-во — 152
Цубуд, с. — 181
Цугни, с. — 284
Цудахар («Судакер») — 92, 98, 200, 205, 251, 283, 289, 291, 296, 304
Цудахарский с. с. об-в. — 194, 197, 282, 291, 292
«Цудахария» — 31
цудахарцы — 66, 214
Цудурский пер. — 52
Цунта — 95, 228, 280
Цунта—Ахвах — 280

Ч

Чаберлой — 135
Чабрило — 150
Чагар-аул, квартал Аксая — 183
чагатайцы — 113, 147
Чагах — 246
Чагры — 287
Чамалал, об-во — 196, 197, 200, 205, 280, 291, 295
чамалалы («чама-ига») — 66, 67, 69, 197
Чантой (Чантой-Эвла) — 143
Чанты-Аргун, р. — 154
Чапаевское, с. — 143, 147
«Чар» — 18
Чедрух, с. — 226
Чергез-аул, квартал Кизляра — 124

Черкас-озень, р. — 217
Черкесская слобода — 114
Черкесстан — 209
черкесы — 60, 112, 113, 124, 125, 147, 151, 167, 174
Черкессия — 193
Черные горы — 82
Черный Кайтаг — 259
Чечено-Ингушетия — 131, 139, 149
Чечено-Ингушская АССР — 151
Чеченская земля — 61
Чеченская область — 82
Чеченская Республика Ичкерия — 128, 132, 133, 146, 147
«Чеченская Республика» — 133
Чеченский магал — 170
Чеченский округ — 135
чеченское племя — 134, 135, 136, 138, 152
чеченцы-аккинцы — 128, 129, 133, 152, 159, 161, 201, 215
чеченцы горные — 150
Чечень-аул — 137
Чечен-тала — 246
Чечень, о-в — 108, 144
чеченцы мирные — 150
чеченцы — 60, 66, 82, 84, 94, 112, 125, 126, 128, 130—138, 144—147, 149—159, 161, 165, 181, 182, 184, 195, 246, 302, 303
Чечня — 28, 38, 64, 129, 130, 135, 136, 138, 144, 149, 157, 158, 161, 166, 184, 195, 228, 246, 251
Чечня Большая — 83, 138
Чечня Малая — 83, 138, 184
Чиги, с. — 220
Чин-меэр — 251
Чирах, с. — 70, 286, 287
Чирахское ущелье — 73
Чирах-чай, р. — 97
Чирката — 215, 278, 289, 294
Чиркей — 145, 159, 250, 278, 290, 303
чиркеевцы — 289
Чиркейский каньон — 51
Чир-юрт, с. — 69, 159, 170, 172—175, 278
Чоглы, с. — 235, 236, 241, 244, 292
Чонтаул — 127
Чонтой — 143
Чох — 18, 23, 228, 280, 296, 304

Чумчукат — 200
Чунту, с. — 145
Чючели, с. — 146, 155

Ш

Шаберлой, этнич. группа — 142
Шабет — 150
Шабран — 273
Шава — 141, 142
Шавдон, р. — 83
Шады — 285
Шам (Сирия) — 171
«Шамахийское» ханство — 230
Шамхальское владение — 63
Шамхальство — 168, 174, 202, 204, 206, 207, 210, 216, 250, 255, 279
Шамхальство Казикумухское — 142, 194, 303
Шамхальство Тарковское — 303
Шари — 287
«Шарой» — 141, 142, 144
Шарой-Мохк — 144
шаройцы — 141
Шатой — 129
Шеберлой-эвла — 142
Шевкальская земля — 202
Шеки — 275
Шекинская провинция — 61
Шекинское ханство — 62, 64
Шемаха — 224, 226, 229—231, 273
Шемахинская провинция — 217
Шемахинское ханство — 230, 254
«Шериф, деревня» — 89
Шехрибоне-Сарай (резиденция? шамхала) — 89
Шефи — 250
шилан — 77
Шиляги, с. — 287
Шиназ — 198
Ширван — 22, 56, 59, 65, 224, 226, 230, 232, 255
Ширдой-Глала — 143
Ширкулаламская «округа» — 258
Ширча-Аьккха — 106, 141, 143
Ширча-юрт — 140, 143, 148

Шиферный хребет — 150
Шишка, г. — 52
Шовкра — 226, 228
Шодройское об-во — 298
Штутгарт — 34
«Шубгах шамхал», удел — 58, 59
Шубут — 195, 205
шумеры — 81
Шуну-даг — 51, 284
Шура — 214
Шура-озень, р. — 110
Шуркан, Шуркант, Шурган — 258, 259, 263, 264, 282, 286, 287

Э

Эк-илич — 248
эндиреевцы, эндерейцы, эндерийцы, эндирейцы — 126, 163—165, 167, 183, 188
Эндери, Эндирей, Андрей, Ендери — 22, 39, 41—43, 91, 100, 113, 116, 124—127, 143, 145—147, 149, 152, 154, 158, 163, 165—168, 170, 173—176, 178—181, 185, 187, 189, 220, 239, 246, 252, 292, 304
Эндирейское владение или ханство — 64, 125, 126, 151, 179—181, 186, 187, 189, 195, 301, 302
Эндиреевское княжество — 156
Эндреева деревня — 246
Энгельюрт — 50, 109
Эрпели, Ерпели — 213, 214, 216
Эрпелинское бийлиество, «Ирпили» — 80, 90
Эшме Дагестан, караван-сарай — 65
«Ээраш» — 142

Ю

Юго-Восточная Чечня — 130
южнодагестанцы — 74
Южный Дагестан — 6, 20, 26, 48, 59, 60, 63, 65, 66, 68, 72, 73, 75, 76, 86, 88, 222, 229, 304
Юрт-Аух — 148
Юрт — 145, 155

Я

Яллахцы — 224
Ялхорой — 154
Ямансу, р. — 151—153, 156, 158, 171,
Ямансув, Емансу — 108, 109, 110, 147
Ямсу — 147, 177, 181, 182
Янгикент — 150, 257, 263
Янгиюрт, Енгиюрт — 145, 213, 216
Яркхе (Куруш) — 143
«Яруса» (лакское наз-е аварцев) — 69
Ярухсу — 145, 155
Ярыксу — 42, 50, 108—110, 152, 154, 159, 163

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Предмет и задачи исторической географии (вместо введения)	7
Глава I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ	13
1. Литература	13
а) Вопросы исторической географии Дагестана в работах отечественных авторов	13
б) Труды на иностранных языках	32
2. Источники	35
а) Архивный материал и публикации	35
б) Кавказоведческие работы путешественников, участников научных экспедиций, военных и гражданских чиновников на Кавказе и в Дагестане	39
в) Карты как историко-географический материал	43
г) Адаы, топонимический и историко-этнографический материал как важнейший источник по исторической географии	45
3. Цели и задачи исследования	47
Глава II. ОБЩАЯ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДАГЕСТАНА	49
1. Географическое положение, территория и границы Дагестана. Географическое, этнотерриториальное и территориально-политическое деление	49
2. Население, его этнический состав, расселение, названия и численность	66
3. Основные тенденции историко-экономической и историко-политической географии	95

Глава III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРНОГО ДАГЕСТАНА 105

1. Физико-географические сведения о Северном Дагестане	107
2. Историческая география населения Северного Дагестана	112
3. Вопросы исторической географии хозяйства Северного Дагестана	161
4. Историческая политическая география Северного Дагестана	167
а) Тюменское княжество (конец XVI — первая четверть XVII в.)	167
б) Эндирейское владение (XVII — нач. XIX в.)	169
в) Аксаевское владение (конец XVII — нач. XIX в.)	181
г) Костиковское владение (конец XVII — нач. XIX в.)	184
д) Основные политические события в регионе в XVII — начале XIX в.	187

Глава IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СРЕДНЕГО ДАГЕСТАНА 191

1. Общие историко-географические сведения о Среднем Дагестане	191
2. Историческая география феодальных владений Среднего Дагестана	193
а) Казикумухское шамхальство (конец XVI — первая половина XVII в.)	193
б) Тарковское шамхальство (вторая половина XVII — нач. XIX в.)	207
в) Казикумухское ханство (конец XVII — нач. XIX в.)	222
г) Мехтулинское ханство (сер. XVII — нач. XIX в.)	234
д) Аварское ханство (XVII — нач. XIX в.)	245
е) Кайтагское уцмийство (XVII — нач. XIX в.)	255
3. Историческая география союзов сельских общин	276
Заключение	300
Список сокращений	306
Именной указатель	308
Указатель географических и этнических названий	323

*Багомед Гадаевич Алиев,
Магомед-Салам Курбанович Умаханов*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ДАГЕСТАНА
XVII — нач. XIX в.
Книга I

Сдано в набор 11.01.99. Подписано в печать 17.03.99. Формат 60x84 1/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Уч.-изд. л. 23. Усл. печ. л. 21,47. Тираж 500. Заказ 45.

ЛР № 040945
 Издательство типографии Дагестанского научного
 центра РАН

Типография Дагестанского научного центра РАН
 367015, Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

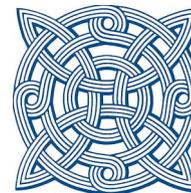
instituteofhistory.ru

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
28	2-я сн.	Гаджиев С.Ш.	Гаджиева С.Ш.
30	11-я св.	XV – нач. XIX вв."	XVIII – нач. XIX вв."
30	6-я св.	грузин	грузин
32	17-я сн.	изданных	изданных
32	8-я сн.	London, 1762. VI. 2	London, 1762. V. 1-2;
33	19-я св.	Reisebeischreiber	Reisebeschreiber
33	20-я св.	Weimar, 1809;	Weimar, 1808;
33	24-я св.	den Flussen	den Flüßen
36	18-я сн.	РИАСПб	РГИА СПб
39	5-я сн.	отношения	отношения
51	11-я сн.	на 18 км;	на 18 км),
61	21-я св.	именная	именная
72	7-я сн.	Бутаев В.	Бутаев Б.
75	16-я сн.	всякого	всякого
86	1-я св.	Ибрагим-Хана	Ибрагим-хана
102	1-я сн.	Материалы...	Материалы... Ч. I.
110	4-я сн.	Махачкала	Махачкала
114	4-я сн.	Указ, соч, С.	Указ. соч. С.
116	16-я сн.	с Аварским князем	с аварским князем
127	19-я сн.	существует	существует
132	9-я сн.	Ногайские степи,	Ногайской степи,
134	17-я св.	ее нынешней части	части нынешней Чечни;
141	4-я св.	"присходит... от	"происходит... от
142	21-я св.	"Второе спорное	"Второе опорное
—	19-я сн.	называется	называлось
—	17-я сн.	Казьмаул	Казьмаул
—	15-я сн.	пхьарчкоевской	пхьарчкоевской
—	12-я сн.	Шабарлой	Шебарлой
—	12-я сн.	"Шебарлой-Эвла"	"Шебарлой-Эвла"
143	9-я св.	пхьарчкоевских	пхьарчкоевских
—	21-я св.	пхьарчкоевских	пхьарчкоевские
—	14-я св.	Казьмаул	Казьмаул
—	17-я св.	Накке	Накке
—	17-я сн.	Калинин-Аул,	Калинин-Аул),
—	22-я св.	тейповый	тайповый

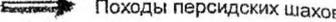
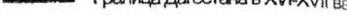
144	15-я сн.	в середине	к середине
158	18-я сн.	с беспрестанным	и беспрестанным
—	10-я св.	рек, "рост	рек", рост
—	15-я св.	... а когда	"а когда
159	5-я св.	Акташа	Агташа
—	18-я сн.	Чириюрт	Чириюрт
164	3-я сн.	6. Там же. С. 70	8 Там же. С. 70
171	20-я сн.	межд	между
181	23-я св.	анреевские	андреевские
185	15-я св.	1732 г.	1742 г.
—	20-я св.	1756 году	1759 году
188	18-я сн.	1659-1669 г.	1659-1660 г.
194	17-я сн.	владений уцмня Кайтагского и от Каспийского моря на запад до уцмня Кайтагского	Терско-Сулакского владения, в том числе Терско-Сулакского
—	13-я сн.	уцмня Кайтагского	междуречья, все лак-уцмня кайтагского
202	3-я св.	шамахан	шамхан
213	14-я св.	насс-	насе-
219	13-я св.	завершившимся	завершившемся
228	16-я сн.	как:	как:
242	9-я св.	по расписке	по распашке
—	12-я св.	дымов	дыма
251	18-я св.	имеющих	имеющим
—	9-я сн.	в чечевицу	и чечевицу
254	21-я сн.	азарский	аварский
255	5-я св.	политику	политику
260	8-я сн.	Эвклинского	Эвксинского
263	1-я св.	Э. Челеби	у Э. Челеби
—	14-я сн.	окол 500	около 500
268	20-я св.	"самошними	"тамошними
282	4-я сн.	: Дис... канд. ист. наук, Махачкала, 1966.	Махачкала, 1972.
286	5-я св.	уцмня Кайтагского	уцмня кайтагского
—	18-я св.	имевших	имевшие
294	20-я сн.	установленному	установленным
295	9-я св.	"бывшими данниками	бывшими "данниками
302	3-12-я сн.	суверенизации	суверенизации

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

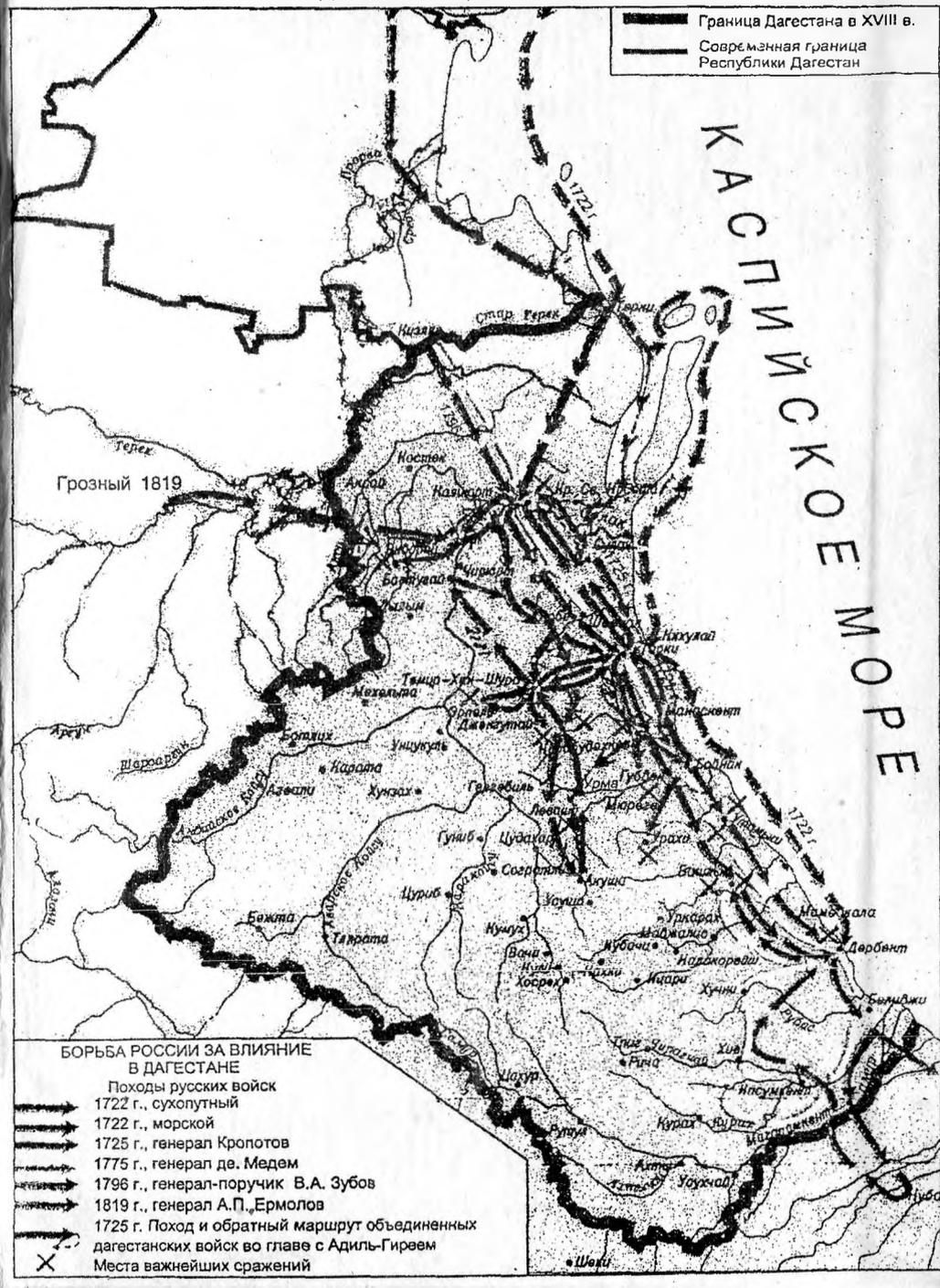
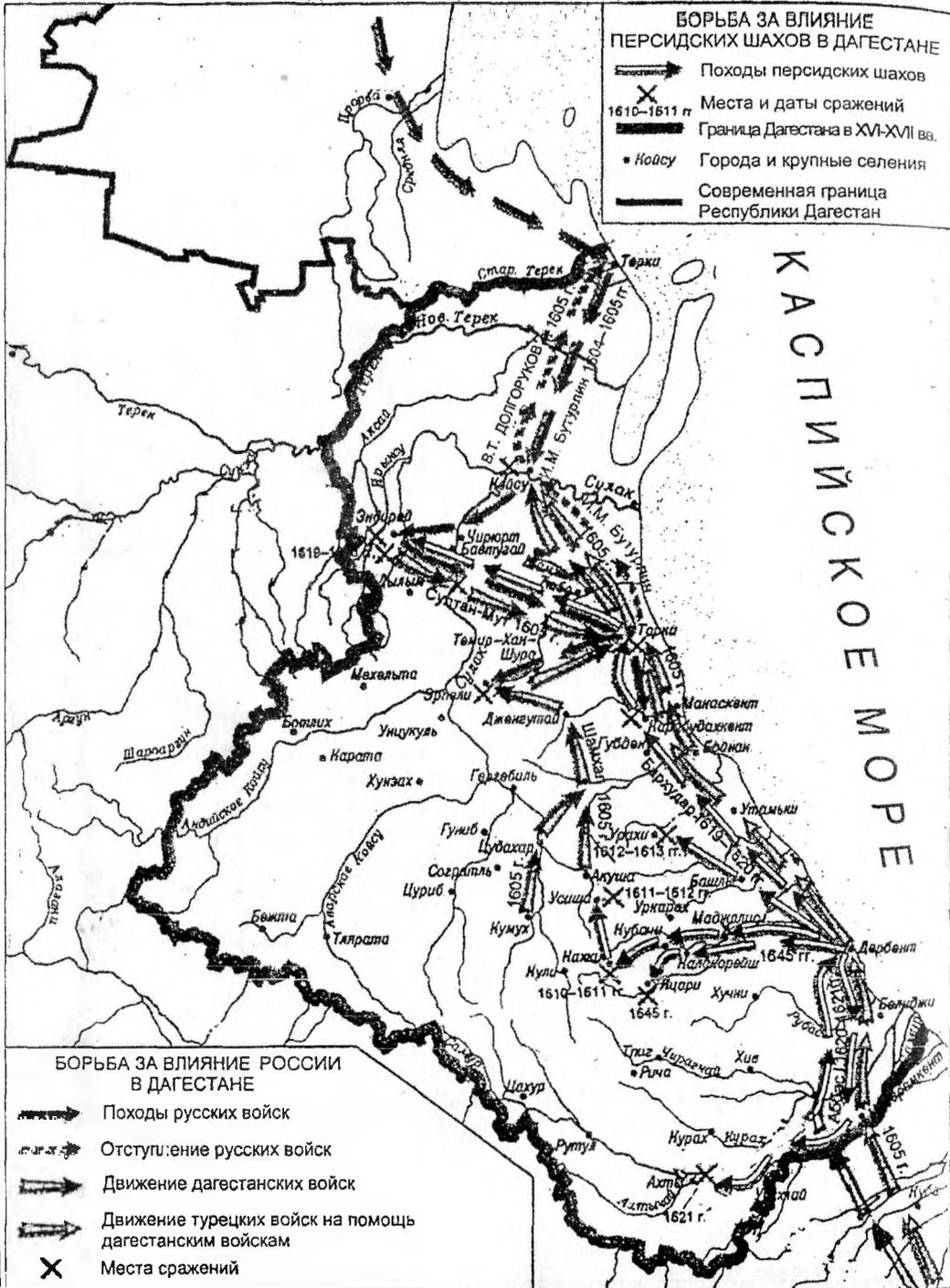
instituteofhistory.ru

БОРЬБА ЗА ВЛИЯНИЕ ПЕРСИДСКИХ ШАХОВ В ДАГЕСТАНЕ

- Походы персидских шахов
- Места и даты сражений
- Граница Дагестана в XVI-XVII вв.
- Кайсу
- Современная граница Республики Дагестан

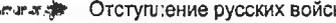
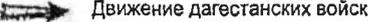
 Граница Дагестана в XVIII в.

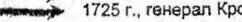
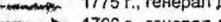
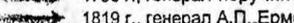
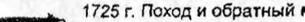
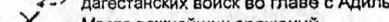
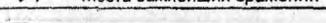
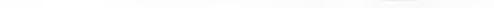
 Современная граница Республики Дагестан

БОРЬБА ЗА ВЛИЯНИЕ РОССИИ В ДАГЕСТАНЕ

БОРЬБА РОССИИ ЗА ВЛИЯНИЕ В ДАГЕСТАНЕ

- Походы русских войск
- Отступление русских войск
- Движение дагестанских войск
- Движение турецких войск на помощь дагестанским войскам
- Места сражений

- Походы русских войск
- 1722 г., сухопутный
- 1722 г., морской
- 1725 г., генерал Кропотов
- 1775 г., генерал де Медем
- 1796 г., генерал-поручик В.А. Зубов
- 1819 г., генерал А.П. Ермолов
- 1725 г. Поход и обратный маршрут объединенных дагестанских войск во главе с Адиль-Гиреем
- Места важнейших сражений